БЕЗ ПРАВА НА СЛАВУ, НО СЛАВУ ДЕРЖАВЕ!

КОМАНДОС

«АЛЬФА» — СМЕРТЬ ТЕРРОРУ

Михаил БОЛТНОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

О российских командос написано немало. Благо есть о чем писать. От штурма дворца Амина до освобождения заложников в `Норд-Осте` - таков славный путь наших спецназовцев. Полковник Михаил Болтунов правдиво и занимательно рассказывает в своей новой книге о деятельности самого знаменитого и заслуженного подразделения специального назначения - легендарной `Альфе`. Книга написана эмоционально - автор не понаслышке знаком с `альфовцами`, их тяжелой службой и героическими делами. Возможно, именно поэтому она читается на одном дыхании.

- Михаил Болтунов
  -
  - АЛЬФА -СМЕРТЬ ТЕРРОРУ
    - К ЧИТАТЕЛЮ!
    - «ФИЛОСОФИЯ БОМБЫ»
    - ПРИКАЗ НОМЕР ОДИН
    - ЛИХА БЕДА НАЧАЛО
    - «ПОМЕНЯЛИ ХУЛИГАНА НА ЛУИСА КОРВАЛАНА»
    - КТО ВЫ, ВЛАСЕНКО?
    - ПРОСЬБА АФГАНСКОЙ СТОРОНЫ…
    - БОЙЦЫ ДЛЯ «ЗЕНИТА»
    - ПРАВАЯ РУКА «ВЕЛИКОГО УЧИТЕЛЯ»…
    - ВРЕМЯ «Ч»
    - СПЕЦЗАДАНИЕ ПОЛКОВНИКА БОЯРИНОВА
    - НУЖНЫ ЛУЧШИЕ ИЗ ЛУЧШИХ
    - ВДОВЬЯ ДОРОГА
    - «ГОВОРИТЬ ВСЕ, КРОМЕ ПРАВДЫ…»
    - «ВОСТОК - ДЕЛО ТОНКОЕ»
    - «В СЕМЬ ПЯТНАДЦАТЬ НАЧАЛО…»
    - «ТОГДА СЧИТАТЬ МЫ СТАЛИ РАНЫ…»
    - ГЛАВНОЕ СВЕРШИЛИ…
    - КОВАЛЕНКО ИЗ СКЛИФА
    - «Я В ВЕСЕННЕМ ЛЕСУ ПИЛ БЕРЕЗОВЫЙ СОК…»
    - ПЕРВЫЙ ГЕРОЙ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ
    - ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ КАБУЛА
    - «АЛЬФА» НА ОЛИМПИАДЕ-80
    - ПРОВАЛ ОПЕРАЦИИ «ОРЛИНЫЙ КОГОТЬ»
    - ПРАВО НА ОШИБКУ
    - «НЕУД» ДЛЯ БОЙЦА АНТИТЕРРОРА
    - «ВОЙНА, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРАТЬ…»

- КРОВАВАЯ «СВАДЬБА» В ТБИЛИСИ
- СОЛОМОНОВО РЕШЕНИЕ ПРОКУРОРА
- ДРУГ ПО КЛИЧКЕ ДЖЕК
- ЗАЛОЖНИКИ ИЗ 4-го «Г»
- НЕВОЛЬНИКИ ПРИКАЗА
- «СЕМЬ СИМЕОНОВ»
- САРАТОВСКИЕ ЗАЛОЖНИКИ
- «КАХЕТИНСКОЕ» ДЛЯ «АЛЬФЫ»
- КОГО СПАС ЛЕЙТЕНАНТ ВИКТОР ШАТСКИХ?
- КАК «АЛЬФА» НЕ ВЗЯЛА ЕЛЬЦИНА
- А НАУТРО ОН ПРОСНУЛСЯ… ПРЕЗИДЕНТОМ
- «МЫ НЕ ПАЦАНЫ ИЗ СПЕЦНАЗА…»
- «ПОКАЗАЛОСЬ, ПРИШЛИ ФАШИСТЫ…»
- «АТАКА ЗАХЛЕБНУЛАСЬ»
- КАК ОТПУСТИЛИ БАСАЕВА
- КОНЕЦ БАНДЫ «НЕУГОМОННЫХ»
- В ГОСТЯХ У ОТРЯДА «47»
- «ДЕТОНАТОРЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ…»
- ПОБЕДЫ И НЕУДАЧИ СПЕЦНАЗА
- ТЕРРОРИСТЫ ХОДЯТ ПО ЗЕМЛЕ
- БОЙ У ПЕРВОМАЙСКОГО
- МОСКВА. ШЕРЕМЕТЬЕВО-1
- «ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН» ГРУППЫ «А»
- «ОВОДЫ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ»
- СЛОВО О ПАВШИХ
- «ВЫ СПАСЛИ ЧЕСТЬ РОССИИ…»

Михаил Болтунов

АЛЬФА -смерть террору

О российских командос написано немало. Благо есть о чем писать. От штурма дворца Амина до освобождения заложников в `Норд-Осте` - таков славный путь наших спецназовцев. Полковник Михаил Болтунов правдиво и занимательно рассказывает в своей новой книге о деятельности самого знаменитого и заслуженного подразделения специального назначения - легендарной `Альфе`.

Книга написана эмоционально - автор не понаслышке знаком с `альфовцами`, их тяжелой службой и героическими делами. Возможно, именно поэтому она читается на одном дыхании.

АЛЬФА -СМЕРТЬ ТЕРРОРУ

К ЧИТАТЕЛЮ!

Это книга о страшной напасти человечества - терроризме.

Он не за далекими горами, синими лесами. Он на пороге вашего дома. Внимательно вглядитесь в его жуткое лицо.

Колокол терроризма звучит по каждому из нас.

Эта книга о последней силе, что противостоит террору. О лучших людях России, о донкихотах наших дней.

Эта книга не детектив, не развлекательное чтиво о фантастических похождениях российских Рэмбо. Она - о солдатах антитеррора. О горьком их хлебе. О пуле террора, пущенной в спину России.

Задумайтесь, если близок вам ваш дом, семья, дети. Спросите себя в эту непростую для Отечества минуту: если завтра не будет этих донкихотов, кто спасет нас?

Террор жесток и кровав. Но всегда на его пути встают ребята в черных беретах с буквой А.

«Альфа»… Легендарное, суперсекретное подразделение антитеррора. История ее удивительна.

Переворот в Кабуле и обмен Луиса Корвалана на диссидента Буковского, охрана афганского лидера Бабрака Кармаля и штурм мятежного сухумского изолятора, захваченного преступниками, гражданский подвиг у стен Белого дома и освобождение заложников в «Норд-Осте».

«Альфа»… Мощная, мобильная, высокопрофессиональная группа специального назначения. История ее необычна. Она пережила годы секретности и забвения, годы любви и ненависти. Ею гордились и ее боялись. Бойцов и командиров группы «А» называли «профессиональными убийцами» и «душителями свободы». А они просто были сыновьями Отечества.

Они гибли в борьбе с террором ради нас с вами. Ради жизни на Земле.

«Альфа» - наша гордость, наше национальное достояние.

«ФИЛОСОФИЯ БОМБЫ»

Досье «Альфы»

Терроризм - это ненависть. Человека к человеку. Человека к человечеству.

Терроризм назвали «чумой XX века». Есть все основания полагать, что этот диагноз, увы, не изменится и в нынешнем столетии.

Терроризм стар как мир. Еще в I веке нашей эры в Иудее действовала секта сикариев (сика - кинжал или короткий меч), уничтожавшая представителей еврейской знати, сотрудничавших с римлянами.

Еще Фома Аквинский и отцы христианской церкви допускали идею убийства правителя, враждебного, по их мнению, народу.

В Средние века представители мусульманской секты ассошафинов убивали префектов и калифов. В эти же времена политический террор практиковали некоторые тайные общества в Индии и Китае.

В 1848 году немецкий радикал Карл Гейнцен доказывал, что запрет убийства неприменим в политической борьбе и что физическая ликвидация сотен и тысяч людей может быть оправдана, исходя из «высших интересов человечества». Гейнцен явился в какой-то мере основоположником теории современного терроризма. В его работах можно найти немало идей, созвучных идеологическим воззрениям сегодняшних террористов.

Он считал, будто силе и дисциплине реакционных войск нужно противопоставить такое оружие, с помощью которого небольшая группа людей может создать максимальный хаос. И здесь Гейнцен надеялся на отравляющий газ, ракеты, а также требовал поиска новых средств уничтожения. Это и есть так называемая «философия бомбы», которая появилась в XIX веке, хотя ее корни уходят к оправданию тираноубийства в греческой истории.

Концепция «философии бомбы» получила дальнейшее развитие и углубление в «теории разрушения» Бакунина. В своих работах он отстаивал мысль о признании лишь одного действия - разрушения. В качестве средств борьбы предлагал яд, нож и веревку.

Революционеры, считал Бакунин, должны быть глухи к стенаниям обреченных и не идти ни на какие компромиссы, что

русская почва должна быть очищена мечом и огнем.

Доктрина «пропаганды действием» была выдвинута анархистами в 70-е годы XIX века. Суть ее в том, что не слова, а только террористические действия могут побудить массы к давлению на правительство. Эта же мысль проходит позднее и у Кропоткина, когда он определяет анархизм как «постоянное возбуждение с помощью слова устного и письменного, ножа, винтовки и динамита».

К концу XIX века особая роль в пропаганде терроризма в Европе и США принадлежит Иоганну Мосту, который проповедовал «варварские средства борьбы с варварской системой».

Терроризм становится постоянным фактором общественной жизни со второй половины XIX века. Его представители - русские народники, радикальные националисты в Ирландии, Македонии, Сербии, анархисты во Франции 90-х годов, а также аналогичные движения в Италии, Испании, США.

До Первой мировой войны терроризм считался орудием левых. Но, по существу, к нему прибегали индивидуалисты без политических платформ, а также националисты не только нелевых, социалистических ориентаций.

С окончанием войны терроризм на свое вооружение взяли правые. Национал-сепаратисты и фашистские движения в Германии, Франции, Венгрии, «Железная гвардия» в Румынии. Крупнейшими терактами того времени были политические убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург в 1919 году, югославского короля Александра и французского премьер-министра Барту в 1934 году.

В основе этих движений лежат разные идеологические платформы, но фактически и те, и другие руководствуются положениями доктрин «философии бомбы» и «пропаганды действием».

Наступил век XX. Увы, ничего не изменилось в природе терроризма. Более того, терроризм теперь приобрел спектр самых разнообразных явлений, начиная от политических убийств и кончая массовой гибелью людей в пламени гражданской войны.

И если для русских народовольцев, первомартовцев, эсеров совершение терактов, безусловно, самопожертвование, самоуничтожение для блага общества, то для «красных бригад» - акт самоутверждения. «Красный терроризм» и «черный» фашистского, неонацистского толка недалеко отстоят друг от друга и мало что имеют общего с теми терактами, которые совершали, например, народовольцы. Ибо у этого терроризма одна вожделенная цель: захват власти. Ни о каком «благе

общества» тут не может идти речь.

В XX веке произошел перенос терроризма на государственный уровень, чего человечество прежде не знало. Террористическое государство «давило» своих граждан беззаконием внутри страны, заставляло их постоянно ощущать свое бессилие и слабость. Оно не меняло поведения и за пределом своих границ, в мировом сообществе. Фашистская Германия на глазах у всех растоптала Польшу. Был дан урок всей Европе, да и миру. И - о чудо! - многие поспешили проявить лояльность к соседу бандиту! Что поделаешь, если бандит силен?

Сегодня бандитская традиция вошла в силу во многих уголках бывшего СССР. Попытка насилием добиться своих, даже самых благородных целей новый дикий росток на древе государственного терроризма. И самое страшное, что росток быстро набрал силу - в войны были втянуты Армения, Азербайджан, Осетия, Молдова, Грузия. До сих пор звучат взаимные претензии и угрозы на государственном и правительственном уровнях. Да, терроризм многолик.

Распад крупнейшей «атомной» державы - Советского Союза обострил проблему расползания ядерного оружия, а значит, возможность появления ядерного терроризма. Следует отдавать себе отчет, что нынешние террористы - это не любители, бросающие в толпу самодельную бомбу, а высокоподготовленные профессионалы. Они умело используют последние достижения военной науки и техники.

За примером далеко ходить не надо. Рядом с окоченевшими телами террористов у поселка Первомайский было найдено современнейшее стрелковое оружие и телефоны спутниковой связи. Таков ныне уровень научно-технического оснащения террористических банд даже в нашей весьма небогатой стране.

Что на очереди? Ядерное, биологическое, химическое вооружение? Трудно сказать. Но предельно ясно одно - террористы еще со времен западногерманских боевиков Мейнхоффа вынашивают мечту - либо украсть, либо изготовить атомную бомбу.

В США на основе заключения одного из подразделений по предупреждению ядерного терроризма еще несколько лет назад был сделан вывод: создание примитивного ядерного устройства (несмотря на всю трудность его изготовления) вполне по силам террористической группировке, которая сможет использовать в работе трех-четырех серьезных специалистов.

Кстати говоря, Нью-Йорк еще в 1975 году пережил минуты атомного шантажа, когда городское руководство получило предупреждение от неизвестных лиц. В записке говорилось: «Нам

удалось спроектировать и построить атомную бомбу, она находится в тайнике на острове Манхэттен. Устройство будет взорвано в 6 часов вечера, если не будут выполнены наши требования передать нам 30 миллионов долларов мелкими, ничем не помеченными купюрами и разрозненных номеров».

Написанное можно было бы воспринять как шутку, если бы не чертеж, приложенный к записке: его сделал человек, хорошо знающий ядерную физику. Слава богу, за бутафорским свертком, подложенным взамен денег в условленном месте, никто не пришел. Но сама история наводит на весьма грустные размышления. Тем более что в Соединенных Штатах около 80 раз выдвигались угрозы применения ядерного оружия. Хотя в подавляющем большинстве они были ложными.

Размышляя о ядерном терроризме, нельзя не вспомнить и далеко идущие цели угандийского диктатора Иди Амина. Это он руководил ядерным заговором под названием «Операция «Покер», в ходе которого предусматривалось создание небольших атомных бомб, умещавшихся в обычном чемоданчике, и доставка их в угандийские посольства по всему миру с помощью дипломатов-убийц. Конечно, для создания столь миниатюрного ядерного устройства потребовались бы капитальные научные и инженерные знания, специалисты, которых Амин не имел. Но известно, что диктатор старался их найти. После падения режима Амина документы, обнаруженные в Уганде, поведали миру о зловещих планах маньяка.

Однако что нам далекая Уганда. На нашей территории, по существу, в нашем доме, с экранов наших телевизоров, чеченские террористы угрожали нам ядерным оружием. Таковы сегодняшние российские реалии.

Разумеется, ядерный терроризм - не единственное изобретение XX века. Ученые предсказывают возникновение в ближайшие годы экологического терроризма. Различные движения «зеленых» находятся на той черте отчаяния, когда возможен их переход к террору. Ведь у них нет других эффективных и признанных государственной системой средств воздействия на правительства и парламенты. Нет иной возможности заставить себя заметить и считаться с собой. Трудно сказать, какие формы обретет «зеленый террор», какие методы возьмет на вооружение, но приход его в нашу действительность вполне вероятен. Если ядерные преступники лишь мечтают о бомбе и угрожают мнимым оружием, а «зеленый террор» существует лишь в прогнозах экспертов, то воздушные бандиты давно перешли к делу. Их методы становятся с каждым годом все более изощренными, хорошо продуманными, отработанными.

По прогнозам экспертов Всемирного фонда авиационной безопасности, воздушный терроризм становится настоящим бедствием.

Некоторые наиболее пессимистично (а может, реалистично?) настроенные специалисты считают, что впереди у пассажирской авиации еще более тяжелые времена. Отечественная авиация не является исключением. Десятки случаев захватов самолетов - ярчайшее тому подтверждение.

Нападения на самолеты гражданской авиации, а также другие транспортные средства, их захват, угон и уничтожение остаются одной из самых распространенных и опасных форм терроризма.

Трагический день 11 сентября 2001 года показал, что террористами стали летчики-камикадзе, их оружием - самолеты, по сути, превращенные в летающие бомбы.

На этот раз изощренный ум террора переплавил воедино две страшные идеи - использование в смертельном ударе самолета как бомбы.

Однако, несмотря ни на что, у нашей страны есть не только сегодня, но и завтра. Вот оно, это светлое завтра, и несет нам неизвестную ранее разновидность терроризма - «информационный терроризм».

Первые проявления этой новейшей разновидности уже известны. Информационные террористы могут, к примеру, разрушить сети электропитания, уничтожить элементную базу, программные ресурсы, воздействовать на информацию с целью ее искажения, захватить каналы средств массовой информации и распространять дезинформацию, ложные слухи, активно подавлять линии связи, оказывать давление на разработчиков информационных и телекоммуникационных систем путем насилия, угроз, шантажа.

Это лишь некоторые приемы террористов XXI века, которые могут поставить целью вывод из строя всей информационной структуры государства или ее отдельных частей.

Информационное оружие, которым могут воспользоваться террористы, может быть физическим, программным, радиоэлектронным. Здесь и средства минирования и подрыва, радиоэлектронного подавления и разведки, установки помех, использование в своих преступных целях глобальной информационной сети Интернет путем внедрения программных вирусов, средств взлома защиты и проникновения в сети.

Прежде в условиях политической нестабильности, межнациональных конфликтов, экономической неразберихи нам было не до проблем информационного терроризма. Но жизнь заставила заняться этой проблемой вплотную.

Что касается непосредственно сегодняшнего дня, то теперь мы стоим на пороге новых испытаний - огромной волны политического терроризма. Уже гибнут парламентарии, журналисты, т.е. люди, занимающиеся политикой. Правоохранительные органы до сих пор не сделали ясного, четко обоснованного заключения по этим делам. Уголовные ли это преступления или политические?

Однако уже сегодня можно сделать однозначный прогноз: мы выползаем на «минное поле» политического терроризма. Надеяться на то, что фанатики от политики будут менее изощренными и жестокими, не приходится.

Задумывается ли об этом президент, парламент? Да, это беспокоит властей предержащих, они время от времени с газетных полос и экранов телевизоров объявляют войну преступности и терроризму.

Таков нынешний терроризм. Террористы, сомкнувшись в преступный, страшный караван, идут и идут. Гремят взрывы, рушатся дома… Каждый день кого-нибудь убивают, убивают, убивают…

Чем располагает сегодня государство в борьбе с терроризмом? Прежде всего, это Центр специального назначения ФСБ и его управления «А» и «В», более известные в народе, как группы «Альфа» и «Вымпел». «Альфе» в 2004 году исполнится 30 лет. Чего только не пережила она за эти годы - и десятилетия жесточайшей секретности и забвения, и пору проклятий, когда со страниц газет бойцов группы называли «душителями свободы прибалтийских народов», «выкормышами Андропова», «головорезами Крючкова».

Их рисовали нелюдями, доморощенными «терминаторами», без души и сердца. Когда якобы командир может перед строем запросто расстрелять своего подчиненного, а труп, завернув в рогожу, подбросить к зданию Телецентра.

Их заочно приговаривали к смертной казни. Пытались казнить без суда и следствия, выстрелами в спину.

Порою мне казалось, что страна сошла с ума. А горбачевская перестройка породила в рядах журналистов моральных уродов, «терминаторов» от прессы.

Даже август 1991 года, когда «Альфа» не пошла на штурм Белого дома, не пролила крови, не отрезвил журналистов. Группу «А» по-прежнему с яростью топтали.

Перелом произошел лишь в октябре 1993 года. «Альфа» совершила гражданский подвиг. Наступило прозрение. Бойцы группы стали чуть ли не национальными героями. А средства массовой информации, которые вчера на своих страницах лепили

страшный оскал головорезов КГБ, сегодня разглядели в них величественный облик спасителей Отечества.

К счастью, бурные процессы на страницах прессы имеют мало общего с внутренними, глубинными явлениями жизни и службы группы.

Нет, это не значит, что в подразделении не следят за прессой и равнодушны к тому, что пишут о них. Я убедился сам: в «Альфе» самое полное «собрание сочинений» журналистских опусов, посвященных группе. Но важно другое. Что бы о них ни писали - велеречивые оды или грязные фальшивки, эти люди почти тридцать лет одинаково хорошо, одинаково мужественно делают свое благородное дело. Дело спасения нас с вами от рук бандитов. Как поется в их неофициальном, но признанном всеми гимне: «Чтобы спасти людей, закроем их собой от пули озверевших террористов».

Иными словами, бойцы «Альфы» каждый день на войне. Вот уже тридцать лет.

Недаром в их рядах немало тех, кто имеет тяжелые и легкие ранения, увечья, контузии. Есть и погибшие. Геннадий Зудин и Дмитрий Волков были убиты при штурме дворца Амина в Афганистане. Виктор Шатских застрелен предательским выстрелом в спину в Вильнюсе. Виктор Кравчук расстрелян в упор из засады в Северной Осетии, Геннадий Сергеев умер от смертельной раны, полученной в Москве у Белого дома.

Владимир Соловов, Дмитрий Бурдяев и Дмитрий Рябинкин отдали свои жизни, спасая заложников, захваченных бандой террористов в больнице Буденновска.

Виктор Воронцов и Андрей Киселев погибли у поселка Первомайский в Дагестане, Анатолий Савельев - в Москве, защищая шведского дипломата, Николай Щекочихин, Михаил Марченко и Борис Курдибанский - в Чечне.

Недаром ни одно воинское подразделение не имеет такого созвездия наград, как «Альфа».

Генералы Геннадий Зайцев и Виктор Карпухин - Герои Советского Союза, младший лейтенант Геннадий Сергеев и полковник Анатолий Савельев - Герои России (посмертно). Сотни офицеров и прапорщиков награждены орденами. Это ордена Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, «За личное мужество», ордена Мужества, «За военные заслуги» и медали.

За годы своего существования группа антитеррора принимала участие практически во всех операциях по освобождению заложников на территории страны. Исключением являются лишь случаи, когда волей местных властей или руководителя оперативного штаба «Альфа» оказывалась на «скамейке

запасных». Именно эти случаи и заканчивались трагедией гибли заложники, лилась кровь.

Да, тридцать лет безупречного служения Отечеству принесли «Альфе» несомненный авторитет и уважение в народе.

ПРИКАЗ НОМЕР ОДИН

29 июля 1974 года председатель Комитета государственной безопасности Юрий Владимирович Андропов своей рукой написал приказ номер один о создании группы «А». Приказ был с двумя нулями, что значит «совершенно секретно», да еще и «особой важности». Предполагается такой уровень секретности, что первый приказ существовал в единственном, рукописном экземпляре. Его не отдавали на перепечатку даже самым проверенным машинисткам КГБ. О формировании группы в комитете знали буквально единицы людей, без участия которых никак нельзя было обойтись.

Новую группу решили создать в 7-м управлении КГБ СССР. Точнее, в службе охраны дипломатических представительств «семерки». Командовал в ту пору управлением генерал-майор Михаил Михайлович Милютин.

В октябре 1974 года на этом посту его сменил генерал Алексей Дмитриевич Бесчастнов. Вся тяжесть по вводу в строй подразделения антитеррора легла на его плечи.

Юрий Владимирович Андропов был весьма прозорливым человеком. Надо отдать должное - он первым почувствовал опасность терроризма. Тревожным звонком прозвучали мюнхенские события, когда на Олимпийских играх в Германии палестинские террористы расстреляли израильских спортсменов.

В те дни корреспонденты «Пари-матч» писали: «Эта маска, эта сатанинская тень, возникшая внезапно посреди олимпийских торжеств, как танцор, нарядившийся смертью на средневековых балах, - это, к сожалению, стало символом целой эпохи. Большой и зловещий праздник насилия… пришел к нам, он стал реальным кошмаром, когда на балконе под израильским флагом появился этот террорист в черном колпаке. 11 израильских заложников и их палачи умрут».

Председатель КГБ был хорошо осведомлен о тонкостях кровавой драмы в Мюнхене и не желал, чтобы «сатанинская тень» террора накрыла Москву или какой-либо другой город Советского Союза.

А тень эта уже маячила за горизонтом.

Нельзя сказать, что в те годы в Комитете госбезопасности недоставало хороших оперативников, отменных стрелков-снайперов, спортсменов. Но этого было мало. С терроризмом нельзя бороться временными, наспех сколоченными группами. На пути бандитов-профессионалов должны стать профессионалы антитеррора. Такова была главная мысль председателя КГБ, когда

он формировал первую в нашей стране группу, известную ныне как «Альфа».

Подразделения антитеррора в ту пору лишь зарождались. Известно было, что несколько школ по борьбе с терроризмом имеет Израиль, да в Западной Германии существует так называемая ГСГ-9.

Израильтяне после захвата террористами самолета в 1968 году уже больше не позволяли никому угонять свои самолеты. Их инструкторы были весьма популярны в мире. Они работали в Парагвае, Гватемале, Сальвадоре, Тайване.

О ГСГ-9 - сведений самый минимум. Только то, что подразделение входит в состав командования пограничной охраны и подчиняется лично министру внутренних дел. Решает задачи по пресечению тяжких преступлений, связанных с убийством, взятием в заложники, разбоем, а также с покушениями на жизнь политических и государственных деятелей ФРГ.

Так что брать пример было особенно не с кого. Как, впрочем, и учиться. Путь был один - работать, искать, ошибаться и вновь искать, набивая синяки и шишки.

Первую тридцатку антитеррора поручили возглавить Герою Советского Союза, пограничнику майору Виталию Бубенину.

Прилетел Бубенин с границы. Объяснили, что за группа, каковы задачи, цели. В свою очередь, присмотрелись к пограничнику. Офицер действительно боевой, со звездой Героя - в ту пору большая редкость. Весь Союз знает, да что там Союз - весь мир. Портреты героев-пограничников с острова Даманский обошли многие газеты и журналы планеты.

Сам Бубенин сомневался, но потом дал согласие. Человек военный: надо, значит, надо.

Правда, через несколько лет он все же напишет рапорт - попросится опять на границу. Что поделаешь, тут как в любви: насильно мил не будешь. А насильно в группу никого не тянули. Она сама как магнитом притягивала к себе. Многим хотелось боевой работы.

Юрий Владимирович остался доволен. Он верил - рождалось подразделение, которое сможет защитить людей от терроризма.

Руководство группы понимало: традиционные методы отбора, принятые в КГБ, не годятся. Подразделение уникальное, и методы отбора должны быть уникальными.

Легко сказать. А что конкретно могли предложить вчерашний начальник погранзаставы майор Бубенин или его зам - офицер 7-го управления КГБ Ивон? Никто из них ничем подобным прежде не занимался. Опыта, что называется, ноль. И взять его негде.

Андропов хоть и разрешил набирать людей из штата всего комитета, но одним из условий для закрепления в группе будущего сотрудника была московская прописка.

Вот как о том времени вспоминают ветераны группы «А».

Валерий ЕМЫШЕВ:

- В 1974 году я окончил очное отделение Высшей школы КГБ. Сказали, пойдешь в 7-е управление, хотя, признаться, планы у меня были другие.

Так распорядилась судьба. Наверное, в моем распределении сыграло роль и то, что я раньше служил в «семерке». Активно занимался спортом, был чемпионом управления.

О группе тогда практически ничего не знали, секретность полнейшая. Даже при зачислении в ее состав все беседы тет-а-тет, шептали на ухо. Мне, например, сказали, что будущая работа связана с риском для жизни. И только. Ну, что ж, с риском так с риском.

В семьдесят четвертом мне уже было 32 года. Для нашей работы немало. Голов старше на год, немного помоложе Бодров и Федосеев, Савельеву меньше на четыре года. Самым старшим был Леденев, потом Ивон.

Помню, первая наша операция - освобождение Министерства здравоохранения в Рахмановском переулке. Тогда студенты-иностранцы захватили министерство…

Валентин ШЕРГИН:

- Родился в семье военнослужащего. Как и положено, отслужил срочную службу. Активно занимался спортом. Входил в сборную Москвы, мастер спорта по легкой атлетике.

Работал на ЗИЛе, окончил автомобильный техникум, поступил в институт физической культуры.

В 1971 году пришел в Комитет госбезопасности, на самую низкую должность. А мне уже к тому времени 26 лет стукнуло. Но рос по службе быстро, работа нравилась.

За два года до прихода в группу был назначен начальником военно-физической работы управления.

Первый набор - 30 человек - оказался на редкость сильным во всех отношениях. Еще бы, выбирали из многих тысяч.

Работали мы за идею, никаких дополнительных льгот, выплат. Позже стали доплачивать 10 процентов. Часто сидели «на казарме», разъезды, вызовы. Бывали моменты, когда ко мне гости в дом, а я из дому. Вызывают на службу. Хорош хозяин, что и говорить…

Нина ЗУДИНА, вдова погибшего при штурме дворца Амина капитана Геннадия Зудина.

- Как Геннадий попал в «Альфу»? Случай по-своему

курьезный. Он рассказывал, их было несколько кандидатов в группу. Беседовал с ними какой-то генерал и Ивон, заместитель начальника подразделения. Спрашивают: «Водку пьешь?» Геннадий замялся и говорит: «Пью, конечно. В гостях, по праздникам». - «Ну, а норма какая у тебя?» - «Не знаю, по обстоятельствам, от настроения зависит». - «Бутылку выпьешь?» - допытывался генерал. «Выпью». - «А больше?» - «И больше выпью». Засмеялся генерал и отпустил. А следом Ивон из кабинета выбежал, стал стыдить: «Ну, как же ты, Зудин, с этой водкой!» - «Я ведь правду сказал, как есть».

А сам потом переживал крепко, думал, не возьмут в группу. Оказывается, взяли.

Михаил КАРТОФЕЛЬНИКОВ:

- Отец у меня офицер, семья военная. Закончил десятый класс, поступил в школу тренеров при Московском институте физкультуры. Занимался лыжными гонками.

После школы направили в Свердловск тренером в «Локомотив». Дальше - армия, спортивная рота. В армии женился. Жена моя окончила химико-технологический институт, известную Менделеевку. Ну, и я туда. Потом работал пять лет химиком. В 15-м главке было такое подразделение. А в 1978 году мне предложили перейти в группу.

Как со мной беседовали в подразделении, до сих пор помню. Вопросы тогда казались странноватыми. Ну, например: «Как у тебя дела с тщеславием?»

О предстоящей работе ничего не говорили. Разве что спросили: «С парашютом прыгнешь?» - «Отчего не прыгнуть?» Я тогда здоровый был, мастер спорта по лыжам, горел душой и телом. Желание огромное работать.

Первым мне глаза раскрыл начальник отделения Шергин, когда я уже был зачислен в подразделение. Мол, есть необходимость бороться с международным терроризмом.

Но как с ним бороться, никто не знал. Хотя общефизическая и огневая подготовка уже тогда оказалась весьма серьезной.

Помнится, выехали в Тулу: прыжки, ориентирование, огневая, марш-броски, переходы, минно-подрывное дело, гранатометание.

После этого выезд в Ярославль. Прошли колоссальную программу. Стрельба из всех видов оружия, включая бронетанковое: БМП, БТР, танки. Вождение всех средств.

Там много заброшенных деревенек. Мы их использовали для отработки различных вопросов: освобождение заложников, захват «языка», нападение на часовых…

Виктор БЛИНОВ:

- Пришел в группу во втором потоке. Готовил себя упорно

занимался легкой атлетикой, единоборством, гиревым спортом, многоборьем. Был призером «Динамо» по боксу.

Но дело не только в физической готовности. В нашей работе очень важно уметь принять решение, не теряться, не делать квадратные глаза. Когда ситуация неординарная, надо сохранить холодный ум, всегда помнить, что рядом с тобой действуют товарищи и ты не должен поставить их в невыгодное или опасное положение.

Твои противники, хоть и преступники, тоже люди. Не говоря уже о заложниках. Этому нас и учили с первых дней пребывания в подразделении «А».

Михаил МАКСИМОВ:

- Отбор в группу был очень жесткий, серьезный. В первый раз не прошел. Работал, готовился и через два года оказался в подразделении. Почему в группу «А» отбирали прежде всего спортсменов? Да потому, что спорт закаляет характер, кристаллизует волю, учит побеждать.

В подмосковных лесах мы тренировались в суточных, двухсуточных переходах, шли по колено в снегу. Назад ходу нет, сожмешь зубы и вперед. У незакаленных людей рвота от напряжения. А ты закусил удила и идешь.

То же самое в Афганистане. Там приходилось преодолевать огромные расстояния по горам. Или в пустыне, когда жара 70 градусов.

Первая по-настоящему боевая операция группы - террорист Власенко в американском посольстве в 1979 году.

Итак, в группу набирали прежде всего лучших сотрудников КГБ, высокоподготовленных в физическом и профессиональном отношении. Эти офицеры и прапорщики имели среднее специальное и высшее образование. Многие успели до прихода в подразделение поработать в других управлениях, службах на заводах, в трудовых коллективах.

Так, Виктор Карпухин, будущий командир «Альфы» и Герой Советского Союза, до прихода в группу окончил Ташкентское танковое училище, командовал ротой, учился в педагогическом институте; Виталий Демидкин был дипломированным фельдшером, поработал в «Скорой помощи», врачом в хоккейной команде; Анатолий Савельев - выпускник авиационного техникума, сотрудник НИИ, Игорь Орехов - студент института электронного машиностроения.

Все они, разумеется, спортсмены - мастера спорта, кандидаты в мастера, перворазрядники, чемпионы управлений Комитета госбезопасности, столицы, а порою и страны.

Однако при особой важности физподготовки, других

специальных дисциплин, таких, как ведение огня из всех видов оружия, вождение автомобилей и бронетанковой техники, на первое место ставилось умение думать, мыслить оперативно, безошибочно принимать решения, быстро и наверняка действовать при их выполнении.

Да, со временем у группы появилось психологическое и медицинское обеспечение, собственные разработки. Изучался и применялся зарубежный опыт. И все-таки, какие инструкции ни пиши, какими специалистами ни обставляй сотрудника, в операции, лицом к лицу с преступником, он всегда один. И чаще всего помочь ему не могут ни начальник, ни старший товарищ.

Создавая принципиально новое подразделение в недрах КГБ, руководство комитета видело его в будущем центром борьбы с терроризмом. Надо отдать должное прозорливости и профессиональному чутью Юрия Владимировича Андропова - он обогнал, опередил хваленых американских экспертов, специалистов по антитерроризму. Пока ветеран частей особого назначения Чарльз Беквит ходил по кабинетам и убеждал пентагоновских чиновников в необходимости создания спецподразделения антитеррора, председатель КГБ СССР собственноручно написал приказ номер один и начал комплектование группы «А».

Впереди были новые заботы. Первый командир «Альфы» майор Бубенин не мог, подобно Беквиту, поехать в Англию и пройти стажировку в знаменитом полку САС, и потому шел единственно возможным путем. Путем проб и ошибок.

ЛИХА БЕДА НАЧАЛО

Волей председателя Комитета государственной безопасности группа «А» родилась. Тридцать сотрудников зачислены в ее штат. Ребята боевые, спортивные, полные энергии и веры в себя. В своих прежних подразделениях они были лучшими. О прошлой работе знали все или почти все.

Теперь пришлось начинать с нуля.

Что ж, удивляться - это наша традиция. Помню, слышал по телевизору выступление космонавта Алексея Леонова. Он рассказывал, что долгое время кандидатов первого «гагаринского» отряда преследовало странное чувство «дублеров». Будто бы где-то в другом месте тренировалась основная группа, а они были вроде как на запасных ролях.

А ощущения эти имели под собой вполне реальную почву. Казалось бы, первый отряд космонавтов, дело планетарного значения затевали, а поселили офицеров в наспех подготовленную казарму, учебно-тренировочной базы никакой. Ездили тренироваться на испытательные заводы.

Вот и сложилось у людей мнение, особенно на первых порах, что есть где-то основной состав, для которого созданы все условия, а они так, на подхвате, на всякий случай.

Увы, никакого основного состава не было. Первый набор, в который пришел и Алексей Леонов, и являлся главным и единственным в ту пору.

Нечто подобное происходило и с первой «альфовской тридцаткой».

Жили на правах бедных родственников. Когда создается новое подразделение, резервных помещений, конечно же, нет. Потеснился один из отделов, и кое-как разместились. Дежурная смена спала на раскладушках. Негде было хранить оружие. Учебный процесс выглядел куцо. Но коллектив подобрался хороший, ребята что надо, с жизненным и чекистским опытом.

А мир тем временем сотрясали сообщения об угоне самолетов, о захватах террористами заложников. Надо было спешить.

Руководил группой Геннадий Николаевич Зайцев. Роберт Петрович Ивон, заместитель начальника группы, занимался разработкой и проведением тренировок, учений, полевых выходов, Михаил Михайлович Романов еще один зам, тащил свой участок: физическую и специальную подготовку.

Что за группа антитеррора, которая не знает, как нейтрализовать террористов и освободить заложников в

самолете, в доме, в автобусе, в железнодорожном вагоне? Сперва надо было разработать модель освобождения, иметь соответствующее вооружение, оптику, спецбоеприпасы - химические, осветительные, взрывные.

Одной из первых разработок было создание автобуса-ловушки. Известно, что террористы для доставки в аэропорт требуют, как правило, машину или автобус. А если по дороге их усыпить? Определенная доза газа подается в салон - и их берут, что называется, «тепленькими», не успевшими опомниться.

Идея была привлекательная, что и говорить. Вот только на пути к ее осуществлению пришлось столкнуться с массой проблем. Удавалось усыпить подопытных животных (для этого использовались три обезьяны и две кошки) на 5-7 минут. Но успеют ли бойцы группы за такое короткое время нагнать автобус и взять террористов? Ведь группа захвата следует всегда несколько позади, чтобы ее не обнаружили.

А если будет потерян из виду автобус и террористы, очухавшись, поймут, в чем дело, и расправятся с заложниками?

Были проблемы и сугубо технического характера. Как, например, в салоне погасить шум выхода газов? Да, замаскировать под шум работающего двигателя. Но, оказалось, сделать это практически очень трудно. Так и осталась эта идея неосуществленной.

С первых шагов группы «альфовцы» столкнулись с вопросами концептуально-правового подхода. В борьбе с террористами некоторые страны, такие, как Аргентина, Колумбия, Турция, считают нецелесообразным вступать в переговоры с террористами. По их мнению, в случае захвата заложников надо осуществлять операцию с применением силы.

В подразделении избрали другой путь, считая эффективным разрешением конфликта проведение переговоров, иногда идя и на частичные уступки.

Перед группой поставили задачу - использовать боевое оружие только в исключительном случае. Эта концепция перевернула все взгляды на роль вооружения. Теперь они нуждались в принципиально новом оружии газовом, например, которое приобрели за рубежом. Однако в ту пору не было опыта его применения.

Какой тут выход? Попробовать на себе. Вот как о том давнем эксперименте рассказывает Михаил Романов: «Помнится, мы перевели на русский язык инструкцию. Внимательно прочли ее. Если попал под выстрел как лучшее успокоительное средство инструкция рекомендовала воду. Вода так вода. Разделись с Ивоном до трусов и устроили дуэль на газовых пистолетах. Дозы

небольшие. Выстрелили друг в друга и бросились под воду. А она, оказывается, когда попадает на кожу после выстрела, вызывает страшную резь. Такое впечатление, что все, приходит конец, прощайся с жизнью.

Позже в ходе тренировок поняли: оружие для нас не очень подходящее: сквозняков боится, встречного ветра. А под самолетом или на крыле кто же может гарантировать отсутствие ветра? Так что пришлось искать замену «газовикам».

Вообще, причина всех мучений группы антитеррора - отсутствие учебно-тренировочной базы.

Допустим, какие-то теоретические занятия можно провести в кабинете. А постоянные стрелковые тренировки? Без тира не обойтись. Необходимы и другие помещения. Как устроить тренинг по теме - бой в доме? Там ведь и тактика действий имеет свои специфические законы, и стрельба совсем иная, и проникновение в дом, и многие другие элементы.

А в чужой тир то пускают, то не пускают, то в одни часы, то в другие. В общем, все шло с большим скрипом…»

Неизбежно встал вопрос с транспортом. Одно дело - выехать на стрельбище, другое - мчаться по боевой тревоге. Тут и скоростные машины нужны, и водители экстра-класса, виртуозы. Их ведь тоже где-то обучать надо - не в школе же ДОСААФ.

Мне рассказывали бойцы группы: «…доходило до смешного». Автобусы им выделили наши маломощные, слабенькие «ПАЗики». Погрузились туда сотрудники, с собой экипировка, оружие, боеприпасы, спецсредства, бронежилеты, и… автобус не тянет, не везет. Это вам не «мерсы» у группы ГСГ-9 в ФРГ. Попытались было кивнуть на Германию, мол, хорошо бы транспорт помощнее, в верхах лишь развели руками: какие «Мерседесы»…

Правда, подвесные системы «Роллглисс» для работы на вертикальных плоскостях и радиофицированные, пуленепробиваемые жилеты за границей закупили.

Многое придумывали сами. Например, замечательные «альфовские» кейсы, в которых укладывалось оружие. Удобно, скрыто от посторонних глаз, сокращает время на сборы. Однако вскоре кейсы не выдержали «боевой нагрузки», стали разваливаться. Пришлось укреплять, выдумывать новую конструкцию.

Вообще «придумки» были разные. Руководство поощряло самые фантастические предложения. Ну, например, группе иметь свой вертолет. А что, здорово? Сегодня в Москве такие пробки, заторы на дорогах, в аэропорт по тревоге иной раз только на вертолете и можно прорваться.

Однако сегодня это предложение звучит так же фантастично,

как и двадцать пять лет назад.

Все понимали - не последнее дело экипировка… Она должна была полностью соответствовать многим жестким требованиям. Пришлось пересмотреть буквально все, во что одеваются солдаты и офицеры Вооруженных сил, КГБ, МВД.

Многое позаимствовали у летчиков, удобными оказались комбинезоны летных техников, кожаные куртки, сапоги. Спасибо, армия всегда шла навстречу: обувала, одевала.

В этом поиске бывали и ошибки. Решали, помнится, из джинсовки заказать на фабрике комбинезоны. Долго колдовали над фасоном, думали, где какие карманы и карманчики пришпандорить, чтоб «комбез» многофункциональным, удобным, словом, «боевым» получился. Что ж, отвезли швейникам свои предложения, ждали с нетерпением. Каковы же были удивление и досада, когда, наконец, получили заказ. Все оказалось на месте и даже многочисленные карманы и карманчики, но «комбез»… стоял. Что делать, таково качество нашей продукции.

Не было проблем со штатным вооружением. Стрелковые упражнения рассчитаны на применение практически всех видов оружия - пистолета Макарова, автомата Калашникова (всех его модификаций), пулемета, снайперской винтовки Драгунова и даже крупнокалиберных пулеметов Владимирова.

Для ближнего боя использовался автомат «скорпион». Конечно, были у бойцов другие иностранные марки, но они оказались хуже наших. К тому же для них нужен запас патронов. И ведь именно для штатного оружия подогнана кобура, комбинезон. Словом, в применении зарубежных «образцов» больше хлопот, чем пользы.

Но это что касается штатного оружия. Если же говорить о спецоружии, его разработка и внедрение растягивались на годы. Нет, оно создавалось, но не для подразделения «А». «Альфовцы» порою с трудом пробивали себе несколько единиц. У нас ведь как: хотите - берите партию пять тысяч штук, а сотню кто будет делать?

Кстати говоря, рядовые сотрудники НИИ всегда относились к просьбам группы с открытой душой: помочь, подсказать, рассчитать - пожалуйста. А вот начальство морщило лоб: «Вы у нас не в плане…» И хоть головой об стену.

Мучительно долго решался очень важный вопрос о создании титанового бронежилета, который позволил бы приблизиться к мине или предполагаемой взрывчатке, заряду, рассмотреть их, а возможно, и нейтрализовать.

Наша страна - морская держава, и потому в составе группы «А» было создано подразделение для борьбы с подводными

диверсантами и террористами. Готовили людей на Балтике, на Кубе. Разрабатывали свои программы, кое-что позаимствовали у кубинцев.

Конечно, с завистью смотрели на зарубежные группы подобного типа, западногерманскую ГСГ-9, например. Но что сравнивать несравнимое? У них и штат иной, и обеспечение. Под Бонном своя резиденция, учебная база, которая «Альфе» и не снилась. Транспорт сверхнадежный автобусы, скоростные автомобили «Мерседес», специально изготовленное вооружение. Интересно, что огонь автомата «шмайссер» последнего выпуска, которым вооружена ГСГ-9, ощутили на себе в Афганистане, при штурме дворца Амина.

Вот таким было начало…

«ПОМЕНЯЛИ ХУЛИГАНА НА ЛУИСА КОРВАЛАНА»

Помните старую веселую частушку: «Поменяли хулигана на Луиса Корвалана»? В середине семидесятых она была популярна в народе. Теперь мы доподлинно знаем: в декабре 1976 года Советский Союз обменял известного диссидента Владимира Буковского на Генерального секретаря Коммунистической партии Чили товарища Лучо.

Обменяли их в Цюрихе. Но как, доселе неизвестно. Приехавший в Москву через пятнадцать лет Буковский в телеинтервью обмолвился о людях, которые сопровождали его из Владимирской тюрьмы и потом за границу, но, кто они, оставалось гадать. Ни имен, ни фамилий Буковский не знал, да и знать не мог.

А люди были из «Альфы». Операция по обмену диссидента стала своеобразным дебютом группы. Правда, за эти два года их несколько раз поднимали по тревоге: студенты блокировали эфиопское посольство, устроили демонстрацию у диппредставительства африканского государства Того. Требовали повышения стипендий. Сначала их уговаривали, а потом заходили в посольство, выводили на улицу, упирающихся просто брали на руки, выносили, рассаживали в автобусы. На этом борьба с «террористами» закончилась. Еще двое сотрудников были в командировке в Ливане, обеспечивали безопасность посла. Но разве о таком мечтали бойцы группы антитеррора? Хотелось настоящей боевой работы. Два года только и занимались тем, что стреляли, бегали кроссы, водили машины, прыгали с парашютом, действовали на учениях в качестве разведывательно-диверсионной группы.

Всякий раз, когда в подразделение наведывался генерал Бесчастнов, терзали шефа «семерки». Тот пытался успокоить: мол, не спешите ребята, на ваш век работы хватит. И всякий раз повторял: главное, чтобы вы были готовы к работе в любое время дня и ночи. При этих словах бойцы всегда шумели, пытались затащить Алексея Дмитриевича в тир, где на деле доказывали, что стрелки они отличные. И в стойке, и с колена, и в падении цели поражали отменно.

Бесчастнов удовлетворенно кивал, улыбался, но упрямо гнул свое. А однажды заставил призадуматься, спросив: как они считают, умеют ли стрелять снайперы западногерманской антитеррористической группы ГСГ-9? Сомнений не было, группа

считалась одной из лучших в мире.

- Значит, вы признаете, что их ребята стреляют так же лихо? усмехнулся генерал.

Получив утвердительный ответ, он задал главный вопрос:

- Тогда почему на Олимпиаде в Мюнхене два немецких снайпера, державших террористов на прицеле, не смогли выстрелить? - Действительно, почему? Оказывается, мало уметь метко и быстро стрелять, надо быть еще и психологически готовым. Ведь террорист тоже человек, не робот. Значит, надо быть психологически готовым убить человека… Такого человека, который ставит себя вне закона. Жестоко? Нет, гуманно. В высшей степени гуманно. Ибо речь идет о чудовище в человеческом обличье, которое угрожает детям, как в Орджоникидзе, или убивает нескольких человек подряд, как в Тбилиси. И все же вопросы остаются. Искать на них верные ответы учит старый генерал опытный контрразведчик Бесчастнов. Ах, как он окажется прав!

Пройдут годы, бойцы группы с улыбкой вспомнят свое нетерпение. Но это будет потом. А тогда им предстояло выполнить конкретное задание обменять Корвалана на Буковского. Никто из них, кому поручено проведение операции, - Ивон, Леденев и Коломеец - за границей, в том числе в Цюрихе, никогда не бывал. Да и многочисленные начальники, которые инструктировали бойцов группы «А», сами не очень представляли, как осуществится обмен. Общие слова и призывы к постоянной бдительности, предупреждения о возможности провокаций только нагнетали нервозность.

… Для полета в Цюрих Андропов дал свой самолет: «Ту-134» ждал Буковского и сопровождающих его сотрудников группы в Чкаловском. Накануне Буковского забрали из Владимирской тюрьмы и перевезли в Лефортово.

Утром 17 декабря за ним приехали. Из камеры вывели бледного, щупленького мужчину. В тусклом свете тюремных ламп лицо Буковского напоминало серую гипсовую маску, и только глаза были живые, тревожные… О чем думал в те минуты диссидент, «хулиган», непроходящая «головная боль» советской верхушки? Об обмене, о будущей эмиграции, о стране, которую покидает. Она не очень приветлива была к нему - тюрьмы да лагеря, и все-таки это - его Родина.

А может, размышлял о человеке, который ждал его в конце коридора с наручниками? Может быть…

Буковский протянул руки, на запястьях щелкнули металлические обручи.

Они вышли в тюремный дворик, сели в «рафик». Теперь путь

лежал в Чкаловское. По дороге забрали мать и сестру Буковского, потом племянника. Мальчик лежал в онкологическом отделении больницы, был тяжело болен, но диссидент настаивал: племянник должен лететь с ними.

Разрешение получено, и бойцам группы «А» оставалось лишь исполнить свою миссию: доставить Буковского в Цюрих, а оттуда забрать Корвалана.

Вылетели ближе к полудню. Полет прошел спокойно, обыденно.

- Подлетаем, - сказал Ивон, и в ту же секунду качнулся и вздыбился горизонт огней за иллюминатором. Самолет заходил на посадку. Не успели пилоты заглушить двигатели, как у трапа тормознула «Скорая помощь» - шикарный «Мерседес», весь в мигающих огнях. С борта самолета перенесли в машину больного мальчишку. «Мерседес» взвыл сиреной и рванул на выезд из аэропорта.

Лайнер был окружен вооруженными швейцарскими полицейскими. Ивон прикинул: человек семьдесят, не меньше.

- Многовато что-то, Дмитрий, - наклонился он к Леденеву.

- Уважают, Роберт Петрович, - мрачно пошутил тот.

- Кого? Нас или Буковского?

Леденев не ответил: к самолету через летное поле приближался огромный автомобиль. Такие машины приходилось видеть лишь в заграничном кино. Сверкая черными, сверкающими боками, он резко затормозил.

- Ну вот и Корвалан, - сказал с облегчением Ивон, узнав среди покинувших машину генерального секретаря и его жену. Теперь оставалось проводить Буковского. Однако тот отказался выходить из самолета.

- Это же американцы! Мы хотим в Швейцарию, а не в Америку. Я протестую…

Корвалан с женой поднялись в самолет, в передний салон, а Буковский не соглашался покидать борт.

Внизу у трапа произошло замешательство: Корвалан в самолете, а Буковского нет. Люди, приехавшие в лимузине, выхватывают автоматы и окружают Дмитрия Леденева: «Господин Буковский! Господин Буковский!»

Леденев отбивается, пытаясь жестами объяснить, что он не тот, за кого его принимают.

Через командира корабля Ивон связывается с центром: Корвалана забрали, а Буковский выходить не хочет, оба на борту, что делать? Говорят, когда сообщили Андропову, он долго смеялся: опять «голоса» поднимут вой - вероломный Кремль обманул доверчивых американцев.

Было приказано успокоить Буковского и передать, что все идет строго в соответствии с договоренностью. Насилу удалось убедить. Наконец он с родственниками покинул борт самолета, блокада была снята, люди с оружием исчезли. Поступил приказ: «На взлет!»

Командир экипажа сообщил: летим в Минск. Теперь заволновался Корвалан. Поначалу думали, что беспокойство связано с изменением маршрута, оказалось, дело в другом. Советское руководство приняло решение: после обмена в течение суток никаких заявлений не делать. Но Корвалан возражал: «Как же так, исчез, а куда?» Доложили в Москву. Вскоре было дано «добро», и Корвалан с борта самолета сделал заявление для печати.

В Минске они доставили Корвалана по назначенному адресу и поездом возвратились в столицу. На Белорусском вокзале их встречал генерал Бесчастнов.

КТО ВЫ, ВЛАСЕНКО?

Наступил 1979 год. Никто еще не знал и не ведал, что станет он годом боевого крещения группы. Годом первых, горьких потерь.

Но пока все были живы, и страшный декабрь, казалось, так далек. Однако до декабря, до Афганистана, судьба преподнесет бойцам группы еще один «подарок», устроит своего рода проверку.

В марте некто Власенко проникнет в американское посольство, выдвинет требования. Операция по его обезвреживанию пройдет на первый взгляд успешно. Террорист подорвет себя сам, других жертв нет, немножко пострадает одна из комнат посольства. Руководство отметит отличившихся офицеров - Геннадия Зайцева, Роберта Ивона и Сергея Голова. Зайцева и Голова наградят месячным окладом, Ивона ценным подарком.

Уже на третий день после проведения боевой операции в группе «А» будет зачитан приказ № 0179 председателя Комитета государственной безопасности. Во многом этот приказ станет переломным в судьбе группы антитеррора…

Из служебного отчета группы «А»:

«28 марта 1979 года в 14.30 неизвестный гражданин в сопровождении второго секретаря посольства США Р. Прингла пришел в консульский отдел посольства Соединенных Штатов Америки. Через 35 минут стало известно, что проникший в посольство гражданин требует у американцев разрешения на выезд в США, в случае отказа угрожает взорвать находящиеся у него 2 килограмма тола.

После переговоров с неизвестным официальные представители посольства высказали просьбу сотрудникам охраны диппредставительств, чтобы они с имеющегося согласия посла Туна любым способом убрали гражданина из посольства. В 15.35 к зданию прибыли 5 сотрудников спецподразделения 7-го управления КГБ».

После получения разрешения на допуск начальник спецподразделения Зайцев Г. Н. в 16.45 прошел в посольство и, представившись работником МИД СССР, приступил к переговорам с неизвестным.

Преступник сразу предупредил, чтобы к нему не приближались ближе 1 метра.

В беседе он назвался Власенко Юрием Михайловичем, 1951 года рождения, уроженцем г. Орджоникидзе, без определенных

занятий и места жительства. Он заявил, что намерен выехать в любую капиталистическую страну, а посольство покинет при условии, если американцы вывезут его дипломатической машиной в аэропорт и посадят в самолет. После этого он обещал сдать взрывное устройство».

Это был первый настоящий террорист. Первый для группы антитеррора и ее командира подполковника Геннадия Зайцева со дня создания подразделения. Власенко не просто грозил или выкрикивал свои требования, забаррикадировавшись, как иностранные студенты, недовольные бытовыми условиями. Тех можно было просто взвалить на плечо и вынести из помещения, этого не взвалишь, не вынесешь. На поясе у него взрывчатка, палец в кольце и вполне реальные требования выезда за границу.

Первым на встречу с террористом пошел командир - подполковник Геннадий Зайцев. Когда Власенко предупредил его, чтобы близко не приближался, Зайцев понял - этот не шутит.

Почти два часа провел командир группы один на один с террористом. Потом, случится, он по 10-15 часов будет вести переговоры с более изощренными, хитрыми, матерыми террористами, но тот первый запомнится на всю жизнь.

Тогда Зайцев, выйдя из посольства, «принесет» первые данные о террористе, ведь о Власенко практически ничего не было известно, тогда же он сделает свое заключение - этот человек психически болен. В последующем «диагноз» Зайцева подтвердится.

Встречались с террористом и сотрудники группы «А». Слушали даже стихи в его исполнении.

… Террорист читал стихи. Левая рука его лежала на поясе, палец продет в кольцо взрывного устройства. Сотрудник группы «А» Михаил Картофельников видел, как побелел сустав, придавленный металлом, но преступник словно забыл о руке. Он самозабвенно, прикрыв припухшие веки, читал:

Язвы мира век не заживали:
Встарь был мрак - и мудрых убивали,
Ныне свет, а меньше ль плачей?
Пал Сократ от рук невежд суровых,
Пал Руссо…но от рабов Христовых
За порыв создать из них людей!

В иной обстановке могло показаться, что на лестничной клетке собралось пятеро друзей. Обступили одного, а тот, увлеченный поэзией, радует их прекрасными стихами. Увы, события были далеки от поэтической идиллии.

Любитель стихов Юрий Власенко пришел в посольство США не на вечер изящной словесности. Угрожая самодельным

взрывным устройством, он требовал самолет и крупную сумму денег. Хотел, чтобы его вывезли на посольском автобусе в аэропорт, где должен был ожидать готовый к отлету авиалайнер.

Власенко запрещал к себе приближаться, лишь вновь и вновь повторял свое требование.

Попытка выкурить его из посольства с помощью шашек со слезоточивым газом тоже оказалось неудачной. То ли газ на него не действовал, то ли перепутали расположение комнат на этаже и швыряли не в то окно. В общем, сами наплакались вдоволь, а Власенко хоть бы что.

Решили пойти еще раз на переговоры. Долго прикидывали, что да как, спорили. Как всегда в таких случаях, было много начальников, различных команд, советов. Но советы - советами, а дело на контроле у председателя комитета. Председатель торопил - надо было принимать решение.

У окна кабинета, где находился террорист, бессменно дежурили снайперы. Они надежно перекрыли, по существу, единственный путь отхода террориста.

… Вместе с Ивоном пошли Филимонов, Шестаков и Картофельников.

Вчетвером они поднялись на нужный этаж.

- Эй, мужик! - играя под простачка, крикнул в открытую дверь Ивон. - Иди, поговорим…

- А ты кто такой? - на пороге стоял Власенко. Рубашка, свитер, поверх свитера широкий самодельный пояс, в нем тротил: 2 килограмма. Запас взрывчатки немалый, не дай бог рванет - все они в одно мгновение покойники.

Рука террориста на кольце. За всю их длинную беседу он ни на мгновение не снял руки с кольца.

- Вы откуда? - спросил Власенко.

- Да мы военные. Наша часть здесь, по соседству, - ответил за всех Ивон.

- Звание у вас какое?

- Звание? - удивленно переспросил заместитель начальника группы. - Старшина я, а ребята…

Двое представились сержантами, Картофельников - рядовым.

Власенко усмехнулся:

- Что ж с вами говорить, хлопцы. Вы же ничего не решаете…

В эту тревожную минуту, может быть, впервые в жизни молодые бойцы группы «А» почувствовали свой непрофессионализм. Что же делать? Переговоры командира подполковника Зайцева не увенчались успехом. Да и они вчетвером второй час уговаривают террориста. А он не «уговаривается», лишь крепче сжимает кольцо взрывного

устройства. Теперь вот бухнули, что они сержанты.

И вправду, стоит ли тратить время на старшину и сержантов? Вот так пассаж. Повернется сейчас и уйдет - и весь разговор. Однако Власенко не уходил. То ли вполне миролюбивый простецкий вид армейских «сверхсрочников» подкупил его, то ли нервы сдавали поговорить захотелось, но он обратился к стоящей четверке:

- А я думал, «митьки» набежали.

- Кто-кто? - переспросил Филимонов.

- Да «митьки», говорю, - милиция.

Он опустил голову, оглядел пояс, палец на кольце, потом медленно, словно прощупывая, прошелся по ногам, добрался до лиц стоящих перед ним людей.

- Если у меня тут ничего не получится, пойду и взорву «митьков».

- Да что ты, Юра, - сказал кто-то из группы.

Власенко помолчал, глядя в лицо возразившего, а потом спросил:

- Тебя били когда-нибудь в милиции?

- Нет…

- А меня били. Ногами. Как мяч футбольный, катали.

Установилась тишина. Ивон и его подчиненные понимали: их жизнь, безопасность посольства в руках этого человека. Надо было раскачать парня, может, удастся уговорить сдать свою «игрушку».

Посочувствовали. Вместе поругали «митьков». Стали уговаривать: мол, брось ты это дело, Юра. Пойдем, сядем как люди, выпьем, поговорим. Спросили: тебе чего надо-то?

Загорелись глаза у Власенко, но пойти с ними отказался.

Картофельников смотрел в сияющие глаза Власенко и думал: да, этот человек - преступник, один неверный шаг - и он утащит в преисподнюю десятки людей. Но не родился же он таким. Неужто только теперь пришло время выслушать этого парня, когда ни у него, ни у них, по существу, нет выбора. Кто они - те люди, которые били его ногами, поправ закон и мораль, кто они, из года в год не принимавшие его в институт? Может, все обстояло и не совсем так, как он рассказывает, но почему же на его пути не нашелся человек, который понял бы, выслушал, помог? И не нужен был бы тротил.

И снова, неожиданно для всех, Власенко стал читать стихи. Хорошие были стихи. Картофельников и сам когда-то в институте увлекался Шиллером. Но никогда не думал, что услышит стихи здесь, в американском посольстве, на лестнице, пребывая чуть ли не в роли заложника.

Вставайте ж, товарищи! Кони храпят,
И сердце ветрами продуто.
Веселье и молодость брагой кипят:
Ловите святые минуты!
Ставь жизнь свою на кон к игре боевой,
И жизнь сохранишь ты и выигрыш - твой!

А с нижнего этажа знаками показывали: мол, время, время…

Власенко на уговоры не поддавался: правда, расчувствовался настолько, что даже предложил выпить. В комнате у него стояла початая бутылка коньяка - то ли американцы поднесли, то ли осталась от хозяев кабинета.

Ивон с ребятами отказался, и Власенко выбросил бутылку в окно. На улице это не осталось незамеченным. Поступила команда: когда Ивон с ребятами оторвутся, ранить Власенко.

Но оторваться не так просто. Теперь уже по всему было видно: террорист сам не сдастся. Однако стихи и душевная беседа, видимо, несколько успокоили Власенко.

- Ладно, - сказал он, - вы мне понравились, ребята. Я не буду вас взрывать.

Как говорят, и на том спасибо. Сотрудники группы «А» едва успели сбежать вниз, как прозвучали выстрелы, а за ним взрыв.

Раненый террорист выдернул чеку.

Сработала часть заряда. И все-таки взрыв был сильным, вынесло оконную раму и металлическую решетку в окне.

Когда сотрудники во главе с Ивоном вновь вбежали в кабинет, Власенко без чувств лежал на полу. Рядом горел диван. Они пытались сбить пламя. Кто-то из американцев услужливо сунул в руки Картофельникова огнетушитель. Михаил ожидал увидеть мощную струю пены, но огнетушитель лишь зашипел и на издыхании выплеснул пар. «Вот так Америка, удивился он тогда, - совсем как у нас».

Впрочем, через несколько минут все было кончено. Власенко отправлен в больницу на «Скорой помощи». По дороге он скончался.

На следующий день Михаил Картофельников прочитал заметку в «Известиях». Неизвестный автор Н. Волгин писал: «Кто же этот человек, поначалу столь любезно принятый в американском посольстве? Это некий Власенко Ю. М., не имеющий уже в течение длительного времени никаких определенных занятий.

И вот с такими людьми якшаются представители американского посольства, неразборчивые и, прямо скажем, безответственные в своих связях».

Михаил вспомнил стихи Шиллера на гулкой лестничной

клетке. Глаза террориста. Побелевший палец на кольце взрывного устройства.

В конце приказа Андропов обращается к бойцам подразделения: «Личный состав группы «А» должен понимать, что ему придется сталкиваться с особо опасным противником, что требуется не только смелость и отвага, но и военная хитрость, решительность в действиях, готовность принимать самостоятельные решения, исходя из складывающейся обстановки на месте».

Будущее показало, сколь прав был Андропов…

ПРОСЬБА АФГАНСКОЙ СТОРОНЫ…

В декабре 1979 года «Правда» опубликовала «Обращение правительства Афганистана».

«Правительство ДРА, принимая во внимание расширяющееся вмешательство и провокации внешних врагов Афганистана и с целью защиты завоеваний Апрельской революции, территориальной целостности, национальной независимости и поддержания мира и безопасности, основываясь на Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 5 декабря 1978 г., обратилось к СССР с настоятельной просьбой об оказании срочной политической, моральной, экономической помощи, включая военную помощь, о которой правительство Демократической Республики Афганистан ранее неоднократно обращалось к правительству Советского Союза.

Правительство Советского Союза удовлетворило просьбу афганской стороны».

… Теперь нам кажется, что об афганской войне мы знаем все или почти все.

Да, афганская война - это наша биография. Биография страны. И какая бы она ни была - героическая, кровавая, позорная, такой теперь останется навсегда.

Война более многозначна, чем мир. Для одних - это подвиг, мужество, героизм, для других - позор, кровь, смерти тысяч ни в чем не повинных людей.

Будем же правдивы перед собой и историей, не станем смешивать святое и грешное, низменное и высокое. Всего хватало на этой войне, как, впрочем, и на десятках других.

Люди боятся войны, проклинают ее и вновь воюют. Самое таинственное во всем этом - начало.

Как начинаются войны?

Нас отделяет пятьдесят семь лет от 22 июня 1941 года, но мы до сих пор исследуем причины ее возникновения, препарируем события, ищем ответ на вечный вопрос: кто и как?

Как же начиналась афганская война? Кто ее начинал?

Сегодня это уже доподлинно известно: десантники генерала Ивана Рябченко, «мусульманский батальон» и две таинственные группы Комитета госбезопасности под кодовым названием «Зенит» и «Гром».

О «мусульманском батальоне» сказано достаточно, о десантниках написал книгу сам Рябченко, а вот о группах «Зенит» и «Гром» не известно почти ничего, за исключением разве что фамилий первых героев да нелепых, вздорных и зачастую грязных

выдумок об их действиях на афганской земле.

Марк Урбан, автор книги «Война в Афганистане», на которую так часто ссылаются в нашей печати, утверждает: «27 декабря… к вечеру парашютисты двинулись к центру Кабула. В 19.15 местного времени они вошли в министерство внутренних дел и разоружили его сотрудников. Другая группа… достигла дворца Дар-уль-аман».

Если бы так просто - пришли и разоружили. Нет, никто не складывал оружия. Министерство было взято штурмом.

Что же касается «другой группы», то десантники действительно достигли дворца и даже, в азарте боя перепутав своих с чужими, вступили в перестрелку с «мусульманским батальоном», переодетым в афганскую форму.

Но к тому времени дворец уже был захвачен. Кем? Группами «Гром» и «Зенит».

«Гром» - это и есть, по существу, группа «А», «Зенит» состоял из сотрудников региональных управлений КГБ, прошедших диверсионную подготовку.

БОЙЦЫ ДЛЯ «ЗЕНИТА»

В «УАЗ» начальника кафедры Высшей школы КГБ полковника Бояринова набился добрый десяток преподавателей. Переезжали с одной учебной точки на другую. Пешком шагать не хотелось - ночь, темнота, лес, под ногами сыро. Потому и решили - лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

«Гриша», как звали между собой начальника кафедры преподаватели, сидел впереди, на месте старшего машины. Ехали долго. «УАЗ» петлял в темноте лесными дорогами, выхватывая лучом фар то белые стволы берез у обочины, то глухую черноту чащобы, то кустарник прямо на пути. Офицеры уже поглядывали на часы: по времени должны были бы приехать.

- Заблудился Гриша, - шепнул чуть слышно кто-то из молодых преподавателей, - во, хохма будет…

- А ты сам на его место сядь, хохмач! - вступился за Бояринова другой.

И опять ночь, размытая дождями, едва приметная дорога.

Бояринов, до этого, казалось, дремавший, встряхнулся, наклонился к водителю:

- Потише, Вася. Сейчас будет маленький поворотик, ты прижмись к левой стороне и тормозни на минутку.

- Что, Григорий Иванович, - пошутили в машине, мину заложили?

Полковник не ответил. «УАЗ» притормозил, остановился. Бояринов открыл дверцу, вгляделся в темноту, удовлетворенно вздохнул:

- Тут, моя птичка, тут, родимая, на гнезде сидит. Уже яйца отложила. И кивнул шоферу: - Трогай потихоньку, только не газуй. Спугнем.

Автомобиль качнулся и почти бесшумно пополз вперед. В салоне притихли. Вот так Гришка!

За поворотом выехали на знакомую опушку.

- Все, ребята, выгружайся, - сказал Бояринов, - третья учебная точка. Как заказывали… А ты, Анатолий Алексеевич, посиди пока, - обратился он к преподавателю кафедры Набокову, дело есть.

Набоков смотрел, как, удивленно озираясь на Бояринова, вылезают из «УАЗа» молодые преподаватели. Они считали, что Гриша заблудился. Невежды. Гриша не мог заблудиться. Гриша - бог в ориентировании, видит, будто сова, в темноте. И ее, как книгу, наизусть читает.

Откуда это у него? С войны. Партизанил, воевал, командовал школой снайперов, готовил диверсионные группы для заброски в

тыл, сам не раз летал за линию фронта.

- Толя! - Бояринов повернулся к Набокову. - Мы возвращаемся в Москву.

- То есть как - в Москву? А учения, Григорий Иванович?

- Учения закончатся без нас.

- Что-нибудь случилось?

- Как тебе сказать. - Бояринов замолчал, потер тыльной стороной ладони отросшую щетину. - Хотелось бы верить, что ничего серьезного не произошло. В общем, надо нам переделать учебную программу.

- Увеличить курс?

- Нет, сократить. Нынешний набор мы выпускаем не в августе, а июне.

- А дальше?

- Спецзадание. Афганистан.

- Афганистан? - удивился Набоков. Столь неожиданно прозвучало имя далекой страны, что он с трудом попытался вспомнить ее очертания на карте.

- Завтра жду твоих предложений по программе.

… Вернувшись в Москву, они засели за перекройку учебного курса. Пересчитали, перелопатили, отвели побольше часов на боевые темы, такие, как разведка в заданном районе, в городе, организация засады, налета. В общем, готовились учить слушателей тому, что надо на войне.

Пролетели недели подготовки, и поступила команда: отобрать людей для «Зенита». Такое условное наименование получило подразделение.

Приехал генерал, он был немногословен. Повторил то, что уже знал каждый, и в заключение разговора спросил, кто не готов к выполнению спецзадания. Зал не шелохнулся.

- Значит, все готовы! - подвел итог представитель руководства КГБ.

Однако у Бояринова и его кафедры было свое мнение. Сформировав мандатную комиссию и рассмотрев каждого слушателя, взвесив все «за» и «против», они отвели десять кандидатур.

Тогда впервые в своей жизни Набоков увидел, как плачет мужчина, офицер, сотрудник КГБ. Его отвели, потому что посчитали психологически не готовым к возможным боевым нагрузкам.

Все десятеро атаковали кабинет Бояринова с раннего утра, просили, умоляли, доказывали, но начальник кафедры был непреклонен. За некоторых пытались просить преподаватели, восприняв неприступность Григория Ивановича как излишнюю

строгость или даже упрямство.

Пройдут считанные месяцы, и жизнь преподаст жестокий урок, подтвердив правоту Бояринова.

Случилось так, что первый состав «Зенита» закончил командировку в сентябре. Началась постепенная замена. Однако людей не хватало, и решили пренебречь выводами бояриновской комиссии. Рассудили так: мол, чего просевать, отбирать - все офицеры КГБ, не один раз проверены в деле. И на второй заход в состав группы были включены сотрудники, отведенные «мандаткой». Они и оказались в самом пекле - на штурме дворца Амина. Двое из них погибли, третий тяжело ранен и умер по дороге в Союз. Четвертый попал в Афганистан позже и тоже получил тяжелое ранение.

Совпадение? Вряд ли. Говорят, полковник Бояринов хорошо разбирался в людях. Стоило ли посылать тех офицеров в пламя войны? Нет, конечно. Наверно, нашлось бы для них дело и дома. Но все это станет известно позже, когда уже и Григория Ивановича не будет в живых.

А в июле 1979 года «Зенит-1» убыл в Афганистан. Возглавил группу кандидат военных наук, доцент, полковник Григорий Иванович Бояринов. Возвратился он оттуда в сентябре. Тогда же у них с Набоковым состоялся обстоятельный разговор, и Анатолий Алексеевич сказал, что готов поехать на смену начальнику кафедры. И даже пожаловался: мол, преподаватели и помоложе уже съездили, а он все никак.

Бояринов усмехнется и по-отечески положит ему ладонь на плечо:

- Не спеши, Толя. Чует моя душа - Афганистана нам надолго хватит. Горько это звучит, но боюсь, что надолго.

И грустно добавит:

- Поверь мне, старику…

ПРАВАЯ РУКА «ВЕЛИКОГО УЧИТЕЛЯ»…

Сотни советских и зарубежных журналистов и исследователей пытались найти ответ на вопрос, который действительно волнует мир до сих пор: как Бабрак Кармаль из Чехословакии попал в Кабул? У кого только не пытались выведать этот секрет - у советских дипломатов, генералов, партийных и правительственных деятелей… Наверное, многие из них и рады бы рассказать, да нечего. И для них стремительное перемещение афганского лидера из страны в страну оставалось и остается тайной.

Ну а сам Бабрак? Неужто за эти годы, особенно когда он был смещен со всех партийных и государственных постов и жил в Советском Союзе, не нашлось человека, который бы попытался выведать сокровенное?

Пытались. И неоднократно. Задавали вопрос напрямую, что называется, в лоб, самому Бабраку Кармалю. Вот один из диалогов:

БАБРАК: Какой бы дорогой я ни вернулся домой, это была воля моей партии…

КОРР.: И все же как это оказалось исполненным технически ваше возвращение?

БАБРАК: Конечно, я не мог проехать через Пакистан или Иран. Оставался один путь: через Москву и Ташкент. Как летел и на чем это уже детали, в которые я не хотел бы вдаваться.

Бывший афганский лидер сказал правду - его путь действительно лежал через Москву и Ташкент.

Что же касается деталей, то рассказать о них читателям хотелось бы подробнее.

… Декабрь семьдесят девятого выдался в Москве слякотным и мокрым. Восемь бойцов группы «А» во главе с Валентином Ивановичем Шергиным, поднятые утром по тревоге, на автобусе подъезжали к зданию Первого главного управления (ПГУ) КГБ. «Пазик», шлепая шинами, словно галошами, подкатил к центральному выходу.

- Ого! Смотри-ка, ребята, как встречают! - удивился Изотов.

Ребята прильнули к окнам: на стоянке их ждали черные «Волги». Тут же из машины вышли двое в штатском и направились к автобусу. Шергин спрыгнул с подножки, доложил о прибытии.

- Занимайте места, - поступила команда, и «альфовцы» расселись по машинам.

«Волги» резко взяли с места. Мелькали знакомые московские

улицы. Хозяева, которые сидели за старшего в каждой машине, молчали, как-то по-особому заинтересованно разглядывая пробегающие за окном картины. Помалкивали и гости: в таких случаях расспрашивать не принято.

Машины устремились по дороге из Москвы. Поворот, другой - и уже вдоль бетонки серый голый лес, бесснежный, угрюмый. Повертелись еще с полчаса и уткнулись в ворота. За небольшим забором уютная дачка, чисто выметенные дорожки, кучки пожухлых листьев под деревьями, оставшиеся как память о прошедшей осени.

Их проводили в дом. В одной из комнат за столом сидел толстый мужчина, шумно прихлебывал чай из блюдечка. Познакомились, фамилия и имя мужчины не говорили ровным счетом ничего: Борис Чичерин. Чувствовалось, что этот толстяк добрый и радушный человек. Он тут же пригласил всех к столу, угостил чаем, бутербродами. От улыбки Чичерина стало как-то спокойнее, ушло напряжение, в котором с самого утра находились бойцы группы «А». Ведь никто и словом не обмолвился, зачем их подняли по тревоге, вызвали в Первое главное управление, отвезли в подмосковный лес. Оставалось только теряться в догадках.

Ждать пришлось недолго. Появился представитель руководства Первого главка, поздоровался и в нескольких словах объяснил задачу: охранять людей, которые будут им представлены. Охранять днем и ночью, беречь пуще собственной головы. И добавил после паузы: «Это большие люди, о которых пока не знает и не должен знать мир».

Мир и вправду еще не знал опальных, бежавших от гнева Амина, Ватанджара, Анахиту, Нура. Редко кто слышал за пределами Афганистана и о Бабраке Кармале, хотя он был соратником Тараки, одним из создателей НДПА, секретарем ЦК, а с 1976 года послом в Чехословакии.

Впервые увидели их и бойцы группы «А». Трое мужчин и женщина вошли в комнату, остановились. На полшага впереди оказался человек с темным, словно загоревшим до черноты лицом, с большим горбатым носом, с черными, как маслины, глазами. Был он широк в кости, плотен телом. Одет в европейский, отменно сшитый костюм.

Борис Чичерин представил гостя:

- Бабрак Кармаль!

Непривычное словосочетание. Изотов повторил про себя имя и фамилию афганца: как бы не забыть, не дай бог.

- А это Нур Ахмад Нур, - назвал Чичерин следующего, стоявшего за спиной Бабрака высокого, почти лысого, но еще

молодого мужчину. - Он учился у нас, знает русский язык.

Нур смущенно кивнул, соглашаясь, и узкая щеточка седых усов над верхней губой обозначила слегка заметную улыбку.

- Анахита, - продолжал Чичерин, указывая чуть заметным движением руки на смуглую женщину с темной косой, уложенной вокруг головы. Она, как Бабрак и Нур, была в европейском костюме. Надо сказать, что никто не заметил улыбки или тени смущения на ее лице. Чувствовалось, что Анахита горда и своенравна. Борис потом объяснил: она из богатой семьи, получила хорошее образование, всегда оставалась ярым приверженцем и самым преданным другом Бабрака. Когда его будут снимать со всех постов, Анахита, одна из немногих, встанет на защиту генсека.

Рядом с Анахитой - высокий, поджарый, в отличие от остальных со светлой кожей лица, молодой человек. Смоляные волосы да черные усы выдавали в нем афганца, а строгого покроя френч - военного. Ватанджар действительно оказался профессиональным военным, танкистом, героем Саурской революции. Оказывается, его боевая машина и сейчас стоит на площади перед дворцом. Он в апреле 1979 года на своем танке возглавил ударный отряд, двинувшийся из Пули-Чархи в город, и первым вступил в бой с национальными гвардейцами, охранявшими президентский дворец.

А теперь - здесь, в Подмосковье, на секретной даче, подавленный и растерянный.

Что там у них происходит, если секретари ЦК, герои, скрываются за тысячи верст от дома? Называется, свершили революцию. Говорят, река Кабул сегодня красна от человеческой крови. Неужели правда?…

- Вот, пожалуй, и все, - подвел итог представитель командования. Теперь распределитесь, кто за кого отвечает. Осваивайтесь. Ждите команды.

Для удобства общения и пущей секретности афганцам предложили называться русскими именами.

- Вот Ватанджар, - взял на себя инициативу Чичерин. Мухаммед Аслан. К чему тут ближе Миша, Саша?

- Саша! - сказал кто-то.

- Хорошо, значит, Саша.

И Борис заговорил на дари - гортанно, распевно, видимо, объясняя афганцам целесообразность присвоения русских псевдонимов. Те согласно закивали. Дали всем русские имена и на том, собственно, закончили.

А все-таки непривычно было воспринимать клекот Чичерина, распевающего незнакомые слова, видеть сверкающие искры в

черных, глубоких глазах Бабрака, слышать тоненький, почти женский, голос танкиста Ватанджара. Как дальше сложится судьба этих людей? Неспроста ведь они оказались на даче ПГУ, в лесу, под секретом. Каждому понятно, что неспроста.

Осваиваться долго не пришлось. Подали машины: опять голые, продрогшие деревья за окном, продуваемый всеми ветрами аэродром. Так неласково провожала их Москва. Но Ташкент встречал ярким, совсем не зимним солнцем, теплом. Казалось, вот-вот у взлетной полосы пробьется, выстрелит тонким лучиком зеленая трава. И вновь дача, только не скромный подмосковный домик, а настоящий дворец в миниатюре. Дворец первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Рашидова.

Ужин со спиртным, на завтрак пять блюд на выбор, красавицы-официантки предупредительны, скромны. Ребята бродили по даче, удивлялись живут же люди. Шутили между собой, мол, поживем и мы когда-нибудь при коммунизме. Однако коммунизма на их долю было отведено всего двое суток.

Новый маршрут пролегал над советско-афганской границей, над хребтами Гиндукуша, и заканчивался в Афганистане, в Баграме. Здесь опальных министров и их охранников ждала не шикарная вилла, а капониры, вырытые на краю аэродрома.

Недолгой оказалась баграмская командировка для группы «А». 14 декабря ужин прервал сигнал тревоги. Транспортный самолет без опознавательных знаков был подан задней рампой почти вплотную к капонирам. Запущенные двигатели не выключались. В облаке пыли и песка бойцы «Альфы» в срочном порядке проводили на посадку Бабрака Кармаля, Анахиту, Ватанджара и Нура, погрузили их вещи, забросили собственное снаряжение.

Самолет взлетел и стал резко набирать высоту. В салоне стала ощущаться нехватка кислорода, пассажиров пригласил к себе в кабину командир корабля.

Восемь бойцов группы «А», четверо афганцев, экипаж в пилотской стало тесно. Все молчали. Никто не знал и не мог ответить, почему так спешно покинули Баграм. Ясно было одно: что-то не сложилось, сорвалось. Куда летят Бабрак и другие изгнанники родины, суждено ли им вновь когда-нибудь увидеть мудрые седые вершины Гиндукуша, редкие кишлаки, словно стадо барашков, сбегающие в долину по темным отрогам, голубые, тонкие, как вены ребенка, горные реки?…

За что Аллах так покарал их? Для того ли они готовили революцию, сидели в тюрьмах, чтобы кровожадный Амин правил страной. Почему Кармаль, один из создателей партии, правая рука «великого учителя» Нура Тараки, как одинокий дервиш,

скитается по дорогам Европы. По совету русских товарищей Бабрак записал на пленку обращение к народу. Там были прекрасные слова: «После жестоких страданий и мучений наступил день свободы и возрождения всех братских народов Афганистана. Сегодня разбита машина пыток Амина и его приспешников - диких палачей, узурпаторов и убийц…»

Нет, не наступил день свободы. И наступит ли? Кармаль смотрел вниз, как уплывает под крылом родина. Надолго ли? Возможно, навсегда. Его родина, его боль и жизнь. Смотрел и плакал.

ВРЕМЯ «Ч»

Что же произошло 12-14 декабря в Кабуле? Почему опальные министры во главе с Бабраком были срочно вывезены из Баграма? Единства в оценке тех событий нет. Существует две версии. Приверженцы первой считают, будто Амину стало известно о Бабраке и его соратниках и потому созрела необходимость их срочной эвакуации. Вторые уверены, что опасность возникла из-за несостоявшейся военной операции, назначенной первоначально на эти дни.

Вряд ли представляется возможным сегодня подтвердить или опровергнуть первую версию - Амина давно нет в живых. Что же касается операции, то таковая действительно готовилась.

…12 декабря майора КГБ Якова Федоровича Семенова, командира подгруппы «Зенит», расквартированной в Кабуле, вызвал к себе генерал. То был армейский генерал, десантник. На совещании присутствовали также офицеры «мусульманского батальона».

Обсуждался ход операции, о которой Семенов имел весьма смутное представление. Генерал, в задачу которого входила координация действий «Зенита» и армейских подразделений, обратился к майору:

- Вашей группе предстоит выйти на объект. Время «Ч»…

Майор не удержался и, нарушив воинскую субординацию, перебил генерала:

- Какой объект, товарищ генерал?

Теперь пришло время удивляться генералу.

- Вы что, не знаете?

- Не знаю.

«Черт возьми, - подумал генерал, - опять нестыковка на границе ведомств».

- Вот здесь, смотрите, - и он указал Семенову на карту Кабула, - дворец…

- Ясно. А план его, силы, средства обороняющихся.

Генерал ровным счетом ничего не понимал. Советники из КГБ дневали и ночевали в этом дворце, а в нужный момент их же майор ни хрена не знает. Однако генерал сдержался. Майор тут был ни при чем.

- Ладно, - устало сказал генерал, - даю два часа вам, Семенов, думайте, что можно сделать.

Совещание закончилось. Два часа - не ахти какой срок, но Яков Федорович кое-что разведал: у противоборствующей стороны, как любят выражаться тактики, две тысячи гвардейцев,

11 танков, причем два танка закопаны по башню прямо у ворот. А что за воротами, одному богу известно. Но, надо думать, двор тоже не пуст.

У Семенова две «шилки», шесть бронетранспортеров на 25 человек личного состава.

По живой силе соотношение 1: 100, по бронетехнике только безумец может сравнивать: танк и БТР - все равно, что слон и моська.

Якову Федоровичу даже показалось, что они играют в детскую игру и все это несерьезно. Но когда истекли установленные два часа и поступила команда: «По местам!» - майор, залезая в свой БТР, вдруг отчетливо понял: история нас ничему не научила - опять противника «шапками закидаем».

В тот день историю, видимо, припомнил не только Семенов. Дали отбой. Выступать предстояло лишь через сутки. Но Якову Федоровичу было не по себе: пошел к генералу, попросился в город, чтобы получше рассмотреть объект, который предстояло штурмовать. Генерал не возражал. Напомнил только об осторожности. Ну уж об этом мог бы и не говорить армейский командир майору госбезопасности, преподавателю спецкафедры Высшей школы КГБ. Он сам учил осторожности и конспирации молодых офицеров.

Семенов, не теряя времени, переоделся - и в дорогу. «Покрутился» по Кабулу, разведал подходы, подъезды. Потом оставил машину и пешком обошел вокруг дворца. И еще раз убедился в мудрости старой армейской заповеди: если есть хоть малейшая возможность провести рекогносцировку на местности, где предстоит воевать, ее надо использовать.

В разведданных все было указано точно: и количество танков, как зарытых в землю, так и стоявших на других позициях, и силы гвардейцев, но данные эти касались только охраны дворца. А рядом с дворцом располагался генеральный штаб афганской армии. О нем ни слова.

Генштаб - не министерство сельского хозяйства. Там сильная охрана, средства ПВО, да и офицеры-генштабисты наверняка умеют держать в руках оружие.

С этими тревожными мыслями и вернулся Семенов в Баграм, доложил генералу. Тот выслушал майора хмуро и даже как-то обреченно. Но в конце спросил: «Ваше решение?»

Эх, кабы ему, майору Якову Семенову, решать, двинул бы он свои «брони» от греха подальше. Только кто же послушается? Да и генерал, чувствуется, в тупике: то ли доложить боится, как оно есть на самом деле, то ли в верхах его так же слушают, как он майора.

Давит, наверное, начальство из Москвы, а у генерала силенок-то с гулькин нос. Даже если все подскрести - и «мусульманский батальон», и «Зенит» до последнего человека, - перевес на той стороне огромный. Интересно, кому нужен сей кровавый спектакль? Положить ребят у стен дворца? Так это запросто, большого ума не надо.

Нет, Яков Федорович понимал: в таком спектакле не заинтересован никто. И верно: операцию вновь отложили. «Зенит» перебрался в Кабул, расположился неподалеку от «мусульманского батальона»

Внизу, среди редких садов, возвышался дворец Дар-иль-Аман, новая резиденция Хафизуллы Амина. Он был виден без бинокля, мощный, с крепкими стенами, опоясанный серпантином серой бетонки.

Теперь Семенов каждый день ездил на совещания в посольство. Прорабатывались различные варианты взятия дворца.

От совещания к совещанию прибавлялось количество генералов. Прилетел генерал Дроздов из Первого главного управления.

Надвигались серьезные события.

СПЕЦЗАДАНИЕ ПОЛКОВНИКА БОЯРИНОВА

Набоков входил в автобус последним. Задержался на ступеньке, еще раз оглянулся, Бояринова не было. Странно. За последний год, да что там год - годы, он не припомнит случая, чтобы Григорий Иванович опоздал к служебному автобусу, который каждое утро забирал их в условленном месте.

«Что-то случилось, - тревожно подумал Набоков, - не заболел ли?» Он вспомнил недавние учения, двадцатикилометровый марш, который прошел Гриша с одной из групп слушателей. Как-то не вязался вполне здоровый вид полковника со словом «болезнь». Да и вчера они виделись. Бояринов был в отличной форме.

Набоков облегченно вздохнул, лишь когда увидел в кабинете начальника кафедры свет. Он поднялся на свой этаж, в преподавательскую. Дверь бояриновского кабинета приоткрыта, и в проеме Григорий Иванович. В гражданке: на нем водолазка, поверх нее джемпер.

Увидев Набокова, улыбнулся приветливо, кивнул: заходи…

- Что случилось, Григорий Иванович?

- Ничего не случилось, Толя. Изменилась обстановка. Мне надо ехать туда.

Набоков вопросительно смотрел, он все равно мало что понимал.

- Готовится серьезная операция. Я был вчера у начальника управления.

Он оторвал взгляд от разложенных на столе бумаг и виновато пожал плечами:

- Боюсь, как бы там ребят зря не положили. А я все-таки кое-что в этом петрю. Верно, Анатолий Алексеевич?

Что мог ответить Набоков: верно. Только знать бы - какая операция. Спрашивать не принято, раз не говорит. А может, и сам не знает.

- Мы с тобой как в учебниках писали: «Налет - это внезапное, согласованное нападение на неподвижный объект противника с целью… и тэ-дэ и тэ-пэ…» Так? А те, кто поехал готовить налет, они знают, с чем его есть надо?

Набоков развел руками: наверное, знают… Бояринов лишь горько усмехнулся:

- Дай бог, Толя! Дай бог…

Что имел в виду Григорий Иванович, теперь можно только гадать. Мало ли он доверял тем, кто улетел готовить операцию, не был уверен в их опыте, профессиональных знаниях или просто

опасался за своих воспитанников? Ему, конечно же, стали известны подробности не состоявшегося из-за слабой подготовки штурма, и он посчитал своим долгом на этот раз оказаться там. Ведь за спиной Бояринова был не только опыт сотрудника КГБ, но опыт партизанской и диверсионной работы. Прежде чем писать свою диссертацию о тактике действий партизанских формирований, Гриша Бояринов изучал ее на практике. Был ранен. Награжден орденом боевого Красного Знамени.

Теперь, почти полтора десятка лет спустя, нет-нет да и возникнет спор в кругу людей, знавших Григория Ивановича, - а мог ли он не поехать? Все-таки ему к тому времени было уже немало годков пятьдесят семь, мог бы и не ходить под пули. Все, кто поднимался с ним в атаку на штурм дворца Амина, по возрасту приходились в сыновья, а кое-кто и во внуки годился.

Нет, он не мог не пойти. И не только потому, что так хотело начальство, только так и мог поступить фронтовик, педагог, полковник КГБ Григорий Бояринов.

Помните, как плакал у него в кабинете отстраненный от поездки в Афганистан офицер? Из сегодняшних будней нам странными могут показаться слезы. Но так было. Считалось позором, когда сотрудника КГБ отстраняли от выполнения спецзадания.

Мог ли Бояринов отстранить себя сам? Смешно даже подумать.

… В 10 утра собралась кафедра. Бояринов передал общее руководство своему заместителю Владимиру Михайловичу Санькову. Накрыли стол, налили по сто граммов, выпили - и в Чкаловское, к самолету.

Бояринов уехал, а преподаватели его кафедры - Набоков, Васюков, Болотов - остались, стояли курили. Набоков и Болотов иногда перебрасывались словом-другим, а Васюков угрюмо молчал. Потом взглянул на них, щурясь от дыма.

- Что-то не понравился мне сегодня Гриша.

Набоков поймал себя на мысли, что согласен с Васюковым. Какая-то тень лежала на лице Бояринова. Мог ли он знать тогда, что это тень смерти…

НУЖНЫ ЛУЧШИЕ ИЗ ЛУЧШИХ

Утром 23 декабря генерал Бесчастнов ехал в расположение группы «А».

Шуршала быстрыми шинами «Волга». У светофоров теснились автомобили. Переход заполнен людьми - москвичи спешили на работу.

Генерал прикрыл веки. Ломило в висках, сказывалась бессонная ночь. Мысли, мысли, мысли… Может, он не все знал. Скорее всего. Но даже той информации, которой владел, было достаточно, чтобы понять: на южных границах всерьез запахло порохом. Впервые за долгие, долгие годы.

Руководство мог волновать Китай, Пакистан, Иран. Что угодно, только не Афганистан. Эта азиатская страна десятилетиями не вызывала опасений.

Так привыкли думать политики, дипломаты, Генеральный штаб. Да и его, Алексея Дмитриевича, ведомство - тоже. В общем, никакой головной боли. Так было при шахе, при Дауде, и даже еще раньше, когда Эмманула-хан чуть не в друзьях с Лениным ходил.

А теперь вот Амин. Еще полгода назад он клялся в верности и любви Тараки. Как это он говорил? «Я могу потерять Афганистан, но никогда не соглашусь с потерей моего любимого учителя и вождя». А любимый вождь отвечал ученику: «Я и Хафизулла Амин близки, как ногти и пальцы».

И после этого люди Амина зверски задушили Тараки. Одно слово восток. После убийства Тараки КГБ перехватил американскую шифровку. Бесчастнов прочел слова телеграммы: «Советы не в восторге, но осознают, что сейчас им ничего не остается, как поддерживать амбициозного и жестокого Амина».

Интересные ребята в ЦРУ. Амин живьем сбрасывает в ямы с хлорной известью сторонников Тараки. Рассеивает, как пепел по ветру, тысячи людей. Просто так - загружает самолет и над Гиндукушем раскрывает рампу. Это у него называется - «десант».

А Советам, значит, ничего не остается, как целовать Амина в заднее место. И ждать. Чего, собственно? Пока новоявленный азиатский фюрер передушит полстраны, как задушил своего дорогого учителя, или отдастся за доллары американцам, и те появятся у наших южных рубежей?

«Н-да, - подумал генерал, - замечательная перспектива».

Ну и крутой завязался узелок. А развязывать, значит, его ребятам. Только вот развязывать ли, скорее всего - разрубать мечом.

Лес рубят - щепки летят. Кабы только щепки…

Знал ли он, начальник управления, на что посылал людей? Тогда казалось: знал. Теперь, по прошествии лет, ясно, что он только догадывался о тяжких трудах. Эту догадку и тревогу, связанную с ней, пытался передать майору Романову. Ему было поручено возглавить группу, вылетающую в Афганистан. Это они, его, Бесчастнова, ребята, станут первыми бойцами первыми инвалидами, первыми героями той девятилетней войны. Именно они откроют скорбный список погибших в Афганистане, и несчастные жены, падая на крышки гробов, не в силах будут понять, во имя чего отдали жизни их мужья.

Во имя Родины, скажут им. Так почему ж тогда Родина спешно зароет тела погибших, не разрешив даже на гранитной плите выбить слова о месте их гибели, почему назначит мизерную пенсию и забудет на десятилетия? Что с тобой, Родина, если не дорожишь ты своими сыновьями?

Их не забудут друзья. Они и утешат, помогут, поддержат.

Но все это будет потом.

- Понимаешь, - выдавил улыбку генерал, - командир сказал: сможешь выполнить задачу. Собирай людей. Поскольку дело государственной важности, едут добровольцы, малосемейные, хорошо, если и вовсе неженатые.

Бесчастнов умолк, долго и как-то грустно, по-отцовски глядел на майора.

- Лучшие из лучших, - продолжал он, - бойцы нужны. Там не только вы, но и в вас стрелять будут. Понял меня?

- Так точно, товарищ генерал, - ответил четко, как положено по уставу, майор.

Но ответ этот как-то не понравился Алексею Дмитриевичу. Сухостью, что ли своей, бесцветием. Ну да бог с ним, с ответом, время готовить людей - экипировку, оружие, боеприпасы. Достаточно одного слова генерала, и все закрутилось бы, завертелось, и через час-другой группа «А» была бы готова к бою… Но Бесчастнов сказал совсем другое:

- Часа через два-три отпустить ребят к семьям. Легенда такая: уезжают на учения. Кто в Ярославль, кто в Балашиху. Вопросы есть?

- Оружие, товарищ генерал? - начал майор. Генерал остановил его взмахом руки.

- Оружие и боеприпасы по максимуму.

Ивон и Романов собрали группу. Сказали, что велел генерал. Не забыли добавить главное: стрелять будут и в нас.

Сообщение восприняли спокойно. Будут стрелять - ну что ж, для этого они, в конце концов, и готовились столько лет.

Готовились, но разве для этого?

Разъехались по домам. Впереди их ждал неведомый Афганистан.

ВДОВЬЯ ДОРОГА

Капитан Геннадий Зудин любил домашние котлеты. С пылу, с жару, прямо с плиты. Умела его Нина стряпать, котлеты получались ароматными, поджаристыми, сладостно похрустывали на зубах.

Геннадий ел котлеты, глядел в румяное, раскрасневшееся от кухонного жара лицо жены. Повезло ему с Ниной. Встретил нежданно-негаданно. Женился без оглядки и не прогадал. Душевная, кроткая, добрая. С расспросами не лезет. Сказал: в командировку - и все ясно. Куда, зачем в их семье спрашивать не принято. Да и он сам-то много ли знает? Вроде бы в Афганистан, на охрану посольства. Не он первый, не он последний. Сейчас Шергин там, Картофельников, другие ребята.

Правда, раньше их без особых напутствий провожали, а сегодня сам Бесчастнов приехал. Хотя Алексей Дмитриевич и прежде их не забывал, но вот фраза его о том, что «будут и в вас стрелять», как-то больно царапнула сознание. Зудин вспомнил лицо генерала. Вроде не уловил в нем ничего тревожного. Тогда к чему эта фраза? Для острастки? Бесчастнов стращать не любит. Для порядка, чтоб служба медом не казалась? Так он ведь не генерал Пирожков. Тот закрутит напряженку - ни кашлянуть, ни ахнуть. А впрочем, так ли уж редко говорят им подобные слова. Группа антитеррора - не балетная труппа. И все-таки тревожно на душе.

Геннадий отодвинул тарелку, поблагодарил жену, взвесил на руке приготовленный женой увесистый сверток.

- Нина, мне толстеть нельзя. Со службы погонят.

- Ничего, - усмехнулась жена, - хорошего человека должно быть много.

Он заглянул в сверток. Просил лимоны не класть, положила. Он вытащил лимоны.

- Это девчонкам. Чайку попьете.

Жена хотела возразить, но он приложил к губам палец.

- Молчи, жена, молчи. Там, где я буду, этого добра навалом. Понятно?

Нина лишь пожала плечами, но спорить не стала. Навалом так навалом.

Пришло время прощаться. Прибежала младшая дочь, папина любимица, расцеловала. Старшая, уже совсем невеста, десятый класс заканчивает, подставила щеку: «Не грусти, па…» Жена проводила до угла дома.

Милые, родные люди, никто из них не знал, что видятся они

в последний раз, в последний раз.

Нина вернулась, проводив мужа, занялась с младшей дочерью. Первоклассница мало ли забот. Написала буквы, почитала и только поздно вечером заглянула на кухню. Заглянула и ахнула: сверток с продуктами Геннадий забрал, а рядом, тоже сверток, со сменным бельем - забыл. Бросилась к телефону, позвонила в отдел, оказалось, они еще на месте, не уехали. Накинула пальто и выскочила на улицу.

… Промерзший троллейбус скрипел заиндевелыми дверьми, полз по тоскливо длинному проспекту. Она боялась не успеть, но, когда от метро позвонила, трубку поднял Геннадий. Объяснила. «Хорошо, жди там, я подойду», сказал он.

Геннадий не разрешал бывать у него на работе. Да, признаться, она и не знала, где квартирует их группа. Они встречались у посольства, недалеко от Октябрьской площади.

И теперь в свете фонаря она издалека узнала его фигуру, бросилась к нему, протянула сверток.

- Нина, - с укоризной сказал он, - ну зачем? Глянь, уже транспорт не ходит, как я тебя домой отправлю?

- Нашел о чем волноваться, доберусь.

Он не стал ни спорить, ни возражать. Обнял еще раз и ушел. Видимо, времени был в обрез. Так и осталась в ее памяти эта, уже окончательно последняя встреча, осталась навсегда. Еще подумала: расставание какое-то суетливое, на бегу, и он со свертком под мышкой, исчезающий в ночи, и она, одна в ледяном городе.

Нина вышла на проспект. Он был пуст и тих. Желтые равнодушные глаза светофоров отбрасывали леденящие блики на грязные сугробы по обочинам. Морозно скрипел снег под ногами.

Прогромыхал один грузовик. Затормозил. Шофер выбросил дверку.

- Эй, красавица! Садись, а то заледенеешь!

Когда она влезла в кабину, водитель весело усмехнулся:

- Небось с гулянки…

Нина смутилась: надо же, можно ли про нее такое подумать…

- Мужа в командировку провожала… - сказала она.

- Хе, командировка, невидаль. Нашла из-за чего печалиться…

«Может, и так», - подумала Нина и вспомнила вдруг, что выскочила из дома и забыла деньги. Пошарила по карманам, вытащила мелочь.

- Вы знаете, у меня и денег-то нет, чтобы заплатить. Вот, копеек пятьдесят. Извините.

- Ладно, - согласился водитель, - на пиво хватит.

Он затормозил. Нина протянула в сжатой ладошке мелочь и

положила на приборный щиток. Монетки звенькнули и исчезли в какой-то щели. Шофер приподнялся из-за руля, надеясь увидеть свои законные пивные пятьдесят копеек. Но денег не было.

- Пропало мое пиво. Что ж ты такая несчастливая?

Да разве она несчастливая? У нее две дочки, любящий муж. Что еще надо для счастья?

Дверца кабины захлопнулась. Судьба словами ночного шофера нарекла ей другую дорогу. Горькую, вдовью…

«ГОВОРИТЬ ВСЕ, КРОМЕ ПРАВДЫ…»

Отлет задерживался. Дул сильный боковой ветер, и метеослужба не давала «добро».

Загрузили боеприпасы, получили сухой паек. Личные чемоданы, гордость конструкторской мысли группы, в которых было все - от зубной щетки до автомата, - забросили в салон.

Сфотографировались на память под крылом самолета. А когда поступила команда занять места и ребята уже поднимались в самолет, их доморощенный фотограф Сережка Кувылин снова окликнул их. Они обернулись, остановились. Еще раз запечатлело их бесстрастное око фотокамеры теперь уже на аэрофлотском трапе. Именно этот снимок особо любим ветеранами группы «А». Его можно увидеть на самых почетных местах в квартирах ребят. Правда, появился он у них недавно. Грустная судьба у этого снимка. Почти полтора десятка лет будет лежать он - скрытный! - в семейных альбомах. Система обрекла своих солдат на долгое молчание. Ни словом, ни взглядом не имели права эти люди признать свое участие в тех событиях. Как подчеркнул один из высоких чинов КГБ: «Говорить можно все что угодно. Кроме правды».

И это будет потом - через месяц, через два, через полгода. А сейчас они стояли на трапе - улыбчивые, затянутые в меха летных курток, уверенные в себе и в том деле, ради которого улетели в командировку.

Клацнет последний раз затвор фотоаппарата. Захлопнется дверь самолета. Отъедет одинокий трап, как бы увозя в прошлое их предыдущую жизнь. Никто не заметит мокрый след колес на стылом поле аэродрома.

Надрывно взвоют турбины, и командир корабля, зная, какой трудный путь ему предстоит, кивнет уходящей земле: с богом! Им бы вправду помолиться. Да не принято было в те годы.

Промежуточная посадка в Душанбе. Здесь, у местных комитетчиков, командир выпросил одеяла, матрацы. Все это оказалось очень кстати. Кто-то из местных, помнится, подшучивал, мол, зря, майор, суетишься: прилетите обеспечат. Другой бы, может, и клюнул, но майор - тертый калач, служил в системе госбезопасности не первый год и привык полагаться не на милость зажиревших тыловиков, а только на себя.

Словом, загрузили скарб, разжились еще доппайком: как известно, на войне харч - дело серьезное, и в путь.

Границу пересекли поздно ночью. Кто-то уже подремывал, кто-то дожевывал сухпай, а старший лейтенант Сергей Кувылин

смотрел в иллюминатор. Не спалось. Под крылом стелились огоньки, словно их на бескрайнее черное поле высевал самолет и они летели к земле, кувыркались и гасли в невидимых горных отрогах.

В салоне неожиданно погас свет, и через минуту-другую цепочка огоньков осталась далеко позади. «Граница?» - догадался Сергей, и что-то защемило под сердцем. Он вспомнил, как десять лет назад, в шестьдесят девятом, их солдатский эшелон пересекал границу. Они ехали домой из Германии. Утром кто-то заорал благим матом: «Дембеля! Деды! Граница!» И они с грохотом посыпались с полок. Поезд въехал на мост через Буг, медленно и торжественно прошел мимо полосатого столба с гербом Советского Союза. Перехватило горло - Родина! Два года он не видел мать, отца, не видел невесту. Хотелось бежать впереди поезда.

В Смоленске на вокзале дал телеграмму: «Встречай, приезжаю… поезд… вагон…» И только потом сообразил, что наделал. Их эшелон прибывал на Белорусский вокзал в четыре утра. Считай, ночью. Метро на замке, транспорт не ходит, такси не по карману, попереживал, поволновался, а потом решил: ладно, скорей всего, она не приедет, и правильно сделает. Ему опять же легче: не придется извиняться за свою дурацкую телеграмму.

А она приехала. До сих пор стоит перед глазами ранний, предрассветный, гулкий перрон, лица удивленных дембелей, и его девчонка, такая милая, нежная, прильнувшая головой к его плечу.

Вышли к стоянке такси, пристроились в хвост очереди. Очередь одни солдаты. Дембельский эшелон. Сергей глядел и не мог наглядеться в искрящиеся голубые глаза. Вдруг кто-то тронул его за рукав. Оглянулся. Перед ним стоял незнакомый сержант.

- Слышь, земляк, ты с невестой, давай, садись без очереди.

Сергею хотелось расцеловать незнакомого сержанта.

Дома их были почти рядом. За квартал остановили такси. Сергей проводил ее, а потом поспешил домой.

В том же году они поженились.

… Ночь за иллюминатором - глуха и темна. Вспыхнул где-то одинокий огонек и вновь погас. Граница. Как порою странно и неожиданно в человеческую жизнь вплетаются, казалось бы, совсем посторонние, далекие от повседневных будничных забот, понятия. Всего дважды за свои тридцать лет пересекал он границу. Но тогда хотелось петь и плясать, будущее было утренним и добрым, как руки матери. Теперь же граница встречала его глухой непроницаемостью ночи, декабрьским

морозом, неясностью не только будущего, но и сегодняшнего, сиюминутного бытия.

Гудели турбины. Самолет летел навстречу утру. Стали едва различимы голые вершины Гиндукуша.

Горный хребет, словно гигантская птица, расправив могучие снежные крылья своих отрогов, хищно парил над сияющей долиной.

Из пилотской кабины вышел командир.

- Подходим к Баграму. Приготовить оружие.

Садились в «сложняке» - на полосу без опознавательных знаков, едва освещенную. Когда самолет замер, луч прожектора выхватил его из темноты. Высаживались быстро, без суеты, с оружием наготове. За ярким глазом прожектора чувствовался чей-то пристальный взгляд. Своих? Врагов?…

Когда спустились с борта, резкая команда «ложись!» бросила группу наземь. Но команда эта, произнесенная чьим-то хриплым, простуженным голосом, показалась ласковым приветствием доброго друга. Ведь прозвучала она не по-восточному гортанно, а отрывисто-властно, на родном русском языке.

Меры предосторожности были совсем не лишними, ведь приходилось охранять таких людей, как Бабрак Кармаль, Гулябзой, Саррвари, Ватанджар.

После убийства Тараки Амин пытался их захватить и уничтожить. С трудом удалось ускользнуть. И вот теперь они здесь. Можно представить, что сталось бы с опальными министрами, а заодно и с теми, кто их прятал, пронюхай обо всем этом аминовская охранка.

У капониров подразделение группы «А» встретили свои ребята, улетевшие в первой группе: Изотов, Виноградов, Картофельников. Были объятия, угощение. Вместе пили афганский чай, хозяева потчевали пакистанским печеньем, вареньем. Вспоминали Москву. Тут гостей оставили и спать.

Старшему лейтенанту Сергею Кувылину в ту ночь приснился странный сон. Вроде он опять ранним утром стоит на Белорусском вокзале, только теперь уже без невесты, та же очередь на такси.

Он стал в конец. Спросил, кто последний. Глядь, оказывается, последний майор Геннадий Зудин. Из их же группы. «Егорыч!» - обрадовался Кувылин. А Егорыч даже не обернулся. Но тут слышит Сергей кто-то его за рукав тянет. Оглянулся - сержант: «Слышь, браток, садись без очереди». - «Да неудобно как-то…» отвечает Кувылин. А сержант свое твердит: «Садись, говорят тебе, не в ту очередь стал».

Хотел было поспорить, мол, как не в ту, вот же Егорыч стоит,

да не успел, проснулся.

Странный, право, сон. Кувылин усмехнется и забудет о нем. Вспомнит через три дня. Вечером 27-го на ступенях аминовского дворца.

«ВОСТОК - ДЕЛО ТОНКОЕ»

С обстановкой их знакомили советский резидент Борис Семенович Иванов и его заместитель. Они начали с того, что в эту страну майор со своими ребятами приехал совсем не ради прекрасного горного воздуха. Командир согласился. Он знал это и без резидентов и ждал постановки конкретной задачи. Все, что произошло с ним в последние сутки с небольшим, казалось дурным сном. Ему предстояло вести людей в бой, и, как у всякого командира, возникали десятки вопросов, на которые хотелось получить ясные и исчерпывающие ответы. Но ответов не было, а были какие-то невнятные разговоры. На пороге войны, а значит, у порога смерти, люди, которых годами готовили для выполнения сложной боевой задачи, должны принять решение. Но они оказались не готовы его принять. Они выглядели растерянными, раздавленными тяжелой ответственностью, свалившейся на их плечи.

Майор вышел из комнаты после беседы, а ощущение кошмарного сна не проходило. Он пытался процедить полученную информацию, но «цедить» было нечего. Как говорят физики, на выходе ноль. У виска бились странные фразы резидента: «Ты догадываешься, какую операцию предстоит провести?» «Догадываюсь». - «Но твои ребята не циркачи, а там все будет на уровне цирковых трюков».

Оставалось только ответить: «Есть, товарищ генерал-лейтенант, сделаем из них циркачей. У нас еще ночь в запасе».

Да-а, вот уж расскажешь кому - не поверят. Вправду, беседа с ним была проведена на самом высоком цирковом уровне.

Резиденты ушли, а он остался со своими проблемами - вооружение, боеприпасы, питание, разведка, информация… Разве все перечислишь. Вон куртки спецназовские спрятать некуда - в посольстве шагу не дают ступить: подарите, продайте. Не продашь, так непременно украдут.

«Ну вот, пожалуй, с них и начнем», - решил майор и разослал нескольких человек по посольству. Приказал обшарить все углы и закоулки, но найти надежное место для хранения обмундирования. Легко сказать найти. Посольство небольшое, людей, как селедок в бочке, свободного стула нет, не то что комнаты.

В подвале наткнулись на запертый туалет. На дверях табличка: не работает. Решили приспособить для себя. Вскрыли аккуратно, сложили вещи, кульки, свертки, заколотили основательно, а табличку подновили, чтоб виднее было.

После боя вернулись - все цело, невредимо. Что ж, голь на выдумку хитра.

Переночевать хотели в посольстве, но, оказалось, расположиться негде. Опять погрузились в машины - и в расположение так называемого «мусульманского батальона». Здесь впервые с бойцами группы «А» - теперь она носила кодовое название «Гром» - ехали сотрудники подразделения «Зенит».

Прибыли. Отвели им казарму, которую в нашем понимании казармой даже и назвать нельзя. Здание без окон и дверей - стены да крыша. Вместо пола насыпан гравий. Прошли - пыль поднялась, будто после стада овец.

В казарме как раз командир роты «мусульманского батальона» развод заканчивал. Дав все наставления караулу, советский офицер напутствовал подчиненных: «Аллах с нами!»

Караул вышел, а сотрудники группы удивленно переглядывались. Н-да, верно говорил Федор Сухов: «Восток - дело тонкое».

Спать почти на улице, на декабрьском холоде, большого желания не было. Потому как могли благоустроили казарму: завесили плащ-палатками окно, проемы, собрали все, что могло согреть: матрацы, одеяла, куртки.

Однако холод оказался не самым страшным ночным бедствием для группы. Донимали храпуны - Баев и Зудин.

Кувылин вспоминает, что в последнюю ночь он так и не сомкнул глаз. Попал как раз между двух храпунов, такое чувство, будто с самого вечера на танке ездил.

Утром на завтрак накормили верблюжатиной. Вкусно, хотя и недоварено, да что поделаешь, высокогорье, мясо долго упревает.

Выдали афганскую форму: мягкие куртки и брюки из шинельного сукна, такие же мягкие кепочки с козырьками. Долго подбирали куртку на Алексея Баева. Шутили: мол, на таких мощных мужиков афганцы не рассчитывали. Пришлось разрезать форму на спине, иначе Баев не влезал.

Сразу же стали «обживать» форму: укрепляли карманы для гранат, автоматных магазинов, ушивали, подгоняли. Взяли у десантников удобные ранцы, определились, где будут лежать боеприпасы, а где перевязочные средства. Не глядя запустил в ранец руку, достал бинт - мелочь, но в горячке боя это очень важно.

После полной комплектации - учли все, от автоматов до бронежилетов, прикинули по весу. Оказалось 46 килограммов! В таких «доспехах» и стоять-то тяжело, не то что бегать, прыгать, вести огонь, метать гранаты. Да еще в горах, не на учебном центре Балашихи.

Именно потому, что не учебный центр и от каждого «пустяка» могла зависеть собственная жизнь и жизнь товарищей, навьючились до упора.

К тому времени была доведена боевая задача - штурмовать дворец Амина.

Дворец находился примерно в километре от позиции батальона. Место для дворца - лучше не придумать. От него уходило шоссе, ведущее в горы. То есть при необходимости есть путь к отходу. Метрах в пятистах основательное здание жандармерии. Слева от дворца расположился первый батальон охраны, справа - второй. Между позициями батальонов и дворцом по три вкопанных танка. И, наконец, национальные гвардейцы их казарма располагалась непосредственно на последнем этаже дворца.

Вечерами, а порой и ночью, если не спалось, бойцы группы «А», выйдя из казармы, подолгу глядели на сияющий огнями дворец. Все они прослужили в комитете не один год, и прикинуть соотношение сил не представляло труда. И от прикидок становилось страшно - столь неравные были силы. 24 человека в «Громе», примерно столько же в «Зените». Плюс «мусульманский батальон». Но на него с самого начала возлагались лишь вспомогательные задачи. Значит, считай два взвода на такую крепость.

По общему сигналу бойцы спецподразделений при поддержке десантников должны были атаковать не только дворец Амина, но еще несколько важнейших военных и административных объектов Кабула: здание генерального штаба афганских вооруженных сил, здание министерства внутренних дел (Царандой), штаб военно-воздушных сил, тюрьму Пули-Чархи, почту и телеграф.

Иными словами, практически всю столицу Афганистана предстояло взять под контроль.

«В СЕМЬ ПЯТНАДЦАТЬ НАЧАЛО…»

В песне, написанной участниками тех событий, есть слова: «… В семь пятнадцать начало, сорок шесть килограмм, как сигнал прозвучало…»

Что за сигнал? И каково было начало?

Кабул. Центральный узел связи

Борис ПЛЕШКУНОВ, «Зенит»:

- Все началось со взрыва «колодца» связи. В ходе операции Кабул был отключен от внешнего мира. Одновременно взрыв послужил сигналом к общему штурму.

В мое подчинение определили десять человек. «Колодец» связи, который нам предстояло вывести из строя, находился на людной площади. Рядом здание узла связи, пост Царандоя, через дорогу - банк, ресторан, кинотеатр. Так что в любопытствующих не было недостатка, что осложняло выполнение задачи.

Решили действовать после 19.00, когда уже наступал комендантский час и площадь пустела. Выехали на «УАЗах». Две машины остановились у ресторана, а наша подъехала вплотную к люку, который вел в «колодец».

Дождались условного сигнала - хлопнула резко закрытая дверь автомобиля. Значит, пост Царандоя на месте. Сотрудник нашей группы Хаятов, владеющий языком, ушел, чтобы отвлечь постовых.

Трое человек заслонили нас. Валерий Волх, который сам изготовил щипцы для вскрытия люка, поднял крышку, а я в рюкзаке запустил в «колодец» два мощных заряда.

В «колодце» была вода, но это не испугало: действие своих зарядов мы проверяли заранее. Взрыватель поставили на 15 минут.

Сели в машину. Окликнули Хаятова, который вошел в роль и увлеченно беседовал с постовым, угощая его сигаретами.

Через несколько минут мы уже были на вилле. Такого скорого возвращения никто не ожидал, и один из руководителей даже высказал сомнение, мол, все ли успели сделать.

Но часы уже показывали 19.15. Прозвучал мощный взрыв. Кабул лишился связи.

12 января я возвратился в Москву и прочел в «Известиях» статью под заголовком: «Народ защищает революцию». Корреспондент писал, что он ведет необычный репортаж, поскольку «бандиты провели очередную вылазку и связь со столицей Афганистана прервана».

Министерство внутренних дел (Царандой)

Евгений ЧУДЕСНОВ, «Гром»:

- При штурме Царандоя нам поставили задачу охранять Нур Ахмат Нура, который собирался призвать защитников министерства сдаться.

Примерно в 18-18.30 к вилле «Зенита» подъехало три грузовика. В кузовах сидели солдаты и несколько бойцов «Зенита». Нура посадили в кабину, Александр Лопанов и я сели по бокам. Едем по Кабулу. Мирный город, снуют афганцы, повсюду жарятся шашлыки. До сих пор помню удивительный запах тех шашлыков. А мы едем на войну. Все три машины остановились у светофора. Он несколько раз переключился, можно двигаться, а мы стоим, ждем. Наконец двинулись. У здания МВД снова остановились, тут солдаты и «зенитовцы» выскочили из машин. Муру дали мегафон, и он стал призывать сдать оружие, кричал, что пришла законная власть.

Из окон министерства ответили автоматным огнем.

Штаб военно-воздушных сил

Анатолий САВЕЛЬЕВ, «Гром»:

- Мне с Виктором Блиновым было поручено захватить штаб ВВС. Дали нам в помощь лейтенанта-десантника и его взвод. Пришли к нашему советнику, который находился в штабе, а тот разработал план: никакого штурма, по два человека проходят в здание, спокойно, без суеты сосредоточиваются в одном из кабинетов.

Вторая половина взвода находится на удалении и, замаскировавшись, ждет сигнала. Они разоружают внешнюю охрану, мы - внутреннюю.

Действительно, афганские солдаты даже внимания не обратили, когда в здание штаба ВВС стали время от времени входить наши десантники.

Отдельный пост полка жандармерии

Павел КЛИМОВ, «Гром»:

- Я, Дмитрий Волков, двое ребят из «Зенита» и два танковых экипажа из «мусульманского батальона», по пять человек во главе с офицерами, получили задание: до начала общего штурма выдвинуться и захватить два танка, находящихся в прямой видимости из дворца. Из них произвести несколько выстрелов по дворцу.

Погрузились в машину, подъехали к посту. По нашим данным, там должно было находиться двое часовых, оказалось - четверо. Это осложняло выполнение задачи. Но отступать нельзя.

Волков и один из «зенитовцев» вышли из машины и пошли в сторону поста, все остальные через задний борт «десантировались» и тут же залегли, спрятавшись за косогор.

Через несколько минут на посту неожиданно раздались выстрелы. Что там случилось, не знаю. Стрельбу услышали в казарме, которая располагалась невдалеке, и мы увидели выбегающих оттуда вооруженных людей. Они поднимались вверх в гору, на господствующую высоту. Еще несколько минут, и наша цепочка, растянувшаяся на снегу, - перед ними как на ладони. Танковые экипажи вступили в перестрелку, мы вдвоем с офицером из «Зенита», развернувшись в другую сторону, открыли огонь по дворцу.

Дворец Дар-уль-аман

Михаил РОМАНОВ, «Гром»:

- Начался штурм. Каждая из нескольких моих подгрупп двигалась на боевой машине пехоты.

Заход в район дворца предполагался с двух сторон - мы «крутимся» по серпантину, а Яша Семенов со своим «Зенитом» выходит к пешеходной лестнице, которая ведет наверх. У фасада соединяемся. Но на войне как на войне. Прорыв группы шел под ураганным огнем, загорелся бронетранспортер.

Яков СЕМЕНОВ, командир группы «Зенит»:

- Наша колонна - четыре БТР. Когда заговорила «шилка», ее поддержали пулеметы, стало ясно: игры кончились, началась война.

Я шел на первой машине. Мы успели проскочить. Второй бронетранспортер подожгли, остальные уцелели. Десантировались. А тут ад кромешный! Наша «шилка» бьет по дворцу, снаряды скачут от стен, как резиновые. Из окон поливают… В общем, прижали нас, пришлось залечь. И поднялись лишь, когда «шилка» подавила пулемет в одном из окон дворца.

Сергей КУВЫЛИН, «Гром»:

- Была некоторая несогласованность в действиях. Мы еще не успели отъехать, я еще двери в БМП закрывал, а «шилка» открыла огонь. Фактор внезапности оказался потерянным.

Словом, садимся, а в машине людей битком. Все по полной выкладке, в бронежилетах. Смотрю: бежит полковник Бояринов. Я его немножко знал, когда в Высшей школе учился. Кричит: «Ребята, ребята, меня забыли! Куда мне сесть?»

А куда тут сядешь - народу, как селедок в бочке. Но кое-как разместились, пришлось, правда, на пол, спиной к дверям, сесть.

- Товарищ полковник, - говорю, взяв его руку, - вот здесь кнопка, рычаг будете открывать, я не дотянусь.

Добро, добро, - отвечает. Едем. Вдруг слышу какой-то дробный стук. Думаю: двигатель, что ли, застучал? Оказывается, осколки и пули по броне. И чем дальше едем, тем больше долбят. Я потом, после боя, фальшборт на своем БМП оглядел - решето!

Самое настоящее решето, дуршлаг, хоть макароны отбрасывай.

Едем, вдруг остановка. Никто не знает: вылезать, не вылезать. Командир БМП, офицер из «мусульманского батальона», у которого была связь, кричит: «Сидеть!»

Михаил РОМАНОВ:

- Остановка произошла из-за подбитого афганского автобуса, его пришлось объезжать. Потом была поражена наша БМП. Десантировались. Залегли и начали бой.

«Шилки», к сожалению, нам мало помогли. Их огонь накрывал незначительную часть дворца.

Лежим. Рядом со мной Эвальд Козлов, чуть дальше Саша Репин, Мазаев. Я выбрал два окна и поочередно поливаю: очередь туда, очередь сюда. Расстрелял магазин и, как рачительный командир, чтобы сберечь имущество, бросаю его в открытые двери стоящей рядом БМП. А оттуда дикий крик! Кто-то из экипажа подумал, что влетела граната. Так что трагическое и комическое и тут были рядом.

Вдруг рев двигателей, машины пошли. Мы попрыгали в них и стали прорываться ближе к центральному входу, где ребята, двигавшиеся в голове колонны, уже вели бой.

Штаб военно-воздушных сил

Анатолий САВЕЛЬЕВ:

- Где-то около 19.30 мы разоружили внутреннюю охрану. Забрали автоматы, выставили свои посты. Советник предупредил, что у начальника штаба всегда у стола стоит гранатомет, ну, конечно же, есть и личное оружие. Что касается гранатомета, то он не представлял опасности. Кто будет стрелять из гранатомета внутри помещения? Ну а пистолет тут уж надежда на себя.

В общем, вошли мы в кабинет начальника штаба. Советник говорит: вы арестованы. Он сдал оружие. Были также разоружены все офицеры, их арестовали, посадили в комнату, взяли под охрану.

Операция прошла без единого выстрела.

Дворец Дар-уль-аман

Валерий ЕМЫШЕВ, «Гром»:

- Наша БМП остановилась на углу дворца. Мы выскочили. Перед нами дворец, освещенный прожекторами. И тут боевые машины опять газуют, задние двери захлопываются. Сесть не успеваем. Подаю команду:

- Под прикрытием БМП - вперед!

Бежим. Темно, ничего не видно, только пули свистят над головой. Две передние машины ушли вперед - первая стояла уже у центрального входа, вторая чуть ближе.

Огляделся. Остались мы вдвоем с Якушевым. Поддубный

куда-то исчез. Я говорю Якушеву: «Надо пробираться к центральному входу».

Над входом во дворец - козырек, колоннада по кругу. Когда вбежали внутрь, Якушев бросился по лестнице наверх, а я направо, заглянул в дежурную комнату. Она была пуста. Коридор тоже оказался безлюден.

Вижу, Якушев поднимается по лестнице, оборачивается ко мне и кричит: «… Твою мать, что же они делают?»

А наши «шилки» и действительно били по дворцу, по своим. Наверное, сигнал «отбой» для них не прошел.

Так вот, он крикнул и упал. Как-то медленно упал, словно не торопясь. Я даже сначала подумал, что он присел или пригнулся. Бросился к нему, и тут вдруг удар в руку, автомат на полу, сам свалился. Но помню: сознание не потерял.

Ребята говорили потом, что афганцы вниз со второго этажа гранатами нас забросали. Не могу точно сказать. Когда отрывает руку, трудно запомнить детали.

Словом, я оказался на полу и пополз к выходу. Вижу: у дверей наши сосредоточиваются. Кто-то оттащил меня, перевязал.

Сергей КУВЫЛИН:

- Когда мы выпрыгнули из БМП, грохот стоял страшный. Не понять: откуда стреляют. Казалось, со всех сторон. Смотрю, Зудин - или, как мы его звали между собой, «Егорыч» - побежал и залег у какого-то постамента. Кубообразный такой, железобетонный. Я упал напротив. Лежим с Егорычем. А дворец метрах в двадцати от нас. Как уцелели в эти первые минуты, представить трудно. Если глядеть с верхних этажей, мы просто идеальные мишени.

Быстро кончились патроны, Зудин еще один магазин подбросил. Тут, смотрю, граната падает между нами, рвется - и Егорыч за лицо схватился, а из-под пальцев кровь течет - густая, как кисель. Он головой ткнулся и затих. Я кричу: «Егорыч, Егорыч…» Приподнялся меня как стегнет по лицу, осколками, наверное. Один потом вышел, из подбородка, маленький, как патефонная иголка.

Тут я, признаться, растерялся. Кругом никого, сверху стреляют. Лежу один. Имел бы силы - бетон бы прогрыз и закопался.

Ближняя БМП дернулась и пошла. Прямо на меня. А триплексы разбиты, она совсем «слепая»: в барьер ткнулась и лезет дальше. Я руку поднял, автоматом машу, кричу: «Свои!» Слышу, чуть сзади Кузнецов тоже кричит: «Ты что делаешь?» Стрелять по машине там подумают, чужие, прибавят оборотов да и раздавят.

Секунды уходят, БМП рулит на меня. А с места не

сдвинуться. Чувствую, если поднимусь - голову потеряю, лежать буду - ноги переедет. Думаю, как лучше повернуться. Если вдоль по ноге гусеницей совсем растерзает, поперек - хоть до колен отрежет.

И тут БМП ударяется корпусом в железобетонный куб. Я автомат в руку и пытаюсь вскочить, а нога-то под гусеницей. Боюсь поглядеть на собственную ногу, но когда шевелю, она шевелится. Чудо: нога на месте, адски болит, но на месте. Ну как после этого не поверишь в судьбу?

Глеб ТОЛСТИКОВ, «Гром»:

- Я руководил одной из подгрупп. С нами ехали четверо солдат из «мусульманского батальона». В машине у меня, кроме обычного вооружения, были лестницы, сделанные заранее. Дорога, ведущая ко дворцу, с одной стороны обрамлена высокой бетонной стеной, на нее никак не залезешь, только с помощью лестниц. Или бежать под огнем. Решили с помощью лестниц сократить путь: подставить к стене - и наверх. Держать лестницы должны были солдаты.

Так мы их и проинструктировали: как только открываются двери БМП, выскакивайте, хватайте лестницы. В жизни получилось по-другому. Подъехали, выпрыгнули, попали под огонь, и солдаты мои как упали, так и не встают, будто приморозило их к дороге. И так я и этак с ними, и кричать, и пинками поднимать. Куда там. Не встали. Короче говоря, теперь уж не помню: сами лестницы держали или под пулями бежали, но наконец оказались там, у главного входа во дворец…

Министерство внутренних дел (Царандой)

Евгений ЧУДЕСНОВ:

- Мы стояли перед зданием Царандоя, до главного входа метров 15-20. Но с верхних этажей огонь усиливался, летели гранаты, и потому решили не испытывать судьбу. Прикрывая собой Нура, двинулись к входу, приходилось отстреливаться из пулемета. Здесь я получил контузию. Из носа и ушей пошла кровь, на некоторое время потерял ориентацию, а когда очнулся, вижу: окружающие открывают рот, что-то говорят, но не слышу, что именно.

Хотя разбираться в своем состоянии, признаться, времени не было. Ворвались в здание, определили Нура в один из кабинетов, дали ему охрану и бросились помогать нашим ребятам.

А бой переместился уже на верхние этажи. Помню, услышал крик, страшный такой, душераздирающий. Бегом туда. Оказывается, ранен в ноги совсем молодой афганец, защитник министерства. Перевязал его, а только что я бинтовал плечо нашему десантнику, такому же мальчишке. Он все рвался в бой,

пришлось даже прикрикнуть, назвать свое воинское звание, чтобы слегка охладить пыл.

Дворец Дар-уль-аман

Виктор КАРПУХИН, Герой Советского Союза, «Гром»:

- Мы попали под жесточайший обстрел гвардейцев. Заняли позиции и на огонь ответили огнем. Так началось кровавое столкновение профессионалов.

Должен признаться, у нас не было должной психологической устойчивости. Да и откуда она? Наверное, воевать можно научиться только на войне, как бы это жестоко ни звучало. А мы привыкли видеть войну в кино, «по-киношному» она и воспринималась.

Но все пришлось увидеть наяву. Вот падает твой товарищ, взрывом ему отрывает руку, ногу, вот ранен сам, а надо действовать, расслабиться нельзя ни на секунду. Убьют.

В первые минуты боевого соприкосновения было очень тяжело. Охрана резиденции - сильная, высокообученная, отлично вооруженная. И главное, почти в четыре раза превышающая нас в живой силе. По всем воинским наукам силы обороняющихся во столько раз могут быть меньше, но никак не наступающих. Иначе атака обречена. Выходит, опрокинули мы теорию. Помогли нам мощный напор и, как ни странно, безысходность. Нас выручить уже никто не мог, тыла никакого.

Ранены были практически все. Гвардейцы отчаянно защищали дворец, мы отчаянно рвались вперед.

Сергей КУВЫЛИН:

- Остался я с одним пистолетом. А что с ним делать? Пополз к Зудину. Он лежит без сознания, но как живой, будто спит. Потрогал его - не шевелится. «Егорыч, - говорю, - если меня слышишь, вникай: вот тебе пистолет, кладу в кобуру». Руку его поднял и на кобуру положил. Взял его автомат, а сам думаю: лежать под огнем - все равно убьют. Приподнялся и поскакал на одной ноге к центральному входу. Как доскакал, почти не помню.

Правда, когда в двери проскакивал, видел Емышева. У него рука была в крови. Сидел, прижав ее к животу, бинты размотались, показалось, что он в живот ранен и кишки вывалились.

Очнулся уже в вестибюле главного входа. Ребята потом говорили, что видели меня убитым. Романов даже провел рукой по лицу и говорит: «Готов».

Карпухин рассказал, что тоже через меня как через мертвого перешагнул.

Ну а я очнулся - по полу ползаю. Сверху вестибюля круговая лестница на второй этаж ведет. Оттуда гранаты бросают, из

пулеметов так и сыплют. Я отполз в сторонку, поднимаюсь, смотрю - справа коридор, наши ребята выходят, у них белые повязки на рукавах. Не разглядели меня, что ли, или в горячке боя, один очередь в мою сторону запустил и вслед гранату. Я смотрю и думаю: «Ну вот, теперь конец». Упал за диванчик, шелком обтянутый. Не для войны диванчик, от смерти не спасет. Рвануло. Чувствую, вроде живой. Вскочил, заорал: «… Вашу мать!» Впрочем, дальше выяснять отношения некогда: бой не ждет.

А тут Бояринов подбегает. У него на голове каска, а лицо кровь заливает. Руки забинтованы, тоже в крови. Пистолет у него в руке. Говорит мне: «Ну что, надо узел связи взрывать». - «Теперь нас двое, пошли вдвоем». Опираясь на автомат, пошел. Хорошо, недалеко было, добрались.

Ну а там что? Как обычно: кабели, аппаратура. Шнуры повыдергивали, телефоны разбили. Бояринов говорит: «Нет, Серега, так не пойдет, давай гранатами забросаем». Покидали туда гранаты, дверь закрыли. Рвануло как надо. И Бояринов побежал на второй этаж. Я остался перекрывать коридор. Это было за несколько минут до гибели Бояринова.

Отдельный пост полка жандармерии

Павел КЛИМОВ:

- Стемнело. Мы с «зенитовцем» вели бой в стороне от общей цепи танкистов, пока к нам не прилетела граната. Видимо, кто-то подобрался на дистанцию броска и из-за косогора запустил гранату. Помню взрыв и состояние оцепенения, когда не знаешь: жив ты или мертв?

Граната разорвалась, наверное, в метре от наших ног. У соседа ранение в горло, и у меня осколки пошли в ноги, руки, в грудь, живот. Состояние было тяжелое: голова гудит, ног-рук не чую. Сознание то уходило, то возвращалось.

По плану операции с начала штурма к нам должны были подойти БТРы. Они подошли, подбежали солдаты, спрашивают: «Что у вас?» А я как-то даже не понял, что ранен. Отвечаю: «Сосед ранен, меня контузило». Но чувствую, руки уже какие-то чужие, не работают. Говорю солдату: «Оружие мое возьми». Он взял, все вертел бесшумный пистолет, удивленно разглядывал.

Потом подошел другой военный, возможно, офицер, тоже спросил, как дела. Я ответил, мол, ничего. Но ребята теперь не поверили, стали перевязывать, и тут я вновь потерял сознание.

Дворец Дар-уль-аман

Валерий ЕМЫШЕВ:

- Не помню, сколько времени прошло, я уже был в БМП, когда солдат открыл дверку и говорит: «Пойдемте, там медпункт

открыли».

Поднял меня солдат под мышки, поковыляли. Медпункт открыли в одной из угловых комнат дворца, там прислуга, кажется, жила, а поводырь перепутал дорогу и потащил меня к центральному входу.

Зашли внутрь, темно, опять та же лестница, где Якушева убило. Стрельба, гранаты бухают. «Э, парень, - говорю, - куда ты меня привел, я уже здесь был».

Потащились назад, нашли медпункт. Наша женщина-врач сразу уложила меня, поставила капельницу. Я выпил графин воды. Лежу под капельницей, вроде чуточку полегчало. «Эх, закурить бы еще». Она говорит: «Подожди, еще накуришься».

Ну а после оказалось не до курева.

Смотрю, приносят Бояринова. Я его знал, поскольку в Высшей школе КГБ учился. Койка моя рядом, повернул голову, смотрю, а Григория Ивановича не узнать, все лицо в крови. Доктор подошел, пощупал пульс, склонился, постоял, потом накрыл простыней…

Вот и все. Убили солдата.

«ТОГДА СЧИТАТЬ МЫ СТАЛИ РАНЫ…»

Дворец Дар-уль-аман

Михаил РОМАНОВ:

- Появился Яша и его «зенитовцы». Собрались: Эвальд Козлов, Сергей Голов, Миша Соболев, Плюснин, Гришин, Филимонов.

Во дворец проникли через одно из окон. Непонятно, кто откуда ведет огонь. Во дворце много дверей из толстого стекла, без всякого обрамления. Увидев впереди мелькнувшие тени, бросаешь гранату, чтобы расчистить путь, но граната отскакивает, как колобок, и катится тебе же под ноги. Соображай, что делать - пригибаться, падать на пол, прятаться в стенных нишах?

В составе этой группы нам удалось прорваться на второй этаж. Бросишь гранату - и вперед. По звуку определяли, где наш автомат работает, где чужой. Однажды в журнале я прочел, что очередная этажная площадка, на которую мы поднялись, была залита кровью. Не знаю, каким образом это стало известно - никто из пишущей братии дворец не штурмовал. Возможно, автор фантазировал, если это так, то он попал в точку.

Эвальд КОЗЛОВ, Герой Советского Союза:

- Вообще, впечатления от событий, восприятие действительности в бою и в мирной жизни очень разнятся. Года через два, в спокойной обстановке, вместе с генералом Громовым я ходил по дворцу.

Все выглядит по-другому, совсем иначе, чем тогда.

В декабре 1979 года мне казалось, что мы преодолевали какие-то бесконечные потемкинские лестницы, а оказалось - там лесенка узенькая, как в подъезде обычного дома. Как мы всемером шли по ней непонятно. И, главное, остались живы.

Так случилось, что я шел в бой без каски и бронежилета. Теперь жутко представить. А в тот день и не вспомнили. Казалось, внутри я опустел, все было вытеснено и занято одним стремлением - выполнить задачу. Даже шум боя, крики людей воспринимались иначе, чем обычно. Все во мне работало только на бой, и в бою я должен был победить.

Сергей КУВЫЛИН:

- Я перекрывал коридор. В конце его - металлическая винтовая лестница. По ней наши ребята не должны были идти, но я на всякий случай кричал: «Миша!» Это наш условный сигнал.

Спустя некоторое время прибежали Карпухин с Берлевым. Берлев остался со мной, залег в противоположном конце коридора, а Карпухин поднялся на второй этаж. Там по-прежнему шел бой.

Николай БЕРЛЕВ:

- Ребята, проскочив на второй этаж, распахивали двери и бросали в кабинеты гранаты. Они уже прошли по коридору вперед, когда сзади них в коридор выскочил Амин - в адидасовских трусах и в маечке. Думаю, он уже был смертельно ранен.

Когда закончился бой, ко мне подбежал Саврари, весь дрожит, трясется: «Пойдем, посмотрим Амина». Поднялись наверх, посмотрели: да, действительно убит. Саврари обрадовался, руками начал размахивать. Подбежал к пленным афганцам, что-то возбужденно тараторит. Все, он совершил переворот, он герой! А ведь и Саврари и Гулябзой в бою не участвовали, сидели в БМП, невозможно было вытащить никакой силой.

Нам с Карпухиным пришлось еще разыскивать во дворце начальника гвардии, майора Джандата, того самого, который предал Тараки. Именно Джандат отдал приказ об уничтожении руководителя страны, что и исполнили офицеры гвардии.

Помнится, заглядываем в одну комнату, в другую. Показалось: шевельнулась штора. Отодвинул ее стволом автомата и вижу перед собой начальника гвардии.

- Витя! - кричу Карпухину. - Джандат!

- Я врач, врач! - испуганно орет человек, похожий на Джандата.

Вправду оказался врачом, потом внизу помогал раненым.

А ранены были практически все. Емышеву оторвало руку, у Алексея Баева прострелена шея, Кузнецов получил серьезное ранение в ногу. Коле Швачко осколок попал в зрачок глаза. У Сергея Голова девять пулевых и осколочных ранений.

Я, когда улетал из Москвы, бросил в рюкзак две бутылки водки. Закончился бой, говорю Карпухину: «Виктор, пойдем выпьем». Он даже не поверил: «Да ты что?» Хвать рюкзачок, а водку-то сперли. Я понял кто. Прижали одного, другого сержанта из «мусульманского батальона» - те вернули. Выпили за окончание боя, афганцам налили, врачу, которого приняли за Джандата.

Ну посидели, поговорили, вдруг слышим: «Щелк!» А в тишине после боя хорошо слышно. Такое впечатление, будто кто-то холостой спуск сделал. Пошли, открыли лифт, а там раненый афганец. Взяли его автомат - действительно, ни одного патрона. Вот почему мы с Виктором в живых остались - будь у него патроны, срезал бы одной очередью. Улыбнулась, стало быть, судьба.

Кстати, не один раз улыбнулась. Когда я бежал по коридору,

пуля разбила магазин автомата. Патроны рассыпались. По сути безоружный, стою на коленях, собираю патроны. На счастье, рядом Сережка Кувылин оказался: «Дед, что случилось?» - И рожок мне свой дает. Только я взял, смотрю: из дверей вылетает гвардеец. На долю секунды его опередил.

Сейчас музей организовали, лежит на стенде мой разбитый магазин. Считайте, дважды я с ним умирал и дважды рождался.

Яков СЕМЕНОВ:

- Бой был тяжелый. И последующая ночь прошла в перестрелке. Из моих ребят отличились Володя Рязанцев из Смоленска, Дроздов, Быковский. Многие оказались ранены, контужены. Сказать, что все ребята были смельчаки, герои - не могу. Кто-то шел вперед, кто-то держался сзади.

Отдельный пост полка жандармерии

Павел КЛИМОВ:

- Очнулся в очередной раз. Идет бой, лежу на земле, вокруг никого нет, все ушли. Встал, смог еще встать. Помню, что где-то здесь должны быть наши бронетранспортеры. К ним и пошел.

Меня сильно знобило. Позже сказали врачи, что потерял три литра крови. Кое-как добрался до боевых машин и солдатам говорю: «Плохо мне, ребята!» Меня в машину положили, там труба горячая, ноги поставил, а руки заледеневшие солдат согревал своим дыханием. Сидел все время со мной и дышал на руки. После я отключился надолго. Пришел в себя на минутку, уже в медсанбате, кто-то спрашивает: «Пить хочешь? Каши хочешь?» - «Хочу!» Глотаю, а пищевод-то пробит, снова шок, отключаюсь.

В посольстве на минутку очнулся, когда вливали кровь. А потом, в Ташкенте, не могли носилки вытащить со мной, так я решил сам подняться, помочь.

Штаб военно-воздушных сил

Анатолий САВЕЛЬЕВ:

- Прошел уже час с небольшим, совсем стемнело, все стихло. Мы решили, что стрелять некому, все арестованы, однако ошиблись. Вблизи штаба располагалась курсантская казарма, оттуда и открыли огонь. Выстрелом из гранатомета прошили броню нашей БМДэшки, которая стояла у штаба. Погиб молодой солдат-десантник. Здесь я в первый раз увидел смерть в бою, залитый кровью комсомольский билет.

Старались на выстрелы не отвечать. Заставили начальника штаба их ВВС соединиться с курсантским подразделением и отдать команду о прекращении огня.

Правда, пока вели переговоры, сами чуть не погибли. В кабинет начштаба влетела граната, но бог миловал.

Курсанты же вскоре стрельбу прекратили.

Дворец Дар-уль-Аман

Сергей КУВЫЛИН:

- Когда все закончилось, вышли из дворца. Михаил Михайлович смотрит на меня, будто я с того света вернулся: «Ой, Серега, ты живой!»

Потом нас увезли в медсанбат, который был устроен в прежней казарме. Меня положили на кровать, нога распухла, ботинок пришлось разрезать.

Принесли Пашу Климова. Он лежит, ноги к животу прижимает: пить, пить… Смотрю: солдат тащит ему воду в кружке. Спрашиваю, куда он ранен? Оказывается, в живот. Что ж ты ему воду суешь, он умрет сразу. Дошло. Намочил вату, потер Паше губы.

Валерий ЕМЫШЕВ:

- Еще во дворце доктор наложил мне на руку жгут. Пока ехали в медсанбат, я все терпел, а потом вытащил нож и разрезал резинку.

Приехали. Меня в операционную, перед лицом какую-то тряпицу повесили, чтобы не испугать. Осмотрел меня хирург, потом, вижу, кивнул медбрату. Все ясно, думаю, будут убирать остатки. Отрезали руку и в тазик бросили.

А вечером эвакуировали в посольство. Там я бутылки три пепси-колы залпом выпил и отключился. Утром проснулся, нас уже готовят к эвакуации в Союз.

Виктор КАРПУХИН:

- В посольстве к нам отнеслись необыкновенно тепло. Дарили цветы, без конца кормили. Семьи сотрудников посольства отдавали все: одеяла, теплую одежду. Уверен, будь у них тогда последний кусок хлеба - отдали бы и его.

Право же, чудно сказать, что поехали мы туда, дабы приобрести лишние дырки в теле, лишиться рук, ног, стать инвалидами. Ведь тогда нам никто ни копейки ни за что не платил. Говорили, мол, все в интересах Родины. Вспомните, будьте честны перед собственной совестью, многие ли в том, 1979 году думали иначе? Ну а сегодня мы, конечно, поумнели крепки задним умом.

Штаб военно-воздушных сил

Анатолий САВЕЛЬЕВ:

- Среди ночи к нам приходит сообщение: танки прут на штаб! Я у лейтенанта-десантника спрашиваю: «Что будем делать?» Он задумался: «Знаешь, если танки вырвутся на летное поле, мы их не остановим. Там у нас всего три БМП. Давай машины выдвигать вперед, перекроем улицу. Она не широкая, это нам на руку.

Пойдут - станем бить».

Майор-советник слушал-слушал наши аргументы, а потом говорит: «А откуда здесь танки? Не могут тут находиться афганские танки».

Мы с ним в машину - и вперед. Темно. Ночь. Видим, действительно танки идут. А кто их разберет - наши они или афганские. Майор выскочил из машины и навстречу колонне. На переднем танке командир в башне, по-походному. Остановилась колонна. Советник спрашивает: «Ты куда рулишь, воин?» Тот назвал точку. «Так это же в обратную сторону», - смеется майор. Оказалось, карты Кабула у них не было, города не знают. Им дали точку, они и прут. Заплутали, всех переполошили.

Но, как видите, все окончилось благополучно. Спасибо майору.

Михаил РОМАНОВ:

- Что скрывать, была радость победы и тут же, рядом, самое страшное потрясение в жизни - следовало опознать тела погибших товарищей. Мы поехали вместе с Яшей Семеновым и Эвальдом Козловым. Я с трудом опознал Волкова, Зудина… После увиденного не хотелось жить, а не то что опять брать в руки автомат. Но надо было возвращаться во дворец, там уже организовали оборону. И как показала предстоящая ночь, вовсе не зря.

Всю ночь нас обстреливали танки, били прямой наводкой. Где-то ближе к утру генерал Дроздов поднял нас командой: «Приготовиться к бою, к отражению атаки!» Километрах в десяти-двенадцати располагалась так называемая «голубая дивизия» Амина. Она-то и поднялась в атаку.

Что делать? Боеприпасов оставалось совсем немного, люди выбились из сил. Вертолеты ночью не летают. Словом, помочь некому, висим на волоске. Да еще у нашей радиостанции аккумуляторы повреждены. Хоть и очень хотелось бы связаться с командованием, координаты дать не связались бы. Так прошла ночь.

Утром слышим гул. Уже при ясном небе видим самолеты. Витебская десантная дивизия заходила на посадку в Баграме. Молили об одном: чтоб успели.

Сергей КУВЫЛИН:

- В посольстве нас сразу перевязали и на рентген. У меня осколки оказались в ноге и в руке, в горле. Кровь шла изо рта. Но я не придал этому значения, думал - прикусил что-то там. А потом оказалось, пробило щитовидку и в трахее застрял мелкий осколок.

Лишь недавно, через двенадцать лет, мне его вынули.

В посольстве положили нас в коридоре, отношение было очень хорошее. Женщины помогали - жены работников посольства. Накормили нас, сигаретами снабдили. До рассвета некоторые ребята с тяжелыми ранениями не дотянули - вынесли одного, другого.

А утром всех в автобус и в аэропорт. По улице продвигаемся, смотрим, кто с афганским флагом на танке едет, кто - с белым. Где свои, где чужие? Будут стрелять - не будут? Всюду вооруженные автоматами афганцы. Наш водитель то и дело из окна автобуса белым полотенцем машет. В общем, доехали до аэропорта, а там в самолет - и курсом на Ташкент.

Министерство внутренних дел (Царандой)

Евгений ЧУДЕСНОВ:

- Ночь мы провели в захваченном здании. Под утро, часов около трех-четырех, по радио выступил Бабрак Кармаль. Нур сосредоточенно и очень внимательно слушал речь теперь уже, как было объявлено, Генерального секретаря ЦК НДПА.

А утром вместе с Нуром я ездил на узел связи и там впервые узнал страшную весть: погибли Гена Зудин и Волков.

Дворец Дар-уль-Аман

Глеб ТОЛСТИКОВ:

- После взятия резиденции Амина, когда увезли убитых и раненых, мы ночь еще воевали. Утром все стихло.

Удивительное было утро: свежее, ясное, воздух такой, что дышишь и надышаться не можешь. А главное, все поверили в то, что кончился этот кошмар.

Я вышел из дворца, встал у колоннады, щурился на солнышко. Вдруг очередь. Резко, пронзительно - та-та-та! Офицер, молодой парнишка, не помню - десантник ли он, или из «мусульманского батальона» схватился за живот и падает, гаснет. И не понять, откуда стреляли. Я подхватил его, паренька перевязали, отправили в медсанбат. Не знаю дальнейшую его судьбу, хочется верить, что выжил.

Вот таким я запомнил то утро - первое утро афганской войны…

ГЛАВНОЕ СВЕРШИЛИ…

После штурма дворца Амина в госпиталь, где лежали раненые бойцы «Альфы» и «Зенита», приехал посол Советского Союза в Афганистане Табеев.

Справа лежал Сергей Голов с девятью ранениями, слева - Николай Швачко. Посередине командир с больными почками корчился. Услышали они, словно прошелестело: «Посол, посол…»

Табеев склонился над командиром группы.

- Ты меня видишь, сынок?

- Вижу…

- Слышишь?

- Слышу…

- Спасибо тебе и парням твоим. Сделали все четко. Ни одна разведка в мире понять не может, кто и какими силами провел операцию. Потом у вас будут ордена, медали. Но не это важно. Главное в жизни вы уже совершили. Запомни, что я сказал…

Так как же была совершена эта поистине беспрецедентная операция?

По этому поводу в нашей печати было много выдумок и откровенной лжи, и потому начать свое повествование я хотел бы словами генерала Юрия Ивановича Дроздова, который непосредственно руководил той операцией. Лучше него о событиях декабря 1979 года в Афганистане не знает никто.

«…27 декабря 1979 года я и В. В. Колесник (полковник ГРУ. Прим. авт.) в полдень еще раз зашли каждый к своему руководству. Б. С. Иванов связался с Центром, доложил, что все готово. Потом он протянул трубку радиотелефона мне. Говорил Ю. В. Андропов.

- Ты сам пойдешь? - спросил он. Я отвечал утвердительно. Зря не рискуй, думай о своей безопасности и береги людей.

В район расположения «мусульманского батальона» ехали молча, каждый думал о своем.

Пообедали и в середине дня… еще раз обошли исходные позиции батальона.

… Вместе с Колесником решили собрать всех командиров рот, штурмовых групп и подразделений огневой поддержки в моей комнате на втором этаже.

Как старшему по званию В. В. Колесник предложил мне открыть совещание. В своем кратком выступлении я дал политическую оценку обстановки, раскрыл общую поставленную задачу, дал оценку сил и средств противника и основного объекта, нашего положения, соотношения сил и средств, общего

распределения сил и средств «мусульманского батальона». После этого В. В. Колесник отдал боевой приказ подразделениям, перечислив для каждого конкретные задачи.

Когда говорил В. В. Колесник, я внимательно смотрел на лица офицеров. Все разные, собранные, немного напряженные. В каждом чувствовались дисциплина и воля».

Началось с того, что группа бойцов «Зенита» выехала на площадь рядом с городским узлом связи. Площадь была довольно людной: тут располагались банк, ресторан, кинотеатр, находился постоянный пост Царандоя.

И потому решили действовать после девятнадцати часов, когда наступал комендантский час и площадь пустела.

Выехали на трех «УАЗах». Две машины оставили у ресторана, одна остановилась на площади, у того места, где располагается «колодец связи». Это был тот самый «колодец», взорвав который можно «отрубить» всю связь Кабула с внешним миром.

Потом одна из центральных газет в Москве так и напишет: «Бандиты провели очередную вылазку, и связь со столицей Афганистана прервана».

Словом, бойцы открыли люк, и Борис Плешкунов опустил в «колодец» мощные заряды. Взрыватель должен был сработать через четверть часа.

Бойцы успели возвратиться на базу, и в назначенное время прозвучал взрыв. Он и стал для всех сигналом к действию.

В штабе ВВС, где действовали «альфовцы» Савельев и Блинов, началось разоружение охраны и арест начальника штаба, у здания МВД (Царандоя) из машин выскочили «зенитовцы» и десантники и бросились на штурм.

Бойцы группы «А» Евгений Чудеснов и Александр Лопанов прикрывали собой Нур Ахмат Нура. Тот кричал в мегафон, что пришла законная власть, и призывал сдавать оружие. Из окон министерства отвечали автоматным огнем.

К тому времени «Альфа» уже понесла первые потери. Погиб Дмитрий Волков, спортсмен, стрелок. Он был убит у одного из постов афганской жандармерии.

Здесь же получил тяжелое ранение и Павел Климов.

Но главные дела вершились у дворца Амина. Группа «Гром» на боевых машинах должна была подняться по «серпантину» вверх, а бойцы Семенова на БТРах выходят к пешеходной лестнице. У фасада соединяются. Но жизнь часто вносит свои коррективы. Так было и в этот раз. Наступление «семеновцев» шло под ураганным огнем, подбили бронетранспортер. Пришлось залечь. Головы поднять удалось лишь тогда, когда наша «шилка» подавила пулемет в окне дворца.

Останавливаться под огнем пришлось и группе «Гром». Объезжали подбитый афганский автобус, потом была поражена наша боевая машина. Пришлось десантироваться, залечь, открыть огонь по дворцу.

Но БМП под номером тридцать шесть уже удалось прорваться к дворцу. Карпухин, Коломиец, Гришин, Плюснин вошли во дворец и завязали бой.

В это время Кувылин и Зудин залегли метрах в двадцати от дворца. Позиция была опасная - бойцы словно на ладони. От взрыва гранаты, брошенной из дворца, ранен Геннадий Зудин.

Несколькими солдатами руководил боец группы «А» Глеб Толстиков. У них, кроме автоматов, были лестницы. Дорога, ведущая к дворцу, с одной стороны была обрамлена высокой бетонной стеной. Без лестницы не залезешь.

Планировалось, что при десантировании из БМП солдаты хватают лестницы - и вперед, на штурм. На деле вышло иначе. Выпрыгнули, попали под огонь, залегли, и их словно приморозило. Пришлось Толстикову где криком, где пинками поднимать солдат. Кое-как поднял, добежали до дворца.

Грохот вокруг стоял «зверский», как выразился потом один из бойцов подразделения «А». За две минуты боя из 24 человек группы «Гром» 13 ранено.

Но бой уже гремел на первом этаже.

Вспоминает генерал Юрий Иванович ДРОЗДОВ:

- Когда штурмовые группы разведчиков-диверсантов ворвались во дворец и устремились к своим объектам внутри здания, встречая сильный огонь охраны, участвовавшие в штурме спецназовцы «мусульманского батальона» создали жесткое непроницаемое огневое кольцо вокруг объекта, уничтожая все, что оказывало сопротивление. Без этой помощи потерь было бы много больше. Ночной бой, бой в здании требует теснейшего взаимодействия и не признает выделения каких-либо ведомств.

В здании Царандоя Чудеснов вместе с десантниками тоже вел бой. Они определили Нура в один из кабинетов, выставили охрану и двинулись на «зачистку» этажей.

В первые минуты огневого соприкосновения с хорошо подготовленной охраной дворца Амина было очень тяжело. Тем более охрана значительно превосходила в живой силе штурмующих. По всем тактическим канонам такая атака обречена. Но вышло иначе.

В это время Григорий Бояринов и Сергей Кувылин должны были выполнить еще одну задачу: взорвать узел связи дворца. Они повыдергивали шнуры, разбили телефоны и забросали узел гранатами.

Бояринов побежал на второй этаж, а Кувылин остался прикрывать коридор. Это было за несколько минут до гибели полковника Бояринова. Позже его найдут убитым на выходе из дворца.

Группа в составе Эвальда Козлова, Сергея Голова, Михаила Соболева, Плюснина, Гришина, Филимонова прорвалась на второй этаж. Их поддерживали «семеновские» бойцы. По звуку автоматов пытались определить, где свои, а где чужие. Гранату бросили вперед и шли за взрывом. Мешали только большие стеклянные двери без обрамления. В темноте не видно. Гранату метаешь, а она возвращается под ноги.

В кабинетах, залах искали Амина, начальника гвардии майора Джандата, по приказу которого задушили Тараки.

Бой был тяжелый, ожесточенный. Емышеву оторвало руку, у Баева была прострелена шея. Кузнецов получил серьезное ранение в ногу, осколок попал Николаю Швачко в глаз. Но победа оказалась за нами.

Все группы и в захваченном дворце Амина, и в зданиях Царандоя, и в штабе ВВС провели беспокойные, бессонные ночи.

Так, в штаб ВВС в полночь пришло сообщение: колонна афганских танков движется на штаб. А там на охране всего три БМП. Стали думать-гадать, как организовать оборону.

Выручил опытный, толковый наш майор-советник. Он и усомнился, мол, откуда здесь танки?

Савельев вместе с майором выехали навстречу колонне. Оказалось, танки были советские. Заблудились и прут в обратную сторону. Пришлось охладить горячие головы танкистов.

Группа Чудеснова провела ночь в здании Царандоя. Под утро по радио выступал Бабрак Кармаль. Нур сосредоточенно слушал речь нового главы государства.

Во дворце утро пришлось встретить по команде генерала Дроздова: «Приготовиться к бою! К отражению атаки». Были данные: поднялась танковая «голубая» дивизия Амина и двинулась на дворец.

А когда рассвело, бойцы увидели самолеты: на аэродром в Баграме высаживалась Витебская десантная дивизия.

Операция завершилась. Начиналась долгая девятилетняя война.

Вспоминает генерал Юрий Иванович ДРОЗДОВ:

- В тот же день, в канун Нового, 1980 года (речь идет о 29 декабря, после возвращения из Кабула), я попросил жену поехать со мной на Манежную площадь к Вечному огню. Падал редкий снежок. Кругом гудела предновогодняя Москва, узнавшая об афганских событиях из скудного сообщения по радио. Ее, как и

всей страны, будни еще не были омрачены похоронками, порой опережавшими «черные тюльпаны». Мы положили к Вечному огню несколько ярких гвоздик, помолчали и так же молча пошли домой.

… Пройдут годы. Многое изменится в судьбах тех, кто штурмовал дворец Амина. Изменится и взгляд на Афганистан, на ту войну. Неизменным, святым останется кровь, пролитая на ступенях дворца. Вот только знать бы, ради чего она была пролита?…

КОВАЛЕНКО ИЗ СКЛИФА

28 декабря в московском кабинете заместителя начальника группы «А» Ивона раздался звонок:

- Здравствуй, Роберт Петрович. Это Коваленко из Склифосовского. Мы собираем группу врачей. Наверное, профессор Каньшин ее возглавит. Он - светило в гнойной хирургии. За тобой самолет.

Ивон потерял дар речи. Коваленко он знал хорошо. Не врач, а бог в своем деле. Ребят лечил, да и его самого, когда повредил ногу на парашютных прыжках. Но откуда суперсекретная операция КГБ стала известна в Склифе? Роберта Петровича прошиб холодный пот: он, как никто другой, понимал, чем это пахнет.

- Ты откуда знаешь, Игорь Леонидович?

- Успокойся, я ничего не знаю и знать не хочу, что там случилось. Берлев с места событий позвонил; много серьезных ранений. Ты что, Роберт, хочешь своих ребят отдать в руки комитетских костоломов? Беги, докладывай начальству, выбивай самолет.

Ивон доложил по команде. Зампред Пирожков взъярился. Разглашена государственная тайна! Какому-то врачу чуть ли не по прямому проводу о потерях и раненых докладывает майор КГБ. «У нас что, в комитете врачей не хватает?! кричал генерал. - Не хватит, возьмем в Министерстве обороны и заставим их закрыть рот покрепче. Люди в погонах поймут. А тут какой-то Коваленко из Склифа. Здрасте, я ваша тетя! Тоже мне светило медицинской науки, спаситель!»

И добавил: «Ладно, вернутся - спросим с этих героев». Зампред снял трубку прямого телефона, доложил обстановку Андропову.

Юрий Владимирович насчет государственной тайны не вспоминал, велел подготовить медикам самолет, оказать всяческую помощь и проявить внимание.

Второго января, почти одновременно из Москвы и Ленинграда, вылетели два самолета: оба держали курс на Ташкент. В первом летели профессор Каньшин, Коваленко с группой врачей своего института, во втором специалисты Военно-медицинской академии.

А несколькими днями раньше в Ташкент из Кабула вылетали раненые участники штурма дворца. Их выносили из посольства и укладывали в санитарные машины со всеми мерами предосторожности, накрыв предварительно матрацами. Машины

до аэропорта сопровождал бронетранспортер. В них больше не стреляли.

В передний салон самолета положили «тяжелых» Емышева без руки, Федосеева, Кувылина, Кузнецова, раненных в ноги, Климова, раненного в живот. Перед отлетом сделали уколы, боль слегка поутихла, и Сергей Кувылин пытался уснуть. Уходил в прошлое рев «шилок», свист пуль, стоны раненых в медсанбате. Рядом с ним, через проход, лежал Кузнецов.

Кувылин услышал сквозь дрему, как кто-то, склонившись над Кузнецовым, сказал:

- Ну как ты, Гена? Ничего, держись. А мы узел связи распотрошили. Все нормально. Взорвали, да и дело с концом.

Сергей удивился: кто это там узел «потрошил»? Голос незнакомый, со спины человека не узнать. Может, Бояринов воскрес? Кроме него и Бояринова, на узле никого не было.

- Слышь, а когда ты узел взрывал?

Склонившийся над Кузнецовым чуть повернул голову:

- Утром, когда рассвело.

- Так тогда его надо было уже восстанавливать.

- А ты кто?

- Я как раз из тех, кто узел уничтожил.

Тот поднялся с колен и, не оглядываясь, вышел, скрылся в другом салоне. Кувылин слушал, как гудят двигатели, и думал. Нет, не лавры героя его беспокоили. Он впервые задумался о том, что станется с ними, когда вернутся в Союз, в Москву. По-старому не будет. Жизнь их изменится. Но как?…

Павел Климов попал в руки профессора Каньшина, и он буквально вытянул мужика с того света. Емышев с Федосеевым оказались в хирургии. На первом же осмотре Емышев увидел из-под халата доктора генеральские лампасы, удивился. А после долгого осмотра комиссией, кивнув на собственную культю, брякнул, явно обидев медиков:

- Ну что, ребята, пишете диссертации?

Доктора притихли, а генерал нахмурил брови:

- Мы не диссертации сюда приехали писать, а лечить.

А, пожалуй, зря обиделись, ведь его культя стала как бы первым практическим пособием для будущих врачей афганской войны. Часто ли им приходилось видеть тогда, в 1979-м, подобные огнестрельные ранения? Отечественная война закончилась почти тридцать пять лет назад - несколько поколений медиков учили военно-полевую хирургию лишь по учебникам. А тут все как на войне. Не хотел майор Емышев обидеть генерала, да вышло нескладно. Хотя, может быть, кто-то и защитил диссертацию на их ранах - первых ранах афганской

войны.

Шутил майор, а сам мучительно думал, как жить дальше. Правая рука оторвана: ни писать, ни коробок спичек взять, чтоб сигарету самому прикурить. Вспомнился и Маресьев, и преподаватель в их Высшей школе КГБ Ларин, который без ног и без одной руки машину водил. Пример дело хорошее, но каждый свое горе хлебает в одиночку. И тут никто не мог помочь Валерию Петровичу, эту дорогу ему предстояло пройти самому.

… Новый, 1980 год они встречали в Ташкенте. В госпиталь с утра приехали ребята из комитета республики, привезли угощения, поделились слухами.

Говорят, всем, кто ранен, - Героя, остальным ордена Ленина.

Позже, к вечеру, поступили новые данные, самые последние, уточненные. Привез их вместе с шампанским и фруктами веселый узбек, начальник отдела ташкентского УКГБ. Клялся, что выведал их от первых лиц Узбекистана, а те уж, знамо дело, из Москвы. «В общем, мужики, - смеялся узбек, распихивая по тумбочкам груши, яблоки, хурму, - пятерым или шестерым - Героя Советского Союза, всем другим Ленина и Красного Знамени».

Так нежданно-негаданно даже для себя самих они стали Героями. В Москве их встречали радушно, но руководство было в растерянности. Отправляли на обычное задание - посольство охранять, а случилось по тем временам уму непостижимое: считай, всем поголовно ордена, да какие! О которых иной чекист, и не один десяток лет пропахав, не мечтал Красного Знамени, Ленина. И прошло-то совсем ничего - неделя. Что касается убитых, тут единодушие было общее - наградить надо. Убитым не завидовал никто. Вот с живыми сложнее.

Тем не менее представления готовились, писались, переписывались. Потом бумаги ушли куда-то по команде, и наступило затишье. Казалось, и не было 27 декабря, Кабула, дворца Амина в Дар-уль-Амане.

«Я В ВЕСЕННЕМ ЛЕСУ ПИЛ БЕРЕЗОВЫЙ СОК…»

Подтвердилось пророчество посла по поводу орденов. Долго, как колоду, тасовали списки представленных к наградам.

Вначале к званию Героя будто бы представили семерых: Бояринова, Козлова, Карпухина, Романова, Голова, Семенова и Полякова.

28 апреля 1980 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, которым за успешное выполнение специального задания Советского правительства и проявленные при этом мужество и героизм звание Героя Советского Союза было присвоено:

- Бояринову Григорию Ивановичу (посмертно),
- Карпухину Виктору Федоровичу,
- Козлову Эвальду Григорьевичу.

Золотая Звезда за № 11431 была вручена семье полковника Бояринова. Он навсегда останется в нашей истории первым Героем афганской войны.

Карпухин и Козлов получат свои звезды в Кремле 21 мая 1980 года из рук первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Кузнецова.

Вместе с ними ордена Ленина будут вручены Романову, Голову и Полякову.

Вручение наград в Кремле - дело хлопотное. В первую очередь для тех, кому вручают. Как шутили в «Альфе», ребята волновались не меньше, чем при штурме дворца. А уж инструктировали их до посинения: руку не жать, вопросов не задавать, не обнимать, не целовать. Спасибо, что дышать разрешили. Отчего же такие страсти?

Оказывается, награды вручить собирался сам генсек Брежнев.

Дату награждения несколько раз переносили и наконец сообщили: Брежнева не будет. Его заменит Кузнецов. Опять новый инструктаж, ведь Василий Васильевич древнее своего шефа. Главная задача - не переборщить с рукопожатием, чтоб не рассыпалась древность.

Наступило 21 мая. Великолепная пятерка собралась в Кремле. В гардеробе сдали плащи. В холле женщина средних лет приветливо, по-хозяйски улыбнулась.

Огляделись. Тихо. Торжественно. На столиках фруктовая вода, сигареты. Заглянули в зал - там ни души.

Томились недолго, ровно в назначенный час их пригласили в

зал, который по-прежнему выглядел пустым: прибавилось несколько стульев да массивный стол с золочеными резными ножками. Рядом со столом микрофон. Кузнецов поздравил с наградой, вручил ордена, Золотые Звезды. Награжденные, как принято, благодарили партию и правительство. Виктор Федорович Карпухин от волнения забыл сказать заготовленные заранее слова, ему разрешили еще раз подойти к микрофону. Пока он шел, кто-то пошутил, мол, воевать хорошо умеет, а говорить не очень.

После церемонии снова вышли в холл. «Может, сфотографироваться?» предложил Козлов. «Нежелательно», - тихо, но требовательно сказал сопровождавший их заместитель председателя комитета Лежепеков.

И все-таки в такой день решили ослушаться начальство: сделали несколько кадров. Фотографий, которых Лежепеков советовал не делать, так и не получили, а вот снимков, где Василий Васильевич руку жал, дождались. Правда, через несколько лет.

Секретарь Президиума Верховного Совета Георгадзе восхищался: «Эх, какие ребята, настоящие богатыри, с вами бы по бокалу шампанского выпить. Такие награды! Но, извините, - смущенно разводил он руками, - в Президиуме денег нет. Все на послов да на приемы, обеды званые расходится».

«Ничего, - успокоил Сергей Голов секретаря Президиума Георгадзе, мы догадывались, поэтому с собой принесли». Хотелось только добавить: «Принесли, зная вас, му…ков».

Когда Георгадзе ушел и остались только свои, зампреды Лежепеков и Кирпиченко дали «добро» на заслуженную рюмку водки. Но предупредили: дома никому ни слова. «Плетите все, что угодно про свои награды, кроме правды. Это государственная тайна».

Заслуженную рюмку пить дома под одеялом не хотелось. Заказали столик в ресторане «Прага». Приехали в пять и попали как раз в перерыв. Не пускают. Что ж, пока перекурили. Люди все прибывают. Молодые ребята на входе шумят, свадьба подкатила на черных «Волгах». Время к открытию. Прошли к гардеробу, скинули плащи. У одного Золотая Звезда на лацкане, у другого, у третьего орден Ленина. Молодежь притихла, разинула рты от удивления. Деды-гардеробщики привстали: «Ребята, да где же вы столько набрали? Откуда, сынки?».

Окружили, охают, восхищаются, глаза горят, подбежала девушка-невеста, орден потрогать просит. Оказывается, народ встречает своих героев не так, как кремлевские филины. И тепла у людей хватает, и добросердечия, и искренности.

Поднялись наверх. А по дороге, чтоб не было лишних вопросов, награды сняли. Встретил официант Коля. Попросили его сделать праздник, но без шума, посторонних и рекламы. Мол, мы ребята тихие, скромные, один из Анголы вернулся, другой… Словом, запудрили Коле мозги. Тот накрыл стол и вышел. Ну а традиция есть традиция.

Налили бокалы, ордена и звезды опустили в шампанское. Встали. В это время Коля вошел, закуску принес. Вошел и остолбенел. Рядом, по соседству, двадцать человек медаль «За трудовую доблесть» обмывают, а тут впятером две геройские звезды и три ордена Ленина. Страна чудес!

Пригласили Колю: выпей с нами, считай, с того света вернулись. Официант молча опрокинул рюмку, ученый, вопросов не задавал. На этом семейный, в узком кругу, ужин и закончился. Коля притащил друга. Извинился, мол, простите, ребята, с другом пятнадцать лет вместе работаем, а такого в жизни не видывали. Ну что же, друг так друг, заходи, наливай. А тут на цыпочках вошел метрдотель, бывший чекист, с тремя официантами. Им тоже, оказывается, по секрету рассказали о героях.

Появился руководитель оркестра. Хотел сыграть для настоящих героев.

- Вы - очень симпатичные ребята, - улыбался музыкант, - что прикажете исполнить в вашу честь?

- Какой приказ, маэстро. Действуй на свое усмотрение.

И оркестр заиграл популярную тогда мелодию: «Я в весеннем лесу пил березовый сок…»

А ребята сидели в своем ресторанном кабинете, слушали песню. Обидно, досадно стало: что мы от своих людей с наградами прячемся?

Вышли в зал. Кто сидел там, из-за столов встали, поздравляют. Руки жмут, к себе присесть приглашают. Оттаяли душой ребята.

А оркестр все играл и играл. Для них, для героев. Незабываемый был вечер. Уже в конце подсел к ним мужичок. Захмелевший. Веселый.

- За вас, ребята, за вас! - шумел он. - Чувствую, вы настоящее дело сделали.

Он залпом осушил бокал и с досадой бросил:

- Тут пашешь, пашешь - и ни хрена…

Козлов усмехнулся и спросил:

- Где пашешь?

Тот грудью подался на стол и, озираясь, прохрипел по секрету:

- В КГБ…

Геройский стол вздрогнул от хохота.

ПЕРВЫЙ ГЕРОЙ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ

Герои афганской войны не обделены у нас ни почетом, ни вниманием. Страна знает их и любит. Они занимали и занимают высокие государственные и правительственные посты, возглавляют общественные организации.

К ним внимательна пресса, созданы кинофильмы и телепередачи, в книгах самых авторитетных авторов герои-афганцы занимают достойное место. Достаточно назвать лишь некоторые имена, и станет ясно, что и сегодня, спустя много лет, они у всех на устах. Александр Руцкой, Павел Грачев, Борис Громов, Руслан Аушев, Валерий Очиров.

Из более чем 200 тысяч награжденных из состава ограниченного контингента советских войск в Афганистане 67 человек стали Героями Советского Союза, 24 из них - посмертно.

В органах МВД этого звания удостоен полковник Михаил Исаков. Есть сведения, что Комитет госбезопасности представил к званию Героя 13 человек. Но все ли они были удостоены высокого звания - неизвестно. Даже о тех, кто стал Героем, долгое время молчали. В личных делах против их фамилий стоял гриф: «Без опубликования в печати».

И все-таки, несмотря на запреты, имя первого Героя просочилось на страницы газет. Правда, в каком-то диком обличье появился перед нами Герой Советского Союза полковник Бояринов. Писали, что, идя на штурм дворца Амина, он страшно орал и крыл матом офицеров. Создалось впечатление, словно полковник больше ничего и не умел, как поливать нецензурщиной своих подчиненных.

Прочитав эти строки, можно улыбнуться и великодушно простить недобросовестность ли, злой ли умысел человеку, запустившему в полет грязную «утку». Оставалась уверенность, что уже следующий литератор обязательно задастся вопросом: как же люди, сплошь матерщинники, крикуны и болтуны сумели выполнить уникальную, беспрецедентную по сложности задачу столь молниеносно, четко и с минимальными потерями? Но, к сожалению, надо сказать: первый Герой нечасто упоминался в нашей документалистике, ну а если о нем и говорили, то ссылались на мнение того самого неизвестного автора, якобы видевшего Бояринова в бою и собственными ушами слышавшего мат и крики.

Неужто нам недорога собственная история и мы готовы запросто согласиться с тем, с чем согласиться никак нельзя, - так и оставить оклеветанным честного человека, настоящего Героя?

В одной из книг об афганской войне попались немало удивившие строки: «Если не считать тех, кто получил Золотую Звезду за штурм аминовского дворца (были и такие), то следующим Героем (из живых) стал офицер-десантник Козлов».

Нелепые слова: почему, собственно, не считать тех, кто получил звезду за штурм аминовского дворца? Да, верно, были такие. Может быть, в них резиновыми пулями стреляли? Или кровь и жизни бойцов «Зенита» и «Грома» ничего не стоят? Нетрудно заметить также то общее, что руководило как офицерами КГБ, так и офицерами воздушно-десантных войск. Кстати, при штурме дворца Дар-уль-Аман в бой они шли вместе, плечом к плечу, в одних БМП и БТРах, и никто за спину друг друга не прятался.

Так почему же мы должны считать одних и сбрасывать со счетов других? Может, поэтому мы до сих пор не знаем, каким был на самом деле полковник Григорий Бояринов? А надо бы знать. Пора вернуть его имя в нашу военную историю. И пусть он займет в ней подобающее место.

Григорий Бояринов был сыном своего времени. Он родился в 1922 году и добровольцем, в 17 лет, ушел в армию. Окончил Свердловское пехотное училище, в сорок первом получил звание младшего лейтенанта и первую свою фронтовую должность - командир минометного взвода. Судьба забросила его на Северо-Западный фронт. Здесь он получил и первое боевое крещение и первую награду - медаль «За отвагу». Во все времена со дня ее введения медаль «За отвагу» ценилась особо. Что говорить - всем медалям медаль. Трудно сказать, почему эта награда приобрела такой авторитет - может, оттого, что лежал на ней отблеск Георгиевского креста, солдатской награды, вручаемой в русской армии за личную храбрость и отвагу.

С приходом к власти большевиков Георгиевский крест был упразднен, однако со временем догадались ввести медаль, которая стала популярна и любима в Красной Армии.

Удостоился ее младший лейтенант Григорий Бояринов за то, что со своим взводом уничтожил пехотную роту фашистов.

Вдвойне приятно было узнать о награде отцу Григория - Ивану, Георгиевскому кавалеру.

В декабре 1941 года Григория переводят в истребительный полк Северо-Западного фронта, а уже 1 февраля 1942 года он откомандирован в состав пограничного полка НКВД. Как оказался лейтенант в пограничной части, теперь уже вряд ли удастся выяснить. Солдат, офицер, особенно во фронтовую пору, не волен был собой распоряжаться. Где сказали - там и служил, бил фашистов.

Сегодня при упоминании войск НКВД на ум приходят спецотряды, которые даже во время войны исполняли обязанности палачей: пытали и расстреливали так называемых «врагов» советской власти, выселяли репрессированных.

Но были и иные подразделения, тоже в составе войск НКВД, их бойцы работали в разведывательно-диверсионных группах в глубоком тылу противника, они стали костяком партизанских отрядов в сети партизанских формирований, выполняли за линией фронта специальные задания. Этим и занимался Григорий Бояринов более двух с половиной лет в пограничном полку на Северо-Западном, Ленинградском и 2-м Прибалтийском фронтах. Он командовал школой снайперов, готовил диверсионные подразделения, сам их неоднократно возглавлял, уходя за линию фронта.

В одной из таких операций отряд специального назначения под его командованием уничтожил штаб итальянской дивизии. Бояринова наградили орденом боевого Красного Знамени. Фронтовики помнят, что значил такой орден в 1942 году. Войну Григорий Иванович закончил начальником штаба пограничной комендатуры, а последующие годы служил в 106-м погранотряде Северо-Западного пограничного округа. Здесь и произошел тот случай, что навсегда вошел в историю округа. На маленьком самолете Бояринов преследовал трех нарушителей границы… В этом не было бы ничего необычайного, но самолет был одноместный, и в кабине мог находиться только пилот. Оставалось одно, что и сделал пограничник: взобрался на крыло и приказал взлетать.

Самолет совершил посадку на льду Финского залива, и офицер еще несколько километров гнался за нарушителями. Они добежали до берега, спрятались в камнях и открыли огонь. Бояринов, стреляя из винтовки, не давал шпионам выбраться из своего укрытия и уйти через границу. Вскоре подоспело подкрепление, нарушители сдались.

В 1948 году капитана Григория Бояринова направляют на учебу в Военный институт МГБ СССР. Он оканчивает его с отличием и остается на кафедре. Через несколько лет молодой преподаватель становится адъюнктом Военной академии имени М. В. Фрунзе, успешно защищает диссертацию.

Что же изучает Бояринов? То, что он узнал на практике и проверил в боевых условиях, - тактику партизанских действий.

Академическая газета «Фрунзевец» 14 ноября 1959 года так писала о кандидатской диссертации адъюнкта Бояринова: «Особый интерес и ценность работы заключается в том, что она - первая в области научного анализа методов ведения

воспитательной работы в партизанских формированиях, принципов их организации, решаемых задач, методов их выполнения, средств, использовавшихся при ведении разведывательных и боевых действий, организации взаимодействия с регулярными войсками.

Глубокой разработке темы немало способствовало то, что сам диссертант участвовал в деятельности партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны, что позволило ему полнее оценить успехи и неудачи отдельных операций, шире охватить круг проблем, связанных с организацией и ведением партизанской борьбы, прийти к интересным и обоснованным выводам».

После окончания адъюнктуры и защиты диссертации Григорий Иванович становится преподавателем Высшей краснознаменной школы имени Ф. Э. Дзержинского. Теперь у него есть все для успешной педагогической работы научные знания, богатый практический опыт.

18 лет проработал Бояринов в Высшей школе КГБ. За эти годы написаны многочисленные научные труды, он возглавил одну из спецкафедр школы. У него было много учеников. Именно из них сформировав первый отряд «Зенит» и возглавив его, он поехал в Афганистан. Вернулся в сентябре, а в декабре улетел снова. Мог ли он в том бою укрыться за броней БМП, войти во дворец не в первых рядах, не броситься в самое пекло? Наверное, мог. Но не отстал, не укрылся за броней. Его ученики гордились им. Было, конечно, и сожаление, и такое мнение: мол, лучше бы старику в огонь не соваться. Что ответить этим людям? Жизнь Бояринова лучший тому ответ. А еще поминальные стихи одного из бойцов: «Прощай, наставник и отец. Тебя мы будем помнить как героя!» Дай бог, чтобы эта память была долгой и светлой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ КАБУЛА

27 декабря, когда бойцы спецгруппы «Гром» и «Зенит» шли на штурм дворца Амина и других объектов Кабула, вместе с ними под прикрытием брони передвигались и будущие руководители Афганистана Сарвари, Гюлязбой, Ватанджар, Нур.

Не было с ним только первого лица - Бабрака Кармаля. Где же он находился в эти дни и ночи? Ведь в резиденции дворца Арк он появился лишь спустя две недели после штурма.

Эта загадка ныне тоже раскрыта.

… В этот же декабрьский день, двадцать седьмого, колонна бронетранспортеров под прикрытием трех танков выдвинулась из Баграма.

К утру, совершив марш, она должна была войти в Кабул. В середине колонны, в одном из БТРов, находились Бабрак Кармаль и Анахита. Здесь же, как всегда рядом, Шергин и Изотов.

Валентин Иванович сидел сверху, в люке бронетранспортера, когда в шлемофоне прозвучал взволнованный голос командира головного танка.

- Первый… Первый… Танки справа!

Шергин уже и сам увидел башни афганских танков метрах в двухстах от дороги. Жерла орудий, словно принюхиваясь, повернулись в их сторону.

- Стоп колонне! - скомандовал он.

И тут же ближайший к бронетранспортеру танк сдал назад и прикрыл их своей броней.

- Вперед!

Валентин Иванович порадовался за танкистов: ребята знают свое дело. Афганские танки угрюмо и молча проводили их колонну черными зевами пушек. Но с места двинуться не посмели.

С рассветом колонна входила в Кабул. По всему чувствовалось, что ночью здесь был бой: у дороги несколько подбитых танков, разрушенные дома. Однако ночной бой не напугал жителей столицы. Они по-прежнему спешили по своим делам, некоторые останавливались, приветственно помахивали рукой. Никто не прятался, не убегал. Не прозвучало ни одного выстрела.

Танки и бронетранспортеры выдвинулись к зданию Царандоя. Изотов со своими подчиненными остался охранять Кармаля, теперь уже Генерального секретаря ЦК Народно-демократической партии Афганистана, и его соратников, а Шергин поехал в посольство. Там они и рассказали о гибели Зудина, Волкова,

Бояринова, еще двух ребят из «Зенита», о тяжелых ранениях Емышева, Климова, Федосеева.

Шергин, получив указание от резидента, возвратился в здание Царандоя. Ночевать решили здесь. Бойцам группы «А» была придана рота десантников. Ночь прошла сравнительно спокойно.

Утром место пребывания сменили и сутки находились на территории одной из воинских частей афганской армии. Потом переехали на правительственную гостевую виллу, которая располагалась на самой окраине Кабула, за Дар-уль-Аманом.

Прежде здесь жили высокие гости, приезжавшие с визитами в страну. Здесь любил останавливаться предсовмина А. Н. Косыгин.

Однако вилла Шергину и Изотову не понравилась. Доложили в посольство и тут же нарвались на окрик: что вы там капризничаете, условия для жизни отличные…

И вправду, комфорта было достаточно, но охрану беспокоило другое: вилла располагалась у подножия горы, рядом с кишлаком. Если смотреть из кишлака, территория виллы как на ладони. Но смотреть можно всяко, и через оптический прицел, например.

Эти аргументы в споре с представителями резидента и привел Валентин Шергин, однако опасения охраны вызвали лишь раздражение руководства: мол, не успели приехать, оглядеться, а уже указываете старожилам.

Что ж, приказ есть приказ. Продумали систему охраны, выставили посты. Однако жизнь не остановить. Решили Новый год отметить. Раздобыли бутылку шампанского, накрыли стол. Время уже к двенадцати, налили по бокалу, чтобы старый год проводить, неожиданно Изотова вызывает Бабрак. Юрий ушел, пришлось его ждать. Зато, возвратившись, он поднял бокал, улыбнулся товарищам:

- Бабрак Кармаль поздравляет нас с Новым годом.

Но выпить не успели. За окном, в морозной темени сухо простучала автоматная очередь. В комнату вбежал начальник караула: «Нас обстреляли из кишлака!»

Пришлось взять в подмогу нескольких солдат-десантников, пошарить в окрестностях виллы. Ничего не нашли. Ночь глуха и морозна. У водонапорной башни, которая была рядом с кишлаком, выставили пост. Вернулись за стол. Новый, 1980 год уже наступил, выпили вдогонку.

И вновь стрельба, опять тревога. Заняли круговую оборону. Вспышки выстрелов были видны рядом с башней. Кто-то открыл ответную беспорядочную стрельбу, десантники даже из БМП снаряд выпустили. Потом, когда разобрались, оказалось, по нашему часовому сделали несколько залпов из кишлака, он тоже

дал очередь. Вспышки его автомата и увидели с виллы, поспешили обстрелять. К счастью, солдат укрылся, остался жив.

Да, в ту новогоднюю ночь им не суждено было вернуться за праздничный стол. Пришлось прочесывать кишлак.

На вилле Бабрак Кармаль и члены Революционного совета пробыли еще неделю. Отсюда почти никто не уезжал. Чаще приезжали сюда. Здесь же Кармаль, к тому времени Генеральный секретарь ЦК НДПА, председатель Революционного совета, премьер-министр и главнокомандующий Вооруженными силами ДРА, провел первую пресс-конференцию.

С переездом во дворец Арк, резиденцию главы страны, у сотрудников группы «А» началась нелегкая каждодневная служба по охране и обеспечению безопасности Бабрака. Они неотступно несли внутреннюю охрану, дежурили в приемной и в комнате отдыха. По периметру дворца были выставлены посты десантников, за территорией резиденции внешнее кольцо охраны - национальные гвардейцы. Многочисленные входы и выходы из дворца перекрывали бойцы «Зенита».

На выездах главу государства сопровождали все одиннадцать его охранников. Впереди ехал и расчищал путь Юрий Изотов, за ним в бронированном «Мерседесе», за рулем которого был Анатолий Гречишников, - Бабрак, следом все остальные.

Каждый выезд требовал полной мобилизации сил и возможностей охраны. Движение на магистралях Кабула практически не регулировалось, полиция о маршруте кортежа ничего не знала, да если бы и знала, вряд ли бы могла что-либо предпринять. Улицы столицы многолюдны, много бронетехники танков, боевых машин пехоты, бронетранспортеров.

Изотов так вспоминает первые выезды Бабрака. «Еду впереди, кулак показываю в окно и пру на танк. Другого выхода нет. Смотришь, отворачивает. Не выбежишь, не объяснишь каждому, что глава государства едет. Правда, потом гвардию стали выставлять на посты по маршруту. Но на них надежды не было. Надеялись только на себя».

Хотел бы подчеркнуть эти слова, так как через несколько лет Кармаль на вопрос советского корреспондента, не смущало ли его, руководителя суверенного государства, что помещения дворца (а значит, и он сам) находились под контролем специальной охраны КГБ, ответит: «Я много раз возмущался по этому поводу».

А вот у руководителей той самой «специальной охраны» иное мнение.

Сотрудник группы «А» Валентин Шергин так вспоминает о днях, проведенных в Афганистане:

- Отношения с Бабраком сложились самые добрые, совсем не такие, как у службы безопасности с охраняемым, а скорее как у соратников. Мы были рядом с ним всегда, в самые трудные дни. 14 декабря по тревоге почти на руках выносили их всех из капониров, сажали в самолет.

В феврале, когда в городе было неспокойно, жгли машины, обстреляли наше посольство, убили нескольких советских граждан, а оппозиция, собрав под зеленое знамя ислама тысячи людей, двинула их на дворец Арк, - готовы были умереть, защищая Бабрака.

В день празднования Саурской революции на трибуне за спиной Кармаля стоял наш Володя Тарасенко. Мы отдали ему бронежилет. И случись покушение нет сомнений, Володя пожертвовал бы собой. У него и задача была: если что - закрываешь собой Бабрака.

Все это Кармаль видел, понимал и отвечал теплом и благодарностью.

23 февраля у Юры день рождения. Помню, его поздравить пришел весь Ревсовет: Бабрак, Анахита, Нур, Гулябзой… А когда Анахита возвратилась из долгой зарубежной поездки, на аэродром от всех нас поехал встречать ее Изотов. Он привез огромный букет роз, но подойти не решался; там, впереди, стояли руководители государства, посол Табеев. Словом, официальная церемония. И вдруг Анахита видит его в толпе, отталкивая Табеева и с криком: «Юра!» - бросается к Изотову.

На следующий день нас вызвал к себе и «пропесочил» генерал Иванов: вы что там себе позволяете?…

Думаю, если бы мы были просто наемными охранниками, к нам не относились бы с такой теплотой и уважением.

А потом ведь не надо забывать, что группа улетала на неделю, из этого расчета взяли и пищу, и одежду, в Союзе остались неотложные дела. Головатов учился в институте физкультуры, у него «горели» госэкзамены, у другого - учеба в школе КГБ, у третьего еще что-то. У всех на Родине остались семьи, дети. Да и к тому же мы не «девятка», не специалисты по охране руководителей, потому просили нас заменить. По этому поводу я звонил генералу Бесчастнову, написал рапорт. Нам несколько раз назначали отъезд, но всякий раз откладывали по просьбе Бабрака.

Последний срок был в феврале. Мы, что называется, упаковали чемоданы, собрали сувениры, попрощались, но вновь обострилась обстановка, и Кармаль наотрез отказался нас отпустить. Сказали так: остаетесь до мая. Но, увы, прошел май - а мы по-прежнему несли свою нелегкую службу.

В последний день июня в нашу честь устроили прощальный банкет, на котором присутствовали посол Табеев, генерал Иванов, нас одиннадцать человек и почти все высшее афганское руководство. А 1 июля мы покинули Кабул.

Другой охранник Бабрака, Юрий Изотов, солидарен со своим товарищем:

- Каждый из одиннадцати наших ребят был готов закрыть собой Бабрака. Скажу о себе: я всегда находился в таком месте, откуда смог бы в считаные секунды успеть добраться до Бабрака и заслонить его. В подобных ситуациях оружием пользоваться сложно, и поэтому главное - постоянно держать кратчайшее расстояние между собой и им. Думаю, мне это удавалось.

Как-то Бабрак присутствовал на партийном собрании в театре. Нас предупредили накануне: готовится террористический акт. Представляете наше состояние. Мы, конечно, подняли на ноги национальную гвардию, сами сели в зале, чтобы контролировать ситуацию.

Начинается собрание. Бабрак выходит к трибуне - и в зале неожиданно гаснет свет. Следующее действие, которое я ожидал, - взрыв гранаты. Этого, к счастью, не произошло. Но тем не менее пришлось его окружить, закрыв собой, увести за кулисы.

Были, конечно, и другие острые моменты. На параде, посвященном празднику революции, на противоположной от трибуны стороне улицы, на крыше дома, вдруг появляются вооруженные люди. Мы придвигаемся к Бабраку. Нервы напряжены до предела.

Оказывается, национальные гвардейцы проявили инициативу. Вот только их командир забыл об этом нас предупредить.

А вообще, новая национальная гвардия, которую набрали из партийных активистов, была очень слабо подготовлена. Кармаль как-то даже просил меня, чтобы я научил их чему-то, провел занятия.

Бабрак доверял нам больше, чем любому афганцу.

Вот такие полярные мнения. Где истина? Не берусь судить. Констатирую только факты, а уж читатель пусть сам сделает выводы.

… С возвращением подразделения Шергина, казалось бы, афганская эпопея для группы «А» завершилась. Тем более дома своих дел оказалось невпроворот - открывалась Московская Олимпиада. Еще свеж был в памяти Мюнхен, захват и зверский расстрел палестинскими террористами израильской борцовской команды. Ничего подобного Советский Союз допустить не мог. И потому уже на следующий день после прилета группу Шергина вызвал к себе начальник управления генерал Бесчастнов. Он

поблагодарил за службу, а потом сказал:

- Сынки, денек отдохните, а 4 июля все на обеспечение безопасности Олимпиады.

Семь месяцев находились они вдали от дома, от семьи. Один день с семьей, и вновь в казарму. Но они понимали: Олимпиада-80 в Москве событие не рядовое. Мюнхен не мог повториться. Иного было не дано. Группа антитеррора снова в бой.

«АЛЬФА» НА ОЛИМПИАДЕ-80

«В первых числах июня 1943 года консульский служащий Луиджи Феррaро, элегантный молодой человек с непринужденными манерами, снабженный соответствующими документами, представился итальянскому консулу в Александретте (речь идет о турецком порте. - Прим. авт.) маркизу Иньяцию ди Санфеличе (который, не будучи заранее уведомленным, его не ожидал) и вручил письмо за подписью министра иностранных дел. В письме было сказано, что Луиджи Феррaро временно направляется в консульство для выполнения особого задания министерства. Господина консула просили оказывать ему в этом всяческое содействие.

С собой Феррaро привез четыре довольно тяжелых чемодана, не подлежащих таможенным досмотрам, как дипломатический багаж…»

Так описывает прибытие в турецкий порт одного из лучших итальянских боевых пловцов старшего лейтенанта Луиджи Феррaро его командир Джулио Валерио Боргезе.

Всякий, кто когда-либо интересовался подводной войной, знает имя этого легендарного итальянского диверсанта. Его называли Черным принцем людей-торпед. Он посвятил свою жизнь созданию итальянских подводных коммандос.

Не оставил свое излюбленное ремесло Боргезе и после войны. Ему удалось избежать суда, и он продолжил подрывную деятельность и в послевоенное время.

В частности, есть все основания считать, что именно люди Боргезе устроили взрыв советского линкора «Новороссийск» 29 октября 1955 года.

Однако вернемся в 1943 год. Офицер военно-морских сил Феррaро прибыл в турецкий порт не случайно. Что произошло дальше? Слово самому Валерио Боргезе.

«Вечером 30 июня, когда любопытство, вызванное прибытием нового лица утихло, а наблюдение английских агентов, старательных, но не особенно прозорливых, ослабело, Феррaро и Роккарди (секретарь консульства, а в действительности офицер секретной службы военно-морского флота Италии. - Прим. авт.) задержались на пляже дольше обычного. Увлекательная партия в нарды заставила их забыть о том, что время уже позднее. Когда они остались одни, Феррaро вошел в купальную кабинку и принялся рыться в ящике со спортивным инвентарем. Через некоторое время он вышел одетый в черный резиновый костюм, на ногах ласты, на лице маска (респиратор). На поясе у него были

подвешены два странных, видимо, тяжелых предмета. На голове прикреплен пучок водорослей. Странно вел себя этот дипломат на пляже!

Человек в черном костюме осторожно приблизился к морю, вошел в воду и тотчас же без единого звука бесследно исчез во мраке ночи. Проплыв 2300 м, он оказался вблизи греческого судна «Орион» (7 тыс. т), груженного хромом.

Вот он выполнил маневр, который много раз повторял на тренировочных занятиях; под лучами прожекторов, на глазах у вахтенных он потихоньку приблизился к судну, стараясь держаться в тени барж, стоящих у борта, включил кислородный прибор и бесшумно погрузился. Двигаясь под водой вдоль корпуса корабля, он отыскал боковой киль и, отцепив от пояса подрывные заряды, прикрепил их зажимами к килю. Потом он выдернул предохранительную чеку и возвратился на поверхность. Все это было проделано за несколько минут. Так же осторожно он удалился. В 4 часа утра Феррaро возвратился в консульство.

Через 6 дней «Орион», закончив погрузку, вышел в море, но ему не удалось уйти далеко: в сирийских водах под корпусом тяжело груженного судна произошел взрыв, и оно быстро пошло ко дну. Спасшиеся моряки, которых поместили в госпиталь в Александретте, утверждали, что «Орион» был торпедирован».

Такова лишь одна из операций так называемой 10-й флотилии итальянского военно-морского флота, которая специализировалась на диверсиях. Боевые пловцы этой флотилии наносили серьезные удары по противнику.

«Несмотря на все старания англичан, - писал Боргезе, им так и не удалось установить подлинную причину гибели судов. Их состояние можно было сравнить с состоянием человека, который, запершись в собственном доме и забаррикадировавшись в своей комнате, по ночам просыпается от выстрелов, раздающихся неизвестно откуда и наносящих ему каждый раз новые, правда, пока не опасные раны. Эти выстрелы сводят его с ума от ярости, потому что он не может обнаружить, где спрятался его противник, и от ужаса, что рано или поздно этот таинственный и неуловимый враг нанесет ему опасную рану, поразив какой-либо жизненно важный орган (военные корабли)».

Эти слова, в которых очень точно подмечена опасность подразделений подводных диверсантов для противника, сегодня хорошо знают боевые пловцы группы «А». Ведь в их обязанности входит противостояние террору не только на земле и в воздухе, но и на воде.

Хотя понимание этого и осознание необходимости подготовки сотрудников по программе боевых пловцов пришло не

сразу. Как считает Александр Васильев, первый командир «морских дьяволов» группы «А», точкой отсчета можно считать год 1977-й.

Возвратившись с фестиваля молодежи и студентов на Кубе, начальник подразделения Геннадий Николаевич Зайцев занялся вплотную созданием группы боевых пловцов.

Жила наша фестивальная делегация на теплоходе «Грузия», в ее состав входило и три альфовских сотрудника во главе с командиром группы. Они, по существу, и должны были обеспечивать безопасность судна. Но как? Видимо, над этим вопросом тогда и задумались сотрудники группы «А». И вовремя. Приближалась Московская Олимпиада 1980 года. В программу летних Олимпийских игр входит и парусная регата, которая должна была проводиться в Таллине. Как известно, Таллин не Москва. Здесь обеспечивать безопасность участников и их судов намного сложнее. Тем более что регата уходила из советских территориальных вод в нейтральные воды. С каким «подарком» вернутся яхты оттуда? Этого никто не знал.

Да и сама обстановка вокруг Олимпиады в Москве была весьма нервозной. Американцы бойкотировали игры, ползли слухи о «происках ЦРУ», словом, работать было нелегко.

Достаточно привести лишь один пример. В столицу на Олимпийские игры приехал Ясир Арафат. Были данные: якобы его хотят захватить террористы прямо в самолете или расстрелять в Москве. Сотрудникам «Альфы» поручили охранять палестинского лидера. Мне рассказывал о своих впечатлениях Виталий Демидкин, когда они в аэропорту встречали самолет Арафата и сопровождали его на открытие Олимпиады в Лужники. Надо признаться, впечатления не самые приятные. Ведь еще памятен был 1976 год, расстрел террористами израильской сборной борцов. Ту провальную операцию немецкого спецподразделения в группе разбирали «по косточкам».

Был и еще один нюанс: это первая Олимпиада в соцстране. Ее следовало провести, что называется, «без сучка и задоринки».

Вот под таким идеологическим и эмоциональным прессингом приходилось работать сотрудникам подразделения антитеррора.

Что же касается парусной регаты, то за год до Олимпиады трое боевых пловцов «Альфы» - Васильев, Панкин и Беляев выезжали в Таллин на предолимпийские состязания, когда, по сути, обкатываются объекты будущих игр. Как оказалось, охрана регаты, дело очень непростое. Предстояло противостоять морским диверсантам, а это значит профессионалам. Как раз профессионализма молодым боевым пловцам группы «А» и недоставало.

Попросили помощи у военных моряков. В ту пору в Балтийске, под Калининградом, располагался сверхсекретный отряд по борьбе с морскими диверсантами. На стажировку в это подразделение и выехали «альфовцы». Их было четверо. К тройке прибавился еще младший лейтенант Плюснин.

Степень секретности их визита была такова, что командировочные предписания на лейтенантов подписали лично председатель Комитета госбезопасности Юрий Андропов и главнокомандующий Военно-Морским Флотом адмирал Горшков. На перроне в Калининграде их встречали два капитана 1-го ранга.

Машина из Балтийска задерживалась, хозяева предложили заехать в штаб флота, отобедать. Как водится, выпили по рюмочке, и один из «каперазов» не выдержал. «Знаете, ребята, - говорит, - я в штабе флота в Москве был не раз, так там ниже «кап-два» и нет никого. А вы - младший лейтенант, лейтенант…»

Пришлось выкручиваться: мол, нам же с моряками плавать, чего же пугать их высокими званиями. Вот и решили: так будет проще. Кое-как отбились…

Командировка была два с лишним месяца. Подготовку прошли основательную и на малых лодках, и с носителями. Очень важно, что познакомились с офицерами, матросами, с кем потом пришлось нести службу по охране олимпийской регаты.

Рассказывает командир отделения боевых пловцов группы «А» мастер спорта международного класса по подводному плаванию Александр Васильев:

- Олимпиада началась, по-моему, в июне, а мы приехали в Таллин в мае. Нас было четверо человек - трое «альфовцев» и еще один сотрудник из 2-го главка. Работали мы с матросами, связка два моряка и кто-то из наших. Осматривали борта судна, приходилось начинать работу рано, часа в четыре утра. В другое время нельзя: если увидят спортсмены, что под их яхтами кто-то плавает, - скандал.

В общем, встаешь чуть рассветет, за территорией одеваешься, спускаешься и по ориентирам тихонечко плывешь. Осматриваешь чашу олимпийского огня, она в воде находилась, подводы к ней, газовые трубы.

Периметр охраняла милиция. Они и увидели накануне закрытия Олимпиады какое-то желтое тело, похожее на пловца. Подняли нас по тревоге. Мы поехали, осмотрели. А там река в залив впадает, в устье сетка защитная установлена и калитка подводная. Обнаружили - калитка приоткрыта. Значит, кто-то был. Но кто, с какой целью? А завтра - закрытие Олимпиады.

«Пропахали» все вокруг, осмотрели периметр, подводную часть. Пришлось даже подписывать документы, что ручаемся за

безопасность.

Потом стали осматривать прилегающую территорию, послали вперед солдат. Километра за полтора в кустах нашли спрятанный акваланг и костюм для подводного плавания желтого цвета.

К счастью, закрытие Олимпиады в Таллине прошло без потрясений. Возможно, это был просто любитель спорта, пробравшийся на торжественное закрытие со стороны моря таким экзотическим способом, но не исключено, что кто-то шел с недобрыми целями, но его вовремя спугнули. Теперь трудно установить истину.

… После Олимпиады боевые пловцы «Альфы» совершенствовали свое мастерство уже на Черном море, в отряде морских диверсантов, который располагался под городом Очаковом. К тому времени в отделение пловцов пришла молодежь, ее и поехали обкатывать.

Работать было интересно. Если на Балтике «альфовцы» учились бороться с подводными диверсантами, то на Черном море они проходили стажировку в качестве диверсантов.

Прыгали с вертолета в аквалангах, занимались постановкой и снятием мин, изучали тактику действий.

Рассказывает Александр ВАСИЛЬЕВ:

- Интересные учения проводили мы вместе с моряками на Черном море. У нас задача - подход к судну и постановка мин. Но и они не лыком шиты, на судне приборы, эхолоты, моряки наблюдают, противодействуют.

Мы с Сашей Беляевым изобрели свой тактический ход. Зная, что эхолот захватывает в основном серединный слой воды, оставляя поверхность и дно, мы шли сантиметрах в тридцати от поверхности. Подходили незамеченными, ставили мины и уходили. И только тут включались приборы. Но мина-то уже стоит.

Отрабатывали и выход через торпедный аппарат из подводной лодки, поиск лодки.

Процентов тридцать всех сотрудников «Альфы» прошли подводную подготовку. Десантную проходили все, но ее, как известно, не сравнить с подводной. Толща воды - это гидрокосмос. Вокруг темно, ориентиров нет, несколько раз перевернулся и уже не знаешь, где дно, а где поверхность. Спасают только пузырьки, они всегда идут вверх. Так что не все выдерживают, даже самые подготовленные и смелые.

… Подразделение боевых пловцов в группе «А» существует и поныне. К счастью, у нас не было захватов кораблей, ну разве что паром «Аврасия», атакованный чеченскими террористами в турецком порту в 1996 году во время событий в Первомайском.

В служебном отчете подразделения «А» за этот период сказано: «17 января по указанию директора ФСБ России генерала армии Барсукова И. И. пять боевых пловцов, старший - капитан Воронов В. Н., были направлены для подготовки операции по освобождению заложников, захваченных боевиками в Турции».

Насколько мне известно, готовились к бою с террористами и боевые пловцы «Вымпела». Скорее всего, сотрудники этих подразделений и составили бы общую команду. Однако турки справились сами. Террористы были арестованы, заложники освобождены.

А закончить повествование о боевых пловцах хотелось бы словами Уинстона Черчилля, возвращаясь к противостоянию Италии и Англии во Второй мировой войне. Ибо эти слова еще раз доказывают, как важно самое пристальное внимание и забота в подготовке подводных пловцов в любой стране, которая считает себя морской державой.

Эта речь была произнесена на секретном заседании в палате общин 23 апреля 1942 года. Черчиллю было о чем печалиться. «Владычица морей» потеряла четыре корабля.

«Только что нам нанесен еще один коварный удар, - признавался Черчилль. - На рассвете 18 декабря шестеро итальянцев, одетых в необычные водолазные костюмы, были задержаны в порту Александрии. До этого были приняты все меры предосторожности против проникновения в порт различных типов «человекоторпед» и подводных лодок… Там были не только сети и другие заграждения, но и сбрасывались систематически, с различными интервалами во времени глубинные бомбы в непосредственной близости от входа в гавань.

Несмотря на это, итальянцам удалось проникнуть в порт. Под килем линкоров «Вэлиект» и «Куин Элизабет» произошли взрывы, вызванные зарядами, прикрепленными с необычайной храбростью и умением. В результате этих взрывов в корпусе кораблей образовались огромные пробоины и было затоплено несколько отсеков.

… Таким образом, в Средиземном море у нас нет ни одного линейного корабля: «Бархэм» потоплен, а «Вэлиект» и «Куин Элизабет» полностью приведены в негодность».

Мне кажется, что красноречивое выступление английского премьера времен войны актуально и поныне и не нуждается в комментариях. Ибо тактика Черного принца Джулио Валерио Боргезе - грязное оружие в руках современных террористов.

ПРОВАЛ ОПЕРАЦИИ «ОРЛИНЫЙ КОГОТЬ»

Досье «Альфы»

Ушли в историю 70-е годы. За то десятилетие, по данным различных международных организаций, в мире совершено 8114 террористических актов. Тысячи людей стали жертвами разнузданного насилия бандитов.

Однако наша голубая планета еще не знала, что наступающие 80-е окажутся неизмеримо более жестокими. И счет был открыт. Только за первые пять лет, с 1980-го по 1985 год, количество терактов удваивается. И далее их число растет: в 1986-м - 774, в 1987-м 832, в 1988-м - 856…

В 1980 году пройдут крупнейшие операции по освобождению заложников. В апреле американское специальное подразделение «Дельта» под руководством полковника Чарльза Беквита сделает попытку выручить из неволи заложников в Тегеране. Увы, операция закончится полным провалом.

Из восьми вертолетов, поднявшихся с борта авианосца «Нимиц», который находился в Персидском заливе, только шесть достигнут пункта под кодовым номером «Пустыня-1». Однако один из них окажется неисправным. С оставшимися машинами Беквит продолжать операцию не решится.

Вот как он сам описывает заключительную часть драмы, разыгравшейся в пустыне в 200 милях к юго-востоку от столицы Ирана.

«… Летим домой. Была подана команда проверить снаряжение и покинуть вертолеты. Команда «Дельты» начала погрузку в самолеты. Я шел от одного самолета к другому, считая число людей, которые поднимались на борт каждого из них.

Я быстро направился к головному самолету. Было 2.40. Некоторые пилоты запустили двигатели своих самолетов, чтобы их прогреть. Кружились пыльные вихри, приближая видимость к нулю.

Между порывами ветра я вдруг увидел, как один из вертолетов, слегка дернувшись вверх, завалился налево. Затем раздался взрыв. Голубой огненный шар взметнулся в ночное небо. Это взорвались топливные емкости одного из самолетов.

Оказалось, что один из вертолетов, вырулив на заправку, столкнулся с крайним ЕС-130, в который только что начала загружаться группа «Голубая».

Я побежал к вертолету, но добежал только до дороги. Жар был страшный, подойти невозможно. Пламя поднималось вверх метров на 100-150. В любой момент могли взорваться боеприпасы. Я подумал о майоре Фитче и группе «Голубая».

Но, к счастью, вскоре доложили, что личному составу группы удалось в последний момент спастись.

Сквозь пламя я видел, что вертолет врезался в грузовую часть самолета-заправщика. Тот пылал.

- Что делать с остальными вертолетами? - спросил меня Килл.

- Их необходимо уничтожить…

Я вернулся в свой самолет и увидел, как к нему бегут пилоты вертолетов. Как только они поднялись в салон, аппарель была поднята и люк закрыт. Самолет сдвинулся с места, описал полукруг. Мы были третьими в очереди на взлет. Две первые машины взлетели, заправщик догорал, а вертолеты пылали вовсю. Было почти 3 часа утра. Пробыв на земле 4 часа 46 минут, «Дельта» покинула пункт «Пустыня-1».

С первыми лучами солнца мы летели над Оманским заливом. Операция закончилась полным провалом. После колоссальных затрат времени и нервов, труда и пота все оказалось напрасным. Мы потеряли восемь замечательных отважных парней. Наша страна оказалась в сложном положении».

Ровно через двенадцать дней после описанных событий антитеррористическое подразделение «Пагода» из отборного полка английских САС ворвется в иранское посольство в Лондоне. Операция продлится несколько минут. Пятеро из шестерых террористов окажутся убитыми, а 19 заложников живыми и невредимыми покинут посольство.

Позже, выступая в палате общин, премьер-министр Маргарет Тэтчер скажет: «Этот штурм вселяет в англичан гордость за свою нацию».

Все эти события - и террористические акты, и противодействие им - говорили об одном: мир вступает в эпоху невиданного разгула террора и насилия и борьбы с ним. Происшедшие в первые месяцы нового десятилетия, они прозвучали своеобразным предупреждением человечеству.

В нашей стране с тревогой следили за нарастающими в мире событиями. Советский Союз никогда не симпатизировал террористам, не выступал с заявлениями о солидарности с той или иной террористической группировкой. Такого не было в истории нашего государства. Все террористические организации и группы, даже если они носили наименования «красных бригад» в Западной Европе или «красной армии» в Японии и

прикрывались самыми благими целями и задачами, нами осуждались. У нас террор всегда был вне закона.

Однако при всем этом в международной политике СССР существовал негласный закон: Министерство иностранных дел практически никак не реагировало на акты террора против советских граждан, работавших за рубежом. Словно подобных актов не существовало.

И если США поднимали шум по поводу захвата даже одного американского гражданина и грозили применить военную силу, то Москва, наоборот, при получении скорбных известий хранила гробовое молчание.

А захваты были. И люди наши гибли. Но сколько их не вернулось на Родину или вернулось в цинковых гробах, сколько соотечественников пали жертвами терроризма, сегодня выяснить не удается. Да вряд ли и удастся. Поскольку никто не вел тогда этой страшной статистики.

Только в 1985 году, когда в Бейруте были захвачены советские граждане, служащие посольства и торгпредства в Ливане, и случай этот приобрел скандальную известность во всем мире, СССР осудил захват наших граждан и послал в Ливан и Сирию специального представителя, который занялся судьбой заложников. Но дело, разумеется, не только в реакции официальных властей. Судьба заложников стала известна и взволновала тогда всю страну.

В том же 1985 году произошло еще несколько террористических актов против советских граждан и различных официальных представительств нашей страны.

В Ливане - взрыв бомбы перед представительством «Интуриста» в Бейруте и бандитское нападение на сотрудника советского посольства, у которого была отобрана машина; в Ливии - задержан в качестве заложника водитель строительно-монтажной организации А. Левченко; в ЮАР - в результате взрыва гранаты на территории НДРЙ вооруженное нападение на квартиру советского военного специалиста М. Смирнова, он был тяжело ранен; в ФРГ - взрыв бомбы перед входом в представительство Аэрофлота в Гамбурге.

Список терактов можно продолжать. Увы, с прискорбием надо признать: просматривалась устойчивая тенденция к их росту. Какой же выход из этой весьма непростой ситуации?

Ответ, казалось бы, ясен и прост: государство, посылающее своих граждан в отдаленные уголки мира, обязано заботиться об их безопасности, а при необходимости использовать все возможности для их освобождения. Это так, но будем реалистами - теракты порой совершаются за тысячу миль от родных границ, в

странах, враждебно настроенных к нам. Не следует забывать и о том, что нередко дипломаты оказываются бессильными. Тогда остается военное вмешательство. Речь, разумеется, не о широкомасштабном применении военной силы, а о спецподразделениях по борьбе с терроризмом. И задача эта архитрудная. Горьким подтверждением тому может служить провал операции «Орлиный коготь», о котором мы уже упоминали, с применением «Дельты» для освобождения заложников в Тегеране.

Полковник Беквит, опытный офицер, классный специалист своего дела, так отреагировал на первое известие о применении «Дельты» в подобной операции: «У меня никак не укладывалась в голове мысль о возможности проведения операции по спасению заложников. К тому же, логически рассуждая, эта затея выглядела авантюрной. От нас до Ирана огромное расстояние. Более того, требовалось пролететь над иранской территорией около тысячи миль до возможной посадки и, наконец, предпринять нападение на сильно охраняемый объект - посольство, расположенное в центре четырехмиллионного города с враждебно настроенным к нам населением. Трудно себе представить более сложное положение.

В штабе объединенного командования я услышал несколько идиотских предложений. Некоторые думали, что мы сможем спрыгнуть на парашютах и, как туристы, проследовать на машинах в посольство».

Как показала жизнь, беспокойство Беквита было обоснованным.

И тем не менее. В истории борьбы с терроризмом известно много удачных операций, проведенных на высоком профессиональном уровне. К ним можно отнести освобождение заложников в аэропорту Могадишо западногерманским спецподразделением ГСГ-9, на которое ушло всего 7 секунд.

Сотрудники ГСГ-9 прикрепили к люку салона самолета специальную подрывную ленту, применяемую для отделения ступеней ракет. В салон заброшены гранаты, обладающие ослепляющим и оглушающим эффектом. Террористы оказались на время парализованными, и этого было достаточно, чтобы их обезвредить.

Уникальную операцию по освобождению заложников осуществили израильские коммандос в аэропорту Антеббе (Уганда). При подготовке к ней был проведен большой комплекс мероприятий. В Уганду заброшена агентура для поддержания радиосвязи с израильской разведкой. Заложников, которых отпустили террористы, тщательно опросили сотрудники

израильской разведки МОССАД.

Для прикрытия операции в ходе телефонных переговоров с Францией постоянно подчеркивалась мысль о намерениях Израиля вступить в переговоры с террористами. Предполагалось, что переговоры перехватываются бандитами.

В день операции израильские коммандос самолетами были доставлены из Тель-Авива в Кению. Ночью один из самолетов, оборудованный специальной аппаратурой для подавления радарной системы аэропорта, приземлился в Антеббе. В ходе быстротечного боя бойцы группы антитеррора захватили терминал, в котором террористы удерживали заложников. Операция длилась 53 минуты вместо 55 по плану. Все террористы били убиты. Подразделение коммандос потеряло одного человека, из девяноста заложников погибли трое.

Но все это, как говорится, чужие лавры. Можно только позавидовать, что Израиль, Германия, Англия имеют столь высокоподготовленные спецподразделения.

А что в нашей стране?

Средства массовой информации привычно кивают на Запад: мол, опять нас опередили. Трудно проверить, так ли это, нет ли, официальных конкурсов на приз «супергруппа планеты» не проводилось, каких-либо соревнований тоже. Так что рассуждения на тему «кто сильнее, кто слабее» просто бесплодны.

Если же говорить о боевых операциях, в которых участвовала группа антитеррора «Альфа», то они, пожалуй, лучше любых конкурсов говорят о ее высоком профессионализме.

1981 год. В Сарапуле, что в Удмуртии, спецподразделение обезвредило двоих вооруженных автоматами террористов, которые взяли в качестве заложников 25 учеников средней школы.

1983 год. Сотрудниками группы проведена боевая операция в Тбилиси по освобождению самолета «Ту-134» с 57 пассажирами на борту.

1986 год. Двое военнослужащих в Уфе захватили самолет «Ту-134». Жизнь 76 пассажиров оказалась под угрозой. В результате проведенной операции один из преступников был убит, другой ранен. Заложники не пострадали.

1988 год. Преступники во главе с матерым уголовником Якшиянцем в своих целях использовали детей: заложниками оказались ученики 4-го класса. В ходе длительного психологического противодействия, умелых и мужественных действий бойцов группы «А» все дети были освобождены. Террористы, вылетевшие в Израиль, возвращены.

1989 год. В результате штурма захваченного самолета в Баку

преступник обезврежен, заложники оказались на свободе.

1989 год (май). Итогом боевой операции, проведенной в Саратове, стало освобождение семи заложников, среди которых находился и ребенок. Террористы, оказавшие сопротивление, уничтожены.

1990 год (август). Сотрудники подразделения, находившиеся в Ереване, принимали участие в задержании вооруженной банды «Серого». В результате перестрелки три бандита убиты, двое ранены, шесть задержаны.

1990 год (август). Освобождение захваченного вооруженными преступниками следственного изолятора в Сухуми.

1990 год (август). Бойцы группы приняли участие в проведении операции в Ташкенте по пресечению преступных действий угонщиков пассажирского самолета «Ту-134».

Таков послужной список «Альфы» за прошедшее десятилетие. Особенно важно отметить, что все операции прошли успешно. Да, среди заложников были жертвы. Однако люди убиты или ранены еще до вступления в дело подразделения антитеррора. Ни один человек не погиб, не получил ранения или увечья по вине сотрудников группы. Ни в чем нельзя упрекнуть этих мужественных, смелых, боевых парней.

В Тбилиси самолет находился в воздухе, когда бандиты без объявления каких-либо требований ворвались в пилотскую кабину и застрелили двоих пилотов, позже бортпроводницу и двоих пассажиров. Но при штурме самолета не погиб никто, а террористы были обезврежены.

В Уфе в первые же минуты захвата авиалайнера террористом был убит пассажир. Бандита застрелили.

Так у нас. Но мир потрясают иные цифры, десятки, сотни смертей и как итог терактов, и как результат низкого профессионализма спецслужб.

Ноябрь 1985 года. При освобождении заложников на египетском самолете «Боинг-737» в аэропорту «Валетта» (Мальта) погибли более 60 человек.

Май 1986 года. В аэропорту Карачи при штурме захваченного самолета убиты 14 пассажиров и членов экипажа, 98 человек получили ранения.

… Однако вернемся к началу 80-х, когда мир захлестывала новая волна глобального террора. Советский Союз не стал исключением и принял самые решительные меры в борьбе с преступниками.

17 декабря 1981 года группа «А» была поднята по тревоге…

ПРАВО НА ОШИБКУ

Из служебного отчета группы «А»:

«17 декабря 1981 года в 13.30 в г. Сарапул Удмуртской АССР военнослужащие в/ч 13977 рядовые Мельников А. Г., 1962 г. рождения, и Колпакбаев А. Х., 1960 г. рождения, оба члены ВЛКСМ, покинули пост и, вооруженные двумя автоматами Калашникова со 120 патронами, в средней школе № 12 захватили в качестве заложников 25 учеников 10-го класса, выдвинув требование выдать заграничные паспорта и визы на выезд и отправить самолетом в США или любую другую капиталистическую страну, угрожая в противном случае расстрелять заложников.

В город Сарапул были направлены сотрудники спецподразделения 7-го управления для пресечения этой преступной акции. Руководство операции было возложено на заместителя председателя КГБ СССР генерал-полковника Чебрикова В. М.

Личный состав спецподразделения 7-го управления в 00.30 мин. прибыл к месту происшествия».

«В результате переговоров с преступниками в 19.40 они освободили 15 учениц, а позже, в 21.20, еще троих. К моменту прибытия спецподразделения обстановка характеризовалась следующими элементами.

Преступники с оружием наготове удерживали 7 заложников, продолжали оставаться в закрытом изнутри классе, расположенном на втором этаже здания школы, два окна из трех которого были экранированы щитами.

Во исполнение требований преступников им были выписаны загранпаспорта. Район происшествия контролировался военнослужащими конвойного полка внутренних войск. Класс, где находились преступники, и подступы к нему были блокированы оперативным составом местных органов Комитета госбезопасности и военнослужащими полка МВД, дислоцирующегося в г. Сарапуле».

… «Сарапул» - первая антитеррористическая операция, проведенная в послеафганский период. Сейчас сотрудники группы «А» вспоминают ее, как умудренные опытом мужи о своих первых несмелых, младенческих шагах. «Альфа» вырастет численно, наберется опыта, возьмет на вооружение передовые методы и способы борьбы с терроризмом лучших зарубежных спецгрупп.

Но все это будет потом - через год, через два. А в декабре

1982 года группу поднимут по тревоге, бойцы загрузят боеприпасы. Кстати, патронов и гранат возьмут столько, что, пожалуй, хватило бы на месяц войны. На обратном пути, не израсходовав ни одного патрона, удивятся как такое пришло в голову? Но кто знал, как оно повернется.

Позже, со временем, придет понимание того, что спецподразделению нужен только минимум боеприпасов. Где и как их применять? В самолете, когда каждый террорист прикрывается несколькими заложниками, в автобусе, когда преступник Якшиянц и его подручные держали на мушке детей? Вряд ли кому подобное взбредет в голову. Здесь, скорее, нужно психологическое оружие плюс точный расчет.

У нас нередко даже среди высоких руководителей, с экранов телевизоров звучат уверенные заявления: «Каждый имеет право на ошибку». Группа антитеррора такого права не имеет. Вспомним, чего стоила ошибка немецкой полиции и спецподразделений в Мюнхене, на Олимпийских играх-72. Вот как описывают те события репортеры французского журнала «Пари-матч»:

«… Немецкая полиция рассчитывает найти союзника в надвигающейся ночи. Полное затишье в олимпийской деревне. Разящая тишина. Сейчас будет разыгран последний акт драмы.

Микроавтобус «Фольксваген» темно-голубого цвета останавливается перед израильским павильоном. Террористы - палестинцы-феддахи отвергают машину. Она для них слишком тесна. Они не смогут в ней защищаться. Подъезжает военный кар. Палестинец внимательно исследует его. Затем девять заложников, со связанными за спиной руками, под дулами автоматов садятся в машину. Кар движется к условленному месту, к западу от деревни. Там заложников и террористов ожидают три вертолета с уже запущенными двигателями.

В аэропорту устроена западня. В сопровождении полицейских собак солдаты окружают взлетно-посадочную полосу. В укромных местах занимают позиции снайперы, палец на спусковом крючке.

По световому сигналу вертолетов прожекторы ПВО пронизывают ночь. БТР зажигают фары.

… Драма разыгралась стремительно. Два террориста, сойдя с вертолета, в качестве разведчиков направились к «Боингу». Внезапно вертолеты включают огни. Сигнал ли это? Полиция освещает взлетно-посадочную полосу прожекторами. Тут же начинается стрельба. Одна граната взрывается в вертолете. Это феддах предпочел взорвать себя и заложников, которые были ему поручены. Теперь стреляют отовсюду.

Четыре других израильтянина со связанными ногами и

запястьями принимают автоматные очереди в упор, не имея возможности сделать даже защитный жест. Все кончено. Полный провал. 18 часов тревоги заканчиваются в крови, в ненависти и стыде».

Трагедия всколыхнула весь мир. В Тель-Авиве лицеисты собрались перед зданием германского посольства. Посол Жеско фон Путткамер назвал «днями позора» страны ту трагедию, которую пережил Мюнхен.

Реакция непримиримых в Израиле была крайне резкой. Неужели вы надеялись, говорили они, что немцы озаботятся еврейскими жизнями? Не менее горькими были заключения газет: они обличали легкомыслие властей, позволивших захватить израильских атлетов, и действия немецкой полиции по освобождению заложников.

Америку лихорадило. Перед решеткой германского посольства в Вашингтоне Вильям Пирл, глава «Лиги защиты евреев», дирижировал манифестацией: «Мы обвиняем германское правительство в преступной небрежности. Оно ответственно за трагедию!»

Та же лига опубликовала коммюнике, в котором объявила, что единственным эффективным возмездием за мюнхенское злодеяние было бы убийство арабских дипломатов. Конгресс сотрясали крики ярости. Конгрессмены призывали порвать всякие отношения со странами, дающими убежище для террористов.

Госсекретарь Вильям Роджерс заявил со своей стороны: «Невозможно себе представить, что международное сообщество способно и далее терпеть этот вид рака…»

Да, дорого стоила Германии одна неудавшаяся операция. К нашей радости и гордости, мы можем сказать: в биографии группы «А» таких черных пятен нет. И Сарапул стал ее первой крупной удачей. Были освобождены все заложники, а террористы сдались без единого выстрела.

Через много лет одна из центральных газет сообщит: «Об этом происшествии в свое время по Удмуртии ходило много слухов… Как-то раз, когда в одной из школ подходил к концу последний урок, в десятый «В» ворвались двое солдат с автоматами. Объявили школьникам: «Вы заложники, выпущены будете лишь в том случае, если нам дадут возможность улететь на самолете за пределы страны».

Весь вечер и всю ночь продолжался этот драматический «урок». Сотни людей ни на миг не сомкнули глаз: сами ученики и их родители, работники милиции и КГБ, военные. Кто-то из военных чинов предлагал даже взять класс штурмом, с использованием танков. Победила не сила, а разум и точный

расчет. Начальник местного райотдела КГБ капитан Владимир Орехов предложил себя в заложники вместо ребят, а потом сумел перехитрить террористов.

Орехову пришлось всю ночь быть в контакте с преступниками, вести переговоры, когда бандиты уже держали палец на спусковом крючке автомата. Все верно. Был сотрудник КГБ капитан Орехов и десятки других людей, сражавшихся за освобождение детей. Не названы только те, кто в 00.30 18 декабря прибыл к месту происшествия, а в 5.28 обезоружил преступников. Что это за люди? Почему о них не сказано ни слова?

Кстати говоря, такой вполне нелепо советский подход наших средств массовой информации к действиям «Альфы» сохранится и в дальнейшем. Виноваты тут не только журналисты, но и руководство КГБ, которое держало группу на сверхсекретном положении. Хотя и комитет понять можно. Подобное подразделение вряд ли нуждается в рекламе. И все-таки можно было найти золотую середину. И секретов не раскрыть, и группу с ее поистине героическими делами не оставить в безвестности.

Да и другое очень важно. Знай о существовании столь мощного спецподразделения, возможно, кто-нибудь и задумался бы, идти ли ему на преступление?

Но ничего подобного не случилось, о группе «А» никто не знал, и рядовые Мельников и Колпакбаев, сбежав с поста, явились в близлежащую школу. План они продумали заранее, и, когда на пороге школы их спросили о цели визита, солдаты невозмутимо ответили, что их послали разыскать противотанковые мины, которые якобы откопали и спрятали школьники. Им поверили.

Поднявшись на второй этаж, террористы ворвались в класс. Колпакбаев, дав очередь в потолок, объявил всех заложниками. Ими оказались 25 учеников и учительница.

Было 13.30. Началась 16-часовая борьба за жизнь детей. Психологи считают, что очень важны первые полчаса-час переговоров. Наиболее опасны первые минуты после захвата. Тем, кто вступает в контакт с террористами, необходимо стабилизировать ситуацию, начать переговоры, попытаться успокоить преступников. Ибо в начальной фазе инцидента психологическое напряжение велико и представляет особую опасность для жизни заложников.

Несомненно, надо отдать должное капитану Владимиру Орехову, который достаточно профессионально начал переговоры с Мельниковым и Колпакбаевым. Он сумел достичь определенного взаимопонимания с террористами, вел беседу в доверительном тоне, без угроз и грубостей. В то же время был тверд в принятии решений, не допускал колебаний.

Когда террористы потребовали вылета в США или другую капиталистическую страну, он заверил, что это не такое простое дело, нужно подготовить соответствующие документы, выписать заграничные паспорта. В последующие часы Мельников и Колпакбаев только и были заняты тем, что заполняли анкеты, различные справки, отвечали на вопросы. Таким образом было выиграно время, получена информация о преступниках, имеющихся в их распоряжении огневых средствах. Район происшествия контролировал полк внутренних войск, класс, где находились преступники, и подступы к нему были блокированы оперативным составом местных органов КГБ и военнослужащими МВД.

Капитану Орехову удалось уговорить террористов сначала выпустить девочек с учительницей, потом нескольких ребят. В классе в руках преступников еще оставалось семеро мальчишек.

В 00.30 в Сарапул прибыла группа «А». Она совершила стремительный ночной рейд из ижевского аэропорта по скользкой, обледенелой дороге. В пути обогнали автобус с подразделением ОМЗДОН МВД, своими давними партнерами, которые тоже спешили к месту происшествия.

Сергей ГОНЧАРОВ, сотрудник группы «А»:

- Когда мы въехали в Сарапул, было такое впечатление, что город не спит. Люди толпами и в одиночку шли в сторону захваченной школы. У школы плотное кольцо людей, которых едва сдерживает милиция.

Начальник группы Зайцев работал в штабе ЧП, на первом этаже школы.

Опыта проведения подобных операций не было. Ведь это один из первых вооруженных захватов в нашей стране.

Пока штаб искал выход из создавшегося положения, начальник местного КГБ Орехов вел переговоры с террористами.

Мы попросили его дать информацию. Он коротко пересказал суть дела, объяснив, что в классе осталось семеро заложников, террористов он убеждает, будто им выписываются загранпаспорта. Ни на какие компромиссы те не идут.

Что ж, проработали операцию, расписали по точкам бойцов, надели средства защиты, бронежилеты, каски, оружие. В касках мы пробыли часа четыре. Помню, когда снял ее, показалось, что на плечах нет головы.

В школе тихо, когда идешь по коридору, титановые пластины в бронежилете постукивают, обувь скрипит. Пришлось разуваться и передвигаться в носках.

В общем, глубокая ночь, все устали. И тут вдруг неожиданно открывается дверь. Мы подняли оружие. Оказывается, бандиты

отпустили в туалет одного из парней. Его привели в штаб, расспросили, где сидят преступники. Сидели они за учительским столом, направив автоматы на заложников.

Ученика попросили возвратиться назад в класс и сказать, что в школе все спокойно.

Валерий БОЧКОВ, сотрудник группы «А»:

- Долгие и трудные переговоры закончились удачей. В обмен на загранпаспорта они отдали заложников, семерых школьников. И в результате в классе остались одни. Наш наблюдатель сквозь щиты, которыми были закрыты окна, видел, как один из террористов безнадежно разводил руками. Видимо, дошло, что они просчитались.

В общем, переиграли их.

Сергей КУВЫЛИН, сотрудник группы «А»:

- Мы уже были готовы к штурму, когда открылась дверь и Мельников с автоматом вышел из класса. Я к нему:

- Ты чего?

- Мне капитана Орехова…

Оборачиваюсь, невдалеке Зайцев стоит. Он молча качает головой: не надо.

- Орехов ушел.

- Нет, я требую капитана…

Стараясь говорить как можно спокойнее, подхожу все ближе:

- Ты автомат бросай…

Он еще что-то бормотал, я еще раз:

- Бросай оружие…

Мельников действительно бросил автомат, скрылся в классе, захлопнув дверь.

В это время из своего укрытия вылетают Гончаров и Зотов и в дверь. Видимо, от волнения стали открывать ее внутрь. Но для террористов это тоже было шоком. Когда мы ворвались в класс, Мельников стоял бледный как мел за дверью, а Колпакбаев, вскинув автомат, злобно усмехался. Трудно сказать, хотел ли он выстрелить или просто для устрашения поднял оружие, но в ту же минуту автомат у него выбили и вскоре он уже лежал в наручниках, носом в пол.

Все обошлось, героического особенно ничего не случилось. Хотя пулю вполне можно было схлопотать.

Так закончилась первая антитеррористическая операция «Альфы». Бескровная, без единого выстрела. Молодых, неопытных, психологически слабо подготовленных террористов удалось переиграть. Больше таких подарков бойцам спецподразделения судьба не преподнесет. Они столкнутся лицом к лицу с оголтелыми, изощренными, циничными преступниками.

«НЕУД» ДЛЯ БОЙЦА АНТИТЕРРОРА

Выучка сотрудников «Альфы» не может не удивлять. Много находилось охотников проверить ее бойцов. И всякий раз проверяющие оказывались посрамленными. Не оттого только, что такая проверка крайне затруднена, нет аналогов. Обычный норматив сотрудника КГБ к ним не подходит, а, например, проникновение в самолет за полминуты - плохо это или хорошо?

Человек, даже много лет прослуживший в системе госбезопасности, но незнакомый со спецификой работы группы, наверное, будет в восторге: ведь всего-то тридцать секунд. Оказывается, восторгаться нечем. Результат, как говорится, на двойку с минусом. Как подчеркивал Чарльз Беквит: «Если студент в американском колледже дремлет на лекции по английской литературе, он получит «неуд» на экзамене. Если же студент «Дельты» дремлет на занятиях по штурмовым операциям, он вскоре получит пулю в лоб».

Студенты «Альфы» тоже не дремлют на занятиях. Тем более что занятия вряд ли располагают к дремоте. Не хотелось бы рассказывать о нормативах, тестах, обычных для сотрудников группы.

Цифры, даже самые яркие, не передадут всей палитры высокого профессионализма. Что же касается фактов, они, безусловно, более показательны.

Пятак, пробитый пулей снайпера из группы «А» с расстояния в 100 метров, впечатляет. Ножи, воткнутые частоколом в обычную оконную раму с расстояния в 30 метров, - тоже. Скоростная стрельба из пистолета Макарова, Стечкина и других систем стоя, лежа, в падении, на животе, на спине еще более эффектна. И все-таки каждый понимает: нынешние террористы не ходят в одиночку, они обучены, изощрены и изобретательны в своих варварских методах. Им должен противостоять не антитеррорист-одиночка, а коллектив - сплоченный, спаянный, понимающий друг друга не с полуслова (чаще на него и времени-то нет), но с полувзгляда.

Такой ли коллектив - группа «А»? Этот вопрос не раз ставили перед ними начальники малых и больших рангов. И всякий раз ответ был единым - только положительным.

Это были настоящие профессионалы. Но в стране, где правили бал надутые дилетанты и спесивые любители, профессионализм, мастерство вызывали нередко поистине столбнячный эффект.

Были, конечно, и забавные случаи. «Альфа» - вот

потрясающий парадокс! - никогда не имела своего стрельбища. Приходилось у кого-то просить, арендовать на время чужие стрелковые поля. Это крайне неудобно. Но иного выхода не представлялось.

Так вот, однажды, приехав на одно из таких стрельбищ, сотрудники группы попали в руки строгого армейского капитана. Тот, оглядев их, одетых в полугражданское-полувоенное обмундирование, с длинными, совсем не армейскими прическами, с усмешкой заключил:

- Партизаны…

Надо побывать хоть раз в шкуре офицера запаса, призванного на сборы и метко окрещенного в народе «партизаном», чтобы понять, сколько презрения и ехидства вкладывает в это слово кадровый офицер.

Бойцы «Альфы» поняли. И промолчали.

Они уже привыкли к разным ситуациям и блюли старый завет: рассказывать о себе все, кроме правды. И на сей раз согласились принять легенду капитана и побыть несколько часов «партизанами».

Капитан, довольный собой, прошелся вдоль строя:

- Сейчас сержант Семенов познакомит вас с правилами безопасности при ведении огня, покажет, как держать пистолет, чтобы не поранить себя или соседа.

Он обернулся и махнул стоявшему в стороне сержанту. Тот проводил офицеров к линии огня, долго и старательно рассказывал, как снаряжать магазин, досылать патрон в патронник и наконец дал команду первой смене: «Заряжай!»

Трое сотрудников группы выпустили по обойме, не опуская пистолетов. Сержант недовольно покосился, мол, почему не по три патрона, но промолчал. Офицеры первым пропустили его к мишеням, а когда подошли следом, то увидели, что тот обалдело таращил глаза: ни одна из пуль не вышла из мишени.

Обсудили результат, оглянулись, а сержанта и след простыл. Вернулся он вместе с капитаном.

- Что тут стряслось, Семенов? - бодро спросил капитан. Какие десятки? Знаю я вас, партизан, понавертели дыр отверткой.

Сержант принес мишени. Капитан вскинул на просвет, к солнцу. Озадаченно крякнул, дырки в центре бумажного листа очень напоминали пулевые пробоины. Но их оказалось так много и они лежали так кучно, что… Но ведь подобного не могло быть…

К тому же капитан тоже не лыком шит, навидался на своем веку стрелков, знает, какие снайперы из «партизан», дрянные они стрелки. А тут прямо чертовщина: центр мишеней в кашу

превратили.

Капитан снова стал рассматривать мишени на просвет.

- Не верится? - спросил один из лучших стрелков «Альфы» Григорий Золотовский.

- А вы б поверили?

- И я б не поверил…

Капитан обвел взглядом улыбающиеся лица «партизан» и только тут понял, что его провели, что они все сговорились.

- Эх вы, - укоризненно покачал головой капитан, а еще взрослые серьезные люди, я так и знал - шомполом навертели дырок.

- Ладно, капитан, - сказал Золотовский, - пошутили, и хватит. Постой вот тут, посмотри, если есть желание.

И подал команду:

- Вторая смена, на линию огня, марш!

С этой сменой повторилось то же самое. Притихшие, капитан да сержант, почуяв нечто неладное, стояли в сторонке. Иногда вместе с сотрудниками подходили к мишеням, тупо смотрели на них.

Не сказав ни слова после стрельбы, капитан проводил их к автобусу и, заглянув в салон, удивленно выдавил:

- Так вы откуда, ребята?

- Ну вот, - рассмеялись сотрудники, - а говорил: «Вижу всех насквозь».

Когда автобус тронулся и покатил, кто-то из окна крикнул:

- Да партизаны мы, капитан, партизаны! Не сомневайся… Спи спокойно!

Высокий профессионализм группы - не заслуга командира и даже не личное желание ее бойцов, это жизненная необходимость. Хочешь уцелеть в бою, должен многое знать и еще больше уметь.

В «Альфе» каждый занимается по индивидуальной программе.

В ходе огневой подготовки сотрудники спецподразделения обучаются мастерскому владению всеми как отечественными, так и зарубежными видами стрелкового и специального оружия, ведению огня ночью и днем, на предельной дальности. Основное внимание сосредоточено на выработке навыков поражать цели с первого выстрела, первой очереди, на ходу, по вспышкам, на звук. Вести огонь в городе, в здании, в горах, в самолете, вагоне поезда, на различных плавсредствах.

Бойцы способны переносить длительные физические и нервные перегрузки, они смелы, решительны, стойки. В ходе занятий в учебный процесс вносятся элементы напряженности,

внезапности, опасности и риска.

Вот обычное задание бойцам спецподразделения, действующим в составе разведывательно-диверсионной группы. На карте указывается точка в лесу. Группа должна в короткий промежуток времени выйти на точку, отыскать дерево, в дупле которого находится кассета с приказом. Затем, двигаясь по азимуту, выйти к охраняемому объекту, снять часового и захватить объект. По самым скромным оценкам, до объекта около 20 километров. Времени на операцию - 20 минут.

Задание, признаться, рассчитано на сверхчеловека. Будь ты супербегуном и даже экстра-класса ориентировщиком, вряд ли под силу на незнакомой, лесистой и пересеченной местности за минуту преодолевать по километру.

Выйти на дорогу нельзя: там засады.

В неординарных условиях следует искать неординарные решения. Это правило известно каждому бойцу «Альфы», что называется, с младых ногтей. Но легко сказать, да нелегко сделать. Перед разведчиками диверсионной группы опушка леса, дальше огромное ржаное поле, на котором одинокий комбайн, и нигде ни души.

Текут минуты, и кажется, что выхода нет. Есть! Начальник группы командует: «Вперед!» - и через несколько мгновений люди в маскхалатах уже бегут рядом с комбайном.

Удивленный водитель останавливает комбайн, выглядывает из кабины. Один из бойцов вскакивает на подножку.

- С утра работаешь?

- Да, с пяти часов, - подтверждает комбайнер.

- Ничего подозрительного не заметил? Трое уголовников сбежали из лагеря. Не исключено, что они прячутся в лесу, - боец показывает на кромку леса, где находится их желанный объект.

- Так в чем дело, ребята, залезайте в шнек, я вас быстро к лесу подброшу. А если что, то и монтировкой подмогну.

- Не надо, - смеются ребята, залезая в чрево комбайна. Мы сами. Если что, сигнал подай.

И через минуту-другую комбайн уже пылит по проселочной дороге. Положив рядом на сиденье монтировку, комбайнер зорко вглядывается в кустарник на обочине.

Замаскировавшаяся в перелеске рядом с дорогой засада и не подозревает о затаившихся внутри комбайна людях.

Вот и лес. Бойцы, словно тени, исчезают в густой чащобе, падает «сраженный» часовой. Объект в руках диверсионной группы.

Так выглядит лишь один из эпизодов многочисленных тактических разработок «Альфы». Что же касается специальной

подготовки она разнообразна, профессионально многопланова и весьма необычна с точки зрения как армейского специалиста, так и сотрудника безопасности. Бойцы группы, умело используя веревку, спускаются со зданий, сооружений, самолетов, занимаются одиночным лазанием, лазанием в связке, проводят установку траверзных систем креплений тросов.

Они проходят обкатку на бронетанковой технике, занимаются воздушно-десантной подготовкой, осваивают программу боевых пловцов ВМФ.

Все сотрудники прекрасно знают любые образцы автомобильной техники, приобретают навыки ведения огня из вооружения современных танков, БМП, БТР, осуществляют радиообмен на штатных средствах радиосвязи при движении в автомобиле, при ведении огня и выполнении боевой задачи.

Бойцы «Альфы» являются специалистами в авиационной технике. Они знают все: как загружается авиалайнер, как меняется экипаж, как производится заправка самолета. Им знакомы все люки отечественных и зарубежных самолетов, отработана схема проникновения в салон.

Группа располагает современными видами стрелкового оружия, боевой и специальной техники. Среди них средства для психологического воздействия и метательные устройства, оптические и ночные прицелы.

Для экстренного вскрытия дверей, люков, замков, перерезания стальных прутьев и цепей применяются комплекты накладных зарядов и мощных резаков бесшумного действия. Контроль за обстановкой внутри помещений, занятых преступниками, осуществляется с помощью высокочувствительных технических устройств. А для проникновения в подобные помещения применяются специальные средства «Роллиглис».

Постоянно совершенствуются и средства индивидуальной защиты, сокращается вес бронежилета при непременном условии - сохранении свободы движения.

Сотрудниками спецподразделения созданы схемы посольств и иностранных представительств жилых домов особняков и дач дипломатов, аккредитованных в Москве, даны поэтажные планы, указаны места проникновения в здания, возможное расположение в них сил и средств, количество людей, тактика их действий.

Имеются также планы гостиниц, железнодорожных вокзалов и аэропортов. Изучены маршруты выдвижения к объектам.

Таковы некоторые особенности подготовки уникального подразделения. Небольшая часть работы, способов деятельности группы, ее вооружения все то, что можно хотя бы в общих чертах

раскрыть.

Остальное - за порогом этого повествования.

Несмотря на гласность, демократию и открытость, секреты у «Альфы» остаются, ведь терроризм не складывает оружия. Значит, у «Альфы» по-прежнему много работы. Особенно на самом горячем участке - на воздушном транспорте.

Именно самолеты во всем мире всегда привлекали террористов. Почему?

«ВОЙНА, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРАТЬ…»

Досье «Альфы»

Терроризм неистребим, считают психологи. Дело не только в природной агрессивности человека, но и в том, что для одних террорист заурядный преступник, а для других - борец за свободу и счастье народа. Даже в резолюциях по терроризму, утвержденных в ООН, не дается четкого и однозначного определения термина.

В 1887 году Александр Ульянов в ночь перед казнью - он покушался на царя - написал матери письмо, в котором, в частности, есть такие строчки: «Терроризм - это оружие тех, кто силен духом и малочислен». Возможно, тут и спрятан ключ к пониманию корней терроризма?

Сегодняшний терроризм крылат. Он облюбовал одно из самых эффективных средств передвижения. Через аэропорты, пункты контроля, салоны лайнеров и пилотские кабины проходит фронт борьбы с терроризмом. Идет настоящая война. Как считает американский профессор Маккензи Ора, руководитель программы «Терроризм и авиация», существующей в рамках Всемирного фонда авиационной безопасности, - «это война, которую невозможно выиграть, но нельзя проиграть».

По оценкам экспертов, терроризм в авиации становится огромным бедствием. Более того, часть из них считает, что гражданскую авиацию в близком будущем ожидает самый тяжелый период во всей истории ее существования.

Не хотелось бы верить в столь мрачные прогнозы, но, увы, статистика хайджекинга «Термин, принятый в международном авиационном сообществе, означающий захват самолета.» заставляет содрогнуться: ежегодно угоняются десятки самолетов, гибнут сотни людей. И здесь, как это ни прискорбно, «мы впереди планеты всей». Время от времени устанавливаем рекорды не только по количеству угнанных в год самолетов, но и в месяц, в неделю. Всем нам еще памятно «сумасшедшее» лето 1990 года.

9 июня был угнан самолет из Минска в Стокгольм, 18 июня из Измаила в Турцию, 19 июня - из Риги в Хельсинки, 24 июня из Таллина в Хельсинки, 28 июня - попытка угона в Турцию самолета «Ту-154», совершавшего рейс Краснодар - Оренбург Краснодар, 30 июня самолет, вылетевший из Львова, по требованию террориста, изменил курс и совершил посадку в

Стокгольме.

Что и говорить, «плотность» угона самолетов беспрецедентна не только в истории нашей гражданской авиации, но и в мировой практике. Летать самолетами стало не менее опасно, чем ходить по ночному городу.

Борется ли мировое сообщество с разбоем на воздушном транспорте? Безусловно. Если коснуться правовой стороны этого вопроса, то следует отметить важность заключенных международных документов - Токийской конвенции 1963 года о преступлениях и некоторых других действиях, совершенных на борту воздушного судна, Гаагской конвенции 1970 года о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, Монреальской конвенции 1971 года о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации и дополняющего эту конвенцию протокола 1988 года о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию.

В них воздушные террористы названы злейшими врагами человечества. И, думается, вполне справедливо. Каждый преступник, какими бы благими намерениями он ни прикрывался, должен знать: везде его ждет суровое наказание. Согласно конвенциям государства, подписавшие их, обязаны выдать или сами наказать воздушных разбойников. Таким образом гарантируется неизбежность возмездия.

В большинстве своем так и происходит. Нашей стране были выданы Гилев и Поздеев, угнавшие в 1970 году в Турцию самолет «Л-200»; Загерняк и Шелудько, улетевшие на «Ту-134» в 1977 году в Финляндию; Засимов, захвативший в 1986 году «Ан-2» и принудивший командира самолета совершить посадку в Иране.

Названные конвенции сыграли главную роль и в том, что террористы во главе с Якшиянцем, захватившие в Орджоникидзе детей и потребовавшие вылета за границу, были переданы Израилем в руки советского правосудия.

Однако и те преступники, которые не были возвращены на Родину, не остались безнаказанными. Бандитов Шмидта и Шуллера, угнавших в 1982 году «Ан-24» в Турцию, приговорили к восьми годам тюремного заключения. Бывший пилот Алимурадов, захвативший в 1985 году самолет, тоже получил восемь лет тюрьмы.

Да, международное правовое обеспечение борьбы с терроризмом крайне необходимо. Но следует признать: при всей важности конвенций они срабатывают лишь после совершения акта воздушного разбоя. А что же делается по предупреждению бандитских вылазок на воздушном транспорте?

Здесь война идет с переменным успехом.

К середине 80-х годов многие международные аэропорты оснащаются новейшими контрольными устройствами и рентгеновскими машинами. Казалось бы, положен конец террору на воздушном транспорте. Ведь на борт лайнера невозможно пронести незаметно даже газовый баллончик или металлическую зажигалку.

Но человечество поторопилось отпраздновать победу. Весной 1986 года одну из дискотек Западной Германии потряс мощный взрыв. Погибло трое американских офицеров, США не собирались отмалчиваться. Ровно через десять дней президент Р. Рейган объявил всему миру о том, что он располагает неопровержимыми доказательствами причастности Ливии к этому теракту.

Военно-воздушные силы США нанесли бомбовые удары по предполагаемому месту нахождения Каддафи, а также по его штаб-квартире в Триполи. Каддафи уцелел, а через двое суток в Ливане нашли убитыми троих заложников двоих британцев и одного американца. Таков был ответ террористов.

Война обретала новые масштабы, напряженность и новое качество. Самолеты перестали угонять, их стали просто взрывать.

Бомба, подложенная в самолет авиакомпании «Эйр Индиа», который следовал маршрутом Монреаль - Лондон, взорвалась, погибли 329 пассажиров.

В следующем году взрывное устройство, к счастью сработавшее вполовину своей мощности, вырвало дыру в обшивке самолета компании «Транс уорлд эйрлайнз», летевшего из Рима в Афины. Погибли четверо пассажиров, которых выбросило в образовавшуюся дыру.

А еще через два года, в декабре 1988-го, в лондонском аэропорту Хитроу на борт «Боинга-747» ступили 259 пассажиров. Радиокассетный плейер, снабженный взрывным устройством, был уложен на багажную полку. В нужную минуту устройство безотказно сработало. Катастрофа.

Там, у них, за рубежом, тратятся огромные суммы на безопасность полетов. Так, Израиль на безопасность своего аэропорта Бен-Гурион, который, как известно, находится в одной из самых взрывоопасных зон мира, тратит 25 процентов от общего бюджета, выделяемого на безопасность страны.

У нас же, как показывает практика, при некоторой изобретательности террористов, можно пронести на борт любое оружие или взрывное устройство. Правда, руководство гражданской авиации страны усиленно убеждает нас в обратном, приводит поистине фантастические цифры изъятых у пассажиров гранат, снарядов, стволов огнестрельного оружия и тонн

взрывчатых веществ. Возможно, это и так. Нет основания не верить ответственным работникам. Но, видимо, это не то оружие, стволы и тонны, которые планировалось пустить в дело именно на борту самолета. Их просто перевозили, транспортировали в другую точку страны. И потому они были найдены.

Ибо оружие, которому предстояло «заговорить» при захвате воздушного судна и сыграть свою роковую роль, в нужный момент все-таки оказывалось на борту. В 1988 году, например, террористы Овечкины уложили его… в футляр контрабаса. А в 1983 году преступники в Тбилиси даже этого не стали делать, просто пронесли оружие без досмотра через депутатский зал, как «уважаемые»«люди.

Кстати, об «уважаемых» людях. Кровавая трагедия в тбилисском аэропорту так и не послужила нам уроком. В большинстве цивилизованных стран мира при досмотре перед посадкой в самолет даже самые высокопоставленные лица проходят шесть-семь самых тщательных проверок.

К чему, казалось бы, такая подозрительность? Дело в том, что люди, облеченные властью, должны служить примером для рядовых пассажиров. Это оказывает неоценимое положительное воздействие как на работников службы безопасности, так и на тех, кто проходит досмотр. Следует подчеркнуть особенный нюанс. Законы многих стран разрешают высокопоставленным чиновникам проходить без проверок. Но они соглашаются на досмотр вполне добровольно, сознательно. Достойный пример, не правда ли?

В воздушном пиратстве есть и еще кое-что, отличающее нас от других, - цели угонщиков. Да, действительно, как ни горько сознавать, у нас похищают самолеты, чтобы сбежать из собственного дома. Нередко вокруг очередного происшествия газеты поднимают шум и на страницах печати появляется заголовок «Воздушный пират или несчастный мальчишка?».

Как ни странно, чаще всего, по мнению нашей гуманной прессы, оказывается, что они никакие не пираты, а те самые несчастные мальчишки. Такой вывод сделали, к примеру, некоторые журналисты, написавшие о 19-летнем угонщике из Львова Анатолии Михайленко.

30 июня 1990 года, когда самолет был уже в воздухе, Михайленко подозвал стюардессу, показал ей гранату и потребовал от командира лететь в Швецию. Оказывается, был он человеком религиозным и не желал идти в армию. Как признался потом одному из журналистов: «Не хотел нарушить библейскую заповедь «не убий».

Вот только о том, что он мог бы сразу убить почти двести

человек, Анатолий не подумал, видно, забыл о библейских заповедях. Тот трудный полет вполне мог закончиться катастрофой. Экипаж находился в сильнейшем стрессе: предстояло лететь по абсолютно незнакомому маршруту, посадка в шведском аэропорту Арланда требовала умения ориентироваться по радиомаякам, навигационным и посадочным огням, знать систему захода на посадку. Естественно, что летчики, работающие на внутренних линиях, к таким полетам не готовы.

Когда пересекли границу, в воздух поднялись истребители шведских ВВС, они помогали нашему «Ту» приземлиться. За все эти «услуги» нашей стране выставили счет на 30 тысяч инвалютных рублей. А таких угонов только в июне 1990 года было несколько. Что и говорить, дорогие «шалости» у наших «несчастных мальчишек».

Международных конвенций, где подобным мальчишеским играм дано четкое определение, предостаточно. Только что нашим юнцам конвенции? Понимание того, что он, бандит, своими действиями поставил под угрозу жизнь и безопасность десятков, сотен людей, как правило, не берется в расчет. Для многих угонщиков важен иной, политический вывод: свободолюбивый член общества бежал из страны-тюрьмы. И он уже вроде и не преступник. Категорически утверждаем: преступник, бандит.

Сегодня в нашей стране, к счастью, есть нормальный, цивилизованный выезд за рубеж. Но и он, увы, не решает проблему терроризма. Ибо бежали у нас не только юнцы, которых обидел строгий папа или испугала служба в армии. Бежали и другие, которые при самом цивилизованном законе о выезде не пойдут в билетную кассу.

Среди наших «доморощенных» угонщиков были все типы террористов, которые соответствуют самым «высоким» международным стандартам.

Кто они? Прежде всего, преступники, действующие по психологическим мотивам. Их поступки непредсказуемы, они в любой момент могут прибегнуть к насилию.

Имеются три типа преступников: самоубийца, психически больной и террорист, решившийся на преступление из чувства мести.

Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза признала террориста Рзаева, захватившего 17 мая 1973 года самолет «Ту-104», следовавший по маршруту Москва - Челябинск - Новосибирск Иркутск - Чита, психически больным. Хотя, покопавшись в причинах, толкнувших Рзаева на захват

воздушного судна, можно было бы и его отнести к разряду свободолюбивых граждан нашего отечества. Рзаев, оказывается, мечтал стать дипломатом, но слабая школьная подготовка не давала ему такой возможности. Он считал, что уж там, за рубежом, его ждет блестящая дипломатическая карьера. Людей, ставших заложниками, террорист, естественно, в расчет не брал.

Преступники, действующие по уголовным мотивам, берут заложников, как правило, на месте преступления, будучи застигнутыми врасплох. Они не имеют разработанного плана и охотно идут на переговоры.

Случаются захваты заложников в заключении. Тут цель ясна: разработав заранее план, они добиваются освобождения или изменения условий содержания.

Самый сложный тип - вымогатель. Здесь террорист пытается заставить власти, семью потерпевшего выполнить его условия. Вымогатель всегда расчетлив, методичен и жесток.

Именно так действовал уголовник, руководитель вооруженной банды Якшиянц, в 1988 году захвативший автобус с детьми в Орджоникидзе. И он таки добился своего. Ему предоставили самолет, 3 миллиона денег в валюте и вылет в Израиль. «Альфа» была готова пойти на штурм, но руководитель операции не решился отдать команду, поскольку на карту ставилась жизнь детей.

И, наконец, преступники, действующие по политическим мотивам. Они совершают преступления из чувства социального протеста. Может случиться, что фанатик пытается таким примитивным способом решить сложные политические проблемы - например, с группой приверженцев захватить своих политических противников. Возможны и иные типы террористов, которые убеждены, что законы не имеют силы. Они, как правило, хорошо теоретически подготовлены и дисциплинированны.

Действия любых преступников могут быть разнообразны и непредсказуемы. Как подтверждает жизнь, с каждым годом они становятся все изощреннее, изобретательнее, берут на вооружение самые современные достижения науки и техники. Подтверждение тому - случай с гражданкой Ирландии, в чемодане которой была обнаружена крохотных размеров пластиковая мина.

Дама собиралась улететь рейсом Тель-Авив - Лондон. Взрыв этой микробомбы не причинил бы вреда даже окружающим предметам, но его было бы достаточно, чтобы сдетонировали несколько фунтов семтекста высокотоксичного вещества, упрятанного под подкладкой чемодана. Ирландка прошла три пункта тщательнейшего контроля, и задержали ее только на

четвертом с помощью суперсовременного специального проверочного устройства.

Специалисты по взрывателям были поражены изобретательностью террористов. Нет сомнения, что на любой другой авиалинии, не оснащенной столь дорогостоящей контрольной аппаратурой, мина оказалась бы на борту самолета.

… Итак, «воздушная война» продолжается. Терроризм не уступает. Он опытен, хитер, расчетлив. Тем, кто противостоит терроризму, тоже опыта не занимать. У «Альфы» счет боевых операций по освобождению самолетов давно пошел на второй десяток. А начиналось все в ноябре 1983 года. Грузия. Небо над Батуми.

КРОВАВАЯ «СВАДЬБА» В ТБИЛИСИ

Из служебного отчета группы «А»:

«18 ноября 1983 года в 16.16 московского времени во время полета самолета «Ту-134А», следовавшего по маршруту Тбилиси Батуми - Киев - Ленинград с 57 пассажирами и 7 членами экипажа на борту, группа вооруженных преступников смертельно ранила бортмеханика и заместителя начальника летно-штурманского отделения Управления гражданской авиации Грузинской ССР и потребовала изменить курс, посадить самолет в Турции.

Командир экипажа самолета не подчинился требованию преступников и произвел посадку в Тбилиси. Преступники захватили пассажиров в качестве заложников и настаивали на выполнении ранее выдвинутых требований.

Председателем КГБ СССР было дано указание немедленно направить в Тбилиси сотрудников спецподразделения 7-го управления для освобождения заложников.

В 23.08 38 сотрудников спецподразделения прибыли в Тбилиси».

Через восемь лет, в ноябре 1991 года, во время правления президента З. Гамсахурдии, газета «Свободная Грузия» опубликует разоблачительную статью о том, как под руководством Э. Шеварднадзе была проведена «бессмысленная бойня», убийство молодых «борцов за свободу и независимость», пытавшихся покинуть на самолете «империю». Далее говорилось, что художник Гия Табидзе был убит, художник Давид Микаберидзе покончил с собой, актер Геча Кобахидзе, художник Сосо Церетели, врачи Паата и Кахи Иверием получили ранения при штурме самолета «имперским спецназом».

В то же время в авиагородке, где живут грузинские летчики, в сквере был совершен акт вандализма: памятный камень с фамилиями погибших пилотов Шабартяна, Чедии и бортпроводницы Крутиковой выдрали из земли, осквернили.

Так что же в действительности случилось ноябрьским днем 1983 года в тбилисском аэропорту? Центральная пресса об этом почти не писала, республиканские газеты при Шеварднадзе говорили одно, с приходом Гамсахурдии другое.

Сразу после происшествия весь экипаж наградили. Гардапхадзе и Гасоян были удостоены звания Героя Советского Союза. Но пройдет несколько лет, и в Грузии образуют специальную комиссию по новому расследованию дела. Теперь о героях-пилотах скажут, что они «состояли в сговоре с КГБ и

устроили бойню борцам за свободу».

Хотя что тут толковать, проще сказать словами международных документов: воздушные террористы - злейшие враги человечества.

Но, видимо, не всем по нутру такое определение, коли оскверняют памятники погибшим и оскорбляют живых. Хотя верно и то, что только из нашей страны угоняли самолеты, дабы убежать за границу. Может быть, тбилисские художники и актеры тогда, в восемьдесят третьем, и вправду хотели покинуть «империю», боролись за свободу? Что ж, попытаемся разобраться. Для этого восстановим события того дня.

18 ноября 1983 года. Тбилисский аэропорт

Ахматгер ГАРДАПХАДЗЕ, командир экипажа, рассказывает:

- Я работал пилотом-инструктором Грузинского управления гражданской авиации. 18 ноября мы летели из Тбилиси. В Батуми должны были дозаправиться и следовать дальше, на Киев - Ленинград.

Мне пришлось исполнять обязанности командира экипажа, но сидел я в правом кресле второго пилота. В левом кресле находился Станислав Габараев, которого мне пришлось в этом полете вводить в строй в качестве командира экипажа. С нами летел проверяющий - заместитель начальника летно-штурманского отдела Грузинского управления гражданской авиации Завен Шабартян.

Станислав ГАБАРАЕВ, пилот:

- У нас в гражданской авиации есть такое понятие: «первый полет на вводе в строй командира». Для меня был именно такой полет. В остальном - все обычно. Если не считать, что в этот день отменили рейс самолета «Як-40» на Батуми и пассажиры, прошедшие регистрацию, оказались у нас на борту. Как выяснилось позже, угонщики готовили нападение именно на «Як-40», и полет на «Ту-134» явился дня них в какой-то мере неожиданностью.

Владимир ГАСОЯН, штурман:

- Кабина в «Ту-134» маленькая, тесная. Бортинженер сидит на откидном кресле между первым и вторым пилотом. Шабартяну и сесть-то было негде, он стоял за спиной бортинженера Анзорпа Чедии.

Мы уже прошли Кутаиси и были на предпосадочной прямой, выпустили шасси, но в это время по радио сообщили: в Батуми внезапный боковой ветер. Там такое нередко случается. Нам приказали идти на запасной аэродром. Командир принял решение вернуться в Тбилиси.

А. ГАРДАПХАДЗЕ:

- Сделали разворот над Кобулети. И в этот момент условный стук в дверь. Так стучатся бортпроводницы. Шабартян посмотрел в глазок и увидел лицо второй бортпроводницы Вали Крутиковой. Он не заметил, что у нее разбита голова.

Оказывается, когда выпускали шасси, преступники подумали, что мы снижаемся в Батуми, там ведь до Турции рукой подать, и приступили к захвату самолета. Оглушили обеих бортпроводниц, и те не успели нажать кнопку «Нападение», трижды выстрелили в штурмана Плотко, который летел и отпуск и был в форме работника гражданской авиации. Они приняли его за члена экипажа. Потом Валю Крутикову, оглушенную и избитую, подтащили к дверям пилотской кабины.

С. ГАБАРАЕВ:

- Шабартян открыл дверь и получил в лицо пять пуль. Я услышал несколько хлопков и даже не подумал, что это могут быть выстрелы. Оказывается, в полете, на высоте, они звучат совсем иначе, чем на земле. Звук примерно такой, словно кто-то рядом открывает шампанское. Только когда Шабартян вскрикнул, я повернулся к нему. Увидел, как он упал за кресло, а в кабину ворвались двое молодых ребят. Потом узнал - это были Кахи Иверием и Гия Табидзе. Иверием подскочил ко мне и приставил к горлу револьвер. Табидзе сорвал с командира наушники и ткнул в висок ствол пистолета «ТТ». Лица, перекошенные злобой, мат, истошные вопли: «Самолет захвачен! Берите курс на Турцию! Иначе мы всех вас перестреляем!»

А. ГАРДАПХАДЗЕ:

- Бортинженер Анзор Чедия повернулся к ним и спросил: «Что вы хотите?» Договорить ему не дали, прозвучало несколько выстрелов, он упал, завис в кресле.

Когда они ворвались, я правой рукой нащупал свой пистолет в кармане, но вынуть его не мог. Так и держал руку в кармане. У нас было три пистолета, у меня, у Габараева и у штурмана Гасояна. У каждого по обойме - 8 патронов.

Гасоян сидел внизу, при закрытых шторках, все слышал, но стрелять не мог. Перед ним был бортинженер. Когда Чедия упал, сектор обстрела открылся.

В. ГАСОЯН:

- Вижу, надо действовать. Спасти положение могу я один. Достал пистолет, взвел курок и выстрелил в преступника, который держал под прицелом командира. Террорист упал. Другой головой по сторонам вертит, кричит: «Кто стрелял? Откуда?», но пистолет у виска Габараева держит.

Я тогда и в него два раза выстрелил. Как потом оказалось, ранил. Он закричал и выскочил из кабины.

За это время командир успел выхватить свой пистолет.

А. ГАРДАПХАДЗЕ:

- Когда Табидзе упал, я развернулся в кресле и тоже начал стрелять. Иверием выбежал за дверь и спрятался за холодильник. Началась перестрелка. Мы вдвоем с Гасояном стреляли, а у них, пожалуй, стволов пять было.

У нас патроны уже кончаются, и я думаю: «Надо закрыть дверь». Но как? В проходе лежит Шабартян, на нем Табидзе - то ли убитый, то ли раненый.

Говорю Гасояну: «Оттащи их от двери, я тебя прикрою». В это время Валя Крутикова очнулась, приподняла голову. Они ее тоже у дверей оглушили. Гасоян говорит ей: «Валя, помоги их оттащить».

Крутикова полулежа-полусидя вцепилась в Табидзе и оттащила его к кухне. Шабартян был еще жив, попытался сам заползти в кабину, Гасоян помог ему.

Я продолжал стрелять, чтобы прикрыть их, а Габараев вел самолет.

С. ГАБАРАЕВ:

- Во время перестрелки я управлял самолетом. Ахматгер крикнул мне: «Переходи на ручное управление, создавай перегрузки!» Я так и сделал: резко бросил машину по курсу и по высоте, чтобы сбить с ног преступников.

Над Гори командир израсходовал последний патрон. У Гасояна патроны кончились еще раньше. Он взял мой пистолет и опять вел огонь. Мне показалось, что стрельба продолжалась вечность, а прошло, наверное, не больше пяти минут.

Валя захлопнула двери кабины, а сама осталась в салоне с бандитами.

В. ГАСОЯН:

- Шабартян пришел в себя, кричит: «Володя, посмотри, у меня глаз вытек или нет?» Глянул на него и содрогнулся. Все лицо в крови, во лбу пулевое отверстие, в горле рана - из нее кровь так и хлещет. Я достал платок, прижал его к ране на горле. Платок сразу пропитался кровью. Тут опять началась стрельба. Бандиты стреляли в дверь, хотели сбить замок.

Что делалось в салоне, не знаю. Думали: раз так жестоко с экипажем обошлись - ни слова не говоря, застрелили Чедию и тяжело ранили Шабартяна, - то в салоне всех перестреляли.

Шабартян кричит: «Не могу, ребята, спасите! Не хочу умирать». Достал документы, деньги, командиру протягивает, просит: «Передай жене». Господи, о чем говорит! Чувствовал, что умирает.

Командир его успокаивал как мог: держись, мол, Завен,

сейчас сядем, тебе окажут помощь.

А. ГАРДАПХАДЗЕ:

- Когда захлопнули дверь, я надел наушники, вышел на связь, передал, что на нас совершено бандитское нападение, убит бортинженер, ранен Шабартян. Потом включил сигнал бедствия.

Из Сухуми передали: «Садитесь к нам». Но я знал, в Сухуми взлетно-посадочная полоса на ремонте, и пошел в Тбилиси. Вскоре, смотрю, у нас на хвосте два военных истребителя, видимо, поднялись по нашему сигналу. Доложил обстановку в Тбилиси: «Встречайте, приготовьтесь».

При снижении над Рустави первая бортпроводница Ира Химич по внутренней связи просит: «Командир, летите в Турцию, они взорвут самолет! Достали гранаты!» Я ей отвечаю: «Ирина, передай, что мы уже над Турцией. Садиться будем в Турции».

Было пасмурно, дождь, туман, да и вечер уже наступил, время около половины седьмого, думаю: «Грузия под нами или Турция сейчас не разберут».

В. ГАСОЯН:

- Я позже узнал, что они в салоне творили. Как только мы взлетели, стали ходить туда-сюда, курить, пить шампанское. Наш штурман Плотко сделал им замечание. Они его запомнили, а когда напали на бортпроводниц, подошли к нему. Один несколько раз выстрелил в спину, другой в грудь. Плотко пытался закрыться рукой, у него потом из предплечья несколько пуль извлекли.

Убили двух пассажиров - Соломония и Абовяна, над бортпроводницами, как звери, измывались. Когда Валю Крутикову мертвую нашли, то волосы на голове повыдергивали. Вся в крови, без волос лежала. А Ире Химич голову рукояткой пистолета пробили. Вот такие «борцы за свободу».

Когда мы уже садились, слышали крики бортпроводниц - бандиты издевались над ними.

Л. ГАРДАПХАДЗЕ:

- Сели. Нас поставили в самый конец зоны аэропорта, рядом со стоянкой военно-транспортных самолетов. Вижу: с двух сторон самолета солдаты с автоматами. Угонщики заставили открыть аварийный люк, а рядом с люком сидел пассажир - молодой солдат. Он выпрыгнул в люк на крыло, с крыла на землю. По нему из салона стреляли, и оцепление открыло огонь, думая, что террорист убегает. Очередями и по самолету прошлись. Габараева в ногу ранили. Я подключил аккумуляторы, кричу по радио: «Уберите этих дураков!» А тут и связь пропала: при стрельбе повредили радиостанцию.

У Гасояна в штурманской кабине - убитый Чедия и раненый

Шабартян. Я приказал Гасояну покинуть самолет. Он вылез через форточку. Поворачиваюсь к Габараеву - он к ноге склонился: «Командир, я ранен». - «Давай, Станислав, вылезай», - говорю. Тот тоже вылез.

В кабине остались я и Шабартян. У него лицо все в крови, глаз вытек, кричит, просит: «Не могу, страшная боль, дайте лекарство». И двигаться уже не мог.

Что творилось в салоне, не видел. Только через форточку слышал: они одного пассажира вытолкнули к двери: «Говори наши требования». Парень вырвался, выпрыгнул, ногу сломал.

Тогда у женщины взяли ребенка, толкнули ее к двери: «Говори наши требования. Если выпрыгнешь, убьем ребенка». Она кричит: «Заправьте самолет, отпустите их в Турцию, а то они убьют всех пассажиров и взорвут самолет».

Заместитель начальника Управления гражданской авиации Грузии Кадзаная подошел к двери, стал вести переговоры, а я в форточку крикнул женщине: «Скажите им, что мы заправимся и полетим в Турцию». Я уже видел, сзади к нам подходил автозаправщик. Понял, решили слить топливо.

18 ноября 1983 года Москва. Расположение группы «А»

Виталий ДЕМИДКИН, сотрудник группы «А»:

- Было около 18 часов, в тире шло занятие по стрельбе. Начальник группы Геннадий Николаевичи Зайцев зашел в тир, но тут же за ним прибежал дежурный. Он что-то доложил Зайцеву, тот поднялся в свой кабинет, и вскоре прозвучал сигнал боевой тревоги.

Мы быстро собрались, загрузились в автобус и по дороге в аэропорт нас ввели в обстановку. В Тбилиси захвачен самолет. Террористы действуют с особой жестокостью - убито несколько человек.

Уже в полете получили расстановку сил и средств, кто действует в группе захвата, поддержки, наблюдения, какими парами работаем, с какой стороны.

Игорь ОРЕХОВ, сотрудник группы «А»:

- Выезжая по тревоге, не знаешь, будешь ли в группе захвата или поддержки. Когда сказали, что я вхожу в группу захвата, ощутил какое-то двойственное чувство: с одной стороны, радость и гордость за доверие, а значит, и признание как профессионала, с другой волнение, желание не подвести.

Сразу же после объявления состава группы ребята стали помогать подгонять нам бронежилеты, вооружение. Здесь же, в самолете, обсудили первоначальный план действий, потом руководство собрало группу захвата, уточнили некоторые детали.

Когда мы прилетели в Тбилиси, все силы уже были

приведены в готовность по плану «Набат». Аэропорт оцепили войска. Погода хуже не придумаешь: дождь, промозглый ветер, градуса два-три тепла. Темно.

Вошли в здание аэропорта в касках, в экипировке, с кейсами. Вокруг полно людей, все таращат на нас глаза. Ведь в ту пору о группе не писали ни слова, сверхсекретность. Мы тоже ни с кем не разговариваем, не общаемся…

18 ноября 1983 года. Тбилисский аэропорт

Арушан ГЕВОРКЯН, авиатехник по самолетам и двигателям «Ту-134» Тбилисского авиапредприятия:

- Ночью, где-то между 23.00 и 24.00, у меня состоялся разговор с командиром 347-го летного отряда Григолашвили. Он попросил: надо пойти на захваченный самолет, помочь раненым и выполнить некоторые технические работы. Сказал, что это дело добровольное и связано оно с риском. Я согласился.

Меня отвели в комнату особого отдела. Там находились председатель КГБ Грузии генерал Инаури, офицеры спецподразделения, еще какие-то люди. Мне сказали, что надо помочь раненому флаг-штурману Шабартяну, подключить электропитание и выполнить работы, необходимые для слива топлива из самолета.

На машине поехали к стоянке самолета я, начальник управления Кадзаная и три милиционера. Подошли к самолету. Кадзаная начал переговоры с угонщиками. Они требовали дать свет в салон и заправить лайнер. Кадзаная сказал, что для этого нужно пропустить техника в кабину.

Бандиты потребовали, чтобы я разделся догола у них на виду. Пришлось подчиниться.

На аэродроме ветер, дождь, замерз, заледенел. А они стоят на том, чтобы я прошел в кабину через салон. С трудом удалось объяснить, что дверь в кабину заперта и из салона ее не открыть. Согласились. По аварийному канату я влез наверх, протиснулся в кабину. Вытолкнуть в форточку Шабартяна не удалось, он был полный мужчина.

Включил аккумуляторы, преобразователи тока, в общем, сделал все необходимое для слива топлива. Пока работал - бандиты из салона ломились, просили открыть дверь, сулили миллионы. Потом стали угрожать. Я не отвечал.

Закончил ремонт, спустился обратно по канату. В это время один из милиционеров отвлекал их разговорами. Когда я спрыгнул, он сказал: «Беги». Все время, пока бежал, милиционер (он был в бронежилете), закрывал меня своим телом. Добежал. Оделся. Рассказал о том, что видел и слышал.

Под утро узнал, что спецподразделение быстро и умело

обезвредило террористов.

В. ДЕМИДКИН:

- В аэропорту нам дали возможность потренироваться на запасном самолете. Все-таки волнение было - до сих пор мы работали на учебных машинах, а тут реальный самолет, настоящие убийцы, жертвы.

После тренировки началось самое неприятное время: время ожидания. В здании аэропорта нам отвели несколько комнат, периодически их покидали и выдвигались к самолету. Потом вновь уходили, прятались за ангаром, за грузовиками. Ждали. И так в течение всей ночи. В это время штаб по чрезвычайному происшествию вел переговоры с террористами. В зависимости от накала этих переговоров и действовали. Они агрессивней мы ближе к самолету.

Там я впервые понял состояние солдата на фронте перед атакой. Его не передать словами…

Видимо, террористы нас все-таки заметили. Дело в том, что самолет освещался прожекторами и делалось это весьма неудачно: наши тени были видны из иллюминаторов. На ломаном русском языке звучали угрозы, мол, уходите отсюда, иначе всех взорвем. Потом вдруг слышу: что-то упало нам под ноги. Невольно весь сжался - ни бежать, ни падать нельзя. К счастью, это оказалась не граната, а оторванная телефонная трубка.

Минуты текут, волнение нарастает, промозглый ветер с дождем, кажется, протыкает ледяными иголками каждую косточку. Вокруг темнота, где-то вдалеке горы. О них я судил по огонькам селений да фарам машины, которая петляла по горной дороге. Луч ее то утыкался в скалу, то шарил по небу, словно прожектор. Подумалось: увижу ли я еще раз ночную картину? Вспомнились семья, жена. Моему ребенку исполнился год один месяц и один день. Увижу ли я своего малыша, когда ему будет год месяц и два дня?

Но в следующее мгновение раздался плач ребенка из салона самолета, и мысли о семье ушли. Теперь все силы души были отданы операции: не отстать, не споткнуться, не испортить дело.

И. ОРЕХОВ:

- Посадка самолета была очень жесткой, и при ударе о взлетно-посадочную полосу один из люков вывалился на крыло. Террористы его приподняли, прислонили. Этот люк мог в любую минуту упасть сам или его могли открыть бандиты. Теперь представьте, как «приятно» лежать у этого люка. Не успеешь ахнуть, как получишь пулю. Но такая уж, видимо, у меня судьба, по боевому расчету мне достался именно этот люк.

Когда была дана команда готовиться к штурму, заняли свои

места на самолете. Не в самолете, а - на самолете. Ползешь и каждую заклепку чувствуешь. И все-таки качание машины, видимо, было. Из салона раздались крики: «Не вздумайте штурмовать! Всех перестреляем!»

Теперь, с годами, когда анализируешь свои действия, понимаешь: помогло то, что наше отделение в ходе учебных занятий так много внимания уделяло тренировкам на борту.

Не могу точно сказать, сколько мы пролежали на ноябрьском ветру - час, два, три. Напряжение огромное, а команды все нет и нет. Кажется, кожа уже примерзла к плоскости. Ведь у нас на голое тело были надеты бронежилеты и легкие комбинезоны. И все!

Виктор Федорович Карпухин, который находился где-то между штабом и самолетом, как мог, подбадривал нас, успокаивал: «Ребята, не волнуйтесь!»

А у меня свои, так сказать, индивидуальные проблемы из-за люка. Что делать, если он неожиданно откроется? Выход один: штурмовать, не дожидаясь команды.

В. ДЕМИДКИН:

- Сначала в кабину поднялся Владимир Николаевич Зайцев. Помню первое, что увидел: кабина маленькая, узкая, возле кресла лежал мертвый пилот. Впереди - бортинженер, тоже уже мертвый. Каждую минуту выходили на связь. Боевые группы докладывали о готовности. Мы тоже доложили, и потянулись минуты. Неоднократно объявлялась «готовность номер один». И снова время штурма откладывалось.

Из штаба нам сообщали о перемещении террористов, уточняли их местонахождение.

И. ОРЕХОВ:

- Пока лежал у люка, продумал каждый свой шаг. «Сейчас я вскочу, выбью люк. У самолета «Ту-134» два люка, которые выходят на крыло, значит, между ними салонная перегородка… Здесь я должен упасть, встать… Будут сложности с пассажирами, которые сидят у люка…»

Но в жизни оказалось все по-другому. Пассажиров на этих местах не было, спинки кресел оказались опущенными вперед, и люк упал в другую сторону.

Падаю в проход, вскакиваю. Дым, ничего не вижу. Тут еще ребята со всех сторон пошли. Поднимаю забрало каски. Понимаю, что попал в начало второго салона, где были пассажиры. В салоне темно, небольшая подсветка. Крики, стоны. Мы тоже кричим: «Где? Где?» Пассажиры показывают: «Вот они».

Мне достался один из бандитов, раненный в шею. Он сидел в третьем ряду салона, у прохода, и контролировал ситуацию. А

порядок такой: если кто-то тебе попался, работаешь с ним до конца. Вот я и работал…

В. ДЕМИДКИН:

- По команде «Штурм!» мы стали открывать дверь кабины, но она не поддавалась. Оказывается, была привалена трупами. Налегли изо всех сил - открыли.

Вперед пошел Зайцев, я за ним. Слышу его голос: «Руки за голову!» Здесь, в коридорчике, который отделяет дверь кабины от салона, были двое террористов, мужчина мощного телосложения, ростом эдак под метр девяносто, и женщина. Оба с пистолетами. Зайцев неуловимыми движениями сразу уложил их на пол, лицом вниз, и побежал. Решительно действовали и мы. Мне досталась женщина, напарнику - мужчина. Я ее схватил и спустил по трапу вниз.

Выскочил в салон и увидел еще одну женщину, подумал - пассажирка. Сказал: «Пойдемте, вы свободны». И хотел помочь. Но она вцепилась в кресло, закричала: «Нет, нет, я хочу взорваться». Оглянулся, позвал товарища: «Володя, она взорваться хочет!» И мы вдвоем под руки подняли ее, передали вниз, ребятам.

Снова вернулись в салон, а Зайцев уже далеко. Тороплюсь за ним. Справа, помню, когда бежал, увидел труп мужчины. Но заниматься им некогда, надо было спасать живых.

Во втором салоне поработал уже Головатов с ребятами. Когда мы вбежали, все в креслах полулежали, полусидели с поднятыми вверх руками. Кто из них заложник, кто террорист - не очень разберешь.

Посветили фонарем, мужчина в кресле обернулся, и мы увидели у него два пистолета. Подхватили под руки - и вниз. Потом помогали пассажирам - кому одеться, кому собрать разбросанные бумаги, документы. Многие и этого не могли сделать - в шоке от страха.

Затем осмотрели сиденья, места под сиденьями и все углы и закоулки нет ли взрывного устройства. И наконец я спустился вниз. Было уже светло, вдалеке виднелись горы. Понял, что теперь увижу отца, мать, жену с сыном. Потом ребята не раз шутили, мол, Демидкин спустился с трапа и сказал: «Как хорошо жить!»

И. ОРЕХОВ:

- Прошло столько лет, а все вспоминается тот штурм. Странно, как по-разному перед лицом опасности ведут себя люди.

Наша группа поддержки должна была подъехать к самолету на аэродромном микроавтобусе, но водитель автобуса в самый ответственный момент струсил, отказался ехать. Пришлось

ребятам в полной экипировке бежать через летное поле.

И противоположный пример. В самолете, рядом с туалетной комнатой, есть еще одна небольшая комнатка, гардеробная. Там несколько часов просидел врач, он на коленях держал женщину с пулевым ранением в спине. Несмотря на угрозы, выстрелы, он оказал помощь пострадавшей…

… С рассветом 19 ноября кровавая трагедии завершилась. Итогом ее стало несколько убитых и раненых. Террористы застрелили летчиков Запвена Шабартяна, Анзора Чедию, двоих пассажиров, зверски замучили бортпроводницу Валентину Крутикову. Получили тяжелые ранения и остались инвалидами штурман Плотко и бортпроводница Ирина Химич.

Террорист Табидзе убит в перестрелке, Микаберидзе покончил с собой. Суд приговорил всех бандитов к высшей мере наказания - расстрелу. Казалось бы, приговор снял все вопросы. Но не тут-то было. Кровавая история имеет свое продолжение, и со временем она получила в Грузии новый импульс - старые судебные дела были сняты с архивной полки. Кое-кто хотел из бандитов, террористов и убийц сделать мучеников грузинского народа, объявить их «борцами за свободу и независимость». Не вышло.

Но как все это было, проследить, пожалуй, весьма интересно. Рассказывают участники событий.

В. ГАСОЯН:

- Если бы еще немного у власти побыл Гамсахурдиа, то наверняка бандитов героями объявили бы, а нас судили. После того как в 1983 году я вернулся из госпиталя, мне очень много раз звонили в дверь. Смотрю в глазок: какие-то мужчины. Спрашиваю: «Кто?» Отвечают: «Открывайте, мы следователи КГБ, поедете с нами на допрос». Я им: «Приходите ко мне завтра, на работу». Постоят и уходят.

Я в окно гляжу: садятся в легковую машину без номера и уезжают.

Пришел сам в КГБ. Мне говорят, никого ко мне не посылали, но пообещали установить наблюдение за домом. Установили, нет - не знаю, но больше никто не приезжал.

Перенервничал, конечно. У меня ведь четверо детей, мал мала меньше.

Потом я на Кубе работал, думал: столько лет прошло, забылось. Нет. Газеты стали нас грязью обливать. Почему, мол, нам Героев до окончания следствия дали? А мы откуда знаем? С Кубы приехал, деньжат немного привез. Пошел в управление торговли, прошу: «Дайте машину как многодетному или как Герою». Там отвечают: «Ты Герой Советского Союза, а Союза

больше нет, значит, и машины тебе нет».

В том, что тогда стрелял, не раскаиваюсь. Бандиты к нам ворвались, товарищей на наших глазах убили, что ж, по головке их гладить?

А. ГАРДАПХАДЗЕ:

- После той трагедии меня с летной работы по здоровью списали. А ведь вся моя жизнь в авиации прошла. У нас, когда летать перестают, там же, в аэропорту, остаются работать. А я не могу. Больно. Потому и ушел.

Что сейчас журналисты пишут: «Шеварднадзе, КГБ и экипаж были в сговоре, знали обо всем заранее, устроили бойню правозащитников». Какие же они правозащитники? На суде им сказал: «Вы же все дети высокопоставленных родителей. Взяли бы туристические путевки в Турцию и остались там, попросили политического убежища».

Знаете, что они ответили: «Если бы мы таким путем сбежали в Турцию, нас бы приняли за простых эмигрантов. Вот Бразинскасы улетели с шумом, со стрельбой, Надю Курченко убили, так их там в почетные академики приняли».

Сколько было угонов в разных странах, повсюду бандиты сначала предъявляют свои требования, один из членов экипажа выходит из кабины на переговоры. А наши? Пять пуль в лицо Шабартяну, три пули в спину Плотко, рукоятками пистолетов по голове бортпроводницам.

Мне говорят, выполнил бы их требования, отвез в Турцию, и жертв не было бы. Зачем, мол, Гасоян и я стреляли? Ко мне в дом врываются бандиты, убивают моих близких, а я должен молча смотреть, начинать «переговоры». Чедия пытался начать переговоры - они его тут же убили.

Один из них сказал на следствии, что Шабартяна они в ногу ранили, а экипаж его пристрелил. Какие сволочи! У них погиб один, другой сам застрелился, а наших пятерых положили.

Суд был закрытым, а жаль. Пусть бы народ все увидел и услышал. А то, мол, Героев дали еще до окончания следствия, подозрительно. При чем следствие? Нас, что ли, судили?

Комиссию назначили по расследованию этого дела. Говорят о «невинно убиенных детях». Хороши «детки», стольких перестреляли, инвалидами сделали. Нет, наша совесть чиста. Мы защищали жизни пассажиров.

Надо ли добавлять что-либо к сказанному?

СОЛОМОНОВО РЕШЕНИЕ ПРОКУРОРА

Из служебного отчета группы «А»:

«20 сентября 1986 года в 3.40 по местному времени дежурному по КГБ Башкирской АССР поступил доклад о том, что двое военнослужащих срочной службы, вооруженные ручным пулеметом и автоматом с большим запасом боеприпасов, захватив такси, направились в сторону аэропорта. Не доехав до аэропорта около километра, они скрылись в прилегающих к дороге лесопосадках».

Как было выяснено, в ночь на 20 сентября трое военнослужащих в/ч 6520 внутренних войск МВД СССР Н. Р. Мацнев, А. Б. Коновал, С. В. Ягмурджи, находившиеся в наряде, самовольно покинули часть, похитили ручной пулемет и автомат Калашникова, снайперскую винтовку Драгунова и 220 патронов к ним.

В пути преступники заметили идущую за ними патрульную машину милиции и решили, что их преследуют. Они остановили такси и открыли огонь по патрульной машине, убив при этом двух сотрудников милиции сержанта Зульфира Ахтямова и младшего сержанта Айрата Галеева.

Один из преступников, вооруженный снайперской винтовкой, скрылся. Двое других продолжали движение в такси в аэропорт.

По получении информации по сигналу тревоги были подняты сотрудники, участвующие в мероприятиях по плану операции «Набат».

В 4.40 преступники ворвались в производивший посадку самолет «Ту-134А», следовавший по маршруту Львов - Киев - Уфа - Нижневартовск. На борту самолета находился экипаж - 5 человек и 76 пассажиров».

При захвате самолета преступники открыли стрельбу, убив при этом двух пассажиров. Угрожая уничтожить остальных, они потребовали от командира лететь в Пакистан. С этого момента начались длительные переговоры с преступниками, в результате которых в 5.55 они дали согласие освободить женщин с детьми, а в 7.30 выпустили большую часть пассажиров, оставив заложниками 20 человек.

В 7.00 в аэропорт г. Уфы спецрейсом прилетели 42 сотрудника группы «А».

Младший сержант Николай Мацнев до армии учился в архангельской мореходке и слыл среди товарищей человеком бывалым. Еще бы, просоленный штормовыми ветрами морской волк! Николай, конечно, не признавался, что в плавание выходил

всего несколько раз, да и то учебное, у морских берегов. Рассказывал товарищам по роте заманчивые сказки о богатых странах, красивой жизни. Он, конечно, знал: работа на судне тяжела и далека от красивой жизни. Близился «дембель», возвращаться в Архангельск не хотелось, не тянуло «морского волка» заново драить палубу, потеть в машинном отделении. Хотелось чего-то другого…

Выход, казалось бы, подсказала сама жизнь. Из взвода был назначен в так называемую «нештатку» - нештатную группу освобождения самолета от террористов. Они изучали типы самолетов, которые садились в Уфе, от «Ан-12» до «Ту-134», их устройство, расположение салонов, выходы и входы, люки, лючки и многое другое. В иное время Мацнев попросту плюнул бы на плакаты, карты, схемы, которыми был увешан их учебный класс, но только не теперь. На удивление дружкам Николай зубрил «летные уроки», словно собирался сменить морские просторы на воздушный океан.

Еще «веселее» стало, когда выехали в аэропорт для практических занятий на самолете. Их учили очень нужным приемам - проникновению в самолет, использованию спецсредств при борьбе с террористами.

Через несколько месяцев упорных тренировок Мацнев откроет близким друзьям, готовым идти за ним в огонь и в воду, свой «гениальный» план. Поскольку самолет они теперь знают как свои пять пальцев, смогут захватить его, блокировать группу захвата, да еще для обороны возьмут не какой-нибудь дедовский обрез, а современное стрелковое оружие, успех им обеспечен. Ну а там отлет за рубеж- и здравствуй, красивая жизнь!

Осталось проработать план, продумать пути бегства из подразделения, захватить оружие, узнать расписание движения самолетов, на очередной тренировке поинтересоваться у работников аэропорта, охраняются ли воздушные лайнеры.

Кто-то предложил взять из парка бронетранспортер. Быстроходная машина, и на случай погони это тебе не «Жигули». Дал пару очередей из крупнокалиберного пулемета, сразу отпадет охота догонять. На том и порешили.

В преступную группу под руководством младшего сержанта Николая Мацнева вошли рядовые Александр Коновал, Сергей Ягмурджи и Игорь Федоткин.

С 19-го на 20 сентября все вместе заступили в наряд по роте. У Мацнева ключи от оружейной комнаты. Он вскрывает «оружейку» и забирает ручной пулемет, автомат, снайперскую винтовку, боеприпасы к ним. Через окно столовой солдаты покидают расположение части, на улице останавливают такси. В

затылок водителя упирается ствол автомата: «Гони, быстро!…» Указывают адрес. За городом в одном из караулов стоит Игорь Федоткин, который должен вывести из парка бронетранспортер.

Проскочили ночными улицами Уфы, выехали за город. В поселке Затон приказали остановиться, почему-то решили сменить машину.

Ждать пришлось недолго. За поворотом мелькнули фары автомобиля. Но что это? Покачиваясь на ухабах дороги, навстречу им мчал милицейский «УАЗ». Их выследили! Мацнев вскинул автомат. Очередь… И желто-голубой автомобиль кувыркнулся с обочины.

Коновал испуганно прижал к себе винтовку и прыгнул в кусты.

- Сука, предатель, - прошипел Мацнев, но Ягмурджи упрямо тянул его за рукав.

- Некогда, Коля! Хрен с ним.

Они упали на заднее сиденье такси, Ягмурджи прокричал:

- Хочешь жить, шеф, жми что есть мочи.

Было уже не до Федоткина. В ту ночь он так и не дождется своих сообщников. Машина мчалась в аэропорт.

Не доезжая до аэропорта, беглецы бросили такси на дороге и скрылись в лесопосадках. Пробрались к взлетно-посадочной полосе и залегли в канаве. Ближайшим к ним оказался «Ту-134» с бортовым номером 65877.

Самолет Бориспольского авиаотряда принимал пассажиров. Была уже глубокая ночь, дежурная по встрече Людмила Софронова проверяла билеты, бортпроводницы Елена Жуковская и Сусанна Жабинец рассаживали уставших людей. Наконец все утряслось, пассажиры в салоне, опоздавших не было, и дежурная протянула загрузочную ведомость на подпись второму пилоту Вячеславу Луценко.

И тут под чьими-то тяжелыми шагами загрохотали ступени трапа, и Людмила увидела направленный на нее ствол автомата. «Бандиты!» успела крикнуть она, и Луценко мгновенно втащил ее в кабину, захлопнув дверь.

На крик оглянулась бортпроводница Елена Жуковская, перед ней стоял растрепанный, запыхавшийся парень в солдатской форме.

- Вы почему не в кресле?

- Что-о! - заорал тот. - Быстро взлетайте, даю двадцать минут.

Впереди, у входа в салон, появился другой, в таком же солдатском бушлате, со вскинутым автоматом.

- Хорошо, - сказала Лена, - успокойтесь. Я сейчас доложу командиру ваши условия.

А условия были таковы: взлетать и следовать в Пакистан. Лена еще не раз ходила к пилотам и возвращалась назад - передавала, уточняла, разъясняла. Наземные службы после шока приходили в себя, тянули время.

Прошло двадцать минут. Мацнев нервничал. Он схватил Сусанну за шиворот, приставил к затылку автомат и громко стал отсчитывать секунды: «Один… два… три… «

- Лена, - прохрипела, задыхаясь, Сусанна, - он меня убьет!

Жуковская бросилась к кабине, забарабанила в дверь. В это время в салоне прозвучал выстрел. Лена похолодела. Убили!

Но Сусанна была жива, стрелял другой бандит - Ягмурджи, убил пассажира, монтажника управления «Запсибнефтегеофизика» Александра Ермоленко. Он что-то не так сказал террористу, и тот нажал на спусковой крючок пулемета.

Мацнев оглянулся и, решив, что кто-то из пассажиров убил его напарника, дал очередь по салону. Пули прошли рядом с головой Лены, обожгли плечо женщины, закрывавшей собой ребенка, ранили в живот электрика из управления буровых работ «Укрнефть» Ярослава Тиханского и вновь поразили Ермоленко.

Лена видела разъяренных бандитов, они готовы расстрелять пассажиров. Надо было что-то срочно делать. Как можно спокойнее она сообщила Мацневу и Ягмурджи: «Земля» полностью приняла их требования, но взлет невозможен - нарушена герметичность машины, им предлагают другой самолет. Террористы не поверили. Дали двенадцать часов на ремонт. Иначе перебьют всех заложников.

Пошли первые минуты двенадцати часов ультиматума.

Группа «А» совершила посадку утром 20 сентября в уфимском аэропорту. Все, что стало известно еще в полете, потом, на земле, не вселяло оптимизма. Придется иметь дело если и не с профессионалами, то уж с полупрофессионалами точно. Им известны пути проникновения в самолет, и они, вероятнее всего, уже заблокированы. Работать можно только по двум направлениям - с хвоста и из кабины. Но опять-таки это знают и террористы. Они готовы встретить мощным огнем всякого, кто сунется в самолет. Пулемет и автомат сокрушающее оружие. Ни один бронежилет в ту пору не способен был выдержать удар автоматной пули. Чтобы уничтожить террористов, пришлось бы стрелять в салон, но там находились люди. Стало быть, выход один: поразить бандитов сразу и наповал. В ином случае они могли открыть огонь по пассажирам.

Легко сказать, наповал. Такое предложение скорее из области фантастики. Террористы постоянно передвигаются по самолету. Где они окажутся в тот момент, когда нужно будет открывать

огонь? Не ускользнут ли в другой салон, не прикроются ли заложником?

Решение искали в штабе по чрезвычайной ситуации, в группе «Альфа», пилоты самолета и две хрупкие девушки - бортпроводницы.

Это они уговорили террористов разрешить вынести убитого Ермоленко, потом выпустить раненых. Потом - четырех женщин с детьми.

Тянулись часы. Устали пассажиры. Устали бандиты. Ягмурджи впадал в оцепенение. Мацнев, наоборот, начинал метаться по самолету, как затравленный зверь, матерился, кричал.

Девушки мучительно искали выход.

- Знаешь что, - Лена Жуковская подсела к Мацневу. Есть один вариант…

- Какой еще вариант? - недовольно пробурчал бандит.

- Чтобы быстрее взлететь, надо улучшить центровку.

- Ну и что?

- Убрать лишних пассажиров. Тебе не все ли равно, двадцать их или семьдесят?

- Оно, конечно, меньше мышей - меньше писку.

Лена уже собиралась вскочить, но он опустил свою ладонь на ее плечо.

- Не спеши. Надо подумать.

Думал долго. Смотрел в иллюминатор, потом зачем-то мерил шагами самолет, наконец согласился:

- Ладно, давай.

Лена шла по проходу между креслами. Теперь от ее решения зависела судьба этих людей. Останутся ли они вновь под дулами автоматов или через минуту вздохнут облегченно.

Сколько будет жить бортпроводница Лена Жуковская на свете, столько будет помнить эти глаза.

Хотелось забрать всех, но двадцать пассажиров предстояло оставить. Выбирала тех, кто был на самом надломе, в нервном возбуждении, которое грозило взрывом, кто выглядел больным и особенно уставшим. А остальные? Что станется с ними? Она отводила глаза.

Лене удалось выпустить сорок шесть заложников, когда Мацнев остановил ее окриком и ткнул автоматом в бок, отгоняя от дверей.

«Альфа» отрабатывала вариант за вариантом. И отбрасывала. Ни один из них не годился. Группа захвата уже дежурила в кабине лайнера, снайперы припали к окулярам оптических прицелов и докладывали о перемещениях террористов внутри

самолета. Готовность - высшая, но возможность действовать нулевая.

И все-таки забрезжил свет в конце тоннеля. На соседнем самолете, стоящем невдалеке, бойцы «Альфы» отрабатывали новый, не применяемый никогда прежде, даже на тренировках, вариант.

Сняв каски, бронежилеты и оставшись, считай, в нательном белье, без оружия, репетировали скоростной штурм самолета. Оставив своих ребят в роли заложников, группа захвата врывалась в салон.

Да, действительно, налегке можно сделать несколько бесшумных шагов и даже нанести неожиданный удар. И все-таки риск был огромен.

Где в этот момент окажутся террористы? Будут ли стоять, сидеть? Удастся ли разглядеть их среди пассажиров, застать в расслабленном состоянии? А если наоборот? Нападавшим, безоружным, не защищенным ничем парням грозила смерть.

Тем не менее этот вариант был принят. Опасный, но единственно возможный. Да, жертвовать собой ради спасения заложников стало жизненным правилом каждого бойца группы.

Но вскоре события получили самое неожиданное развитие: Мацнев и Ягмурджи потребовали наркотиков. Оказывается, еще на «гражданке», а потом и на службе, в роте, они покуривали запретную травку. «Можно организовать!» - согласилась Лена.

- Значит, так, - с видом знатока сказал Мацнев, передай, пусть готовят двадцать ампул, иглы, ну и все остальное спирт, жгут, вату… И еще гитару. Серега классно поет.

Лена бросилась к кабине пилотов, но Мацнев ее остановил:

- Скажи, чтоб ампулы и гитару принес наш ротный, другого к самолету не подпустим…

«Земля» прислала ампулы. Вместе с наркотиками дали сильнодействующее снотворное. Ягмурджи, выпив три ампулы, скис на глазах. Мацнев к наркотикам не притронулся, но, поглядев на спящего, тоже присел рядом, прикемарил.

Убедившись, что оба уснули, Лена предложила пассажирам обезоружить преступников. Однако никто на такой шаг не решился. Тогда она сама осторожно сняла с колен Ягмурджи пулемет. Надо отдать должное мужеству Лены, но, забрав пулемет, она подвергла себя страшной опасности, по существу, подписала себе смертный приговор. Очнувшись, террористы просто убили бы ее. И это действительно чуть не стоило ей жизни.

Уснув, Ягмурджи свалился с кресла, при этом разбудил Мацнева. Тот вскочил, еще секунда-другая, и он бы вспомнил о

пулемете. Но Лена нашлась, схватив ампулы, протянула их Мацневу:

- Смотри, он и тебе оставил!

Мацнев обрадовался. Сусанна подсунула чашку. Он слил все ампулы вместе и залпом выпил. Дико застонал, закружился по салону. Пока не опомнился, Лена вцепилась в него: «Коля, Коленька, выпусти пассажиров, ты же обещал…»

«Черт его знает, обещал - не обещал, - отмахнулся он от Лены, как от назойливой мухи. - Подгоняй трап и к ядрене-фене, пока я добрый!»

Подогнали трап. Выбежали пассажиры, следом бортпроводницы.

Дверь захлопнулась. И тут Мацнев очнулся: где пулемет? Стал трясти Ягмурджи. Но тот ничего не помнил.

В ярости они колотили прикладом автомата в дверь пилотской кабины, орали, матерились, обещали перебить всех. А ведь если бы исполнили свое обещание, дали очередь по кабине, крови было бы много. Слава богу, выстрелов не прозвучало.

«Альфе» же предстояло решить, что делать с террористами. Они по-прежнему вооружены, опасны, на совести Мацнева и Ягмурджи убийства, ранения заложников. И как бы это жестоко ни звучало, их могла остановить только пуля. Но в данной ситуации на применение оружия должен дать «добро»… прокурор. Однако он долго не мог принять решение.

Затяжка грозила смертью всем, кто находился в кабине, - и пилотам, и группе захвата. Не было сомнения, что, окончательно придя в себя, преступники откроют стрельбу по кабине.

Прокурор по-прежнему вилял, а потом принял соломоново решение: брать живыми, но если применят оружие, уничтожить. Командир «Альфы» резонно возразил, что у террористов не берданка, а автомат Калашникова. Это значит: они должны уложить кого-нибудь из группы, и тогда только можно открывать огонь. Получается, трупов пока мало. Уже известно, что умер раненный в живот пассажир. Опять молчание штаба. Опять прокурор думает.

Наконец решение есть.

Группа захвата открывает дверь пилотской кабины. Мацнев сидит с автоматом на коленях. Он еще успевает сделать несколько выстрелов в атакующих, как ответная очередь бросает его навзничь. Ягмурджи пытается схватить выпавший из рук сообщника автомат, но ему не дают этого сделать. Мацнев убит наповал, Ягмурджи ранен. Поединок окончен.

Бортпроводниц Елену Жуковскую и Сусанну Жабинец наградили орденами Красного Знамени. Но главная награда, как

до сих пор считает Лена, ее ребенок. Когда все это случилось, она была беременна.

Невероятно, но факт: против бойца «Альфы», применившего оружие, возбудили уголовное дело. Но, к счастью, в ходе следствия было доказано, что сотрудник действовал в соответствии с законом. Ибо он сам воплощал в себе закон, а террористы стояли вне закона.

Ягмурджи не признал свою вину и не раскаялся. Просто сожалел, что не до конца продумал террористическую акцию. Что же касается людей, которые погибли от его руки, о них он не думал вовсе.

ДРУГ ПО КЛИЧКЕ ДЖЕК

В группе «А» с точки зрения обычного человека немало экзотических служб. Ну, например, служба кинологов. На первый взгляд собаки «Альфы» выполняют те же задачи, что и их «коллеги» из МВД или пограничных войск: ищут оружие и боеприпасы, помогают бойцам взять вооруженного человека. Я не раз беседовал с милицейскими кинологами, их «боевые друзья» также лихо умеют «взять» преступника с пистолетом и ножом. И все-таки смею утверждать: собаки группы антитеррора особые, если так можно сказать, высококлассные спецы.

В чем этот класс? Во многом. Например, работа на сугубо специфических объектах - в посольствах, консульствах, диппредставительствах. Кроме ответственности, есть немало других нюансов. Назову лишь один мраморные полы. Они часто встречаются в подобного рода организациях.

Это значит - собака скользит, скорость снижается, нет возможности для мощного прыжка. Обычная, не тренированная в таких условиях «политеса» собака обречена на провал.

А поиск взрывчатых веществ в рейсовых автобусах, на спортивных сооружениях, вокзалах, где множество запахов, шумов. Представьте себе обычную вокзальную камеру хранения. Какой сложный фон для работы собаки - в одной ячейке лежит колбаса, в другой - мясо, еще какие-то пахучие вещества. Попробуй сориентируйся, не ошибись. Нужна специальная, длительная тренировка. И она проводилась прямо на вокзалах, в аэропортах.

Более того, по заказу «Альфы» один из институтов Комитета госбезопасности изготовил несколько десятков самодельных взрывных устройств. Они были почти реальными, только без детонаторов. Важно, что в макет СВУ закладывались различные типы взрывчатки: боевой, промышленной, самодельной. Так что собака привыкала искать не просто взрывчатку, а устройство с полным букетом «террористических» запахов.

Сами тренировки готовились и проводились очень тщательно - в соответствии с рекомендациями ученых-одорологов, то есть специалистов по запахам. Макеты взрывных устройств всегда хранились в плотно закрытых контейнерах, хорошо упакованные. Закладка СВУ осуществлялась только в резиновых перчатках. С момента закладки до поиска проходило не менее полусуток.

Собаки «Альфы», естественно, не должны бояться шума выстрелов, разрывов. Для тренировки использовались звукоимитаторы, кинологи постоянно выезжали на стрельбища.

Поскольку в функции группы входит борьба с воздушным терроризмом, кинологи с «младых ногтей» знакомят псов с авиалайнерами. И не только на земле, но и в воздухе. Кстати говоря, приучать собак к полету дело весьма непростое. Они очень чувствительны к воздушным путешествиям.

Важная часть обучения собак-антитеррористов - работа среди людей. Надо научить пса мгновенно реагировать на вооруженного человека и в то же время наложить «табу» на реакцию на детей и женщин. Среди женщин террористки встречаются редко, но испуг и истерика ребенка в стрессовой ситуации вполне возможны. Стало быть, задача кинологов «Альфы» натренировать собаку спокойно относиться к крику ребенка.

Вообще путь группы антитеррора - это путь проб и ошибок. Не было методик, рекомендаций, зачастую любое дело приходилось начинать с чистого листа. Кинологическая служба подразделения - не исключение. Собаки появились в группе в 1988 году. До этого все операции проходили без участия собак. Их следовало «вписать» в общий процесс, иными словами, найти место в боевой операции. Поэтому сначала разрабатывалась операция, определялась в ней роль кинологической службы, потом тренировались собаки и, наконец, общие учения. Ибо не только собакам надо было привыкнуть действовать в едином тактическом строю, но и людям адаптироваться к работе с новыми «коллегами». Таким образом, нагрузка на кинологов оказалась весьма существенной.

Ответственный этап работы - взаимодействие пары «инструктор - собака». Здесь зачастую была обратная связь - инструктора «подбирали» к собаке. И если розыскные псы работали с любым инструктором, то собачья «группа захвата» только со своим, индивидуальным наставником.

Особая тема - снаряжение для собак группы антитеррора. Речь, конечно, не об ошейнике или поводке, а, например, об уникальном радиоприемнике. Вмонтированный в «сбрую» пса, он транслирует команды инструктора в ухо собаки. А это значит, после соответствующих тренировок собака может действовать в отрыве от человека, исполняя его команды.

Разумеется, собаки «Альфы» так же бесстрашны, ловки и сильны, как и их хозяева. Всякий, кто имел дело с тренировкой псов, знает, как непросто выучить своего любимца передвигаться «по лестнице» вниз. У собак группы антитеррора на полосе препятствий есть «лестница», но, скажем, несколько усложненная. Высота от земли до верхней площадки 5 метров. На этом огромном для любого пса пролете всего три ступеньки. И они умело их преодолевают. Воистину собаки-чемпионы!

У любителя собак, прочитавшего эти строки, сразу возникнет вопрос: какой породы собаки-антитеррористы?

Выбирая в свое время «боевых друзей», «альфовцы» изучали псов многих пород. Среди них были черные терьеры, ризеншнауцеры, но остановились на немецкой овчарке. По характеру, психике, возможностям, словом, по собачьим талантам немецкая овчарка оказалась наиболее удачным выбором.

Важно и другое - собака должна была выглядеть устрашающей. Это один из факторов воздействия на террориста. Оттого в группу антитеррора и выбирают псов черного окраса, с большими «медвежьими» головами. Одним словом, в элитной группе и элитные собаки.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что собаки - это, разумеется, вспомогательное средство для борьбы с террористами. Они лишь помощники. Но помощники важные, умелые и ловкие. Их нельзя недооценивать. Потому в «Альфе» своих псов ценят по достоинству.

Они, и только они способны среди тысяч запахов учуять запах взрывного устройства. Они - фактор страха, а значит, и фактор выигрыша в бою с террористом. Они никогда не подводили и не подведут своих хозяев в трудную минуту.

ЗАЛОЖНИКИ ИЗ 4-го «Г»

О бандитском захвате автобуса с детьми в Орджоникидзе 1 декабря 1988 года, о том, как освобождали ребятишек, наша пресса писала много. Операция прошла успешно. Израиль выдал преступников. Сотрудники КГБ, экипаж самолета проявили мужество и были по достоинству награждены. Высокие награды в Кремле вручали первые лица государства: Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета М. С. Горбачев и его первый заместитель А. И. Лукьянов.

Смелая учительница Наталья Ефимова, которая более суток находилась вместе с детьми под боевыми стволами террористов, была удостоена ордена «За личное мужество» № 1.

На экраны страны вышло два фильма: документальный - «Заложники из 4-го «Г» и художественный - «Взбесившийся автобус».

Кажется, в этой истории нет белых пятен, все ясно и понятно, расписано и снято по минутам. Ан нет. Через три года в «Досье» «Литературной газеты» появляется статья «Международный терроризм кто «за»?» Автор ее - достаточно опытный журналист, в некотором роде даже «специалист по терроризму». К этой теме он обращался неоднократно. Тем удивительнее было прочесть его откровение.

«Помните декабрь 1988 года? - спрашивает автор. -Да, когда террористы захватили автобус с ребятишками во Владикавказе (на момент захвата - г. Орджоникидзе) и выпустили их и учительницу только тогда, когда получили в свое распоряжение огромные деньги (3, 5 миллиона американских долларов) и самолет для отлета в Израиль. И там они были схвачены и выданы советским представителям.

Так вот, все то, что связано с реагированием на этот террористический акт, как мне известно, формировалось уже в ходе самих событий, что было явно ненормальным. И когда представители Аэрофлота, уполномоченные соответствующих компетентных органов делали максимум возможного, чтобы нейтрализовать террористов, то многое ведь базировалось на их интуиции, а не на профессионализме и опыте».

Странно, не правда ли? Автор прекрасно знает, что удалось освободить всех до единого заложников - 30 детей, учительницу и водителя автобуса. И террористы не мальчики - матерые преступники, готовились долго и тщательно. Как признавался сам главарь банды, они перечитали десятки публикаций, просмотрели не один зарубежный фильм о нападениях на самолеты и выбрали

самый бесчеловечный и изощренный способ захват детей.

Кстати, детей и учительницу они отдали раньше, чем получили деньги, на которых автор статьи заостряет внимание. Да и не деньги определили исход борьбы, а оружие. Впервые в мировой практике его вручили бандитам. Но даже после этого удалось переиграть террористов.

И все благодаря интуиции? Ни опыта тебе, ни знаний, ни профессионализма. «Формировались в ходе самих событий», «базировались на интуиции» и, поди ж ты, сумели выиграть труднейший бой с хитрыми, жестокими бандитами. Вот так любители!

Не думаю, что автор статьи столь наивен и не может отличить работу профессионалов от любительских упражнений. Но тогда в чем же дело? Видимо, даже многочисленные публикации, фильмы по причинам ли секретности, или по каким-то другим обстоятельствам не смогли по-настоящему раскрыть деятельность профессионалов. Их сложная психологическая борьба за жизни заложников прошла как бы мимо повествования.

Хотелось бы восполнить этот пробел. Ведь захват автобуса с детьми в Орджоникидзе и их освобождение - без сомнения, одна из сложнейших операций такого рода, проведенных когда-либо в мире. И мы должны знать о ней все.

2 декабря 1988 года. 3.10.

Аэропорт Минеральные Воды.

Пять минут назад полковник Геннадий Зайцев начал переговоры по рации с главарем вооруженной банды, захватившей автобус с детьми, Павлом Якшиянцем. Главное, что волновало штаб по чрезвычайному происшествию, состояние детей. С этого и начал полковник.

Зайцев: Алло, Павел, ты слышишь меня?

Якшиянц: Не беспокойтесь.

Зайцев: Павел, учительницу можешь пригласить?

Якшиянц: Пожалуйста. - Обращается к учительнице: С тобой будут разговаривать. Говори, что хочешь.

Учительница: Здравствуйте, говорит учительница Наталья Владимировна.

Зайцев: Очень приятно, Наталья Владимировна. Я Геннадий Николаевич.

Учительница: Вы не скажете, когда нас отсюда выпустят?

Зайцев: Наталья Владимировна, я обращаюсь к вам как к главной защитнице детей. Как они чувствуют себя?

Учительница: Дети сейчас спят. Конечно, все хотят домой. Проснутся, опять начнут плакать.

Зайцев: Нужно ли кому-то из детей оказать медицинскую

помощь? Или иную помощь, по вашему мнению?

Учительница: Нет. Они чувствуют себя хорошо. Помощи медицинской не надо. Только есть хотят и домой бы поскорее.

Зайцев: Я очень прошу вас: держитесь изо всех сил. Что бы ни произошло, знайте - все о вас беспокоятся. Подчеркиваю, вашей жизни, если все пойдет нормально, ничего не угрожает.

… Ах, дети, дети. Просто представить трудно, что родился, ходит по земле человек, который пошел на такое чудовищное преступление в заложники взял детей.

Что знал полковник, что знали в штабе на этот час о главаре банды? К их прилету в Минводы местные комитетчики уже получили кое-какую информацию.

Павел Якшиянц, 38 лет, уроженец Ташкента, работал водителем в Орджоникидзе. Трижды судим. Хитер, изощрен, жесток.

Н-да. Десять с лишним лет руководил Зайцев группой «А», всякого навидался, но такое - держать под ружьем автобус с одиннадцати-двенадцатилетними детишками - встречает впервые.

Он сам отец и дед. Представляет сейчас испуганные глазенки мальчишек и девчонок. Эх, кабы не дети, «Альфе» на все про все хватило бы считаных секунд, и лежать бы сволочам мордой на грязном полу.

Но нет, он должен быть спокоен и мудр. Ему вести дуэль с главарем бандитов.

Якшиянц: Мы поступили очень грубо, сапогами в морду, можно сказать. Но мы себя оправдаем. В дальнейшем, я вам говорю, одна секунда, как вы сделали «добро», вторая секунда будет наше «добро». Не принимайте нас за дуралеев. Я интересовался всеми этими акциями и, по-моему, неплохо продумал операцию.

Зайцев: Павел, готовы удовлетворить все ваши требования. Но нами руководит беспокойство за детей. Могли бы вы тоже ответить гуманностью и освободить детей?

Якшиянц: Да, освободим детей. Но только в случае, если руководитель государства официально объявит во всеуслышание и подпишет документы о нашем беспрепятственном выезде.

Зайцев: Куда вы хотите вылететь?

Якшиянц: В любое иностранное государство, которое нас не выдаст. Уверены в лояльности Пакистана, Израиля, ЮАР.

Заместитель председателя КГБ генерал Пономарев выжидающе смотрел на Зайцева. Полковник опустил микрофон.

- Пакистан…

- Добро, - ответил Пономарев и направился в противоположный конец комнаты, в которой располагался штаб,

к телефону правительственной связи.

2 декабря 1988 года. 0.45.

Москва. Аэропорт Шереметьево.

Экипаж Александра Божкова готовится к полету в Дели. Они недавно вернулись оттуда, увозили после гастролей цирк. Веселые пассажиры попались: медведи, лошади, орлы. В полете вели себя смирно, только орлы все помахивали крыльями, беспокоились.

Однако очередной рейс в Индию был неожиданно отменен. Самолет полетел в Минеральные Воды. Когда приземлились, поразило безлюдье в аэропорту. Пока выруливали на дальнюю стоянку, «Земля» ввела в обстановку. У трапа их встречал сотрудник КГБ, рассказал подробнее о случившемся, уточнил: «Дело добровольное. Кто чувствует себя неуверенно, может отказаться». Ни один из пилотов не дрогнул. С этой минуты они уже знали: им лететь за границу по требованию террористов, им быть заложниками.

Зайцев нажал тангенту микрофона: «Мы готовы предоставить вам возможность вылететь в Пакистан. Как вы относитесь к этому?»

Якшиянц: Хорошо. Значит, куда мы улетим отсюда?

Зайцев: Самолет без дозаправки дотянуть до Пакистана не сможет. Поэтому требуется промежуточная посадка в Ташкенте. Именно Ташкент ближе всего к Пакистану. Поняли меня?

Якшиянц: Душанбе вас не устраивает?

Зайцев: Душанбе ближе к нам и дальше от пакистанской границы.

Якшиянц: Там разве нет прямой границы с Советским Союзом?

Зайцев: Нет. Да и Ташкент географически ближе к Пакистану.

2 декабря 1988 года.

1.20 московского времени. Совпосольства в Исламабаде, Кабуле, генконсульство СССР в Карачи.

Советские полномочные представители в Афганистане и Пакистане получили срочное сообщение о захвате детей в Минеральных Водах, о требованиях террористов предоставить им самолет до Пакистана.

Несмотря на глубокую ночь, послы СССР настойчиво выходили на связь с местными представителями власти.

2 декабря 1988 года. 1.25 московского времени.

Аэропорт Минеральные Воды.

Произвел взлет самолет, следующий рейсом по маршруту Минводы Ташкент с 15 сотрудниками антитеррористической группы «Альфа» на борту. Возглавил группу Сергей Гончаров.

Вскоре в штаб пришло сообщение: Ташкент готов принять террористов. Однако к тому часу бандиты уже изменили свое решение.

Якшиянц: Значит, я вам говорю: иностранный самолет из Пакистана прилетает в Ташкент. Что мы делаем? Грузимся в самолет. Там присутствует посол этого государства. Вы подписываете с нами договор, что не применяете силу, мы детей оставляем и летим.

Зайцев: Хочу пояснить: вопрос весьма сложный. Сейчас ночь. Посла Пакистана требуется из Москвы доставить в Ташкент. Значит, надо провести переговоры на самом высоком уровне.

Якшиянц: Непонятно мне, разве посол Пакистана не может сразу вылететь?

Зайцев: Может. Но подчеркиваю, он находится в Москве. Его надо найти, поднять, обеспечить вылет…

Якшиянц: Вы меня не поняли, что ли? Я спрашиваю: посол или временный поверенный?

Зайцев: Полномочный представитель Пакистана в Советском Союзе. Его резиденция в Москве.

Якшиянц: Как, вы поддерживаете дипломатические отношения с государством, которое с нами воюет?

Зайцев: Что вы имеете в виду?

Якшиянц: С территории Пакистана уничтожаются наши парни. Там базы. Ну, если у вас пакистанский посол, нам Пакистан не нужен. С этим послом можно о чем угодно договориться. Да-а, значит, они тоже засранцы приличные, простите за выражение. Наших бьют, а сами в Москве сидят. Ладно. Как насчет Израиля?

Зайцев: У нас с Израилем нет дипломатических отношений. Павел, а если Финляндия, вас устроит?

Якшиянц: Я даже улыбнулся - Финляндия! Боже мой! Это ж наши шлепанцы в Балтике. Летим только в Израиль!

2 декабря 1988 года.

2.47 московского времени. Тель-Авив. Консульская группа Советского Союза.

Руководитель консульской группы Г. И. Мартиросов был поднят с постели ночным телефонным звонком из Москвы. Сообщив о происшествии, его предупредили, что самолет, скорее всего, направится в Израиль.

Заместитель министра иностранных дел СССР попросил выйти на руководство страны. Он намеренно воспользовался открытой связью в надежде, что Тель-Авив «услышит» беседу МИДа со своим посланником и как-то отреагирует. Так, по существу, и случилось. Через час после разговора с Москвой

Мартиросову позвонил исполняющий обязанности генерального директора МИД Израиля Ануг и дал понять, что им известно о захвате самолета.

Израильтяне практически сразу выразили согласие принять самолет. А в Минводах продолжалась борьба. Теперь бандиты требовали денег.

Зайцев: Вы уже несколько раз говорили о деньгах. Что вы имеете в виду, какие деньги?

Якшиянц: Нам нужны доллары, стерлинги.

Зайцев: О какой сумме идет речь?

Якшиянц: Ну тысяч по пятьсот на брата.

Зайцев: А сколько вас братьев? Сколько человек? Вы слышите меня, вы не ответили.

Якшиянц: Я сказал еще в Орджоникидзе - нам нужно миллион в долларах, миллион в фунтах стерлингов и миллион золотом. Золотом с пробами. Мы все это проверим.

Зайцев: Миллион золотом и миллион фунтов стерлингов. Я вас правильно понял?

Якшиянц: И миллион долларов. И золотом. Русским золотом. Самым дешевым и самым дорогим.

Зайцев: Я вас так понял: либо миллион долларов, либо миллион фунтов стерлингов, либо миллион золотом?

Якшиянц: Совершенно вы меня не поняли. Все три в одно место. Может быть, вы скажете: «Дадим вам три - золотом?» Пожалуйста.

Зайцев: Павел, я откровенно говорю, что у нас такой возможности нет. Речь может идти о долларах.

Якшиянц: А почему золота нет, русского золота?

Зайцев: Павел, у нас золота с собой нет.

Якшиянц: Как так? В Советском Союзе золота нет, что ли? Я удивляюсь. Неужели вам жалко денег. Просто туда с миллионом неудобно ехать. Столько морд! Не успеешь оглянуться, как опять будешь в заднице.

Зайцев: Я еще раз обращаюсь к вам. Вы обсудите этот вопрос с товарищами. Мы можем дать только доллары.

Якшиянц: Три миллиона?

Зайцев: Нет, два…

Якшиянц: На каких условиях?

Зайцев: Условие одно: вы освобождаете детей, мы передаем два миллиона и обеспечиваем вылет.

В это время в комнате штаба полковник Зайцев увидел сотрудника группы «Альфа» Валерия Бочкова, окликнул:

- Как с деньгами, Валерий Александрович?

- Все нормально, Геннадий Николаевич, деньги уже в

Минводах.

А было так: сотрудники 4-го управления КГБ, приехав во Внешторгбанк, выгребли из сейфов все, что было в наличности. Работники банка только руками развели: с чем работать завтра? Сотрудники безопасности промолчали. Только один, увязывая мешок с валютой, угрюмо сказал: «До завтра еще дожить надо…»

В ту ночь каждый из них думал о своем: банкиры - о деньгах, уплывающих неизвестно куда, сотрудники безопасности - о детях, в сердце которых направлен бандитский обрез.

… Самолет с мешками денег улетел в Минводы.

Теперь, когда с будущей безбедной жизнью все было решено, террористы потребовали новых гарантий. Гарантий безопасного вылета в Израиль. Как только не изощрялись бандиты, чего только не придумывали. Их требования, даже самые безумные, пытались удовлетворить. Повторим, никто не имел права рисковать детьми.

Позже выяснилось, что бандиты продумали даже мелочи: окна автобуса наглухо зашторили, в салоне расставили банки с бензином. Одна искра, и гибель тридцати детей неминуема. Арестовать преступников ценой тридцати жизней?

Якшиянц: Значит, я вам говорю: сюда к нам члена Политбюро, но не того, который должен выйти на пенсию, а цветущего. Личность мировую, известную. И гарантии от нашего президента. Пусть даст железные гарантии, а его жена Раиса Максимовна пусть едет с нами. Если она детей любит.

Зайцев: То, что вы предлагаете, нереально.

Якшиянц: Раиса Максимовна - не государственный человек, она мать. Почему же на это нельзя пойти? Знаю, с ней меня и за два миллиона никто не уничтожит.

Зайцев: Вас и без нее никто не собирается уничтожать. Но ваше требование невыполнимо.

Якшиянц: Думаете? Но другого выхода не вижу. Это, может, моя фантазия, но если бы я был Первый, посоветовал бы: «Знаешь, жинка, давай-ка съезди с хлопцами». Считаю, что Крупская бы поехала. Сказала бы: «Я вам как бабушка, меня возьмите, а детишек отдайте».

Зайцев: Павел, вы прекрасно видите - рядом стоит самолет, работают двигатели, он полностью готов к вылету. Так летите! При чем тут Раиса Максимовна?

Трудно сказать, были ли эти требования доложены президенту. Говорят, Горбачев знал о них. Во всяком случае, секретарь ЦК Егор Лигачев, в ту пору второй человек в государстве, несколько раз звонил в штаб ЧП в Минводах.

А главарь уже требовал вернуть в автобус жену и дочь. Дело в

том, что при захвате автобуса вместе с террористами находилась и жена Якшиянца Тамара Фотаки с дочерью. По дороге в Минеральные Воды она упросила мужа выпустить их. Тот согласился. Теперь счел необходимым возвратить обеих обратно.

Якшиянц: У нас все идет отлично, не жалуюсь. Единственно, у меня была минута слабости, когда жену с ребенком выпустил. Она мне сказала: «Павел, нас всех уничтожат! Пожалей ребенка». Действительно, я посмотрел, у нас такая зарядка техбензином, непременно сгорим и выпустил. Теперь передумал и говорю: подготовьте их к возвращению. Это будет одно из требований. Они должны вернуться в автобус. Вот так - Тамару Михайловну и дочь. Она не против, просто не верит, что все пройдет благополучно.

Зайцев: Я понял.

Но Фотаки возвращаться наотрез отказалась.

Ее уговаривали заместитель председателя КГБ генерал Пономарев, полковник Зайцев, местные партийные работники. Просили как женщину, как мать. Тамара Михайловна боялась.

После проведенной оперативной работы стали известны имена сообщников Якшиянца.

В. Муравлев, 26 лет. Шофер, электрик. Последние месяцы нигде не работал. Дважды судим.

Г. Вишняков, 22 года. Работал в автобусном парке, потом на заводе…

Однако пока никто не знал: трое их, четверо или пятеро? Главарь банды говорил о семерых сообщниках, но хотел получить восемь бронежилетов. И вот впервые прозвучало грозное требование выдать оружие. Требование одно из самых опасных и тупиковых. В мировой практике не было случаев выдачи оружия террористам. В отечественной тоже.

Что означал бы такой шаг? По существу, самоубийство. Все понимали: каждая пуля бандитов, пуля, летящая в грудь людей из «Альфы».

А Якшиянц требовал семь автоматов.

Зайцев: Еще раз прошу повторить. Как я понял, мы должны дать вам восемь бронежилетов. Так или нет?

Якшиянц: Да, так. И еще семь автоматов. Их работоспособность мы проверяем, заряжены ли они боевыми, чтобы не было подлога. Это наша полная гарантия. Плюс Тамара с ребенком.

Зайцев: Для чего вам нужны автоматы?

Якшиянц: Вы должны точно гарантировать, что по прилете на место один из нас выйдет в город, проверит, действительно ли это та страна. Потом автоматы сдаем.

Зайцев: По существующим международным нормам, ввозить в другую страну оружие запрещено законом.

В это время, чтобы увести Якшиянца от мысли об оружии, Зайцев предлагает в качестве заложников вместо детей экипаж самолета. Бандит не верит, он считает, что в форме летчиков перед ним предстанут работники спецслужб.

Зайцев: Взамен детей мы даем гарантии правительства и экипаж.

Якшиянц: Экипаж - это первоклассные бойцы, они согласны пожертвовать собой, чтобы выполнить долг перед Родиной. Это я понимаю. Вы должны применить все, чтобы не выпустить нас. Я не верю, что вы просто так отпускаете. Такого не было. Не было никогда.

Зайцев: Да, не было. А сейчас впервые проблема решается таким образом. Я подчеркиваю еще раз, ваши требования удовлетворены на самом высоком правительственном уровне.

Когда читаешь магнитофонную запись переговоров, порою кажется, что там, в автобусе, находится благоразумный человек, со своими мыслями, чувствами. Он не лишен сострадания, то и дело говорит, что ему жаль детей, пытается философствовать о добре и зле, даже шутит! Но вот лишь один непредвиденный случай - в радиостанции террористов село питание. Штаб послал к автобусу женщину, работника аэропорта, с новыми батареями.

Ну а кого же послать? Мужчину? Бандиты могут решиться на отчаянный шаг. Увидев в окно женщину, Якшиянц пригрозил: «Если еще кто-нибудь подойдет, как эта женщина, без предупреждения, - уничтожим автобус».

Зайцев: Не было другого выхода. У вас село питание.

Якшиянц: Питание у нас нормальное. Просто вам трудно кнопочку нажать.

Полковник Зайцев «нажимал кнопочку» и вел переговоры одиннадцать часов без перерыва. Уговаривал, увещевал, лавировал, уходил от вопроса об оружии. Упорно работали местные комитетчики: они выявили сообщников Якшиянца, доставили в аэропорт отца одного из бандитов Муравлева.

Отец: Володя, доброе утро.

Муравлев: Здравствуй, папа.

Отец: Володя, мне страшно, и я плачу. Что ты творишь? Что ты делаешь с детьми? Остановитесь. Не оставляйте Родину, важнее Родины ничего нет! Куда вы катитесь? Подумай о бабушке, о дедушке Саше, подумай. Ты на его земле сейчас. Кого ты бросаешь? Остановись, сынок! Я тебя прошу. С ваших голов ни один волос не упадет. Это гарантии правительства, Горбачева. Если он сказал, кому еще верить в нашем государстве?

Муравлев: Слушай, папа, мы повязаны друг с другом: кто выйдет, тот должен умереть. Такой закон у нас.

Отец: Никто вас умирать не заставляет. Вы должны жить. Вы молоды.

Муравлев: А что, разве плохо для государства валюту заработать? Подумаешь, пройдет каких-то десять лет, и мы эти два миллиона вернем. Ничего не случится.

Отец: Два миллиона захотели? Зачем они вам, эти два миллиона? Честно надо трудиться. У нас в семье копейку зарабатывают трудом. Твой дедушка Ваня трудился, молотком добывал свой хлеб. Сынок, я должен с вами поговорить.

Муравлев: Не надо.

Отец: Ты хотел бы с матерью встретиться, проститься? Если она вас попросит, как сыновей, одуматься и вернуться, согласись.

Муравлев: Больше нечего сказать?

Отец: Ты не хочешь со мной в последний раз поговорить?

Муравлев: Нет, не надо, тут все против.

Отец: Можешь дать микрофон Павлу? Его Павлом зовут?

Муравлев: Не надо, все это впустую.

Отец: Володя, одумайтесь, там же маленькие дети, я слышу, они плачут.

Муравлев: Кто плачет? Они смеются.

Отец: Володя, ты подумай, если бы такое случилось с твоим двоюродным братом Алешкой, Лехой. Он такой же маленький.

Муравлев: Уже поздно задний ход давать.

Отец: Я с матерью разговаривал. Знаешь ведь, какое у нее здоровье.

Муравлев: Не могу я, не уговаривай.

Отец: Положи ее в гроб тогда, положи в гроб. Мать у нас труженица, тебя любила, лелеяла, обогревала, обмывала, кормила, в детский сад водила. Ты вспомни это, сынок. Давай я подойду. Хочешь или не хочешь, я обязан сказать. Я все-таки отец.

Якшиянц: Не надо мучить парня. Он волнуется. На протяжении двух месяцев каждый из нас обдумывал. В любой момент мог отказаться. В любой момент. Сто раз!

Отец: Павел…

Якшиянц: Для меня не имеет значения, сколько нас человек. Здесь достаточно одного с зажигалкой. Даже если вы заберете всех, со мной вопрос не решите. Если кто будет подходить, я водителю и этой бабе-училке уши или что-нибудь еще отрежу и выброшу прямо в лицо…

Волк показал зубы, почувствовав опасность. А дети который час сидели в душном, пропахшем бензином автобусе. Отец Муравлева взывал к совести бандитов.

Отец: Деньги есть, самолет стоит, но мы, советские люди, обращаемся к вам. Я, как отец Володи, обращаюсь. Подумайте еще раз. Какое кощунство - взять детей заложниками. Такого даже варвары не делали.

Якшиянц: С помощью ума, силы, хитрости они хотят добиться результатов. Но мы-то стоим по другую сторону баррикад. Нам надо добиться своего! Мы не грубим, не торопим. А можно события поторопить. Парочка жертв, и события потекут, побегут. И правительство приедет. Боже мой? Это очень много - тридцать человек.

Да, это очень много - тридцать детских душ.

Аэропорт был оцеплен солдатами, танки и бронетранспортеры замерли у летного поля, боезапас наготове. Они могли бы стереть с лица земли батальон, а может, даже полк противника, но оказались бессильными перед горсткой бандитов. «Альфа» тоже была бессильна. Пока бессильна.

У микрофона другой бандит. Он назвался Германом.

Герман: Вы не приняли наши условия с автоматами и бронежилетами?

Зайцев: Жилеты лежат, восемь штук. Мы готовы передать их в любое время.

Герман: В чем тогда дело? Все предельно просто.

Зайцев: Вы можете принять бронежилеты. Сколько штук требуется?

Герман: Восемь бронежилетов и семь автоматов.

Зайцев: Мы ведем речь о бронежилетах.

Герман: И об автоматах тоже. Это входит в наши условия.

Зайцев: Герман, я каждому разъясняю: автоматическое оружие, по нормам международного права, запрещается ввозить как в Советский Союз, так и в любую другую страну мира. Вы поймите.

Герман: А как это станет известно, что мы ввозим?

Зайцев: После приземления местная полиция сделает досмотр.

Герман: Можно тайник в самолете придумать.

Зайцев: За это ответственность еще больше. Я повторяю, вопрос о вашем вылете решен. Вы требовали деньги - Советское правительство готово выделить их. Вы требовали бронежилеты мы готовы дать бронежилеты. Но просим в обязательном порядке соблюсти непременное условие: освободить всех детей.

Герман: Это можете рассказать детям четвертого класса. Они поверят.

Зайцев: Что вас не устраивает?

Герман: Нет стопроцентной гарантии. Сказано уже сто раз.

И такой гарантией бандиты считали выдачу оружия. Требования террористов были переданы в Москву. Но что необычного, нового может предложить Москва? Москва молчит.

Штаб бросает в бой последний «резерв».

Зайцев: Павел, с тобой жена хочет поговорить.

Жена: Павлик, доброе утро. Павлуша, родной, послушай. Я только что разговаривала с заместителем председателя КГБ Советского Союза. Гарантии полные. Бог тебе навстречу. Хочешь, оставайся здесь, хочешь уходить - уходи. Детей оставляй и лети. Никто тебе здесь помехой не будет. Павлуша, милый, я здесь одна, ребенок у чужих людей остался. На все иду, только сейчас сделай по уму, не напори глупостей, родной. Оставляйте детей и идите. Деньги вам приготовлены, Горбачев в курсе дела. Он дал свое согласие. Уже там, в твоем любезном Израиле, все договорено. Не упирайся, иди, заклинаю тебя, Павел, я тебе говорю, что с тобой буду. Буду! Но сейчас это не в моих силах. Ребенка на чужих людей не брошу.

Якшиянц: Было бы твое желание, я бы подождал. Даже своим ходом готов в любое государство ехать, хоть в автобусе. Раису Максимовну они не хотят в заложницы. Боятся. А члена Политбюро? Тоже нет. Нам что, погибать впустую?

Жена: Павлик, я тебя прекрасно понимаю. Для чего вас уничтожать? Это ни к чему. Тут единственная цель: забрать детей. Я же здесь все своими ушами слышу, обстановку знаю. Неужели ты думаешь, я бы тебя на гибель толкала? Павел, поступи благоразумно, по-человечески, как отец. Там же дети, чьи-то дети. Ты представь, если бы это твои дети были. Кошмар! Сколько это длится? Сутки! Вдумайся. Вам все дадут. Уже мешки денег стоят наготове. Забирайте, езжайте. Зачем вам оружие? Вас же самих с ним не пустят никуда. Зачем оно тебе? Вот, пожалуйста, экипаж самолета здесь, все здесь. У меня на глазах! Я же тебе родная душа. У нас же ребенок, Паша! Мы же дитем связаны!

Якшиянц: Зачем врать. Пацаны над нами смеются. Учительница даже говорит: «Нет, ребята, вас постреляют». Шофер это говорит. Люди посторонние, со здравым умом. Скажем, у меня преступный ум, извращенный. Ты сама мне вчера сказала, что нас с детьми уничтожат. Нет, не верю, дайте гарантию.

Жена: Павлуша, если я сейчас приду, ты ко мне выйдешь?

Якшиянц: Ты, наверное, будешь говорить за свою судьбу, за нашего ребенка. Не уговоришь. Что тебе нужно? Крест от меня?

Жена: Да дурак же! Какой крест мне от тебя нужен? Что еще сказать, господи! Хочу объяснить, гарантии вам даны. Эти люди слов на ветер не бросают. Бронежилеты дают, деньги дают. Экипаж не вооружен. Зачем вам оружие! Какой ты упрямый. Это

только твоих рук дело, я знаю. Мальчишки там - тьфу! По сравнению с тобой - телята. Это же твоя рука! От тебя все зависит. Павел, еще раз говорю, креста от тебя не хочу. Знаешь, у меня на свете четыре родных человека: ты, отец, мать и дочь. Так почему, если у меня есть возможность, тебя не спасти? Почему я тебя должна хоронить? Ты жив останешься, будешь с деньгами.

Якшиянц: Я уже все потерял. Я обречен на выезд. А это хуже смерти. Смерть - это мгновение. Но ты сама подписала приговор. Ни Родину, ни честь я не предаю (!). Мог бы заставить полететь в Пакистан и там бы пошел в формирования, взяв оружие в руки. Но я не пойду туда. Потому что хочу жить для себя и для своей семьи, а не для государства.

Жена: Павлик, я хочу только одного: чтобы ты вернулся домой. Есть такая возможность. Паша, остановись! Еще не поздно. Поверь мне! Нас Элечка дома ждет. Дитя пожалей!

Якшиянц: Ты вышла - и все. Между нами барьер. Не надо из меня делать зверя.

Жена: Мы можем жить по-человечески. Пойти к тебе я не могу, ребенка бросила у знакомых в городе. Ты мне три года назад какое горе сделал - ребенка украл! За тобой летели. Куда опять меня тянул? Зачем? Знаешь прекрасно, что я не хотела, против была. Так не делается, надо по-человечески делать.

Якшиянц: Тамара, если ты женщина и мать, ты поймешь матерей этих детей. Вернись, и я отдам детей. Ан нет, о себе думаешь. Теперь о других подумай, пусть тебе тяжело будет, но не убьют же тебя.

Жена: Мой ребенок на улице, понимаешь? Чего ты хочешь? Чересчур много хочешь. Люди все, что могли, предложили. На все твои условия пошли…

Итак, переговоры Якшиянца с женой ничего не дали. Бандит был непреклонен. У этого человека и вправду не осталось ничего святого.

Прошло 16 часов со времени захвата автобуса. Истекал девятый час переговоров.

Якшиянц по-прежнему требовал оружия. Переговоры оказались в тупике.

На связь вышла Москва. Центр давал «добро» на выдачу оружия террористам. Трудно было поверить в это. Но другого выхода не было.

Зайцев: Мы предлагаем тебе четыре пистолета Макарова.

Якшиянц. Хорошо! С полными обоймами. Пистолеты и по запасной обойме. Мы берем обоймы на выбор, постреляем. Но если будет подвох, пистолеты выбрасываем и диктуем другие условия.

Зайцев: Павел, ты имей в виду сам и предупреди товарищей, четко изложи: с нашей стороны оружие применяться не будет. Но чтобы и с вашей стороны были полные гарантии неприменения.

Якшиянц: Безусловно. Я еще раз повторяю, безусловно. Вы нам для самолета предоставьте один автомат. Будем выходить, автоматом прикрываться. Когда половина экипажа будет в самолете, автомат оставим на полосе.

Зайцев: Один автомат Калашникова. Мы удовлетворили ваши требования. Наши требования прежние: все дети, учительница и шофер должны быть освобождены.

Якшиянц: Да, конечно. Теперь об экипаже самолета. Пусть они выйдут в рубашках, чтобы было видно: никакого сверхсекретного оружия при них нет.

Зайцев: Еще один вопрос. Надо сообщить ваши данные. Вы же летите за границу. Фамилии, имя, отчество, год рождения, местожительства.

Якшиянц: На это я ребят уговорить не могу. У некоторых родители ничего не знают. И они не хотят, чтоб знали.

Зайцев: Скажи хотя бы точное количество людей, чтобы сообщить, сколько человек летит.

Якшиянц: Герман говорить не хочет, Ахат, Гриша тоже. Они скажут в самолете.

Зайцев: Я понял тебя. Сейчас готовим бронежилеты, оружие. Убедительно прошу: не нервничайте, если что - связь со мной.

Якшиянц: Приносить оружие частями. Передавать в окошко.

Зайцев: Экипаж и специалисты, которые будут готовить машину к вылету, пошли к самолету.

Ну вот и наступил их час. Заместитель начальника шереметьевской эскадрильи Вячеслав Балашов оглядел экипаж.

Командир - Александр Божков. Летчик что надо, и в личном деле запись «первый класс», и в работе - первоклассный пилот. Работал в Ледовой разведке, в широковысотных арктических экспедициях, летал в Афганистан.

Второй пилот - Александр Гончаров. Сибиряк, красноярец. Молчун, слова не вытянешь, надежен в полете и на земле. Пилотировал «Аннушку», «Як-40», «Ил-86».

Штурман - Сергей Грибалев. Работал штурманом вертолетного отряда в Тюменской области. Летал на «точки» - к нефтяникам, геологам, охотникам. Позже облетел всю Европу, Юго-Восточную Азию.

Старший бортинженер авиаотряда - Юрий Ермилов. Опытен. Знавал еще «Ту-114». Попадал в переделки - садился со сломанным шасси, однажды заклинило тягу руля, а за спиной двести пассажиров. Но нашел выход из критической ситуации.

Радист - Александр Горлов. Прошел три антарктические экспедиции. Самая сложная - на корабле «Сомов». За тот героический рейс получил орден.

Бортоператор-инструктор - Борис Ходусов и его молодой коллега Виктор Алпатов. Борис начинал еще бортпроводником, потом участвовал в первом полете «Ил-76» в Антарктиду. Виктор - самый молодой в экипаже. Окончил авиационно-техническое училище, работал в конструкторском бюро. И вот потянуло в небо.

«Что ж, ребята как на подбор, - подумал Балашов и кивнул экипажу: - Вперед, пилоты! Отступать некуда».

Перед выходом на летное поле задержался:

- Только вот что, мужики, разное увидим. Но с бандитами нини, предельная вежливость. От нашей выдержки зависит жизнь детей.

Они шагнули за порог. Поле аэродрома лизал колючий зимний ветер, низкие облака, казалось, зависли над самыми самолетами. Автобус стоял невдалеке. Тихий, мрачный, с зашторенными окнами.

Главарь банды вновь вышел на связь со штабом.

Якшиянц: Тамара не думает лететь?

Зайцев: Тамары здесь нет. Она ушла.

Якшиянц: Не хочет?

Зайцев: Павел, сейчас товарищи по одному, как условились, будут подносить бронежилеты.

Якшиянц: А оружие?

Зайцев: Потом принесут оружие.

Якшиянц: Ждем и наблюдаем.

К первой встрече с бандитами были готовы начальник отдела Ставропольского УКГБ Евгений Шереметьев и сотрудник «Альфы» Валерий Бочков.

Бандиты вновь на связи.

Муравлев: Нам вроде сказали, что кто-то будет идти. Но никого не видно.

Зайцев: Пошел товарищ.

Муравлев: С какой стороны?

Зайцев: Идет к автобусу.

Первым понес бронежилеты Шереметьев. Ни одна шторка не шевельнулась на окнах. Словно вымер автобус. Приоткрылась дверь. В темноте салона никого не было видно. Шереметьев приподнял руки: «Вот, мол, принес».

На пороге появился небольшой мужчина - скуластое, заросшее черной щетиной лицо, впалые, с хищным наркотическим блеском глаза.

- Я принес бронежилеты, Павел, освобождай, как обещал, детей.

Ядовитая усмешка скривила лицо бандита:

- Я не Павел, я Геннадий.

- Геннадий так Геннадий. Восемь комплектов будут, а пока два. За один раз не утащить.

Муравлев, стоявший сзади Якшиянца, передал тому обрез, спустился с подножки, стал слева, вплотную к Шереметьеву. Подстраховал главаря.

- Пропусти в автобус, - попросил сотрудник КГБ, надо на детей глянуть.

Важно было и другое: до сих пор неизвестно, сколько бандитов? Просил-то восемь бронежилетов.

Оказывается, темнил. Четверо их всего было.

Заглянул Шереметьев в салон, и сердце сжалось от боли: в духоте, в грязи, среди банок с горючим, изнуренные, уставшие, с потухшим взглядом сидели детишки. Но, слава богу, все живы. Молоденькая учительница полными слез глазами глядела на Шереметьева. Подмигнул ей ободряюще: держись, Наташа.

Потом начался торг. За бронежилет - ребенка.

Следующим пришел Бочков. Бандиты глянули на него, угрюмо кивнули: «Сложи у колес». Чем-то не понравился им Валерий. Комплекцией, что ли. Очень уж могучий мужик.

Снова у автобуса Шереметьев: в одной руке - автомат, в другой снаряженный патронами магазин.

Опять очередь Бочкова. Передал Якшиянцу пистолет, тот повертел его, вставил магазин. Вернул Валерию: попробуй. Тот передернул затвор, нажал на спусковой крючок. Выстрела нет. Бандит насторожился: никак подвох? Но Бочков уже понял, в чем дело. «Что ж ты магазин толком не дослал?» Прогремел выстрел.

Потом следователь долго будет пытать Валерия: зачем, мол, стрелял? Затем и стрелял, что нельзя было не стрелять.

Протянул пистолет, заглянул в автобус:

- Слушай, Павел, я свое слово сдержал, оружие принес. Отдай мне девчонок.

Понимал: девочкам труднее, да их всегда и больше в классе. Значит, больше удастся освободить.

- У меня самого в доме две девочки. Не мучай их.

Девочки стояли на площадке у дверей, Муравлев прикрывался ими, когда Бочков внизу с Якшиянцем вел переговоры. Не получив ответа, сотрудник группы «А» стал не спеша снимать с площадки детей одну, другую. Заглянул в салон: есть еще девочки?

Взял четверых, а когда отошли от автобуса на несколько

шагов, еще две выпрыгнули. Всего шестеро. Обнял за плечи, повел, а сам шепчет: «Что бы ни случилось, не бойтесь и не бегите. Только не бегите». Вдруг за спиной выстрел. Валерий крепче прижал к себе девочек, скомандовал: «Не бежать!» Хотя у самого внутри все похолодело.

Оказывается, бандиты проверяли автомат, выстрелили вверх, в люк автобуса.

Каждая ходка Бочкова и Шереметьева - вызволенные дети. Двое, четверо, шестеро… всего десять человек. Заложниками оставались одиннадцать мальчишек вместе с учительницей Натальей Ефимовой.

Долго обсуждалась процедура пересадки из автобуса в самолет. Наконец, казалось бы, решение принято…

Зайцев: Павел, я хотел бы уточнить некоторые вопросы. Мы с тобой определились, что дети идут до самолета, становятся в две линейки у трапа и вы в это время поднимаетесь на борт. Так?

Якшиянц: Знаете, что я вам скажу. В дальнейшем вы предоставьте все это нам делать. Так будет спокойнее. Потому что можно придумать и другие хитрости.

Зайцев: Павел, мы же с тобой договорились основательно. Все, что вы просили, мы сделали, требования выполнили. Ты согласен со мной?

Якшиянц: Я согласен с тем решением, которое я принял.

Зайцев: Павел, мы с тобой так не договаривались.

Якшиянц: Мы договаривались, что дети останутся здесь.

Зайцев: Правильно, будут стоять у входного люка в две шеренги. Так или нет?

Якшиянц: Был такой момент. Но ситуация изменилась…

Зайцев: Павел, давай, раз уж определились, будем держать слово.

Якшиянц: Почему не даете с женой попрощаться по рации?

Зайцев: Ее нет, она уехала домой, к ребенку.

Якшиянц: Понятно…

Зайцев: Павел, как мы все-таки определимся с детьми? Давай оставим вариант, который обговорили?

Якшиянц: Вы считаете, он самый безопасный?

Зайцев: Но мы же договорились, что будем поступать таким образом. Дети выстроятся у самолета, вы пройдете, а дети уйдут к нам.

Якшиянц: Так и будет. Только часть детей останется в автобусе.

Зайцев: Повтори, я тебя не понял.

Якшиянц: Часть детей останется в автобусе.

Бандит обманул. За одиннадцать часов переговоров он не раз

клялся в честности, вспоминал Родину, честь, жену, дочь, но обманул нагло и коварно. Вместе с экипажем заложниками вновь оставались дети.

Террористы проводили детей в самолет, прикрываясь ими на случай нападения. В самолет заходили так: сначала летчик, потом ребенок, а уж за ним бандит. Не забыли Шереметьева.

Последним поднялся на борт Муравлев. Произвел салют из обреза в воздух и дико захохотал от радости.

Бандит Герман Вишняков, по-хозяйски оглядев самолет, сказал, что знаком с машиной, в прошлом служил в десанте, прыгал с парашютом.

Еще один, не говоря ни слова, прошел в хвост самолета и занял там боевую позицию.

И тут новое требование Якшиянца: Шереметьев должен остаться в самолете заложником вместо детей.

Зачем это сделали бандиты, остается только гадать, ведь в заложниках у них недостатка не было.

Может, ждали, что сорвется офицер КГБ. За время их общения Якшиянц без конца тыкал Шереметьеву в грудь оружием, грубил, дерзил. Но Евгений Григорьевич молча делал свое дело, старался казаться спокойным, сдержанным, невозмутимым. И на сей раз он только до боли сжал зубы, сказал, мол, сходит в штаб, доложит, и назад с ответом.

Ухмыльнулся бандит:

- У тебя что, шеф, жены нет, детей, родителей? А может, у тебя две жизни?

В штабе, услышав об этом, дали прямой провод на Москву, на комитет. Оттуда передали: в данном случае приказать не могут. Что ж, пришлось идти без приказа. Понимал: иначе бандиты не отпустят детей.

Когда поднимался на борт, у входа стоял вооруженный Муравлев. Не оборачиваясь, быстро зашептал:

- Как отец, а? Как? Что еще говорит?

- Одумайся, пока не поздно. Не позорь фамилии.

- Поздно. Передайте, пусть простит, если сможет.

Шереметьев прошел в салон, кивнул Якшиянцу на детей, которые, словно стайка испуганных воробьев, жались к учительнице.

- Финтишь, Паша. Обещал же пацанов на земле оставить. Отпусти!…

- Ты Тамару приведи, тогда отпущу. Без нее взлета не будет, и дети тут останутся.

Что ответить бандиту? Даже если бы и можно было высказать все в лицо, где же найти такие слова? Как определить глубину

человеческого падения? Да и человек ли перед ним? По виду вроде смахивает: голова, ноги, руки, а по нутру - зверь, монстр, исчадие ада.

Но кто бы он ни был - надо идти уговаривать Тамару Фотаки, жену Якшиянца. Вновь Тамару просили Пономарев, Зайцев, Шереметьев. Не соглашалась, отказывалась. «Я не хочу к нему возвращаться. Ненавижу!» Больше часа прошло с тех пор, как покинул борт Евгений Григорьевич. И вот наконец жена Якшиянца возвращается с ним в самолет. Павел отводит ее в конец салона, что-то возбужденно говорит, объясняет. Тамара тоже не молчит, просит отпустить детей.

- Черт с тобой! - орет бандит и подбегает к Шереметьеву: Молись, твоя взяла. Выгружай детей.

Наташа с Тамарой начинают спускать на землю вконец измученных ребятишек. Внизу их принимают Бочков, другие сотрудники группы. Подходить чекистам к трапу опасно, поэтому они стояли с другой стороны самолета, так и считали спускающихся детишек. Один, два… пять… одиннадцать. Последней сошла учительница.

Наступило временное облегчение. За много часов тяжелейшей психологической дуэли - первая победа. Все дети живы, вырваны из рук мясника. На борту в качестве заложников остались экипаж и Женя Шереметьев. Но они - взрослые, закаленные люди, бывавшие не раз в переделках, они выдюжат. Теперь с бандитами говорить попроще.

«Альфа» была готова к штурму. Группа захвата, засевшая в пожарном депо, находилась там почти сутки. Ребята были в любую минуту готовы пожертвовать собой, чтобы уничтожить бандитов, освободить заложников. Однако пока не пришло их время.

Бочков принес к трапу самолета три мешка денег. Якшиянц все больше нервничал, грозил, тыкал пистолетом в лицо Шереметьеву. Он никак не мог поверить, что операция удалась, их выпустят, они взлетят.

Запущены двигатели. Якшиянц мечется по салону. Шереметьев опускается на пол самолета. Пистолет в грудь, команда: «Руки за голову!» Евгений Григорьевич повинуется. Но вот в проем двери влетает мешок с деньгами. Бочков кричит снизу:

- Павел, отдай Шереметьева!

- Гони «бабки»! Еще мешок! - требует бандит.

Когда на борту оказываются все три мешка, он выглядывает в дверь:

- Не хочет Шереметьев выходить, понял!

- Ах ты, подонок! - взрывается Бочков. - Да тебе, сволочи, вообще верить нельзя. Веди мне Шереметьева, я с ним поговорю.

Бандит растерялся. За полсуток увещеваний так с ним никто не разговаривал. Шереметьева вытолкнули к дверям, Бочков и Кирсанов приняли его внизу.

Все ушли, у самолета остался один Бочков.

Присутствие его у трапа нервировало бандитов, они боялись штурма. На этом Бочков и сыграл. Через члена экипажа передал требование: соблюдать договоренность, вернуть автомат.

На сей раз они подчинились быстро - выбросили на полосу автомат. Бочков подобрал его, стер снег с приклада: «Так-то легче с вами разговаривать…»

Он до последнего был уверен, сейчас группа захвата пойдет на штурм. Самолет знакомый: успеют они выстрелить, не успеют - это уж не столь важно. Скрутят их ребята, сомнений нет.

Поразило, когда лайнер стал выруливать на старт.

Бочков еще не знал, что по дипломатическим каналам Израиль дал «добро» на выдачу бандитов. Так стоило ли рисковать экипажем, бойцами группы, самолетом?

Маршрут был непростой. В Тель-Авиве никто из пилотов не был. Трасса незнакомая, проходит через Турцию, Кипр. Где-то за Сухуми с экипажем попрощался советский, родной диспетчер. Пожелал доброго пути. Да уж, на «доброту» бандитов грех жаловаться: с летчиков перед рейсом сняли наручники, а над Анкарой «Павлуша», как окрестили пилоты главного головореза, забежал в кабину, стал совать деньги. Говорил, что в знак благодарности, за работу.

Пришлось взять, чтобы не обидеть «хозяина».

Опять же валюта государственная, у командира экипажа будет сохраннее.

Бандиты, раскрыв мешки, распихивали по карманам доллары, франки, фунты стерлингов. Вишняков, приняв очередную порцию наркотиков, матерился от досады, что надел узкие джинсы: беда, деньги в карманы не лезут.

Радист Александр Горлов держал связь с диспетчером на Кипре, когда «Павлуша» дернул его за рукав:

- Слушай, а вы нас правильно везете? Не по кругу катаете, как иркутян?

Хотелось врезать бандиту, чтоб башка с резьбы слетела, да нельзя. Горлов кивнул:

- Иди к штурману, он все покажет…

Штурман ткнул пальцем вниз: смотри, мол, под крылом Кипр. Якшиянц вроде успокоился, ушел в салон. Там рабочие места бортоператоров Бориса Ходусова и Виктора Алпатова.

Бандита потянуло на откровения. Поведал биографию. Крутая жизнь, ничего не скажешь: из 38 лет 16 Якшиянц провел в тюрьмах и лагерях. Имеет две семьи. От первой жены двое детей и от второй, Тамары, ребенок.

Алпатов спросил:

- Неужто в детей смог бы стрелять?

«Павлуша» долго думал, качал головой:

- Не знаю. В детей, может, и нет. А учителку… Надоела она мне.

Излил душу и Муравлев. Тоже не повезло в жизни - дважды судим. Денег нет, с квартирой проблема. А вот работать неохота. Дома бросил жену и ребенка.

Под крылом был Израиль, самолет заходил на посадку. Якшиянц вновь забеспокоился, заглянул в кабину, поигрывал пистолетом.

- Смотрите, мужики, Сирия нам не годится…

Не годилась она и экипажу.

Божков посадил самолет на одной из военных баз под Тель-Авивом. База уже была окружена войсками.

Заглохли двигатели, и бортинженер Борис Ходусов открыл правую дверь.

- Всем оставаться на местах! - заорал Якшиянц и оттолкнул Ходусова от двери.

Встречающих было трое. Бандит приветствовал их пачками стодолларовых купюр.

- Презент! - широко улыбнулся «Павлуша».

Однако хозяева от денег отказались. Страшная догадка пронзила Якшиянца: эти сволочи не туда посадили. Разве могут в Израиле отказаться от долларов?

Оказывается, могут.

- Переводчика! - закричал террорист.

Потребовал у встречающих удостоверения личности. Израильский солдат вынул удостоверение. Что там прочел бандит - сложно сказать. С ним пытались объясниться по-французски, по-английски, по-немецки…

- Боже мой, - горько усмехнулась жена, - он и по-русски-то с трудом говорит.

Свои услуги израильтянам предложили пилоты.

Но Якшиянц высокомерно отказался - на иностранной территории не верил соотечественникам.

Наконец прибыл переводчик, и представители властей потребовали освободить экипаж, немедленно сдаться. У бандитов отобрали четыре пистолета, охотничье ружье, мешки с деньгами. Такой прием террористам не понравился, и они тут же

предложили израильтянам миллион долларов за возможность улететь в Южную Африку. Увы, и от этого миллиона встречающие отказались. Единственное, что разрешили террористам, - «отдохнуть» в камере тюрьмы Абу-Кебир.

3 декабря 1986 года.

14.30 московского времени. Израильский международный аэропорт Бен-Гурион.

Группу сотрудников «Альфы», прилетевших в Израиль, встречали представитель Советского Союза Мартиросов, работники полиции и спецслужб страны. Сразу уточнили детали операции - когда и как осуществится передача террористов, оружия и денег.

После этого сотрудники комитета выехали на военную базу, где и должны были встретить террористов. Однако их ждали осложнения. Некоторые депутаты кнессета от оппозиции стали возражать против выдачи бандитов, оружия и денег.

После выступления депутатов оппозиции государственная машина закрутилась быстрее. Большинством голосов было принято единственно разумное решение: вернуть преступников. Срочно послали за ними в тюрьму, разрешили готовить самолет, тот же «Ил-76», который угнали террористы.

Вскоре на летное поле, к самолету, подкатил кортеж полицейских машин. Бандиты были с завязанными глазами, в наручниках. Работники спецслужб Израиля устроили живой коридор, провели по нему террористов. Вверху, в дверях самолета, их приняли два сотрудника «Альфы». В «Ил-76» усадили самых агрессивных - главарей Якшиянца и его подручного Вишнякова. Муравлева, Анастасова и Тамару Фотаки отправляли в другом лайнере.

Здесь же, у трапа, передали деньги и оружие. Самолеты взлетели и через несколько часов приземлились на московской земле. Первым сел «Ил-76».

Бандитов спустили вниз, с главаря сняли повязку.

В холодной декабрьской ночи над козырьком аэропорта нестерпимо ярко горели страшные для Якшиянца слова: «Москва. Шереметьево».

Подкосились ноги, поплыли ненавистные неоновые буквы. Сознание отказывалось воспринимать реальность. Тело Якшиянца обмякло, повисло на чьих-то сильных руках.

Когда он пришел в себя, то спросил:

- Что со мной будет? Расстреляют?

- Пряников дадут, - сказал кто-то за спиной.

Суд приговорил Якшиянца к 15 годам лишения свободы, с отбыванием всего срока в тюрьме.

НЕВОЛЬНИКИ ПРИКАЗА

Досье «Альфы»

«Альфа» - уникальное в своем роде подразделение в нашей стране, которому нет аналогов.

Во всем мире подобные подразделения можно перечесть по пальцам, «Дельта» в США, ГСГ-9 в Германии, САС в Англии, израильские спецподразделения, группа национальной жандармерии во Франции, австрийская «Кобра», бельгийский спецэскадрон быстрого реагирования, испанский «ГАЛ». Известно, что и некоторые другие страны пытаются создать специальные части по борьбе с терроризмом. Им активно помогают израильские и немецкие инструкторы.

Несмотря на вполне понятные различия, подразделения антитеррора в разных странах сталкиваются с множеством одинаковых, весьма схожих проблем.

Только в конце 70-х годов Беквиту удалось «протолкнуть» идею создания секретного армейского подразделения под кодовым названием «Дельта». Как говорят, «не было бы счастья, да несчастье помогло». В октябре 1977 года в Могадишо террористы захватили авиалайнер компании Люфтганза «Боинг-737». Западногерманская антитеррористическая группа ГСГ-9 штурмом взяла самолет и освободила 86 заложников. В ходе операции были убиты трое и ранен один террорист.

«Тот день, - пишет Беквит, - для Пентагона оказался необычным. Состоялось совещание комитета начальников штабов, всюду были суматоха и беготня». Президент написал записку, он интересовался у председателя комитета начальников штабов: есть ли в вооруженных силах США подобная единица? Генерал Роджерс информировал председателя о своем, принятом несколько месяцев назад решении - создать подразделение по борьбе с терроризмом. Дело сдвинулось с мертвой точки, теперь Беквит пользовался не просто благорасположением начальника штаба армии, но и его активной поддержкой».

В ту пору, когда создавалась «Дельта», нашей антитеррористической группе «Альфа» исполнилось три года. На ее счету не было громких побед, и «крестный отец» «Альфы», тогдашний председатель КГБ Юрий Андропов, не очень спешил вводить ее в бой. На штурм самолетов, захваченных террористами, ходили наспех сформированные милицейские

подразделения.

Так уж случилось, что главным экзаменом «Альфы» стал Афганистан. Возникает закономерный вопрос: ее ли это дело - участвовать в переворотах, штурмовать дворец? Разумеется, нет. Но как тогда группа «А» оказалась в Кабуле? Да так же, как и «Дельта» в Гренаде, когда она, по существу, была использована в качестве элитного диверсионного подразделения. Известно, что за несколько часов, а по некоторым источникам, за двое суток до начала агрессии в Гренаде, подразделения коммандос проникли на остров и совершили ряд диверсионных актов.

Отряд «Дельты» был переброшен к месту действий на вертолетах спецподразделения «Ночные охотники». Захватил ключевые объекты, в том числе аэропорт, и совместно с другими коммандос обеспечил высадку основных сил. Подобная операция под кодовым названием «Пегас» планировалась и против Никарагуа, где «Дельте» отводилась ведущая роль - ее бойцы должны были накануне вторжения проникнуть в столицу, чтобы убить или взять в плен руководителей сандинистской революции.

Это говорит о том, что, несмотря на статус подразделения, предназначенного исключительно для антитеррористических операций по освобождению американских заложников на территории других государств, «Дельта» используется далеко не по назначению. Следует признать, что нередко юридический статус подразделения антитеррора служит ширмой для диверсионной работы американских коммандос. И тут, как показывает практика, не спасает даже то, что решение об использовании «Дельты» принимает Совет национальной безопасности страны.

У нас до августовского путча «Альфа» выполняла приказы председателя Комитета государственной безопасности, подчиняясь только ему. После августовского путча «Альфа» была выведена из структуры КГБ и стала подчиняться непосредственно Президенту СССР, а с развалом Союза - Президенту России. Региональные отделения группы стали самостоятельными подразделениями антитеррора суверенных государств бывших республик Советского Союза.

Юридический статус группы (по существу, его отсутствие) в условиях советской системы изначально предопределил будущее подразделения. Все тут зависело от воли и взглядов председателя КГБ на использование «Альфы». Если в конце 70-х и начале 80-х годов «Альфа» применялась в основном по своему назначению (за исключением, пожалуй, Афганистана), то примерно на 1987-1991 годы приходится пик тяжелейших нагрузок на группу, не связанных с исполнением антитеррористических функций. Это и

длительные командировки в «горячие точки» страны, в места межнациональных конфликтов, привлечение к оперативной работе, охрана особо важных мероприятий.

Да, «Дельта» также обеспечивала безопасность Олимпийских игр в Лос-Анджелесе, охраняла папу римского во время его визита в Латинскую Америку. Это вполне объяснимо. При проведении крупнейших спортивных и зрелищных мероприятий, визитов государственных и общественных деятелей для охраны привлекаются лучшие силы службы безопасности. Но как объяснить годовое «стояние на часах» у тюрьмы Лефортово? К явно чудаческой команде руководства КГБ альфовцы относились с иронией, но приказ есть приказ - денно и нощно бойцы, оставив боевую учебу, дежурили у стен изолятора. Зачем? Официальная версия была такова: американцы собираются напасть на тюрьму и выкрасть некоторых арестантов. Смешно? Однако бойцам «Альфы» смеяться пришлось недолго. Заступив на охрану, они мокли, мерзли и пеклись на солнце у Лефортова.

Никакие обращения к руководству комитета не помогали. Сердобольные бабушки подкармливали «невольников приказа» пирожками, выносили чай. Студенты из расположенного по соседству общежития, завидев поутру на лавочке две знакомые фигуры, приветственно помахивали спортивными шапочками: «Привет, ребята! Как дежурство?»

Прошли лето, осень, зима, весна, снова наступило лето. Из Лефортова никого не выкрали. Охрану, к счастью, сняли.

Все это можно было бы воспринять как досадное недоразумение или перестраховку высокого начальства, если бы не одно обстоятельство: обстановка в стране накалялась, то в одном, то в другом месте вспыхивали межнациональные конфликты, и «Альфу» бросали в самое пекло. Там, куда они приезжали, их, как правило, не ждали и встречали далеко не с распростертыми объятиями.

Бойцы не жаловались на отсутствие комфорта, но когда в Баку их поселили в казарму и не предложили ничего, кроме матрацев, даже видавшие виды оперативники были удивлены. И так сотрудники жили три месяца, питаясь всухомятку. Кстати, им платили те же пресловутые 3.50 командировочных в сутки, а работа была такая, что возвращались в ночь, за полночь, под утро - какая уж там столовая!

Из Еревана пришло известие: на Комитет госбезопасности готовится нападение. Сотрудники «Альфы» выехали в Армению, словно там не было своих чекистов. И охраняли не столько комитет, сколько его председателя. А нужен ли такой председатель, который не доверяет своим работникам, просит

охрану из Москвы? Увы, этим вопросом, видимо, никто в верхах не задавался.

Юридическая незащищенность и правовая неопределенность сотрудников группы особенно ощущались в самые острые моменты оперативной работы. Отдавать приказы находилось множество охотников, но отвечать за них не хотелось никому. Разумеется, в роли «стрелочника» выступали бойцы.

Логическую точку в этих странных, перевернутых взаимоотношениях спецподразделения поставил Вильнюс. «Альфа» пережила драму - погиб молодой сотрудник, лейтенант Виктор Шатских.

За что погиб? Во имя чего?

Михаил Головатов, который командовал группой сотрудников подразделения в столице Литвы, был объявлен врагом литовского народа, преступником. Но самое страшное их ждало в родной Москве. Проснувшийся утром после событий Президент Советского Союза… отказался от них напрочь. Он «ничего не знал и знать не хотел», кто и что творил у вильнюсского телецентра.

Президент предал свой спецназ. Теперь по всему выходило: именно он, подполковник Головатов, вместо воскресного отдыха с семьей собрал нескольких своих подчиненных и махнул в Прибалтику. Чтобы раз и навсегда навести там порядок.

«Альфа» привезла в Москву своего убитого товарища. Истерзанное разъяренной толпой спецобмундирование и такие же истерзанные души. Каждому, и кто вернулся из Вильнюса, и кто не видел никогда в жизни его мощенных камнем улиц, было о чем подумать.

Газеты ревели о головорезах КГБ. Назывались дикие цифры убитых, раненых. А «Альфа» не сделала ни единого выстрела. Не был истрачен ни один боевой патрон!

Понятно, что кто-то должен был ответить за отданный приказ. Но тот, кто отдал его, отвечать не хотел.

Верные слова написал Чарльз Беквит в своей книге, размышляя о роли спецподразделений в жизни общества. Очень многое надо сделать, чтобы создать такое подразделение - трудиться не один год, проявив при этом максимум изобретательности, поиска и таланта. Но самое главное, о чем беспокоится первый создатель американской «Дельты» определить юридический статус подразделения с момента его комплектования. И следовать ему неуклонно. В этом залог успеха подразделения и надежная защита каждого, кто встанет в его ряды. Кто выберет себе крайне трудную, опасную, истинно мужскую профессию.

«СЕМЬ СИМЕОНОВ»

8 марта 1988 года на военном аэродроме Вещево, что под Ленинградом, был предотвращен угон самолета «Ту-154». Цена этого теракта велика - сгорел дотла авиалайнер, погибло, включая пятерых террористов, 9 человек, 19 человек ранено.

Врачи госпиталя, куда доставили пострадавших, сделали 32 операции. На пяти столах одновременно оперировали пострадавших военные хирурги. Всю ночь, до рассвета, продолжалась борьба за жизнь 26-летнего ленинградского аспиранта Игоря Мойзеля. Пуля, пробив поясницу, прошла навылет через легкое.

Поражает признание самого Мойзеля, сделанное уже после выздоровления. Когда на борту самолета прогремел взрыв и авиалайнер загорелся, заложники стали прыгать вниз, на бетонку. Игорь раньше других оказался у открытого люка. Прыгнул, указывая спасительный путь другим. На земле оказался первым. Казалось бы, опасность миновала.

«Я упал на землю, на корточки, - рассказывает Игорь, мне завернули руки назад, прижали лицом вниз к бетонному покрытию и выстрелили в спину. Боли я практически не почувствовал, затем меня подняли, провели вперед на несколько метров, положили вниз лицом и велели лежать с руками за головой. Пока меня тащили, били ногами, стараясь попасть в лицо и по голове, но я закрывался руками».

Сколько раненый Мойзель пролежал на бетонке, трудно сказать. Когда его подобрала «Скорая помощь», врач Е. Кочетова уже с трудом прощупывала пульс.

Кто же стрелял в Игоря, пинал ногами? Террористы этого уже не могли сделать, к тому времени они были мертвы. Оставшиеся в живых спрятались за кресла. Убивали Мойзеля его так называемые спасители. Те, кто пришел вызволять заложников из лап бандитов, имея мало представления о том, что и как делать. Что тут сказать? Не дай нам бог впредь еще таких спасителей.

Однако заклинания вряд ли помогут. Ибо трагедии, подобные ленинградской, время от времени повторяются. И не только в нашей стране.

23 ноября 1985 года самолет египетской авиакомпании вылетел из Афин в Каир. Через 22 минуты после взлета он был захвачен террористами. По рассказам очевидца, один из них прошел в пилотскую кабину, второй расположился в центре корабля, третий остался в хвостовой части. Бандиты были вооружены пистолетами и ручными гранатами.

Сотрудник службы безопасности, сидевший впереди, открыл огонь, но тут же был тяжело ранен.

После этого террористы отобрали у всех паспорта и, рассадив пассажиров по национальным группам, расстреляли пятерых - двух израильтян и трех американцев. Просьба командира корабля о дозаправке самолета была отклонена. Авиалайнер совершил посадку в аэропорту Валлетта (о. Мальта).

Во время штурма самолета египетские коммандос действовали неумело и не смогли предотвратить применение террористами ручных гранат, что привело к массовой гибели пассажиров. Было убито более 60 человек.

Офицер британской антитеррористической команды САС, оказавшийся свидетелем трагедии, рассказал, что с бандитами никто не вел переговоров. Диспетчер за полчаса до штурма прервал все контакты с бортом. А они крайне необходимы для того, чтобы отвлечь внимание террористов.

Египетские коммандос имели лишь теоретические знания по захвату «Боинга-737». Штурмуя самолет, они пренебрегли отвлекающими маневрами, группа захвата постоянно находилась в поле зрения террористов. На каждый люк и дверь египтяне поставили по 8-10 человек, которые мешали друг другу. Долго, около трех секунд, штурмующие открывали первый люк, а первый боец оказался в салоне только через 5 секунд.

Одной из причин, подтолкнувшей террористов к открытию огня, было то, что на борту оказались сотрудники службы безопасности. По своему поведению они явно отличались от обычных пассажиров. На своих местах они разместились еще до посадки пассажиров. А ведь в других авиакомпаниях сотрудники безопасности, дабы не быть обнаруженными, садятся со всеми пассажирами.

Кстати говоря, на борту нашего «Ту-104», следовавшего по маршруту Москва - Новосибирск - Чита в 1973 году, произошла подобная трагедия. Милиционер В. Ежиков, сопровождавший самолет (такая мера безопасности широко практиковалась после угона «Ан-24» отцом и сыном Бразинскасами), улучив момент, выстрелил в спину террориста Рзаева, который захватил лайнер. В ту же секунду сработало взрывное устройство.

К сожалению, есть и еще достаточно яркие примеры неудач в борьбе с террористами. Сюда следовало бы отнести и освобождение самолета в аэропорту Карачи. На борту «Боинга-737», летевшего в Бомбей, было около 400 пассажиров, 17 из которых погибли и 98 получили ранения в ходе перестрелки, завязавшейся между пакистанскими солдатами и преступниками.

Мы привели только три случая гибели десятков людей от рук террористов, назвали три адреса: Ленинград, Валлетта, Карачи. Тысячи миль между ними - северо-запад Европы, Средиземноморье, Азиатский континент. Но их объединяет то, что люди оказались заложниками не только воздушных бандитов, но и невольными жертвами малоопытных, неподготовленных бойцов спецслужб.

Как не вспомнить предупреждение полковника Чарльза Беквита: нельзя частично заниматься борьбой с террором, даже талантливый дилетант не сможет соперничать с ними; только профессионалы способны на равных вести бой с международными террористами.

Оставим в покое ошибки египетских и пакистанских коммандос. Но как случилось, что у нас, при существовании мобильной, высокопрофессиональной группы антитеррора, имеющей достаточно богатый опыт борьбы с воздушными бандитами, разыгралась эта кровавая бойня?

Вспомним, что в первые же минуты после посадки террористы увидели солдат с оружием, бегущих к самолету, вспомним выпрыгивающих из горящего лайнера пассажиров, которых принимали за бандитов и встречали на земле ударами прикладов. Как это далеко от профессионализма, как не похоже на умелые, расчетливые действия «Альфы»…

В том-то и весь секрет трагедии под Ленинградом 8 марта 1988 года - группа «Альфа» не имела ровным счетом никакого отношения. Захваченный самолет взорвался в тот момент, когда вертолет «Альфы» заходил на посадку на аэродроме Вещево. Бойцы приникли к иллюминаторам, увы, уже было поздно. Им осталось только постоять у догорающего остова самолета. Они были единственными людьми, кто мог с самого начала помочь заложникам. Однако нашлись «ответственные работники», которые, приняв сообщение о захвате самолета, быстро смекнули: дело особой сложности не представляет, какие-то юные музыканты во главе со своей мамой, вооруженные обрезом, захватили самолет. Соберем силы припугнем, смотришь, можно и дырочку для ордена вертеть. Широкая грудь «ответственных» так и осталась без орденов. Но оказались смертельно раненными ни в чем не повинные люди. Или, быть может, это чужая боль? Только кто даст гарантию, что завтра она не станет нашей болью, когда пуля террориста настигнет нас с вами? Никто такой гарантии не даст.

Потому хотелось бы вспомнить заново, как все это было в весенний день 1988 года. Не только вспомнить, но и навсегда сохранить в памяти. Может статься, скоро в полет. Конечно,

трудно поверить на тихой, благословенной земле, что внезапно обрушатся на тебя такие страсти-мордасти, но ведь пилоты и пассажиры самолета «Ту-154» № 85413, следующего из Иркутска, тоже не верили… Даже получив угрожающую записку: «Следовать в Англию (Лондон). Не снижаться. Иначе самолет взорвем. Вы находитесь под нашим контролем», - бригадир бортпроводников Ирина Васильева не поверила. Так и сказала командиру корабля Валентину Куприянову: мол, не пойму, может, столь оригинальная шутка по случаю 8 Марта?

Командир корабля не разделял оптимизма бортпроводницы. Он отдал ясные и четкие команды: с этого момента в пилотскую кабину не входить, связь поддерживать по телефону, выяснить, действительно ли реальна угроза, что конкретно требуют террористы?

Всего через несколько минут девушки поняли справедливость слов Куприянова. Когда Тамара Жаркая и Ирина Васильева появились во втором салоне, в конец которого ушли после посадки в Кургане Овечкины, они увидели направленные в грудь стволы охотничьих обрезов.

- Вдвоем не подходить! Одной оставаться на месте! раздался окрик.

15.01. Главный центр управления воздушным движением получил информацию из Ленинграда: на траверзе Вологды вооруженными преступниками захвачен самолет «Ту-154». Высота полета 11 600 метров.

… Бандиты обнаружили себя после вылета из Кургана. Пассажиры хвостового отсека с удивлением увидели, что молодой человек в сером свитере и фетровом берете не пускает людей в туалет. Не пустил женщину, потом ребенка. Не успел подняться со своего места мужчина, как услышал резкую команду: «А ну сядь!…» Он обернулся - два парня подняли обрезы и направили их в пассажира.

15.15. Борт самолета № 85413 информировал землю: в салоне 11 угонщиков. Остаток топлива на 1 час 35 минут полета.

Кто они, угонщики? Многодетная семья Овечкиных из Иркутска. Здесь их хорошо знали: газеты, радио, телевидение не раз рассказывали о талантливых ребятишках, создавших семейный диксиленд «Семь Симеонов». У ансамбля было достаточно меценатов - областные руководители гордились: как же, не в прославленных консерваториях, а в рабочей глубинке подрастают истинные таланты. Считали, что появление Овечкиных на сцене повышает престиж местных органов культуры.

В рекламе «Симеонов» не было границ: Восточно-Сибирская

киностудия сняла о них документальный фильм. Юных музыкантов устроили в Иркутское училище искусств, потом обком выбил места в Институте имени Гнесиных.

Только учиться по-настоящему музыке оказалось некогда, грянули гастроли: сначала в Москве, Кузбассе, потом за рубежом - в Японии. А по возвращении оттуда учиться уже не хотелось. Старшие быстро поняли, что свалившаяся на их головы нежданно-негаданно популярность может дать богатые дивиденды. Какое уж тут творчество - успеть бы побольше урвать, пока не подросли в семье самые младшие. В них-то все и дело: вырастут - будет обычный ансамбль. А так с изюминкой, дети вызывают умиление слушателей.

Институт Гнесиных, едва отучившись семестр, пришлось бросить.

Окончательно вскружила голову Япония. «Симеоны» вернулись с гастролей в полной уверенности - только за рубежом по-настоящему смогут оценить их талант. Тогда-то, видимо, и возникла мысль «мотнуть» в капстрану.

Не следует судить Овечкиных за желание покинуть Родину. Каждый волен жить там, где ему захочется. И сама история привлекает как раз не намерением уехать из Советского Союза, не такое уж это редкое стремление, а необычайной жестокостью молодых людей и их матери, лично руководившей всей операцией.

Потом журналисты будут «раскручивать» психологический феномен «Симеонов» и придут к поразительному выводу: когда обсуждался план захвата самолета, никто в семье и словом не обмолвился о заложниках, их жизнях. Словно эти люди не существовали для Овечкиных.

Игорь Овечкин, оставшийся в живых, рассказывал на суде, что в случае провала братья договорились взорвать «бомбу». Его спросили:

- Но в самолете-то почти сотня человек. В чем их-то вина?

Игорь отвечал:

- Я не помню, чтобы мы говорили о них.

Но сам он боялся смерти. Когда стало ясно, что угон не состоялся, Игорь спрятался возле пилотской кабины. Самому застрелиться? Ни за что!

Знал цену жизни.

Вопрос о пассажирах задали и сестре Игоря Ольге Овечкиной, тоже оставшейся в живых:

- Оля, а как же пассажиры?

- Не думали как-то мы о них…

15.22. Удаление самолета от Ленинградского аэродрома

Пулково 180 километров.

15.30. Начальник смены главного центра УВД передает на борт: бортинженера можно выпустить в салон для переговоров. Соблюдать меры предосторожности.

Бортинженер Иннокентий Ступаков вышел во второй, задний, салон. Едва вошел, крик: «Стоять! Дальше ни шагу!»

Как можно спокойнее предложил: «Подойдите кто-нибудь один, поговорим…» Сошлись на середине салона, сели в кресла по разные стороны прохода. Террорист нервничал:

- Требуем лететь в Лондон!

- Горючего не хватит. У нас топлива едва до Ленинграда. Надо садиться на дозаправку.

- Тогда садитесь за границей…

- Хорошо, - сказал Ступаков, - я доложу командиру.

Чтобы не подвергать риску пассажиров, экипаж первоначально принял решение лететь за рубеж. «Земля» дала «добро». Но чем ближе лайнер подходил к Ленинграду, тем яснее становилось: до ближайшего финского или шведского аэродрома не дотянуть.

В Кургане самолет был дозаправлен, но ровно настолько, чтобы долететь до Ленинграда, на крайний случай - до запасного аэродрома в Таллине.

Если же следовать в Финляндию, то у неизвестного аэродрома пришлось бы маневрировать, изучать подходы, тут и могло бы кончиться топливо. Как быть? Садиться в Ленинграде или Таллине? А если террористы узнают город с высоты? Обещание взорвать «бомбу» более чем реально.

«Земля» приказывает уходить на запасной аэродром, который находится в стороне от Ленинграда. Самолет делает разворот почти на 180 градусов.

А в салоне раздаются истеричные крики террористов: «Что такое? Что происходит? Почему самолет поворачивает? Всех взорвем!»

К бандитам бросается бортпроводница Тамара Жаркая, пытается их успокоить, объясняет: самолет делает маневр перед посадкой в финском городе Котка. По громкой связи звучит сообщение: лайнер идет на дозаправку в Финляндию, просим пассажиров оставаться на своих местах, пристегнуть ремни, сохранять спокойствие.

15.55. «Ту-154» у цели. Впереди аэродром Вещево. Высота 1500 метров. Командир корабля Валентин Куприянов запрашивает «землю»: какие рекомендации? Рекомендация одна - продолжать переговоры.

… Самолет резко идет на снижение. Низкая облачность.

Преступники беспокоятся, требуют сделать круг над землей. Но у пилота свой план: надо скорее посадить лайнер.

16.05. Самолет произвел посадку.

Потом в десятках публикаций, в разных вариациях прозвучит одна мысль теперь все зависело от профессионалов другого ведомства.

Операция вступила в самый ответственный, завершающий этап.

Но именно посадка ознаменовала и первый просчет: пилоты, пассажиры и, конечно же, террористы увидели, как от края летного поля к лайнеру бегут солдаты. Знакомые шинели, фуражки, автоматы Калашникова. Бандиты понимают: их провели. Гремят первые выстрелы, пока предупредительные, в салонную переборку.

Преступники требуют, чтобы экипаж вышел из кабины и выстроился лицом к стене.

Командир корабля передает через бортпроводницу Ирину Васильеву о подходе автомобиля-заправщика. Вновь в салоне крики: «Взлет! Взлет! Не нужна дозаправка, взорвем!» Василий и Дмитрий Овечкины ломятся в дверь пилотской кабины, бьют ногами, прикладами обрезов, стремянкой. Грозят: «Если экипаж не будет подчиняться, начнем убивать пассажиров».

Тамара Жаркая просит их успокоиться, уговаривает: «Не надо стрелять! Взорвется самолет, погибнут люди. Сейчас подойдет заправщик, и полетим дальше». Двое бандитов хватают ее за руки и усаживают с собой. А через несколько минут Дмитрий Овечкин, красавец трубач в ансамбле «Семь Симеонов», убивает Тамару.

Подошел первый заправщик. С борта самолета видно, как находящийся на заправщике офицер спешно срывает с шапки кокарду. Люди, стоящие у края летного поля, делают жесты, тоже понятные всем они направляют действия штурмующих. Обстановка накаляется. Василий рвется в кабину: «Открывай! Иначе кого-нибудь застрелю». Олег бегает с оружием по салону и истерически орет: «Не смотрите на меня - перестреляю!»

Командир передает в салон: при дозаправке без бортинженера не обойтись.

17.04. С борта самолета сообщили: разрешение на выход бортинженера получено.

Иннокентию Ступакову ловко удалось выскользнуть из кабины, да так, что никто из преступников не успел проникнуть к пилотам. Вот он уже на крыле, открыл горловину, опустил в нее шланг. Бандиты внимательно следили за каждым его движением.

17.12. Первый дозаправщик заправил самолет. С борта требуют второй.

17.18. Напряжение на земле растет. Спасатели на вертолетах перебазировались ближе к самолету. Рейсовые самолеты огибают опасный район.

17.20. Угонщики, угрожая оружием, требуют немедленного вылета в Хельсинки.

17.50. К «Ту-154» подошел второй заправщик.

18.10. Заправка окончена.

Теперь перед Ступаковым стояла задача вновь проскользнуть в кабину, не дав прорваться туда бандитам. Но как это сделать? Овечкины «пасут» каждый шаг.

Поднявшись на борт, Иннокентий передает бандиту стремянку, просит: «Подержи, надо люк закрыть». Пока тот возится со стремянкой, удается совершить обратный маневр.

В это время - вызов по СПУ. Кто-то из террористов, взяв трубку у бортпроводницы, спрашивает: «Почему не взлетаешь, командир?» «Надо развернуться, жду тягач». - «Жди, но только пять минут, понял? Не взлетишь, взорвем самолет!»

18.35. Два человека из группы захвата поднялись в кабину. Начинается подготовка к обезвреживанию бандитов.

18.50. Продолжаются угрозы взорвать самолет. Бортпроводники проявляют выдержку.

В 19.10 самолет тронулся с места, и группа рванула дверь пилотской кабины.

В те дни газета «Известия» дальнейшие события живописала так:

«Сразу началась бешеная стрельба. Через несколько секунд дверь захлопнулась. Два бойца, разрядившие пистолеты в преступников, упали на пол кабины, обливаясь кровью. Их раны, к счастью, оказались не опасны для жизни».

В том, что «два бойца разрядили пистолеты», сомнения нет, но вот в кого? Преступники не получили и царапины. Куда же летели пули, в кого палили два бойца? Вот что рассказывает участница тех событий, бортпроводница Валентина Николаева:

«Они приоткрыли дверь и начали беспорядочную стрельбу по салону, не видя и не думая, что, кроме преступников, здесь находятся бортпроводницы, пассажиры. Пули летели не в преступников, а в мою сторону. Я присела, закрыв голову руками, пули летели над головой, через панель, в пассажиров первого салона».

Старший следователь военной прокуратуры Ленинградского военного округа майор юстиции Андрей Ковалев, который вел следствие, так оценивает действие группы захвата:

«От экипажа группе захвата было известно, чем вооружены преступники, но это не помогло».

«Когда в нас понесся град выстрелов, - рассказывали они, мы подумали, что стреляют из автомата…» В ответ сами стали палить из пистолетов. Прикрывшись щитами, стреляли вслепую в конец салона, где находились Овечкины. Ранили пассажира, майора Я. Таюрского. Он сидел в трех-четырех метрах от кабины самолета, из которой вела огонь группа захвата. Вместе с ним пострадали еще три человека. И только чудом можно объяснить тот факт, что в такой перестрелке не поубивали пассажиров, находившихся в салоне самолета… Замечу, так действовали не солдаты срочной службы, а профессионалы, которые за свой труд получают деньги».

Не прав старший следователь только в одном: хотя бойцы группы захвата получают деньги и числятся в профессионалах, они далеки от этого высокого звания.

Такие же «профессионалы» действовали и в хвостовой части самолета. Ничего лучшего они не придумали, как, открыв люк, разрезать ножом коврик под ногами прямо у бандитов.

Однако было бы неверно во всем случившемся обвинять только группу захвата. От первого своего шага в аэропорту Иркутска до последней минуты в горящем самолете террористы Овечкины встречались с вопиющим непрофессионализмом. Исключение составляет, пожалуй, только экипаж самолета - не теряющие самообладания пилоты, мужественные бортпроводники. Остальные - крепко повязаны неумением работать, низкой служебной квалификацией.

Первыми, кто сказал бандитам «счастливого полета», была смена иркутского аэропорта под руководством капитана милиции К. Джикая. На выходе номер три в тот день контролировали посадку и вели досмотр ручной клади сержант В. Макеев, младший сержант В. Журнист, в также диспетчеры отдела перевозок Г. Сергеева и И. Богомолова.

Кроме ручной клади и инструментов, других вещей у Овечкиных не было. Ничего подозрительного в поведении пассажиров милиционеры не обнаружили. Да особенно придирчиво и не присматривались, ведь это ж «сами Овечкины», музыканты, гордость области.

Один из старших братьев даже попытался поставить контрабас в рентгенотелевизионный интерскоп. Галина Сергеева попросила положить инструмент на стол, дернула «молнию» на чехле, махнула рукой: проходи! Вот и вся проверка.

О действиях группы захвата и тех, кто «встречал» на земле убегающих из горящего самолета пассажиров, мы рассказали. Надо добавить, что и в верхнем эшелоне руководства операцией профессионализма было не больше.

Начальник управления КГБ по городу и области генерал-лейтенант В. Прилуков руководил операцией непосредственно из… Ленинграда. Как? На этот вопрос он отвечал сам: «Держал связь с Москвой».

Однако эта драма, потрясшая в свое время страну, хоть и не такая далекая, но уже история. Она забывается и, возможно, ее не стоило бы ворошить, если бы жизнь не рождала новых «Симеонов», на пути которых по-прежнему оказываются «профессионалы», работа которых оплачивается человеческой кровью и жизнями.

…23 февраля 1992 года. Опять Ленинград, вернее, теперь уже Санкт-Петербург. Может, тут простое совпадение, но операция по освобождению заложников в знаменитой тюрьме «Кресты» закончилась провалом. Убит заложник, сотрудник следственного изолятора.

Тем не менее один из участников штурма, офицер ОМОНа, с уверенностью заявил: «Специалистами и руководством ГУВД исполнение операции оценено довольно высоко».

Трудно сказать, что стоит за «высокой оценкой» руководством ГУВД собственных омоновцев, но специалисты во всем мире считают: операция с применением спецподразделений не имеет смысла, если в ходе нее уничтожаются как террористы, так и заложники. В таком случае достаточно роты солдат, которая, окружив захваченный бандитами объект, искромсает огнем автоматов и правых и виноватых.

Иной оценки нет и быть не может…

И все-таки что же случилось в питерских «Крестах», или, как их официально именуют, в следственном изоляторе №1 ГУВД Санкт-Петербурга, тем февральским днем?

Во время прогулки семеро подследственных, вооруженных заточками (заостренными металлическими штырями) и двумя гранатами, набросились на контролеров В. Аввакумову и А. Яремского. Затащив пленников в служебное помещение и запершись изнутри, преступники выдвинули ультиматум: в обмен на жизнь заложников они потребовали два автомата, четыре пистолета с боекомплектом, гранаты, автомобиль. Было также поставлено условие обеспечить беспрепятственный выезд из тюрьмы и предоставить самолет.

Знакомство с личными делами бандитской семерки не предвещало легкой борьбы. Статьи Уголовного кодекса, по которым предъявлены обвинения каждому из бандитов (разбой, убийство, насилие), тянули как минимум на 10 лет лишения свободы каждому. Да и большинство из них за решеткой не были новичками.

Ситуация складывалась угрожающая.

В «Кресты» выехала группа захвата ОМОНа.

Три с половиной часа вели переговоры с преступниками заместитель начальника ГУВД В. Фролов и исполняющий обязанности прокурора города В. Большаков.

Преступники категорически отвергали все предлагаемые варианты, по-прежнему угрожая расправой над заложниками. Не отрезвили бандитов слезы матерей, мольба жен и родственников, которых доставили в изолятор.

Из тюрьмы привезли «авторитетного» рецидивиста, который тоже советовал им сдаться. Не послушали. Вели себя нагло, агрессивно.

Переговоры, начатые в 10.45, завершились в 14.00. Преступники твердо стояли на своем, демонстрируя гранаты-»лимонки» (как впоследствии выяснилось, муляжи, слепленные из хлебного мякиша и раскрашенные).

Было принято решение в 14.15 начать операцию по освобождению заложников. Но как это сделать? Штурмовать камеру, в которой заперлись террористы? Да, хотя это один из самых сложных вариантов. В тюрьме, построенной еще до революции, все было сделано добротно: крепкие решетки, массивные двери с надежными замками. При подготовке штурма пробовали, зацепив тросом, вырвать оконную решетку. Толстый трос лопнул, а решетка даже не сдвинулась с места. Вот уж проклятый царский режим, и тут нам подгадил!

Другой путь для штурмовой группы - маленькое окошко на лестнице, через которое велись переговоры с преступниками. Оно бы и хорошо, да не пролезть могучим парням в окошечко.

Задача казалась практически невыполнимой. Сами омоновцы признались: шанс на то, что при штурме заложники уцелеют, - один из ста. И все же выбрали именно этот, по существу тупиковый, безвыходный вариант. Почему?

Непростой вопрос. Безусловно, были еще кое-какие варианты. Ведь ситуация с захватом заложников в следственном изоляторе не нова. Достаточно вспомнить сухумский изолятор. Там преступники вооружились не заточками и муляжами гранат, а боевым оружием - пистолетами, десятками пистолетов, по нескольку штук на каждого негодяя. Тогда «Альфу», как до того питерский ОМОН, тоже подталкивали идти на штурм камер, но не вышло. Ее начальник однозначно взял ответственность на себя и, все взвесив, настоял на так называемом варианте «Рафик». Бандитов выманили во двор, и, когда они сели в микроавтобус, прозвучала команда группе захвата. Террористы в несколько секунд оказались арестованными, заложники - освобожденными.

Хотя местное руководство, милицейские генералы боялись варианта «Рафик»: как бы чего не вышло. Вдруг действительно, усевшись в микроавтобус, бандиты вырвутся на свободу, в город. Что делать с ними тогда? А так спокойнее, хоть и грозятся, орут, но в камерах, в тюрьме. Долго пришлось профессионалам из группы «А» убеждать высокое начальство. Убедили. И операция закончилась успешно.

Ничего подобного не произошло в Санкт-Петербурге. Две штурмовые группы выдвинулись на лестницу, к окошку, через которое шли переговоры. Приготовили трос с крюком, чтобы в нужный момент выдернуть решетку. У запертой двери стояла еще одна группа, которая после начала штурма должна была выбить ее с помощью подручных средств.

Потом, в паноптикуме «Кресты» Александра Невзорова, все увидят, как боец подразделения отчаянно колотил в дверь кувалдой. Помогали ему и другие, но, как оказалось, безуспешно. Дверь открыли только изнутри после окончания операции.

О начале штурма преступников известил сам командир группы захвата. Он решил с ними поговорить. Предупредил: «Ваши требования невыполнимы. При штурме ложитесь на пол, тогда останетесь живы». И тем самым подписал смертный приговор заложникам. Естественно, после такого выступления ни о какой внезапности не могло идти и речи.

Потом омоновец объяснил, что пошел на своего рода маневр, он-де отвлекал внимание бандитов от выдвигающейся группы захвата, пытался «стянуть» террористов в одно место и, наконец, хотел в последний раз образумить преступников.

Не получилось ни того, ни другого, ни третьего.

Бандиты, как и следовало ожидать, приготовились и ждали штурмующих. Конечно, с заточками и муляжами они не могли противостоять вооруженным омоновцам, и с началом штурма один был застрелен снайпером, другой из автомата при попытке сопротивления, остальные остались в живых. Но свое гнусное дело они успели сделать: убили заложника.

Интересно, что решетку из окна удалось вырвать лишь с третьей попытки, на что ушло 10 минут. Вся операция длилась 15 минут. В такой ситуации четверть часа - целая вечность.

Сыграла свою роковую роль и слабая техническая оснащенность, нехватка спецсредств. Подумать только, у милиции Питера не нашлось гранат свето-шумового действия, которые дают яркую вспышку и ослепляют на время преступников. Что же касается взрывного устройства направленного действия «Ключ», а оно «открывает» любые двери, то тут нужны специально подготовленные люди, умеющие его

применять. «У нас их пока нет», - посетовал заместитель командира ОМОНа капитан Павел Пашаев.

Если отсутствуют спецсредства, нет профессионалов, умеющих их применять, может, лучше приглашать их со стороны, из «Альфы», например, ведь в ее практике не было провалов: заложники оставались в живых, террористы либо убиты, либо арестованы. Когда дело идет о жизни людей - не время для межведомственных распрей. Но руководство ГУВД Санкт-Петербурга всякий раз отвергало эту мысль с порога: мол, наши ничуть не хуже. Оказалось, как ни прискорбно признать, значительно хуже.

Поговаривают, что с милицейским начальством города на Неве злую шутку сыграли удачи «Альфы». Еще бы, обезврежены террористы в Сарапуле, Тбилиси, Уфе. Операции прошли успешно, бойцы спецподразделения действовали умело, высокопрофессионально. Соответственно были и награждены. Вот и решили местные руководители, что не боги горшки обжигают. Оказалось, чтобы бороться с террористами, надо быть богом в своем деле.

Штурм на аэродроме Вещево, по существу, захлебнулся в огне и крови. Но прошло время, многое забылось, стерлось в памяти, уволились в запас старые начальники, появились новые. А у «Альфы» опять победы - спасли детей в Минводах, обезвредили террористов в Баку, Саратове. И самое главное, «без шума и пыли» взяли следственный изолятор в Сухуми, захваченный вооруженными преступниками.

Со стороны посмотреть: все легко и просто. И поэтому вновь звучит знакомый мотив: «А мы чем хуже?» Нет, не хуже и не лучше, просто другие.

23 февраля 1992 года газеты сообщили о гибели в «Крестах» заложника, отца троих детей. Тогда же было опубликовано другое сообщение: «Шестеро этапированных по железной дороге преступников, особо опасных рецидивистов, напали на караул, тяжело ранили трех конвоиров, забрали оружие и боеприпасы. На трассе бандиты остановили «Икарус» с 30 пассажирами, ехавшими из Кзыл-Орды в Сарыачаг.

Преступники потребовали подготовить самолет для вылета в южную страну.

При въезде в аэропорт грохнули отвлекающие гранаты. Операция по захвату преступников длилась 3 секунды. Разбив окна, парни из подразделения по борьбе с терроризмом ворвались в «Икарус». Бандиты были расстреляны на месте».

Какие похожие сообщения, и какие разные судьбы у заложников. Откуда они, эти парни, сумевшие уничтожить

бандитов и сохранить 30 жизней? Тоже из «Альфы». Из регионального алма-атинского подразделения антитеррористической группы «А».

Теперь, правда, оно уже стало самостоятельным.

САРАТОВСКИЕ ЗАЛОЖНИКИ

Из служебного отчета группы «А».

«10 мая 1989 года в 16.45 группа подследственных изолятора № 1 УИТУ УВД Саратовского облисполкома: Рыжков В. Ю., 1969 г. рождения, арестованный за разбой, Семенютин Г. Л., 1972 г. рождения, Левахин Д. И., 1962 г. рождения, осужденные за разбой и другие преступления, Збандут Г. П., 1956 г. рождения, осужденный за умышленное убийство, угрожая самодельным холодным оружием, во время прогулки во внутреннем дворе изолятора, захватили в качестве заложниц двух сотрудниц изолятора.

Завладев ключами от 3-го этажа корпуса, преступники открыли одну из камер и дополнительно взяли в качестве заложников двух несовершеннолетних подследственных: Федорова А. В., 1972 г. рождения, и Бекетова Ю. М., 1972 г. рождения.

Забаррикадировавшись на этаже, преступники требовали встречи с руководством УИТУ, представителями прокуратуры и УВД. В разговоре с прибывшими руководителями преступники выдвинули требование предоставить им 4 пистолета, 10 тысяч рублей, транспорт и возможность выезда за пределы области. В случае невыполнения требований преступники угрожали расправой над заложниками.

10 мая в 22 часа требования преступников были частично удовлетворены. Им был передан пистолет ПМ с 24 боевыми патронами, часть денег, за что они освободили женщину и подростка. Затем к дверям изолятора вплотную был подан микроавтобус, куда сели преступники с заложниками.

11 мая в 2 часа ночи, обнаружив за собой преследование, они потребовали прекратить его, угрожая в противном случае убить заложников. Преследование было прекращено, преступники скрылись в неизвестном направлении.

В результате предпринятых оперативных мер 11 мая в 15.00 было установлено местонахождение преступников в квартире Просвириных на 4-м этаже 6-этажного жилого дома по адресу: улица Жуковского, дом 20, квартира 58.

Преступная группа, возглавляемая Рыжковым В. Ю., захватила в качестве заложников хозяина квартиры с женой и двухлетней дочкой и его брата. Всего в квартире находилось 11 человек. Для проведения операции по спасению заложников и задержанию преступников был создан оперативный штаб. Предпринятые штабом меры положительных результатов не дали.

В связи с вышеизложенным руководством КГБ СССР было принято решение о направлении в г. Саратов сотрудников группы «А».

Когда 11 мая самолет «Ту-154» с 18 сотрудниками спецподразделения «Альфа» произвел посадку на военном аэродроме г. Энгельса, В. Карпухин и М. Головатов поняли: им придется расхлебывать кашу, заваренную непрофессиональными действиями саратовских милиционеров.

После захвата заложников и выдвижения требований преступниками руководители УВД пытались вступить в контакт с террористами, но разговор как-то не клеился. Милиционеры были к нему психологически не готовы, бандиты же буквально «брали за горло», грозясь уничтожить несчастных женщин и подростков. Представители правоохранительных органов вновь и вновь совещались. Время шло. Террористы проявляли все большую нервозность, сыпали угрозами. Наконец результатом «сидения» руководства была полная капитуляция перед бандитами. Решили не рисковать. Подали террористам микроавтобус «РАФ» с полной заправкой бензином и, по существу, без борьбы выложили боевое оружие - пистолет Макарова и 24 патрона к нему. За что бандиты освободили женщину и подростка.

В 10 часов вечера из ворот следственного изолятора на улицы оживленного Саратова на высокой скорости выскочил «рафик» с четырьмя вооруженными бандитами. Остальных заложников, вопреки обещанию, те взяли с собой. Вскоре одну из пострадавших террористы выбросили из машины. Женщина была без сознания, едва не умерла от жестоких побоев.

Пять часов преступники колесили по ночному городу. Они чувствовали себя хозяевами: выезжали на полосу встречного движения, газовали на красный свет, неожиданно открывали огонь из пистолета. Бандиты захватили еще одну заложницу, 19-летнюю И. Закутаеву, продавца магазина, которая была свидетельницей по делу одного из бандитов.

Оперативный штаб, созданный из представителей УВД, Комитета государственной безопасности, прокуратуры и командования подразделений внутренних войск, с оцепенением следил за разбойными действиями террористов.

В 22 часа штаб проиграл еще один раунд борьбы - преступники, обнаружив преследование, выдвинули ультимативное требование: прекратить слежку, в противном случае угрожали застрелить заложников. Как напишут потом в оперативных милицейских документах, «преследование было прекращено, преступники скрылись в неизвестном направлении». Штаб потерял вооруженных бандитов.

Двенадцать часов о террористах не было ничего известно

убыли ли они на территорию другой области или здесь, в Саратове, готовятся к новым убийствам, а может, уже совершили их. С превеликим трудом к 15 часам следующего дня удалось установить: преступники находятся в квартире супругов Просвириных, в доме номер 20 по улице Жуковского, рядом с саратовским аэропортом. В квартире кроме взрослых двухлетняя дочь Просвириных. Все они взяты заложниками в плен.

Теперь преступники выдвигали новые требования: предоставить самолет для вылета за границу, дать водку, наркотики, крупную сумму денег. И снова грозили убить заложников. Предупреждали, что на случай штурма они привязали хозяйку квартиры с дочерью к дверям. Попытки убедить бандитов отказаться от преступных замыслов ничего не дали.

Так напряженно складывалась обстановка на момент прибытия группы «Альфа» в Саратов.

Было 23 часа 11 мая. Переговоры, которые вели с преступниками начальник ГАИ Саратовского облисполкома и заместитель прокурора области, в очередной раз зашли в тупик. Преступники вели себя агрессивно, нагло угрожали. Чтобы показать серьезность своих намерений, стали истязать женщину-заложницу. На просьбу выдать ребенка потребовали водки, наркотиков, автомат, бронежилет. То и дело в захваченной квартире распахивалось окно, террористы сажали на подоконник одного из заложников, кричали, что выбросят его с четвертого этажа.

Штаб принял решение выдать водку и наркотики. Их подняли в осажденную квартиру по веревке.

Стало ясно, выход один - штурм квартиры. «Альфа» подготовилась к штурму. Карпухин и Головатов провели рекогносцировку: прошли в квартиру этажом ниже той, что была захвачена преступниками, составили ее схему. Снайперы постоянно наблюдали с помощью приборов ночного видения за поведением преступников и их передвижениями. Вся информация передавалась в штаб.

А информация тревожная - действия террористов становились непредсказуемыми.

В 3.10 группа захвата заняла исходные позиции. В 3.25 начальник группы «А» отдал команду на штурм. Здесь следует подчеркнуть магазины автоматов сотрудников «Альфы» были снаряжены холостыми патронами. Бойцы с помощью специального альпинистского снаряжения спустились с крыши и буквально влетели в окна захваченной квартиры, забросав преступников имитационными гранатами. Бандиты никак не

ожидали штурмующих из окон. Они ясно видели, что лестниц под окнами нет, никто к штурму не готовится. В те же секунды дверь вышибла тараном вторая группа и ворвалась в квартиру.

Преступник, вооруженный пистолетом, успел сделать два выстрела. Пули пришлись в бронещит.

Пользуясь фактором внезапности, группа захвата через несколько секунд обезвредила бандитов.

В последних строках отчета о действиях группы в Саратове начальник подразделения «А» напишет одну фразу, которая не нуждается в комментариях, ибо она коротко и емко характеризует высокий профессионализм спецподразделения антитеррора: «Пострадавших при проведении захвата не было».

«КАХЕТИНСКОЕ» ДЛЯ «АЛЬФЫ»

Из служебного отчета группы «А»:

«11 августа 1990 года в г. Сухуми семь арестованных преступников, находящихся в изоляторе временного содержания (ИВС) МВД Абхазской АССР, захватили в качестве заложников трех работников охраны. Овладев ключами, они выпустили из камер 68 подследственных и осужденных. Среди 75 содержавшихся в изоляторе 73 совершили уголовные преступления, 15 из них арестованы за убийство, 8 - за разбой, 1 - за угон самолета.

Инспиратор этой акции - трижды судимый матерый преступник П. Прунчак, взятый под стражу за убийство трех человек, двое из которых сотрудники милиции».

… Порядком уставший от суточного дежурства постовой Козмава, гремя ключами, идет коридором первого этажа. Сейчас он повернет ключ в замке двери седьмой камеры, потянет железную ручку на себя, передаст ведро и веник. Обычное дело - уборка помещения. Так каждое утро, изо дня в день, из года в год. Правда, вчера начальник изолятора, инструктируя наряд перед заступлением на дежурство, велел быть особенно осторожным у седьмой и десятой камер. По некоторым данным, там вроде бы готовят побег. Но постовой привык к предупреждениям. Они звучат на каждом инструктаже. И, как правило, никаких последствий. Обязанность начальника постоянно предупреждать об опасности. Понятное дело, не на конфетной фабрике работают.

Козмава знал, что идет на нарушение инструкции, ведь открывать дверь должен дежурный офицер, в присутствии постового. То есть у камеры их должно быть двое. Но гудит голова после бессонной ночи, в ушах стоят крики и ругань заключенных, хочется скорее распрощаться с этим затхлым «каменным мешком».

Не взглянув в глазок, постовой открывает дверь. Резкая команда, стремительный бросок, удар по голове - Козмава падает на бетонный пол.

Дежурный офицер Шикирба не заметил, когда постовой забрал ключи. Опомнился, увидев на пульте охранной сигнализации тревожное мигание желтого глазка: в седьмой камере открыта дверь.

Лейтенант помчался в камерный блок. А в дверь уже протискиваются заключенные Дзидзария и Бигвава. Офицер пытается затолкнуть их обратно в камеру. К нему на помощь прибежал постовой Нижерадзе со второго этажа. Но уже поздно -

семеро преступников вырвались из камеры, набросились на охранников, отобрали ключи, поспешно открыли другие камеры.

Четвертый охранник смены, постовой сержант Векуа, видя, что ничем не может помочь товарищам, захлопнул на перегородке, преграждающей выход из камерного блока, дужку замка, затем выбежал во двор, запер дверь изолятора и кинулся в дежурную часть МВД рассказать о нападении. Бежал и клял все на свете: из-за блокады железной дороги ломался график спецэтапов, вагоны с заключенными простаивали на путях вместе с десятками замерших поездов. Недели три не было поступлений, потом сразу привалило сорок два заключенных. Требовалась усиленная охрана, да где ее взять. Ее и по обычному штатному расписанию не хватало: постовых в изоляторе восемнадцать человек, а должно быть двадцать четыре.

По камерам распихивали кого куда - судимых с несудимыми, совершеннолетних с несовершеннолетними.

Да и следователи, прокуроры, судьи - разве они считались с бедами изолятора? Из дальних уголков республики, из других изоляторов везли в Сухуми на допросы задержанных. А потом здесь же оставляли, и не на десять дней, как положено, а на недели, месяцы. Так убийца, рецидивист Павел Прунчак сидел в изоляторе уже месяц, а суда все не было.

Когда Векуа докладывал о нападении, заключенные успели повалить стальную перегородку и открывали камеры второго этажа.

Еще через несколько часов взбунтовавшиеся преступники овладели оружием. Когда прокурор Квициния и руководство МВД Абхазии совещались, входить или не входить в изолятор, из-за решетки второго этажа выбросили горсть патронов и наган. Бандиты давали понять, что они вооружены. «Откуда у них оружие?» - удивился первый замминистра МВД Абхазии Аршба.

Действительно, откуда? Оказалось, что в изоляторе, в одном из помещений, хранилось более трех тысяч стволов нарезного и гладкоствольного оружия: винтовок, пистолетов, охотничьих ружей и 28 тысяч единиц боеприпасов, изъятых у населения, а также у преступников.

Верно сказал на следствии один из зачинщиков бунта, осужденный за убийство Петухов: «Какой же дурак держит в переполненной тюрьме боеприпасы и оружие? Для нас это был приятный сюрприз».

Теперь представим себе преступников, которым уже нечего терять, и в их распоряжении вот такой арсенал. Представим, что они вырываются на улицы города. Думаю, Абхазия в августе 1990 года стояла на пороге страшной трагедии.

Возможно, кто-либо возразит, мол, они же не вырвались. Да, и только по двум причинам: в первое утро - случайно. К ним в руки не попал сержант Федор Векуа, и он успел захлопнуть щеколду на дверях. А на четвертые сутки, когда по их требованию был подан микроавтобус, на их пути уже стояла «Альфа».

14 августа с одного из московских аэродромов стартовал самолет, следующий в Сухуми. На его борту было 22 сотрудника группы «А» и 31 боец ОМЗДОНа. Альфовцы знали: идут на трудное дело, тут тебе не террорист с ружьем или поддельным взрывным устройством, а десятки преступников, вооруженных до зубов. Что ж, работа есть работа. Из трех отделений группы отобрали лучших, отменных снайперов, мастеров рукопашного боя, опытных командиров. Руководил операцией начальник группы «А» полковник Герой Советского Союза Виктор Карпухин.

Экипировка по максимуму - тяжелые бронежилеты, электрошоковые дубинки, щиты, спецгранаты, приборы ночного видения.

В полете прокурор Абхазии ввел группу в обстановку. Три дня в руках вооруженных преступников томились заложники. Требования бандитов постоянно менялись. Они хотели, чтобы перед ними для безопасности выстроили жителей - женщин и детей, потом требовали бронетранспортер, чтобы уехать из города, ставили и такое условие: посадить невдалеке от изолятора вертолет.

Город напоминал растревоженный улей - у изолятора собралась толпа жителей, родные и близкие преступников, просто любопытные. Квартал был оцеплен бронетранспортерами и войсками, низко кружил вертолет.

Все эти дни и ночи с преступниками вели переговоры руководители МВД Абхазии и Грузии, родственники, лидеры различных движений, просто друзья.

Зачинщик бунта, убийца Прунчак, выкрикивал свои требования из-за спин других. Его, совершившего немало преступлений, выследили в пещерах глухого Очамчирского района два милиционера. Прунчак застрелил их из охотничьего ружья. Но вскоре был сам ранен. Он бы, конечно, погиб, но министр внутренних дел Абхазии Ломинадзе отдал распоряжение, и Прунчаку сделали переливание крови, спасли жизнь. Кровь дал один из милиционеров.

Теперь Ломинадзе, стоя у решетки под винтовочными стволами, говорил: «Прунчак, если бы мы хотели тебя убрать, задержали бы переливание крови. И все. Обещаю, если вы сложите оружие и разойдетесь по камерам, за этот случай вас не привлекут к ответственности»

В ответ - крики, мат. И новые требования. Сразу после прилета в Сухуми и проведенной рекогносцировки, «Альфа» стала прорабатывать варианты штурма изолятора и освобождения заложников.

Михаил КАРТОФЕЛЬНИКОВ, сотрудник группы «А», участник операции в Сухуми:

- Когда преступники оказались хозяевами в изоляторе, они стали все ломать, крушить, рвать сигнализацию. Нашли свои уголовные дела, стали читать, выявили нескольких стукачей, ну и, наконец, добрались до комнаты с оружием.

Уже в самолете мы стали составлять план действий. Оружия у них было более чем достаточно - пистолеты Макарова, Марголина, «ТТ», винтовки.

Много боеприпасов, тут войну вести можно. Потому каждый из нас спрашивал себя: как быть?

В городе их брать невозможно, могут пострадать тысячи мирных граждан. А бандиты требовали предоставить БТР, чтобы уйти в горы. Значит, в горах придется атаковать бронетранспортер. Это бы ладно, но есть другая опасность: прорываться в горы бандиты станут через город. Кто знает, что взбредет в их лихие головы, когда в руках окажется мощная боевая машина.

Местные органы предложить ничего не могли, у них не хватало сил. Три дня они выжидали, старались не выносить сор из избы, только куда уж там: пришлось обратиться в Москву.

Выходит, альфовцы могли рассчитывать только на себя.

А требования бандитов постепенно менялись. Кто-то из них соглашался уезжать, кто-то отказывался, количество людей называлось разное. Сначала требовали автобус, потом уже вертолет. Его посадили на площади Ленина, невдалеке. В изоляторе был слышен шум винтов. Те говорят: покажите экипаж. К изолятору пришли пилоты. Тут же требование один из летчиков должен остаться заложником. На это мы не согласились.

Вскоре они отказались от бронетранспортера. Видимо, поняли, что горные дороги трудные, запас хода БТРа небольшой, могут подбить и взять.

Михаил МАКСИМОВ, сотрудник группы «А»:

- Считаю, что самое удачное изобретение «Альфа» сделала в Сухуми. Буквально за один день нашли и разработали новый тактический прием. На одном из этапов переговоров бандиты отказались от БТРа. Значит, передвигаться они будут в автобусе или «рафике».

На этот случай есть хорошо отработанный прием, во всем мире его называют «прием лопатки». Разбиваются окна автобуса,

ставится трап и по нему бойцы спецподразделения врываются в салон. Но тут была иная обстановка: пока мы схватим террористов, они убьют заложников. Значит, надежный, проверенный вариант тут не годился.

У омздоновцев есть прием, когда в машине прячут специальную взрывчатку и, к примеру, в момент остановки у нее направленным взрывом отрывает колеса. Для нас этот прием не подходил, но натолкнул на мысль: начинить пиротехникой «РАФ», который будет предложен бандитам. Снаряжали его всю ночь.

Дополнительное отвлекающее взрывное устройство было заложено во дворе изолятора.

М. КАРТОФЕЛЬНИКОВ:

- Подогнали «рафик». Бандиты долго выясняли отношения, орали, ругались. Вспыхнула драка. Видимо, решали кому ехать. Потом внутри помещения началась стрельба. Как выяснилось позже, они опробовали оружие, приводили его в боевое состояние.

Выпустили «шестерку». Тот внимательно осмотрел «РАФ». Не понравилось, что нет шторок. Ладно, повесили шторки.

И вот, наконец, десять отъявленных преступников, большинство убийцы, - Прунчак, Дзидзария, Петухов, Ахледиани, Малов, Бигвава и другие, натянув на головы чулки с прорезями для глаз, прихватив с собой Козмаву и Нижерадзе (тоже в масках), с рюкзаками и с оружием вышли из дверей изолятора.

Снайперы оказались парализованными: в кого стрелять, где бандиты, а где заложники? Однако на них особенно и не рассчитывали достаточно того, что они вели наблюдение за террористами и были готовы в любую минуту открыть огонь.

Тут произошла небольшая накладка. Взрыв в «РАФе» должен произойти, как только бандиты его заведут, но вот он катится уже метров десять на выезд из ворот, а взрыва нет.

Представляете состояние некоторых генералов, которые как раз и боялись этого. Еще десяток-другой метров - и преступники на свободе. Конечно, даже в том случае, если бы пиротехника не сработала, машина с бандитами на улицу не вырвалась бы - ворота перекрыл бронетранспортер.

М. МАКСИМОВ:

- По расчету мы начинали одновременно. Нас было три группы - первая действовала на «рафике», вторая проникала через люк с четвертого на третий этаж, еще одна группа взрывала боковую дверь изолятора.

Для нашей группы сложность состояла в том, что люк, через

который предстояло спуститься на «оккупированный» этаж, мы не видели. Он находился под паркетом. Определили примерное его месторасположение, но вскрывать паркет не могли: боялись выдать себя шумом.

Что касается двери, то там возникли свои проблемы. Рядом с дверью, метрах в двух-трех - цементный забор. Дверь взорвать не проблема, опасна ударная волна. Надо было так рассчитать силу взрыва, чтобы и дверь убрать с дороги, и самим остаться в живых. Не колотить же кувалдой, как это делала группа захвата в санкт-петербургских «Крестах».

Хотя в «Крестах» двери - не чета советским, сухумским. Бандиты надавили плечами - вывалилась стальная перегородка, отделяющая камерный блок от остальных помещений. Боковые штыри перегородки не были даже закрепленными в кирпичных гнездах. Окажись перегородка покрепче, так бы и остались преступники на первом этаже, не прорвались к оружию. Если бы да кабы…

В тот день, перед штурмом, мы пригласили к себе прораба, который строил изолятор. Он посмотрел на тротиловые шашки и откровенно предупредил: «Осторожно, ребята! Строили изолятор кое-как, материалы тащили, воровали. Балки перекрытия лежат на «честном слове». Рванете - упадет наша тюрьма». Ладно, хоть нашел мужество признаться.

После его слов подошел Карпухин, снял одну тротиловую шашку с центра люка.

М. КАРТОФЕЛЬНИКОВ:

- «Рафик» подогнали почти вплотную к дверям. Всем трем подгруппам, которые брали его, надо было бежать примерно одинаковое расстояние. Но он выкатился вперед. Мы стали стрелять по колесам. По салону вести огонь нельзя. Террористы сидели с заложниками вперемешку.

Моя подгруппа штурмовала машину сзади. Пока преодолевали расстояние из засады к «РАФу», бандиты успели выпустить в нас 20 пуль.

Мы выбили заднее стекло. Рукояткой пистолета я «вырубил» ближнего бандита, второго схватил за шиворот и вытащил. А преступник оказался мощный, ростом под метр восемьдесят. Потом ребята удивлялись: как ты смог такого борова выволочь?

Где у него только не было оружия: за пазухой, в карманах, за поясом.

При штурме ранили Игоря Орехова. Когда он навалился на бандита, Прунчак, сидевший на переднем сиденье, выстрелил. Пуля попала в незащищенную часть шеи между каской и бронежилетом, пробила шею. Счастье, что террорист стрелял из

малокалиберного пистолета Марголина, а не из Макарова или «ТТ».

Ну и как всегда, рядом не оказалось врача. Как снять боль? Ребята из местного КГБ бутылку коньяку притащили. Принял Игорь, тут и «Скорая» подоспела. Так Орехов отпраздновал свой день рождения.

Признаюсь, что и я в тот день выкурил несколько сигарет, хотя никогда в жизни не курил. Как-то совсем не весело, когда в упор по тебе палят из пистолетов.

М. МАКСИМОВ:

- Когда у самых ворот «взорвался» «рафик», мы тут же подорвали и люк. Снизу он, оказывается, был еще закрыт на засов. Крышка люка вылетела, но засов остался, разделяя люк на две части.

Боец ОМЗДОНа все рвался к люку. Я его удерживал, так как преступники снизу стреляли. Одним выстрелом он был легко ранен в ногу. Я отвел его в сторону, бросил в люк шумовую гранату и спустился вниз на канате. Оказался в комнате, где прежде хранилось оружие. Бандиты уже сбежали отсюда, дверь заперли. Пришлось взрывать дверь, прорываться дальше.

На пути ребят, которые штурмовали этаж через дверь, уголовники устроили баррикаду, открыли огонь.

Штурмующие на огонь не отвечали. Они применили так называемое «психологическое оружие». Что это за оружие, разъяснять пока не станем. Скажу только достаточно было одного выстрела, чтобы бандиты сдались.

На следующее утро бойцы «Альфы» пришли к морю. Как были в поту и в грязи, так и пришли: отмыться, полежать на солнышке. Загорающие догадались: «Это ребята, штурмовавшие изолятор!» Окружили, обступили, с улыбками, с поздравлениями. Кто-то позавидовал: «Наверное, за такую работу кучу денег получите!»

Альфовцы смущенно улыбались: они-то знали, их зарплата рассмешила бы любого абхазца или грузина. Но восхищение подкупало.

Кто-то уже протягивал им арбузы, дыни, цветы. Расталкивая обступивших, пробился через толпу высокий усатый грузин. Опустил на песок ящик, раскрыл объятия:

- Генацвале! Родные мои! Для вас вино, настоящее кахетинское!

Вино и вправду было отменное.

КОГО СПАС ЛЕЙТЕНАНТ ВИКТОР ШАТСКИХ?

История группы «Альфа» - это не только история борьбы с терроризмом в нашей стране. Наиболее трагические страницы подразделения лежат как бы в другом измерении. В политическом. Хотя тут же возникает вопрос - терроризм и политика. Что общего? Казалось бы, эти понятия весьма далеки друг от друга.

Увы. Террорист Якшиянц требовал в качестве заложницы жену тогдашнего политика № 1 нашего государства Михаила Горбачева, а террорист Басаев выдвигал свои требования лично политику № 2 Виктору Черномырдину. Да, так было. Но «Альфа» «знакомилась» с политиками совсем иначе, и поводы для этого были другие. Как известно, участие группы в политических распрях заканчивалось для нее трагически.

Переворот в Кабуле в декабре 1979 года был оплачен жизнями двух бойцов, в Вильнюсе при штурме телецентра погиб еще один молодой сотрудник, в Москве у Белого дома в октябре 1993-го - еще один.

Группа как могла сопротивлялась втягиванию ее в «политические бои». Но… все они - люди военные. Приказывали и командиры, бойцы шли, выполняли приказ. Иное дело - как, каким образом. Если так, как у Белого дома в октябре 1993-го, - это подвиг! Тогда именно они - две группы «Альфа» и «Вымпел» остановили кровопролитие, остановили падение нашей страны в бездну хаоса и гражданской войны.

А начиналось участие группы «А» в политических баталиях с весьма безобидного поручения председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова обменять в Цюрихе в декабре 1976 года известного диссидента Владимира Буковского на Генерального секретаря Коммунистической партии Чили Луиса Корвалана. Обмен был совершен. По-своему даже интересно: слетать за границу, познакомиться с легендарным товарищем Лучо.

Следующее поручение было не столь романтичным, как полет в Цюрих. Да, бойцы «Альфы» и «Зенита» выполнили его блестяще, но итог для самих подразделений оказался горек: погибшие боевые товарищи, много раненых. За что? Ради чего?

Тогда они еще не задумывались над этими вопросами. Но грянула горбачевская перестройка. Из них, бойцов спецназа, шедших под пули, терявших друзей, стали упорно лепить этаких

«монстров». В газетах, книгах, наскоро испеченных по следам афганских событий, писали об аминовских гвардейцах, которых «буквально разнесли в клочья». Кто разнес? Они, бойцы «Альфы» и «Зенита». Чем? Оказывается, «дивизионом «шилок», многоствольных зенитных установок, - как устрашающе писали авторы подобных опусов, - обладающих большой огневой мощью».

На самом деле, кроме автоматов, у них не было другого оружия, а Эвальд Козлов, будущий Герой Советского Союза, шел на штурм вообще с пистолетом. Поддерживали штурмующих всего две «шилки», да и то их огонь оказался не слишком эффективным. «Снаряды «шилок» отскакивали от мощных стен дворца, как орехи», - вспоминали позже бойцы группы «А».

Никто не остановил эту ложь. В том числе и политики. Первым из которых был генсек Горбачев. Он-то и использовал «Альфу» в очередной политической «разборке».

Где это было?

… Вильнюс. Ночь с 12 на 13 января 1991 года. В город введены войска, штурмом взяты телецентр, телевизионная вышка. Есть убитые и раненые, как среди штурмующих, так и среди защитников.

Газеты ту ночь нарекли «кровавой». Борис Ельцин сказал, что «это - начало мощного наступления на демократию». Группа народных депутатов СССР, обращаясь с воззванием «Мы с вами, братья», назвала все происшедшее «черным днем в истории Литвы», председатели Верховных Советов Латвии, Литвы, Эстонии и России подписывают обращение к Генеральному секретарю ООН с предложением немедленно созвать международную конференцию по урегулированию проблем балтийских государств.

Вильнюсская ночь тяжела для всех. В Вильнюсе крепко завязался узел противоречий экономического, межнационального, военного характера. Наверное, когда-нибудь об этом «узле» напишут книги, попытаются исследовать события глубоко и беспристрастно. Нет необходимости сейчас вдаваться в исследование причины трагедии, но следует попытаться разгадать загадки тех трагических дней, определить в них роль и место наших спецподразделений.

Сразу хочется однозначно и честно расставить все точки над «i». Антитеррористическое, секретное подразделение 7-го управления КГБ СССР, официально именуемое группа «А», принимало самое непосредственное участие во взятии трех объектов Вильнюса - Комитета по телевидению и радиовещанию, телевизионной приемопередающей вышки и радиопередающего центра.

Всего в столицу Литвы выезжало 67 сотрудников. В среднем на каждый объект шло по двадцать с небольшим человек. Не было у «Альфы» ни мифических танков, о которых так много писали в газетах, ни бронетранспортеров, ни боевых машин пехоты, ни сверхсекретного, страшной силы, оружия. Танки были подтянуты позже, когда телецентр пал, и принадлежали они армейским подразделениям, но никак не «Альфе».

Не соответствует действительности и утверждение корреспондентов «Комсомольской правды», которые, оказывается, «установили», что боевые дружины якобы поддерживались спецподразделением 7-го управления КГБ СССР по борьбе с терроризмом. «И эти дружины прорвались к телебашне, телецентру…»

Хочешь не хочешь, а выходит, что бойцы спецназа поставили перед собой рабочих, офицеров военных училищ (утверждалось, что из них составлялись дружины), отставных военнослужащих и пошли за их спинами. Заведомая чепуха.

Как же было на самом деле?

В поиске истины нам поможет документ - отчет спецгруппы «А» о действиях в январе 1991 года в Вильнюсе, опубликованный сначала в литовском еженедельнике «Гимтасис краштас» («Родной край»), а потом в «Независимой газете». Как попал секретный отчет в открытую печать - остается загадкой. Хотя какой бы секретности ни был документ, он проходит через десятки рук и в самой группе, и в комитете. В «Альфе» считают, что его продали за кругленькую сумму, как в свое время продали секретные сведения о прибытии подразделения в Литву.

Однако даже в наши дни не так уж часто идут с «аукциона» совершенно секретные тайны, и в папках с грифом «Секретно» хранится, как правило, правда о делах минувших. Именно поэтому всегда и существует тяга к документам секретной важности - они не лгут.

Из секретного отчета группы «А»:

«7 января 1991 года сотрудники группы: заместитель начальника группы «А» подполковник Головатов М. В., начальник 4-го отделения майор Мирошниченко А. И. и старший оперуполномоченный 1-го отделения капитан Орехов И. В. находились в командировке в г. Вильнюсе для проведения рекогносцировки и других подготовительных мероприятий по планированию чекистско-войсковой операции с участием сотрудников группы «А».

11 января 1991 года, в 17 час. 30 мин., в соответствии с решением руководства КГБ СССР в подразделении была объявлена боевая тревога, и в 20 час. 00 мин. 65 сотрудников во

главе с начальником 3-го отделения подполковником Чудесновым Е. Н. выехали в аэропорт Внуково. На двух самолетах (бортовые номера 65994 и 65998) в 21 час. 30 мин. сотрудники группы «А» вылетели в Вильнюс, прибыли туда в 23 час. 00 мин. (время московское, далее указано местное время).

В г. Вильнюсе группу сотрудников возглавил зам. начальника группы «А» подполковник Головатов М. В.

В соответствии с разработанным оперативным штабом КГБ Литвы и Прибалтийским военным округом МО СССР планом, исходя из складывающейся критической политической обстановки в республике, перед сотрудниками Министерства обороны и МВД СССР была поставлена задача по деблокированию ряда объектов, недопущению вывода их из строя сторонниками движения «Саюдис», прекращению вещания провокационных и подстрекательских теле- и радиопередач и взятию этих объектов под охрану ВВ МВД СССР.

Объектами были определены следующие государственные учреждения: объект № 1 - Комитет по радиовещанию и телевидению, объект № 2 телевизионная приемопередающая вышка, объект № 3 - радиопередающий центр».

В последнее время перед вильнюсскими событиями группа изрядно помоталась по командировкам. Постоянно 100-150 бойцов спецподразделения выезжали в районы межнациональных конфликтов - в города Степанакерт, Ереван, Баку, Тбилиси, Кишинев, Душанбе. И если кто-то считает, будто в тот январский день, получив приказ о вылете в Вильнюс, в «Альфе» радостно потирали руки и рвались в бой, то он ошибается. Сам Михаил Головатов, которому предстояло руководить группой в Литве, горестно развел руками: «Не знаю, что и сказать, мужики. Все-таки нас туда посылают».

До конца не верили, что это случится. Но вот случилось.

Из секретного отчета группы «А»:

«После принятия инстанциями решения о проведении операции в ночь с 12 на 13 января был произведен боевой расчет сил и средств сотрудников группы «А», им в оперативное подчинение передавались силы 234-го полка 76-й Псковской воздушно-десантной дивизии МО СССР и сотрудники ОМОНа МВД Литвы.

В 23 часа 00 минут подполковником Головатовым М. В. проведен инструктаж сотрудников группы «А» по расстановке сил и средств, взаимодействию с военнослужащими СА и МВД Литвы, по организации и поддержке связи. Было обращено внимание на неприменение стрелкового оружия, недопущение жертв среди населения и определен порядок использования спецсредств».

… По замыслу руководства, танки должны были расчистить путь для движения колонн, подразделения МВД и ВДВ - оттеснить от объектов людей и обеспечить коридор для спецназа. Ничего подобного не случилось. Танки и десантники опоздали на 40 минут.

Теперь представьте себе состояние человека, будь он трижды супермен, оказавшегося перед лицом многотысячной разъяренной толпы. Примерно то же чувствовали 25 бойцов группы, когда покинули машины у телецентра.

Евгений ЧУДЕСНОВ:

- Едем ночью, кругом полно народу, а возле телецентра огромная толпа, тысяч пять-шесть. Смотрю, проскакиваем мимо. Ну, думаю, слава богу, дали «отбой». Нашелся-таки умный мужик, глянул, сколько людей, и решил не рисковать.

Оказывается, нет. Развернулись и опять к телецентру. На первой машине ехал Олег Тонков из моего отделения. Вижу, они выскакивают, имитационную гранату бросают - и вперед. До сих пор не могу представить, как мы туда проскочили.

Михаил МАКСИМОВ:

- Перед нами ехали две машины, то ли с ОМОНом, то ли с военными. «Просвистели» вперед метров на триста и замерли, стоят. Вот вам и коридор и прикрытие. Но делать нечего - бросились к телецентру, начали пробиваться. Били нас крепко, мы тоже отмахивались прикладами. Останавливаться нельзя: разорвут в клочки.

Как ни старались идти вместе, растащили по одному. Перед зданием высокий парапет, хорошо освещенный. Вот тут, когда мы оказались на свету, в нас начали стрелять. Смотрели потом: парапет весь в пулевых выбоинах. И место, откуда саюдисты стреляли, нашли - нагар остался на раме окна.

Из секретного отчета группы «А»:

«Оперативная обстановка характеризовалась следующим образом. Вокруг объектов несли круглосуточное дежурство толпы людей (в ночь на 13.01.91 г. доходившие до 5-6 тысяч человек), агрессивно настроенных и возбужденных постоянными заявлениями представителей «Саюдиса», дороги были блокированы грузовиками, автобусами и легковыми автомобилями. Здания теле- и радиоцентра, телевышки оказались подготовленными на случай попытки захвата, усилена охрана милиционерами города и сотрудниками службы безопасности «Скучиса», имеющими пистолеты и автоматическое оружие. В большом количестве были подготовлены камни, дубинки, «заточки», бутылки с бензином, приведены в готовность пожарные системы и брандспойты. Не исключено, что имели оружие и лица,

окружавшие объекты».

Из такого оружия и был убит лейтенант Виктор Шатских. Пуля вошла в спину снизу вверх, пробив бронежилет. Выстрел сделали с короткого расстояния, видимо, в тот момент, когда боец «Альфы» попал в полосу света, вскочив на парапет. Он еще пробежал коридором первого этажа метров шесть-десять и у самой лестницы сказал Чудеснову: «Евгений Николаевич, что-то у меня спину печет»…

Начальник отделения приказал его перевязать, а сам бросился на второй этаж. Чудеснов даже не мог представить, что у Шатских огнестрельная рана, думал, пикой кольнули, ножом порезали. Когда проделывали коридор, он сам видел у людей отточенные металлические пики на древках знамен.

Не успев подняться на второй этаж, услышал, что снизу зовут. Спустился. Шатских раздели, в спине страшная рана. Жизнь уже едва теплилась в могучем теле лейтенанта.

Семье Виктора предстояло пережить не только утрату родного человека, но и ложь, грязную клевету, дикие вымыслы, связанные с его смертью. От него в первые дни откажется Комитет госбезопасности, тот, в котором отец его, полковник, работал четверть века, а мать - двадцать два года. В газетах напишут: о десантнике Викторе Шитновиче, офицере внутренних войск Владимире Шацком, командире взвода Псковской дивизии ВДВ Викторе Шатских. И только через неделю КГБ признается: наш был лейтенант.

То, что станется с именем сотрудника «Альфы» Виктора Шатских уже потом, после похорон, чудовищно. Иначе не назовешь.

Вот лишь одна цитата из публикации санкт-петербургского клеветника Игоря Бунича «Кейс президента»:

«… Шеф КГБ Крючков принимает решение послать в Вильнюс спецкоманду «Альфа» - по сути, отряд профессиональных убийц.

11 января группа «Альфа», переодетая в форму внутренних войск, прибыла на военный аэродром под Вильнюсом. Карпухин объявил задачу: необходимо захватить телецентр, а затем здание парламента. Генерал-полковник Кузьмин согласился только «содействовать», а затем взять «объекты» под охрану…

«Ладно, содействуйте. Обойдемся без вас», - решает Карпухин и предупреждает своих людей, что здания телецентра и парламента оцеплены вооруженными боевиками «Саюдиса». Предполагается «бакинский вариант». Карпухин не видит на лицах вымуштрованных исполнителей особого восторга. Мало того, происходит неслыханное - лейтенант Шатских решительно отказывается принимать участие в акции, связанной с убийством

людей. Такого еще не бывало за всю историю существования группы «Альфа», хотя инструкции предусматривали эту возможность: единственным выходом из подобной ситуации был расстрел ослушника на месте. Выполнив инструкцию, Карпухин в душе остался даже доволен труп лейтенанта Шатских решено было подкинуть к зданию телецентра в качестве доказательства существования вооруженных боевиков».

Эти строки я перечитывал десятки раз, отнес газету в «Альфу», показал многим из той группы, что выезжала в Вильнюс. Смелые, мужественные люди, не раз шедшие под пули террористов, прикрывавшие собой заложников, мастера спорта, борцы и боксеры, побеждавшие на ковре и в жизни, были бессильны перед ложью. Они растерянно листали газету со статьей Бунича и не верили своим глазам.

Что касается отряда «профессиональных убийц», то прочитавшие эту книгу, думаю, по достоинству оценят заявление лжеписателя.

Если же говорить о Карпухине, темперамент которого ярко живописует автор, то Виктор Федорович вообще не был в Вильнюсе. Это подтверждено документами КГБ, приказами начальника группы «А», которые он подписывал в Москве с 7 по 14 января, пока 67 сотрудников находились в Прибалтике, да и оставшиеся в центре бойцы видели всю неделю своего командира на службе. Свидетелей - десятки.

Но ни свидетели, ни истинные свидетельства Буничу не были нужны, как, впрочем, и сама истина. Но если уж создавать портрет «убийц-профи», то кто ими должен командовать? Знамо дело, страшный, кровожадный убийца, который «расстрелял на месте» одного из самых близких ему людей - сына своего друга. Давнего друга, еще с лейтенантских времен, с тех пор, когда они вместе, молодыми офицерами, служили в пограничном училище. Потом Карпухин ушел в «Альфу», а Виктор Алексеевич Шатских остался в училище, был курсовым офицером, окончил академию, перешел на кафедру общевойсковых дисциплин, преподавал тактику.

Служили они в разных местах, но по-прежнему крепко дружили. Карпухины часто бывали гостями Шатских. Тут-то впервые, сидя на коленях у «дяди Вити», и услышал Виктор это загадочное слово «Альфа». И про самолеты услышал, которые они освобождали, и про друзей «дяди Вити», снайперов, каратистов, вообще настоящих мужчин.

Теперь уже нетрудно догадаться о юношеской мечте Виктора: «Альфа» стала звездой его судьбы, все в жизни было подчинено одному попасть в группу. А, попав, Виктор стремился стать

настоящим бойцом.

Выезжая на операции, «старички» всегда придерживали горячую молодежь. Так и Шатских: раз оставили «на хозяйстве», другой. На третий он сам пришел к Карпухину: «Виктор Федорович! Хочу работать! Если папа и мама дали ценное указание - меня беречь, то так не пойдет».

Пришлось включить в боевой расчет.

Е. ЧУДЕСНОВ, командир отделения, говорит о В. Шатских:

- Он немного прослужил в моем подразделении, но мы с ним побывали уже в Ереване. Там частые боевые тревоги, засады. Виктор вместе с нами ходил на захват матерого главаря крупной банды и не дрогнул. Приказы, команды всегда выполнял четко.

Конечно, на первые задания молодежь шла с «круглыми глазами», многие волновались. Так ведь мы на пулю шли, все объяснимо.

Он рвался в дело. Как-то сказал мне: «Мы, конечно, многого не умеем, но так и не научимся, если постоянно тормозить нас будете».

В Вильнюсе жили на призывном пункте. Помню, днем, накануне штурма, в баскетбол играли. Оказывается, Виктор здорово играл. Его все пытались отодвинуть, но наше третье отделение выиграло. А вечером поступила команда: срочно прибыть в Северный городок. Приехали, подогнали бронежилеты, каски, рации проверили. Провели боевой расчет: кто куда идет, какую дверь открывает. Задача была: войти, отключить аппаратуру и сдать под охрану десантникам… Пошли. Все до единого. И не было там никаких истерик и отказов выполнять приказ. Бунич пишет: «Лейтенант Шатских решительно отказывается принимать участие в акции, связанной с убийством людей». Надо быть идиотом, чтобы сегодня отдать приказ: «Иди и убивай». Не было такого приказа и не могло быть. Если бы кому-то хотелось побольше убить «непокорных» литовцев, то не надо было привлекать спецподразделение, хватило бы нескольких автоматчиков. Нетрудно представить, что значат тридцать-сорок человек с пулеметами или автоматами перед тысячами людей, стоящих плечом к плечу. Игорь Бунич пишет: «Ночью 13 января группа «Альфа», убив 13 человек… захватила телецентр в Вильнюсе».

Что же это за бойцы спецподразделения, которые, стреляя в толпу из автоматов, «убили 13 человек»! Еще раз подчеркнем: стреляли из автоматов, в упор, по толпе!…

Нет, «Альфа» по толпе не стреляла. Помните, мы говорили: бойцы даже в преступников стреляют в крайнем случае. Потому, что думают прежде всего о последствиях каждого выстрела.

Из секретного отчета группы «Альфа»:

«Лишь восемь сотрудников из группы подполковника Е. Н. Чудеснова проникли на 2-й этаж телецентра, прервали передачу из центральной аппаратной.

В помещении телевышки сотрудники столкнулись с организованным сопротивлением со стороны охраны «Скучиса». Охрана пустила в ход брандспойты с холодной водой, раздавались хлопки выстрелов. Двери и лестницы оказались забаррикадированными мебелью и различными устройствами.

Против сотрудников были использованы дубинки, «заточки», тяжелые бытовые предметы. Все, кто был в здании телецентра, надели противогазы. На первом этаже обнаружены бутылки с бензином. Все лифты оказались отключенными.

Отступив на второй этаж, охрана включила противопожарную систему, и в помещение под давлением стал подаваться газ фреон.

Общее руководство операцией осуществлял подполковник Головатов М. В.».

М. МАКСИМОВ:

- Внутрь «влетели» мгновенно, милицию обезоружили. Они стоят, глазами хлопают. Командую: «Сдать оружие!» Вижу, милиционеры в шоке. Пришлось объяснить: «Ребята, я понимаю, что значит сдать оружие, сам человек военный. Но у меня есть приказ. А теперь будьте благоразумны, выйдите к толпе и попытайтесь ее сдержать».

Они действительно вышли и сдерживали народ. И все-таки разъяренные люди ворвались на первый этаж. Самое страшное - агрессивная молодежь. Все пьяные, а перед ними пять человек.

Я был сверху, слышу - зовут, нужна помощь. Спустился, а у меня две имитационные гранаты и больше ничего. Вытаскиваю одну из них, предупреждаю: «Если вы не выйдете, бросаю!» Провокаторы за спиной кричат: «Не бойтесь, он не бросит, он врет. У них холостые патроны, это взрывпакет!» И ведь знали и про холостые патроны, и про взрывпакет, только почему-то потом газетчики говорили совсем другое. Мол, боевыми мы в них стреляли.

В общем, бросил я эту имитационную гранату. От нее сильная вспышка и дым, немножко пугает. Пока толпа замешкалась, мы выдавили ее из здания. На выходе меня сфотографировали, потом мой портрет висел у Дома правительства: приговорен к смерти.

М. КАРТОФЕЛЬНИКОВ:

- Когда мы вошли в здание телебашни, ее защитники перед внутренней лестницей выстроили баррикаду. Ручки кресел

сцепили так, что растащить невозможно. Телефон, свет отключили.

Первые две группы побежали наверх, а я задержался внизу. Вдруг два оглушительных взрыва - видимо, бомбы-самоделки. Саша Евдокимов оглох, меня взрывной волной ударило о стену.

Под утро, когда мы покидали центр, в нашу сторону велся сильный автоматный огонь. Решили в «броне» ехать, вызвали бронетранспортеры. И правильно сделали. Проезжая под мостом в Северный городок, подверглись нападению: на один из бронетранспортеров обрушили бетонную глыбу,

На провокации мы не отвечали.

Из секретного отчета группы «А»:

«После выполнения задания обе группы в 03 час. 30 мин. возвратились в расположение войсковой части 22238.

На обратном пути колонну обстреляли из автоматического оружия, один из БТРов пытались поджечь».

Игорь Бунич утверждает иное: «Передав охрану телецентра десантникам, боевики бросились к парламенту, где их ждал сюрприз, весьма неприятный. Здание парламента по призыву президента Литвы Ландсбергиса окружили десятки тысяч людей. Становилось ясно, что без армии здесь не справиться…

Карпухин (вот уж поистине раздвоение личности! - Авт.) бросился к коменданту города просить батальон десантников. Но доведенный уже до истерики генерал-полковник Кузьмин заорал на коменданта, требуя немедленно убрать боевую технику с улиц города. Операция провалилась».

Да нет, не провалилась. Если брать именно военную сторону, то операция прошла успешно. Задачу, которая ставилась перед «Альфой», группа выполнила. Крохотной горсткой людей она пробилась через многотысячную толпу и отключила аппаратуру.

Однако возникает вопрос: ради чего парни рисковали собой? Ради каких высоких целей погиб лейтенант Виктор Шатских? Кто, в конце концов, отдал приказ устроить грандиозную провокацию и бросить «Альфу» в вильнюсское пекло?

На эти вопросы доселе ответов нет. Ни один из высоких руководителей не взял на себя ответственность. Как говорил сатирик Михаил Жванецкий:

«Совсем не выговариваются слова: я вами руководил, я отвечаю за все».

… Пройдет несколько дней, и альфовцы похоронят своего боевого товарища. Им будет о чем подумать у его могилы.

До августа 1991-го оставалось полгода, и кто знает, не лейтенант ли Шатских своей трагической смертью спас жизнь президента России Бориса Ельцина?

КАК «АЛЬФА» НЕ ВЗЯЛА ЕЛЬЦИНА

Москва. Август 1991 года.

Герой Советского Союза, командир группы «А» генерал-майор Виктор Карпухин ехал по Москве - от Парка культуры по Садовому кольцу гнал в центр, на Дзержинку, к зданию Комитета госбезопасности. Машин было немного: суббота, лето, время отпусков. Пытался угадать, зачем он понадобился начальнику управления. В группе все в порядке, если эти бесконечные командировки в «горячие точки» можно назвать порядком. Стоп! А вот и ответ на вызов генерал-лейтенанта Расщепова. Во вчерашней сводке - информация о захвате заложников в Закавказье. Значит, опять Закавказье. Он попытался вспомнить подробности захвата, но подробностей в сводке вроде бы не было. Так, просто одна строчка в оперативке.

«Боже мой, раньше сообщения о захвате заложников ставили на уши КГБ, МВД, а теперь всего лишь строка в сводке. Короткая строчечка в несколько слов». Он с горечью подумал, что так и не выбрал времени съездить к отцу. Батя жил на даче, звал к себе хоть на денек-другой. А сын… «Непутевый сын», - вздохнул про себя Виктор Федорович и решил: завтра, хоть камнепад с неба, он едет к старику.

Ведь ждет его отец! Будет слушать, склонив седую голову. Виктор Федорович недавно вернулся из Карабаха: ах, что видел-перевидел, стоит ли травмировать отцовское сердце? Но ведь ничего не поделаешь - придется рассказывать, разволнуется батя. Да какое уж тут спокойствие, когда в мирное время гибнут люди.

Виктор понимал, как горько будет слышать все это отцу. Так же горько рассказывать сыну.

«За что же мы воевали, за что? - в который раз будет спрашивать отец. - Чтоб все вот так пошло прахом?»

Тяжко ему, фронтовику, полковнику в отставке Федору Карпухину, который встретил войну в первый ее страшный день у города Стрый на Львовщине, глядеть на то, что творится в стране. Отец никогда ни в чем не упрекал Виктора. Да и в чем упрекать: сын-то, отцовская гордость, генерал, командует орлами, которые и в огонь, и в воду… И сам Виктор в огне бывал, под пулями, смерти в лицо заглядывал. И все же, все же, все же…

На них, сорокалетних, разве нет вины за то, что творится сегодня в стране? Думал над этим Карпухин-младший, думал…

Но в чем, собственно, его, Виктора Карпухина, генерала КГБ, начальника антитеррористического подразделения «Альфа», вина?

Вырос в гарнизонах - на чемоданах, на коробках, на скрипучей солдатской кровати с инвентарными хозномерами. Иного не знал, не ведал. Рано научился стрелять, водить мотоцикл. Хлебал щи да кашу из солдатского котелка.

Помнит: все в семье было подчинено интересам отцовской службы. И годы вынужденной безработицы для матери, и двенадцать школ, которые сменил он за десять лет учебы.

Перед ним никогда не стояло проблемы, делать жизнь с кого. Конечно, с отца. И Виктор окончил Ташкентское танковое училище с золотой медалью. Волей судьбы единственный из выпуска попал в КГБ. Приехал в Москву, получил распределение в пограничное училище. Служил командиром взвода, роты. Получил основательную практическую подготовку.

В те годы пограничные войска усиленно комплектовались техникой, боевыми машинами, приходилось мотаться по военным заводам, получать танки, бронетранспортеры, осваивать их, обучать курсантов.

Несмотря на занятость, Виктор Федорович окончил пединститут. Как иначе: подчиненных в роте 300 человек. Хочешь не хочешь, надо быть педагогом.

С группой «А», с первым командиром этой группы, Героем Советского Союза Виктором Бубениным, их свела жизнь на танкодроме пограничного училища. «Альфовцы» учились водить боевую технику. Карпухин помогал им, консультировал, учил. И признаться, не подозревал, что майор Бубенин давно приглядывается к нему.

«Альфе» нужны были люди, знающие технику. Так он стал бойцом группы антитеррора. Карпухину казалось, что после рутинной казарменной жизни - бесконечных подъемов и отбоев, учений, занятий, вождений его ждет полная романтики жизнь. Но, увы, опять занятия, срочные вызовы, непрогнозируемые ситуации. И работа над собой - тяжелая, изнуряющая.

Крестил его огнем Афганистан. Как остался жив? Виктор сам потом не раз задумывался над этим. Все смешалось воедино: удача, военная смекалка, отменная подготовка и даже чудо, когда аминовский гвардеец располосовал ему грудь автоматной очередью, но кончились у него патроны. Война. Жестокая, страшная, бессмысленная…

Вернулся он с той войны Героем. Дослужился до больших чинов, стал начальником группы, обогнал отца, вышел в генералы. Хотя старик любит подтрунивать над ним: мол, что у тебя за огневая мощь - автоматы, пистолеты, имитационные гранаты, то ли дело мой артиллерийский полк!

Виктору оставалось только согласиться: полк, да еще

артиллерийский, и вправду сила.

… Он оставил машину в переулке и вошел в серое здание. Поднялся на нужный этаж, прошел мимо приемной председателя КГБ. Сюда в восьмидесятом году, после Афганистана, его, майора Карпухина, пригласил Андропов. Юрий Владимирович обладал удивительной способностью располагать к себе человека - не прошло и пяти минут, как Виктор Федорович напрочь забыл, что перед ним всемогущий министр госбезопасности, один из первых людей государства.

Андропов хотел знать истину. Генеральских докладов об Афганистане он наслушался вдоволь. Пригласил на беседу очевидца, кто шел в числе первых в атаку.

Странно, но ему до сих пор кажется, что никто потом, кому он рассказывал об Афганистане, о штурме дворца Амина, не слушал его более заинтересованно и внимательно, чем Андропов.

Карпухин еще не знал, что спустя некоторое время он вновь окажется в приемной председателя комитета. Только теперь его, боевого генерала, Героя Советского Союза, не только не соизволят выслушать, но даже, что называется, не пустят на порог.

Но пока он ничего этого не знал, он шел к своему начальнику, прикидывая, кому из бойцов группы предстоит командировка в Закавказье.

Однако Расщепов повел разговор совсем о другом. Он поинтересовался боеготовностью группы, количественным составом, нашел на карте Московской области аэродром Чкаловский. Спросил, знает ли Карпухин расположение зданий и помещений аэродрома.

Признаться, Виктор Федорович таким вопросам не удивился. Президент России возвращался из поездки, и сотрудников группы вполне могли привлечь к охране Ельцина.

Расщепов подтвердил догадку: оказывается, намечалась встреча руководителей Союза с Президентом России. Следовало усилить охрану.

Усилить так усилить, Карпухин по приказу начальника управления отправился в Министерство обороны, правда, предупредив Расщепова, что сегодня собирается за город. Расщепов не возражал, просил только постоянно быть на связи. Это еще раз утвердило Карпухина, что ничего серьезного не намечается. Иначе его никак не отпустили бы из Москвы.

В Министерстве обороны поставили задачу подготовить группу в тридцать человек «для охраны предстоящего мероприятия». Уточнили: адрес встречи может измениться, не исключается, что переговоры пройдут либо во Внукове, либо в Архангельском. Какая это будет встреча, кто участвует в ней,

имена, фамилии не назывались. Карпухин не спрашивал: за время работы в КГБ привык знать ровно столько, сколько положено.

Во второй половине дня он уехал за город, к отцу. Они встретились, поговорили. В воскресенье генерал возвратился, проверил готовность группы, выделенной для охраны. Встревожило то, что все руководство КГБ находилось на своих рабочих местах.

В 2 часа ночи Карпухина и начальника управления Расщепова вызвал к себе первый заместитель председателя комитета Грушко. Вновь была подтверждена поставленная задача.

Возникает вполне логичный вопрос: какого черта двоих генералов КГБ - командира суперсекретного антитеррористического подразделения и начальника 7-го управления свои же руководители двое суток водили за нос? Но только ли их? Маршал Шапошников, которого вряд ли можно заподозрить в симпатиях к гэкачепистам, вот как рассказывает о роковом заседании коллегии Министерства обороны утром 19 августа, где и было принято решение о введении войск в Москву: «Сидим и не понимаем: что делать, как быть? Да он (маршал Язов) и не дал, в общем, времени рассуждать. Язов говорил коротко, буквально 10-15 минут… Вышел, объявил, что Горбачев болен, завтра подписание Союзного договора, но в этой ситуации подписывать его нельзя. А чтобы успокоить людей, вводится чрезвычайное положение… Войска - в повышенную боевую готовность. Действуйте! Задавать вопросы он не позволил, да никто, в общем, и не стремился, будем говорить прямо…

Вышли к машинам и разъехались. Больше ни слова. Боимся друг друга, ну что тут делать…»

Вот так, а ведь на коллегию собрались самые высокопоставленные чиновники страны: заместители министра обороны, главнокомандующие всеми видами Вооруженных Сил. А Язов и говорил-то с ними всего несколько минут. И - вопросов не задавать!

Примерно то же самое происходило и в высшем эшелоне КГБ. Напрасно кто-то думает, что с Карпухиным долго возились, уговаривали, агитировали. Приходилось встречаться с Виктором Федоровичем зимой 1991-го, через несколько месяцев после путча. Он говорил примерно то же, что и Шапошников:

«Сидим и не понимаем…»

Но ночью с 18 на 19 августа действовали по заранее намеченному плану, который, кстати, не вызывал ни у кого особых подозрений. В 4 часа утра от Крючкова поступила команда: выдвинуться в район дачного комплекса Архангельское, при необходимости усилить посты охраны. Карпухин отобрал 60

человек и выехал в Архангельское. Остановились километрах в трех от поселка, ждали указаний.

С этих пор начинаются легенды и выдумки о подразделении «А», которые сегодня можно собрать в удивительную в своем роде книгу под названием «Сплетни о группе «Альфа».

Первая из этих сплетен была поистине сенсационной, она перетекала из газеты в газету, ее подтверждали весьма уважаемые люди, якобы сами бывшие очевидцами этого исторического события. Оказывается, спецназовцы опоздали арестовать Ельцина и его соратников на даче. Назывались даже драматические минуты, когда Борису Николаевичу удалось улизнуть из лап КГБ.

Вот свидетельство Анатолия Собчака: «Едем быстро, слава богу, десантников уже нет. То ли поехали нас брать, то ли эта другая группа захвата опоздала на усовскую дачу (как потом узнали мы, на 10 минут)». Попытаемся выяснить истину. Сигнал «Сбор!» прозвучал на базе «Альфы» в 4 утра. Группа «А» - подразделение сверхмобильное, хорошо оснащенное, имеющее в своем составе высокопрофессиональных водителей. Они в городе, при загруженности дорог, способны передвигаться быстро и уверенно, а тут раннее утро, трассы практически пусты, до дачи Ельцина рукой подать - всего 30 километров. Еще не было и пяти часов, когда подразделение заняло свой пост.

Видели они, как съезжались на дачу Хасбулатов, Силаев, Руцкой, Полторанин, Собчак, Лужков и другие. Могли бы задержать по одному? Вне всякого сомнения. Не задержали.

«В половине десятого, - говорил в одном из последующих интервью генерал Карпухин, - я выпустил из поселка кавалькаду российских правительственных машин: два «ЗИЛа» и две «Волги» охраны».

Значит, у командира «Альфы» на выполнение задачи было как минимум 4 - 4, 5 часа. И он все-таки умудрился опоздать на 10 минут? Сначала выпустил, а потом поехал арестовывать? Странно, не правда ли?

Интересна еще одна деталь. Уже упомянутый Анатолий Собчак говорит, что когда он в то утро вошел на дачу к Ельцину, то обмер: «В комнате все российское руководство. Хватит одного взвода спецназа на всю государственность».

Собчак понял, а профессионал Карпухин с шестью десятками своих ребят так и не догадался прихлопнуть «российскую государственность». Можно ли в это верить?

Словом, «Альфа» покинула Архангельское следом за двумя «ЗИЛами» и «Волгами», оставив в подкрепление ельцинской охране 15 человек.

Что было дальше? Даже если представить невероятное, будто,

простояв у ворот дачи не один час, Карпухин прозевал выезд «российской государственности», то «Альфа» могла бы арестовать их, как говорил популярный киногерой, без шума и пыли, на дороге к шоссе, под мостом, где сделать это особенно удобно, да и прямо на автостраде к Москве…

Бойцы группы натренированы так, что никто ничего бы и не заметил, невольные свидетели просто подумали бы, что какая-то машина сломалась, а пассажиров пересадили в другую.

Но правда такова: правительственные «ЗИЛы» по дороге не ломались, и, как известно, президент благополучно добрался до Белого дома.

У Александра Коржакова, начальника Службы безопасности президента, своя версия на этот счет. В книге «Борис Ельцин: от рассвета до заката», выпущенной после отставки автора, Коржаков так описывает утро 19 августа 1991 года:

«У меня же главная забота была одна - обеспечить безопасность Президента России. Я понимал: только переступив порог толстых стен Белого дома, можно было обеспечить хоть какие-то меры предосторожности. А на даче в Архангельском об обороне даже думать смешно.

… Я немного успокоился, когда в Архангельское прибыла персональная «Чайка» Президента России. После короткого совещания решили ехать открыто - с российским флагом.

… Заранее договорились, что поедем на большой скорости. Самый опасный участок пути - от ворот Архангельского до выезда на шоссе. Это километра три. Кругом густой, высокий лес. За деревьями, как потом выяснилось, прятались сотрудники «Альфы». Они должны были выполнить приказ руководства ГКЧП - арестовать Ельцина. На случай сопротивления с нашей стороны президент просто бы погиб в перестрелке. Вроде бы случайно. Но «Альфа» ничего не сделала - бойцы молча наблюдали за пронесшимся кортежем. «Альфисты» потом рассказывали, что только Карпухин - начальник спецгруппы по рации кричал, требовал остановить машины.

…19 августа «Альфа» сама не подчинилась командиру. Он по рации кричал: «Почему не арестовали Ельцина?!» - и слышал в ответ банальные отговорки.

После нашего отъезда, около одиннадцати часов, к воротам Архангельского подъехал автобус, в котором сидели люди в камуфляжной форме. Мои ребята стали выяснять, кто такие. Старший представился подполковником ВДВ. Действительно, во время утреннего разговора с Грачевым Борис Николаевич попросил его прислать помощь, хотя бы для охраны дачного поселка. Павел Сергеевич пообещал направить роту из своего

личного резерва. Поскольку разговор прослушивали, то под видом «охраны от Грачева» подослали этот автобус. Мой сотрудник Саша Кулеш, дежуривший у ворот, узнал подполковника: тот иногда преподавал на курсах КГБ и служил в «Альфе». А представился обычным десантником, показал новенькое удостоверение офицера, выписанное, наверное, всего лишь час назад.

Саша схитрил.

- Подождите, - говорит, - надо все выяснить.

И позвонил мне в Белый дом. А я с утра, как вызвал своих ребят на машинах, заказал на всякий случай в столовой Архангельского обед человек на пятьдесят. Вспомнив об этом, предложил:

- Мы сегодня уже не вернемся, а обед заказан. Сделай так: отведи этих «десантников» в столовую, накорми досыта, чтобы они съели по две-три порции. Мужики ведь здоровые. Сытый человек - добрый, он воевать не будет.

В столовой их действительно закормили. Ребята ели с аппетитом оказывается, с ночи голодные. После обеда они просидели в автобусе несколько часов с печальными сонными физиономиями, а потом уехали. Мои же сделали вид, будто поверили в их легенду. Приходилось играть друг перед другом.

Пока «альфисты» набивали желудки, мы думали: как эвакуировать семью президента?»

Оставлю этот отрывок из воспоминаний генерала Коржакова без собственных комментариев. Предоставлю слово непосредственному участнику тех событий, сотруднику группы «А», ныне полковнику запаса Сергею Гончарову.

В одном из своих интервью после выхода в свет книги Коржакова он скажет: «18 августа наше подразделение выезжало на проведение операции по задержанию Бориса Николаевича Ельцина. Если верить Коржакову, то он, опасаясь штурма дачи, как всегда, всех «перехитрил» налил нам, бедным, щей, горячего супчика… и вывез президента в Москву. Ну что за ерунда! Мы продежурили вокруг Архангельского всю ночь, все время переговаривались с охраной. Мы же все друг друга знали. Никакого штурма не потребовалось бы. И Карпухин не кричал: «Почему не арестовали Ельцина?», так как не было приказа от ГКЧП. Просто никто не решился дать «добро» на задержание Бориса Николаевича, вот и все дела… Потом по приказу вернулись на базу, где находились на боевом дежурстве почти пять суток. Поймите, мы - офицеры. Был бы приказ арестовали бы и президента, но при этом с головы Ельцина волос бы не упал».

… А в Москву уже вошли танки. Город, по существу,

находился на военном положении. На Краснопресненской набережной собирались люди, начинали строить баррикады. По радио и телевидению звучали заявления ГКЧП: «Горбачев болен, временно исполнение его обязанностей возложено на вице-президента Янаева».

Ельцин издал свои указы, обратился к гражданам России, назвал действия ГКЧП переворотом.

Что ж, для России заговоры и перевороты не внове. За тысячелетнюю историю их было достаточно.

Дождалось своего «заговора» и нынешнее поколение. Путч продлился три дня и открыл, как писали газеты, новую эпоху. Пожалуй, это действительно так - редкий заговор в истории Отечества имел столь громкие последствия. Рухнул Союз, запретили коммунистическую партию, сократили и реорганизовали армию и КГБ…

Именно армия и КГБ - главные действующие лица переворота. Его станут называть по-разному - и государственным, и кремлевским, и опереточным. И все-таки окончательно он утвердился как военный.

Отчего, например, не вице-президентский? Ведь во главе стоял законный вице-президент. Или не министерский? В ГКЧП входили сплошь министры во главе со своим премьером.

Причин тут много. Все, кто оказался 19-21 августа в Москве, видели танки, боевые машины пехоты, солдат с автоматами на улицах столицы.

Три человека попали под гусеницы армейских боевых машин. По существу, то было единственное за три дня и три ночи столкновение армии и защитников Белого дома. Столкновение нелепое и оттого еще более трагическое. Но оно состоялось.

Однако армия армией, а была и другая сила, которой постоянно пугали защитников Белого дома, - спецподразделение «Альфа». Это имя за три дня произносили много раз - громко по радиотрансляционной сети и шепотом между собой, на баррикадах.

«Альфу» ждали. «Альфу» боялись. «Вымпел» тогда еще не знали. В этих чувствах напряженного ожидания и страха было все - слухи о крючковских «головорезах», неизвестность, досужие сплетни и вымыслы.

Но в «Альфе» понедельник, 19 августа, и последующая ночь прошли спокойно.

Утром следующего дня командира группы вызвал к себе Расщепов, и они вместе прибыли к зампреду КГБ генералу Агееву. На совещании присутствовали начальники всех управлений комитета. Здесь впервые прозвучал приказ: вместе с частями

Советской Армии и МВД осуществить штурм здания российского парламента, интернировать российское правительство, президента в специально оборудованные точки под Москвой.

Командиру «Альфы» дополнительно придавались другие спецподразделения КГБ и МВД, московский ОМОН, дивизия ОМЗДОНа. Приказы, как и прежде, отдавались устно. Карпухину вспомнился Вильнюс. Тогда «Альфа» тоже оказалась крайней.

Генерал Агеев, закрывая совещание, предупредил: следующий сбор в 14 часов в Минобороны.

О том совещании в интервью «Известиям» командующий ВДВ, а потом министр обороны России генерал армии П. С. Грачев вспоминает так:

- 20 августа между четырнадцатью и пятнадцатью часами в кабинете заместителя МО СССР по экстремальным ситуациям генерала Ачалова состоялось совещание. Там были генералы Варенников, Калинин, Карпухин, много гражданских, которых я не знал. Обстановка была напряженной… Говорили: правительство России выступило против ГКЧП, переговоры с ними ни к чему не привели… Надо сделать так, чтобы признание состоялось. Была поставлена задача: оцепить здание парламента. Мне было сказано: десантников разместить в районе американского посольства, МВД размещалось на Кутузовском проспекте, а спецподразделение «Альфа» - на набережной. План был такой: МВД оттесняет людей от здания парламента, а в проход входит «Альфа» и штурмует здание.

Далее приводится весьма любопытный вопрос корреспондента:

- Как вел себя во время совещания генерал Карпухин?

- Активности с его стороны не было, - ответил Грачев. - На мой взгляд, он был даже пассивен и подавлен. Ночью перед штурмом парламента позвонил мне. До штурма оставалось два часа. И говорит: «Звоню своему начальству, но никто не отвечает». - «Где находишься?» - спросил я его. «В двух километрах от здания парламента России. Оценил обстановку и принял решение… - Карпухин помолчал, я тоже его не торопил. Потом он сказал: - Участвовать в штурме не буду». - «Спасибо, сказал я, - моих тоже нет уже на территории Москвы. И я больше шагу не сделаю…»

Итак, за два часа до времени «Ч» 21 августа командир «Альфы» принял решение: в штурме не участвовать. Между совещанием у Ачалова и звонком Грачеву прошло почти двенадцать часов. Возможно, самых драматичных часов в жизни «Альфы».

Человеку, далекому от армии или спецслужб, трудно

представить, что такое приказ. В ту пору в уставах не существовало понятия «преступный приказ», но существовали сами приказы. Отказ же от выполнения даже такого приказа - воинское преступление.

… Маршал Шапошников 20 августа, ближе к ночи, позвонил генерал-полковнику Грачеву:

- Ну, что думаешь делать?

- У меня, - отвечает Грачев, - такое впечатление, что они на мне решили отыграться. Хотят, сволочи, чтобы я давал команды.

- А ты что? - спрашивает Шапошников.

- А я их пошлю… Команду не дам.

Далее Евгений Иванович приводит такой диалог:

- Ну хорошо, а сам что будешь делать?

- Подам в отставку.

- Не примут, в период ЧП это сложное дело.

- Ну, - говорит Грачев, - застрелюсь к чертовой матери.

С чего бы это генерал-полковнику, Герою Советского Союза в сорок три года пускать себе пулю в лоб? Павел Сергеевич Грачев не из робкого десятка: десантник, мастер спорта, совершил не одну сотню прыжков с парашютом, дважды был в Афганистане - командовал полком, потом дивизией, и вдруг в мирное время такое заявление.

В том-то и дело, что невыполнение приказа для военного человека всегда очень тонкая грань между жизнью и смертью.

Да, защитники Белого дома, люди сугубо гражданские, собравшиеся отстоять любой ценой своего президента и правительство, проявили большое мужество. Но у каждого из них был выбор - остаться или уйти. У людей с погонами в августе 1991 года такого выбора не было. Выполни приказ, пойди на штурм - преступник, откажись выполнить - тоже преступник. Представим на минутку: гэкачеписты продержались не три дня, а три недели. Трудно сказать, в каком положении оказались бы Шапошников и Грачев, а также десятки других офицеров армии и КГБ, не поддержавших путч. Возможно, им остался бы единственный выбор: или погибнуть от руки палача, или застрелиться.

Говорю об этом не для того, чтобы просто возвратиться к страшным минутам тех дней, но дабы понял читатель состояние души командира «Альфы» генерала Карпухина.

Сразу после августовских событий много писали о том, что «головорезы Крючкова», без сомнения, готовы были пойти на штурм и потопить в крови зарождающуюся российскую демократию. И только непонятное чудо спасло Белый дом.

Теперь же стали появляться публикации противоположного

толка: мол, «Альфа», когда ей был дан приказ о штурме, напрочь отказалась идти. Называются фамилии тех, кто поднял «бунт на корабле», приводятся слова, на едином выдохе произнесенные сотрудниками подразделения: «Мы туда не пойдем!» - и якобы ответ «бунтарей» офицеров Михаила Головатова и Сергея Гончарова: «А мы вас туда и не поведем!»

Совсем как в художественном фильме «Человек из команды «Альфа», когда несколько десятков одетых в камуфляжку парней смеются над приказом, а потом «сплачиваются» вокруг авторитетного подполковника и дают отпор консерватору-генералу. Дивизия, окружившая их, берет под козырек, отдавая высокие почести героям.

Кабы так просто! Все было значительно сложнее и, я бы сказал, трагичнее.

Действительно, никогда прежде ни один из сотрудников спецподразделения не мог даже в кошмарном сне представить, будто он не выполнил приказ.

Появились такие люди не сразу, не ранним утром 19-го, а потом, в те трагические часы с 15.00 20-го примерно до часу ночи 21-го.

Что же произошло за это время в подразделении?

Если бы кто-то следил за базой «Альфы» в тот период, он, конечно, ничего бы не заметил. Из ворот не выходила военная техника, никуда не спешили вооруженные, закованные в современные латы бронежилетов бойцы. Разве что радиоэлектронная аппаратура группы «пахала» с полной нагрузкой.

Шла напряженная работа - подразделение собирало подробную информацию обо всем, что творится в Москве, оценивало ситуацию.

Ситуация же была крайне запутанной.

Сотрудники слушали заявления и документы ГКЧП и указы Президента России, видели трясущиеся руки Янаева на пресс-конференции, видели и Ельцина, выступающего с танка. Оперативные работники, действующие в Белом доме, докладывали о скоплении людей у стен здания парламента России, строительстве баррикад, прибытии сюда грузовика с оружием.

Возникали вопросы, на которые, увы, не было ответов. Карпухин простоял со своими ребятами четыре часа у ворот ельцинской дачи, но приказ арестовать президента так и не поступил. Теперь же, когда Ельцин в парламенте и Белый дом стал символом демократии, их заставляют идти на штурм. Зачем? Позже напишут, что перед «Альфой» стояла главная проблема:

как войти в Белый дом? Сложность как раз в другом: как выйти оттуда? Ведь за спиной остались бы десятки трупов.

Разные были мнения. Только никто не орал единой глоткой и с воодушевлением: «Мы туда не пойдем!» Как, впрочем, не орали и обратное. «Альфа» делала выбор между жизнью и смертью не только каждого из бойцов, но всего подразделения как такового.

Возьми они Белый дом - как бы назывался этот акт? Антитеррористический? Но в парламенте России находились не террористы - законно избранный президент, депутаты. Хотя и те, кто посылал их на кровавую бойню, тоже законно назначенные министры. И председатель КГБ Крючков не был самозванцем, вполне законно сидел в своем кресле.

Кому в «Альфе» оказалось сложнее в те роковые двенадцать часов? Всем было нелегко. Но командиру особенно. Командир - всему голова. Кто знает, какие угрозы и проклятия сыпались на его голову?

Отдавал ли Карпухин приказ о штурме Белого дома? Как ни горько говорить об этом, но, увы, отдавал. Но Язов ведь тоже приказывал Грачеву. Мог ли он отстранить от командования ВДВ Грачева? Хватило бы у министра обороны сил и власти? Безусловно. Так и Карпухин. Задайся он целью арестовать за невыполнение приказа в период чрезвычайного положения Головатова и Гончарова - арестовал бы.

Долго еще можно искать правых и виноватых, рассуждать о нравственных позициях той или другой стороны, но факт остается фактом: «Альфа» на штурм не пошла. Не знаю, спасла ли она демократию или, как принято теперь считать, наоборот - партократию, нарядившуюся в новую, демократическую тогу? Не знаю. Важно иное. «Альфа» спасла просто людей, вне их званий и должностей. Ибо никто не вправе распоряжаться человеческими жизнями.

Уверен, произошло это не случайно, и в этом нет никакого чуда. Подразделение антитеррора всегда защищало людей. Защитило оно их и на сей раз. Не подняв против них оружие, несмотря ни на какие приказы. Это еще один веский аргумент в споре с теми, кто считает сотрудников группы «А» «головорезами» и «убийцами».

… После путча Карпухину позвонил начальник Первого главного управления генерал-лейтенант Шебаршин:

- Крепись, Виктор, ты снят с должности. Группой теперь командует Головатов.

Большего удара генерал Карпухин не ожидал. Двенадцать лет в группе, четыре года ее командиром. Специальные операции в Афганистане, освобождение захваченных самолетов, изолятора в

Сухуми, «горячие точки» страны - все это он, Виктор Карпухин. Звание Героя Советского Союза и генеральские лампасы, и вдруг - снят с должности. Не укладывалось в голове, не умещалось в сердце.

За что? За то, что он не арестовал Ельцина, за то, что не взял Белый дом? Нет, тут какая-то ошибка.

Карпухин поехал на Лубянку, теперь уже к новому, только что назначенному председателю КГБ Бакатину. Уж он-то поймет.

Надежды оказались напрасными. Прошел час, другой… Генерал ждал. Опять вспомнился Андропов. В первый раз Карпухин переступил порог этого кабинета не известным никому майором, рядовым бойцом группы «А». Неужто теперь боевому генералу, Герою не откроют дверь? Пусть не восстановят в должности, пусть уволят из комитета, но хоть выслушают. Не выслушали.

Сергей Гончаров рассказывает об этом так: «Сразу после кончины ГКЧП Виктора Федоровича вызвали в КГБ СССР, во главе которого уже стоял небезызвестный Бакатин. Не знаю, как его назвать… Бакатин поступил по-скотски, он даже не принял Карпухина. С офицером такого уровня никто никогда не позволял себе вести подобным образом, Карпухин - это вам не «паркетный» генерал: Героя Советского Союза получил за штурм дворца Амина, освобождал заложников в Сухуми, провел массу боевых операций. В 42 стал полковником, командиром группы. А его сорок минут продержали в приемной. Потом вышел молоденький капитан, адъютант Бакатина, и начал отчитывать его, как нашкодившего пацана. Карпухин не выдержал: «Ты с кем разговариваешь? Малек, ты что, опух от сидения в высоких кабинетах?» И ушел. Вернулся к себе и сразу написал рапорт об отставке».

Так ушел Карпухин. Но «Альфа» осталась жить. Ее взял под свое крыло Президент СССР Михаил Горбачев. Взял, чтобы тут же забыть. Не был определен правовой статус группы, неясно, чем ей предстояло заниматься. Охранять президента? У него и своей охраны достаточно.

А пресса - левая и правая - нагнетала страсти. Газеты пестрели заголовками: «Почему Крючков, сказав «А», не сказал «Б»?», «Кому светит «Альфа»?», «Альфа» как она есть», «Альфа» после путча»…

В тот период часто удавалось бывать в группе. Подразделение переживало критические дни. Уже второй месяц не платили зарплату, но ведь у каждого сотрудника семья, дети.

21 декабря 1991 года газета «Правда» в отчете с пресс-конференции о создании единого Министерства безопасности и

внутренних дел сообщила: «Группа «А» как таковая прекратила свое существование».

Но это не так. Командование группы, ветераны думали о том, как выжить, как сохранить уникальное подразделение. И пеклись не о себе.

4 июля к руководству группой вернулся ее бывший начальник Герой Советского Союза генерал-майор Геннадий Зайцев. Он командовал подразделением с 1977 по 1988 год.

«Альфу» посетил Президент России Ельцин.

А НАУТРО ОН ПРОСНУЛСЯ… ПРЕЗИДЕНТОМ

В ту ночь с 3 на 4 октября 1993 года оба спецподразделения с полным вооружением и боеприпасами прибыли в Кремль. Те, кто приглашал их в кремлевские палаты, были, как ни странно, уверены: следует сказать «фас!» - и бойцы бросятся выполнять приказ. А приказ был страшен. Следовало войти в Белый дом и «покончить с красно-коричневыми».

Нельзя сказать, что приказ этот был внове для командиров и бойцов «Альфы» и «Вымпела». За спиной остались десятки «горячих точек» - Степанакерт, Ереван, Баку, Тбилиси, Кишинев, Душанбе.

На их глазах разваливалась страна, махровый национализм набирал силу, экстремисты раздували пламя гражданской войны.

Огромные усилия, сложная оперативная работа порой сводились на нет бездумными действиями политиков.

Бойцов бросают в бой политики. Были, всегда были конкретные люди на политическом Олимпе, отдававшие приказы. Они и сейчас вещают о своей приверженности демократии. Но не по вине ли этих «демократов» бойцов «Альфы» приговаривали к смертной казни в Литве, называли «убийцами», «головорезами КГБ», плели о них небылицы, выдумывали леденящие кровь истории?

«Так не достаточно ли?» - спрашивали с экранов телевизоров в тот поздний октябрьский вечер ветераны «Альфы». Верно спрашивали. Такой вопрос хотели бы задать и действующие бойцы спецподразделений. Но на то они и действующие, то есть люди в погонах. А значит, для них приказ свят. Так их воспитывали с младых ногтей. Правда, в последние годы политики постоянно заставляли усомниться в незыблемости этого постулата. И добились-таки своего.

Командиры и бойцы «Альфы» и «Вымпела» захотели услышать приказ из уст первого лица государства - президента. Об этом они и попросили в ту ночь генералов Михаила Барсукова и Александра Коржакова.

Как дальше развивались события? В своей книге «Записки Президента» Борис Ельцин так описывает утренние драматические часы 4 октября 1993 года:

«Около пяти утра ко мне пришли начальник Главного управления охраны Михаил Барсуков и его первый заместитель, начальник охраны Президента Александр Коржаков и попросили,

чтобы я встретился с офицерами спецгрупп «Альфа» и «Вымпел». По их тону понял: что-то не в порядке. Но не стал ничего уточнять. Сразу же сказал: у меня нет времени с ними встречаться, перед ними поставлена конкретная задача, пусть выполняют. Барсуков кивнул. Они вышли. Прошло примерно полчаса, и Михаил Иванович вновь попросил разрешения зайти ко мне.

Войдя в кабинет, он сказал: «Борис Николаевич, очень вас прошу, надо с ними встретиться, давайте не со всей группой, а хотя бы с командирами подразделений, старшими офицерами. Волнуются ребята, все-таки такое задание. Их ведь второй раз посылают на Белый дом…»

Я подумал немного. Ответил: «Хорошо, встречусь». Вскоре мне доложили, что командиры подразделений, всего около 30 человек, собрались на третьем этаже, ждут меня. Я шел к ним, а чувство тревоги, беспокойства, какой-то безнадежной тоски не покидало меня. Вошел в зал, собравшиеся встали, приветствуя меня. Я посмотрел на них, почти все опустили глаза в пол.

Решил не тянуть резину, сразу спросил: «Вы готовы выполнить приказ президента?» В ответ - молчание, жуткое, необъяснимое для элитного президентского воинского формирования. Подождал минуту. Никто не проронил ни слова. Я громко произнес: «Тогда я спрошу вас по-другому: вы отказываетесь выполнить приказ президента?» В ответ опять тишина. Я обвел взглядом всех их - огромных, сильных, красивых. Не попрощавшись, пошел к дверям, сказав Барсукову и Зайцеву, командиру «Альфы», что приказ должен быть выполнен».

Думаю, в этом отрывке Борис Ельцин достаточно точно передает весь накал и драматизм ситуации. «Дальнейшая история с «Альфой» и «Вымпелом», - пишет президент, - развивалась следующим образом. Обе группы отказались принимать участие в операции. Барсукову с трудом удалось их убедить хотя бы просто подойти к Белому дому»,

Но что же было потом, когда они подошли? Да, действительно, генералу Барсукову потребовалось много сил и нервов, чтобы заставить «Альфу» и «Вымпел» выдвинуться к Белому дому. Однако все это было потом, во второй половине дня. Но президент умалчивает о главном. Вопрос власти мог решиться в ту трагическую ночь прямо в Кремле. И наутро уже не было бы никакого противостояния, борения, танков на мосту и десятков убитых и покалеченных как с той, так и с другой стороны.

Рассказывает полковник запаса Сергей Проценко, бывший начальник отдела подразделения «Вымпел»:

- Начало было таким. В 3.15 утра 4 октября руководство подразделений «Вымпела» и «Альфы» пригласили в кабинет президента.

Тут же и Барсуков с Коржаковым. Сели вдоль стены, напротив стол Ельцина. Он выступил перед нами. По всему чувствовалось, Борис Николаевич сильно взволнован, находится в нервном напряжении.

Помню, он сказал: «Надо покончить с красно-коричневыми, иначе этот бандитский разгул приобретет необратимые для страны последствия».

Может, в каком-то слове слегка и ошибся, но за всю фразу точно ручаюсь.

Мы все молчали, понимали, что от нас хотят. Ельцин спросил, есть ли вопросы. Стараясь как-то спасти ситуацию, Дмитрий Михайлович Герасимов сказал что-то о малых силах.

Ельцин, уже стоя, отрезал: «Хватит сил». На этом наше общение с президентом закончилось. Дальше общались с Коржаковым.

А теперь представим состояние командиров - того же Герасимова, Зайцева, да и тех, что рангом пониже. Приказ получен от первого лица государства. Он должен быть выполнен, как записано в уставах (читай: законах для людей военных), «точно и в срок». Иначе? Иначе в зависимости от обстановки… Если по законам военного времени расстрел. Если по законам мирного - тоже не легче: трибунал.

Часто люди штатские, например журналисты, особенно женщины-журналисты, никогда в армии не служившие и воспринимающие слово «приказ» примерно так же, как просьбу завотделом, от которой можно запросто отмахнуться, отшутиться, берутся судить людей в погонах. И судят, и осуждают, не понимая, перед каким страшным выбором стоят эти люди.

А ведь если поразмыслить объективно, непредвзято, у бойцов «Вымпела» и «Альфы» и выбора-то не было в ту поистине трагичную ночь.

Не выполнить приказ - стало быть, пойти против президента и обратить себя в преступников, борьбе с которыми они посвятили жизнь. Чудовищно!

Но выполнить приказ - это пролить море крови. Что означает это в реальности - «покончить с красно-коричневыми»? А то и означает - «покончить». Представим себе на минуту ужас того боя и состояние после него. Кто они теперь, эти «профи» антитеррора? Разве в Белом доме засели террористы?

Вот какие вопросы стояли перед каждым из них.

Поначалу они пытались найти ответы на них у

непосредственных начальников генералов Барсукова и Коржакова. Однако вскоре поняли, что они тоже не знают ответов. Знают одно: президент приказал. Что ж, приказ они слышали своими ушами. Хотя порой казалось, лучше бы оглохнуть в ту минуту.

Вспоминает Сергей ПРОЦЕНКО:

- Пришли мы в зал, здесь же, в Кремле, где в эту ночь располагались, стали думать: что делать? На памяти девяносто первый… Вильнюс, Тбилиси…

И вот тогда, в ходе этих тяжких раздумий, я понял: очень трудно найти и подготовить Александра Матросова. Ведь думали мы не о себе, нет. А как же будем стрелять в своих людей? Неужели нельзя найти другое решение?

С «Альфой» были вместе, не делились. Мы, старики, знали друг друга с 1979 года. Те, кто помоложе, - с конца 80-х. В Афганистане вместе, по «горячим точкам», считай, заодно мотались, учения совместные. Так что скрывать было нечего.

Словом, собрались, давайте искать варианты. Не идти нельзя, идти тоже нельзя. Раздавались, конечно, и резкие заявления более молодых ребят…

Стоп. Вот тут и начинается главное. Начинаются недовольства отданным приказом. И если старшие, более опытные, пытаются найти выход, молодежь рубит с плеча…

А теперь представьте себе - два мощных, высокопрофессиональных подразделения с оружием в руках, только что покинувшие кабинет президента, начинают «митинговать», вернее сказать, «обсуждают создавшееся положение». Разумеется, рядом с командирами и бойцами несколько высокопоставленных сотрудников Главного управления охраны. Они крайне напуганы. Кто знает, чем закончится это «горячее обсуждение»? Ведь противостоять этим «рэксам» спецназа в Кремле просто некому. Мальчишки - солдаты Кремлевского полка охраны не в счет.

А если? Ведь так уже было в истории.

«После смерти… великого государя (Петра I) все сенаторы и сановники империи согласились возвести на престол великого князя Петра Алексеевича, внука императора. На другой день рано, прежде, нежели прибыл князь Меншиков, они собрались в императорском дворце. Все вообще ненавидели князя, и в особенности генерал-прокурор Ягужинский. Перед залой, где собрались сенаторы, была поставлена стража. Князь Меншиков явился туда, но его не пустили, тогда он, не делая никакого шума, возвратился в свой дворец, в котором ныне помещается Кадетский корпус, позвал к себе Ивана Ивановича Бутурлина,

подполковника гвардейского Преображенского полка, и попросил его привести поскорее роту гвардейцев. Когда это было исполнено, князь Меншиков пошел с ротою прямо к императорскому дворцу, выломал дверь комнаты, где находились сенаторы и генералы, и объявил императрицею и законною русскою государыней Екатерину, коронованную императором в Москве в мае месяце предшествовавшего года. Никто не ожидал такого смелого поступка от князя Меншикова, и никто не решился воспротивиться объявлению Екатерины императрицей, которой в тот же день принесли присягу на верность гвардия, полевые полки и гарнизон, а равно сенаторы, министры, высшее дворянство, наконец, коллегии и проч., и проч.».

Это отрывок из записок генерал-фельдмаршала графа Бурхарда Кристоф Миниха, современника Петра I и свидетеля восхождения на трон Екатерины I.

Однако вернемся снова в год 1993-й.

Теперь «ротой гвардейцев» могли стать подразделения спецназа «Альфа» и «Вымпел». Однако некому было претендовать на роль Меншикова, да и командиры и бойцы спецназа не помышляли о свержении существующего президента. Хотя случись такое - нет сомнения, российский парламент узаконил бы их действия в тот же день. И сегодня в России были бы другие президент, парламент, правительство.

Испуг кремлевских чиновников был велик: откуда-то появились автоматы, кто-то тащил пулемет, но офицеры «Альфы» и «Вымпела» поступили иначе.

Рассказывает Сергей ПРОЦЕНКО:

- Все-таки каким-то образом мы смогли убедить большинство, что время есть, надо думать, искать. И главное - убеждать руководство в принятии другого, бескровного решения.

Погрузились в автобусы, выехали из Кремля, остановились в улочке рядом с Генштабом. Подъехал к нам Барсуков. Стали предлагать свои варианты.

Ну, например, стрельба раздается с двух сторон. Окружаем Белый дом, прочесываем все чердаки, крыши, помещения, и уже оттуда нет ни одного выстрела. А отсюда, со своей стороны, легче остановить огонь.

Увы, предложения отвергались. Было одно: надо идти, выдвигаться, и все. Тогда прямо в лицо Барсукову говорили: стрелять не будем.

Очень тяжелое впечатление произвели действия ОМОНа в районе зоопарка. Они жестоко били людей… Это не ожесточило нас, произвело обратный эффект.

Надо было что-то делать. Ведь, право же, странно

представить профессионалов «Альфы» и «Вымпела» в рядах зевак, окруживших плотным кольцом Белый дом. Нет, они не зевали. Все эти часы напряженно искали выход. С одной стороны, приказ президента и настойчивые усилия Барсукова выдвинуть их к Белому дому, с другой - люди, засевшие в здании Верховного Совета. Люди вооруженные, неплохо обученные, готовые к бою. Стало быть, однозначно штурм - это кровь, убитые и раненые, это война. Гражданская война. Были моменты, когда казалось выхода нет, как нет брода в огне.

И все-таки брод был найден. Сегодня, спустя многие месяцы после тех событий, мы готовы все разложить по полочкам, кто действовал так, а кто этак. Но представьте себе состояние командиров - генералов Геннадия Зайцева и Дмитрия Герасимова, людей, вполне осознающих, что такое приказ. Приказ президента.

Кто, собственно, задумывался тогда над этим? Милиция, ОМОН, танкисты на мосту? Сдается мне, были такие люди, Зайцев и Герасимов не одиноки. Но на острие событий оказались именно они.

История не имеет сослагательного наклонения. Однако представим себе на минуту - «Альфа» и «Вымпел» с боем вошли в Белый дом. Но на его этажах засели не пацаны с детскими пугачами. Право же, там были не только машинистки и водопроводчики, но и люди, умеющие стрелять и бросать гранаты.

Какая страшная трагедия ожидала Россию! Как удалось бы ей жить и выживать с этой памятью? Не знаю.

А кто сегодня знает, чего стоили те дни командирам и бойцам «Альфы» и «Вымпела»? Чего стоят они теперь? Думаю, это тема отдельного разговора.

Пока же возвратимся в те октябрьские дни. Начнем все по порядку.

… На ступеньках парадной лестницы Белого дома появились люди в непривычной форме темно-оливкового цвета, в бронежилетах и касках. Об этих касках я уже писал - они не только бронированы, но и стопроцентно защищают, освобождают руки для боевых действий.

Навстречу им шагнули милиционеры и люди в штатском, стоявшие в оцеплении.

- Вы кто? - прозвучал вопрос.

- Мы сотрудники группы «А».

- Ваше воинское звание? - спросили первого, стоявшего на верхней ступеньке.

- Подполковник…

И тогда человек в штатском, пропустив двух бойцов группы,

закричал в мегафон, обращаясь к защитникам Белого дома:

- С вами хотят говорить сотрудники группы «Альфа»!

В эту минуту оружие «альфовцев»-парламентеров лежало на парапете ограждения Белого дома, а в руках подполковника, назвавшегося Владимиром, был кусок колючей проволоки, обмотанный бинтом.

Белый дом безмолвствовал…

Так началась операция, значение которой до сего дня не понято и не оценено. Может быть, со временем аналитики, психологи, историки, раскрыв секретные документы, придут к выводу, что от гражданской войны спасли нас не устрашающие танки на мосту, а группы «Альфа» и «Вымпел».

Пусть даже не от гражданской войны, а просто от дальнейшей бойни, от крови и смертей.

Да, группам «А» и «Вымпел» приказали войти в Белый дом, а они вошли туда с белым флагом. У кого сегодня поднимется рука бросить в них камень? Если мы еще не сошли с ума, понятно каждому это было единственно верное, спасительное решение.

Как горько шутят теперь в «Альфе», подполковник Владимир провел последнюю сессию Верховного Совета России. Он выступил перед депутатами и сказал, что «Альфе» поставлена задача овладеть Белым домом. «Мы давали присягу и должны выполнить приказ. Наше подразделение создано для борьбы с терроризмом и организованной преступностью. Но вы не террористы, а избранники народа. Сейчас не время для решения политических споров. Сейчас надо думать, как спасти ваши жизни. Сотрудники группы ни одного выстрела не сделали по Белому дому. Для переговоров нас сюда никто не посылал. Мы сами решились на этот шаг», подытожил он.

Потом последовали предложения: бойцы «Альфы» решили, не проливая крови, закончить противостояние. Они готовы сложивших оружие вывести из Белого дома, гарантировав неприкосновенность.

А вот как действовал «Вымпел».

Вспоминает Сергей ПРОЦЕНКО:

- Часов в 15 стали выдвигаться к Белому дому. Гремели выстрелы, падали люди. Мы видели: по мере затягивания конфликта жертвы будут расти.

Я со своим отделом выдвинулся вдоль здания к центральному входу.

У Белого дома стояли тысяч пять человек. Никто не мог объяснить, что это за люди - сторонники парламента или наоборот.

Подошли ближе, присмотрелись. Стало ясно - это не

сторонники Белого дома. По взглядам, возгласам можно было понять: они рвутся туда не с благими намерениями. Конечно, толпились и журналисты, фотокорреспонденты.

Пришлось вытащить милицию с задних рядов, поставить вперед и с их помощью потихоньку, культурно теснить толпу. Уговаривали: мол, пули летят не резиновые.

Поставили свое оцепление. Я поднялся с центрального входа на второй этаж. В зал, где сидели депутаты, не входил, стал на входе их просить, уговаривать покинуть Белый дом.

Потом пошли на четвертый этаж к Руцкому. Навстречу нам вышли офицеры с оружием, с автоматами. Приперли к стенке вначале. Минут семь объяснял. Тут же депутат Тараненко был. Он меня проводил к Руцкому.

Долго мы говорили с Руцким в окружении депутатов. Обстановка напряженная. Они нервничают, я нервничаю.

Как мог убеждал: чем раньше выйдем, тем раньше все закончится. Главное, вывести людей, чтобы никто не погиб.

Было много вопросов, заявлений, мол, мы не вели огонь, нас хотят расстрелять. Словом, мне не доверяли.

Мне кажется, перелом произошел после того, как Сажи Умалатова сказала: «Я верю этому полковнику».

Вижу, и Руцкой к моему предложению склоняется.

Вот так работали бойцы «Вымпела» и «Альфы» в Белом доме: уговаривали, убеждали, давали гарантии, на которые не были уполномочены.

Случалось всякое: порой в висок упирался ствол пистолета, и тогда вновь начиналась беседа. Спокойно, собрав в комок нервы.

Один из бойцов «Вымпела», Сергей Климентьев, рассказывал мне: когда они вышли из Белого дома, он проверил у своих подчиненных оружие. За целый день его люди не сделали ни единого выстрела.

Однако, как показало время, уговорить защитников Белого дома было полдела. Уговорили, спустились на первый этаж, а что дальше? Как теперь обеспечить людям обещанную безопасность?

Вспоминает Сергей ПРОЦЕНКО:

- Руцкой, Хасбулатов и еще человек сорок спустились вместе с нами в фойе первого этажа. И вот тут начались проблемы.

Спустились, а нас там никто не ждет и никому мы не нужны. А люди все подходят и подходят. Толпа растет на лестнице, на лестничной площадке.

Пытаюсь связаться по рации - не удается. Спустился по лестнице вниз к бронетранспортерам, вышел на связь с командиром группы «А» генералом Зайцевым. Представился, я такой-то, вышел в фойе с Руцким, Хасбулатовым, другими

депутатами. Дал гарантии безопасности.

Зайцев попросил меня подождать. Ждем, ответа нет. Снова непонятные вопросы, дело к вечеру.

Пытаюсь шутить, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. Но меня начинают спрашивать: где автобусы?

То и дело, словно костры, шли вспышки напряженности, выкрики: «Не пойдем! Будем стоять до последнего!»

Спустился второй раз, попросил автобусы, БТРы сопровождения.

Вскоре к нам поднялся с группой людей Коржаков. Когда он представился, толпа закричала, взволновалась. А тут еще его охрана бросилась обыскивать. Пришлось этот обыск резко пресечь, иначе не знаю, чем бы все кончилось.

Коржаков спросил: «Где Баранников, Макашов?» Я ответил, что со мной только Хасбулатов и Руцкой. Он дал команду доставить их в Лефортово.

В это время подошел транспорт. Подвели Макашова. Его, Хасбулатова и Руцкого я посадил в автобус, туда же вошел Коржаков с охраной.

Когда отъезжали от Белого дома, Хасбулатов в окно увидел пляшущих людей. Они прыгали, смеялись. Спросил: «Что за люди, почему себя так ведут?»

Я ответил: «Наверное, радуются».

«Они еще горько об этом пожалеют», - сказал Хасбулатов.

Это были его единственные слова.

Руцкой говорил много. Что военные обещали поддержать, звонили, выражали поддержку… Называл фамилии… И вот предали…

В конце сказал: «Передай привет Герасимову. Я его выручал в Афганистане».

Так мы и доставили их в Лефортово.

Увезли Руцкого, Хасбулатова, Макашова, однако в Белом доме еще оставались сотни людей. Надо было вывести их, обеспечить им безопасность. А сделать это непросто. Ведь далеко не все зависело от подразделений. Так, когда бойцы «Альфы» и «Вымпела» находились в Белом доме, со стороны гостиницы «Мир» ударил гранатомет, его поддержали пулеметы, танки на мосту. Люди у парадной лестницы разбегались, падали ниц. Остались стоять лишь несколько бойцов группы «А». Взмахами рук, сигналами радиосвязи пытались остановить стрельбу. Белый дом сдавался. Так кому же понадобилась столь грубая и однозначная провокация? Сегодня никто не может сказать, была ли это случайность или преднамеренное провоцирование защитников Верховного Совета на открытие огня. Это еще

предстоит выяснить. Но, увы, что было, то было.

Но кто мог гарантировать, что огонь не будет открыт по безоружным людям, когда они покинут стены Белого дома? Много ли надо для новой кровавой трагедии? Представьте себе состояние бойцов «Альфы» звучит провокационный выстрел из толпы… Что делать - закрывать пленников собой или отвечать огнем на огонь?

Но попробуй ответь - какой бы вой поднялся в прессе: «Альфа» расстреляла защитников демократии!

А подобное вполне было вероятно. Вспомните слова писателя Юрия Черниченко, который на весь мир призывал своих соотечественников «раздавить гадину». Там, на ступенях Белого дома, оставалось немало тех, кто готов был выполнить приказ литератора-гуманиста - убивать, давить, линчевать.

Надо сказать, что опасались «Альфа» и «Вымпел» и провокаций со стороны милиции. Да-да, от родной московской милиции. Уже погибло несколько сотрудников МВД, постоянно шла дезинформация: якобы захваченных милиционеров не отпустили, а расстреляли в Белом доме. И милиция озверела, забыв о законе.

В октябре «Комсомольская правда» опубликовала диктофонные записи радиопереговоров милиции и Белого дома, сделанные ночью и днем 4 октября. Привожу несколько фрагментов, которые точно отражают настроение сотрудников МВД. (Условные сокращения: М. - милиция, Б.д. Белый дом. Текст оригинала сохранен полностью, убрана лишь матерная брань…)

Ночь перед штурмом Белого дома. Время приблизительно 3 часа 30 минут.

М.: Телевизор смотри: как наших били. За это можно не только в дерьмо, а вообще шкуру содрать.

М.: Вот и сдерем ее тогда.

М.: Там одни урки собрались, там людей нет нормальных.

М. Мы их перевешаем на флагштоках, на каждом столбе.

М.: Хорош болтать. Когда штурм будет?

М.: Скоро будет, скоро, ребята.

М.: Руки чешутся,

М.: Мужики, в Белом доме живых не брать.

Б.д.: Кстати, мы ваших отпустили, таких же, как ты.

М.: Ну а мы вас живыми брать не будем, скоты.

М.: Руцкого вешать.

Утро. Время включения записи не установлено.

Б.д. (еле слышно, слабым голосом): Всем, всем. Срочно «Скорую помощь».

М.: Подохни, собака, там.

М.: В ЦМТ мои, по-моему, снайпера задержали. Доставлять или нет?

М.: Стреляй его на месте.

И все-таки, несмотря на подобные настроения милиции, это были лишь предположения и опасения, которые следовало предвидеть, по возможности просчитать и предупредить.

Но примерно в это время прозвучал реальный выстрел, который тоже мог стать роковым. Погиб офицер «Альфы», младший лейтенант Геннадий Сергеев.

Рассказывает боец группы «А» Юрий ТОРШИН:

- Геннадий Сергеев был лучшим в нашем отделении. Он проработал в группе несколько лет, накопил опыт. Физические данные у него хорошие рост метр восемьдесят пять, каратист, прекрасно стрелял.

Так вот, втроем - я, Финогенов и Сергеев - выехали на БМП к Белому дому. Вокруг была неразбериха, и нам хотелось разобраться в обстановке самим, понять, что происходит,

Наша БМП вышла в тыл Белого дома. Картина предстала ужасная: стоят какие-то шалашики, палаточки, люди обросшие, человек сорок. Кто они?

В общем, приехали, осмотрелись. Из ближайшего подъезда Белого дома выбежала женщина в милицейской форме, в кителе без погон, с девочкой на руках. Мы ее посадили в свою БМП, пытались что-то расспросить, но напрасно. Она была так напугана, что не могла говорить.

Из Белого дома не стреляли. Огонь вели из соседних домов. Мы вышли с Геннадием из БМП, чтобы помочь раненым. По дороге - один мертвый, второй… Наткнулись на солдатика в бушлате, каска рядом валяется. У него ранение в бедро. Берем его, несем. Я подхватил под мышки, Сергеев за ноги.

Попадаем под огонь снайперов. Сначала мы и не поняли, что пристреливают нас, но потом пули цок-цок рядом. Только успел сказать: «Гена, пригибаемся и делаем бросок», - как он ойкнул, выпустил ноги солдата, сначала сел, потом упал на спину.

«По-моему, меня зацепило», - простонал он, а я вижу, в паху на брюках растекается кровь.

Невдалеке стояла БМП, солдатам кричу, зову на помощь. С двумя мне не управиться. Подбежали, забрали солдатика. А я, как в кино, пытался Геннадия па плечо взвалить. Оказывается, это не так просто. Взвалить-то взвалил, а подняться не могу. В нем весу под девяносто килограммов, да бронежилет, амуниция, оружие. В общем, опустил, под мышки потащил, а он просит: «Сделай мне укол».

Уколол его, тут мне солдаты помогли. Загрузили Гену в БМП,

рванули к «Скорой помощи». Пока ехали, Геннадий стал холодеть. Я уши ему растирал, а у него взгляд уже туманный, не разговаривал, не стонал.

Выехали к магазину «Олимп», где стояли машины «Скорой помощи», они его на носилки, раздели, стали осматривать. Спрашиваю: «Вы в какой госпиталь его повезете?» А врач посмотрел на меня и тихо так отвечает: «В морг…»

Скажу сразу, выстрел был не из Белого дома. Если бы стреляли оттуда, пуля бы попала в спину, а не в левый бок. Откуда стреляли, думаю, теперь вряд ли удастся узнать. Ясно только, что выстрел оказался прицельный.

Президент в своей книге пишет: «После того как бойцы «Альфы» узнали, что погиб их товарищ, никого уже не надо было уговаривать. Почти вся команда пошла на освобождение Белого дома».

Выходит, что бросок этот получился как бы спонтанным и бойцы вошли в здание Верховного Совета, дабы отомстить за кровь товарища. Нет, они никому не мстили. Во-первых, неизвестно, кому мстить. Вместе с известием о тяжелом ранении Геннадия Сергеева пришло и другое предупреждение: пуля прилетела не из Белого дома.

Тогда откуда? Почему? Всякий стреляющий видел: боец «Альфы» не готовился к бою, он выполнял свою святую человеческую миссию помогал истекающему кровью раненому.

Но гибель товарища - это волна ненависти. Возможно, на эту ненависть кто-то и рассчитывал. Авось не разберутся, ошибутся и умоют ненавистный Белый дом волной крови. Есть и такая версия. Но есть и другая: на войне как на войне - пуля, как ни горько сознавать, оказалась шальной.

Ни ту, ни другую версию пока не удалось подтвердить. И кто знает, удастся ли?

Белый дом сдавался. Подполковник Владимир, выйдя из здания, объявил о живом коридоре из бойцов группы, через который пройдут защитники Белого дома. Предупредил: если кто-то из посторонних подойдет к сотруднику ближе пяти метров и создастся опасность для покидающих здание Верховного Совета - будет применена физическая сила, а при необходимости и оружие.

Мне удалось посмотреть видеозапись. Навстречу оператору по парадной лестнице шли люди - разоруженные защитники Белого дома. Очень разные, кстати говоря, были люди. Помните, как кричал неизвестный милиционер в эфир: «Там одни урки, там людей нет нормальных».

Примерно так и обрабатывалось общественное мнение: мол, в

Белом доме засели бандиты, убийцы, фашисты. Да, были там, возможно, и урки. Но были и приднестровские бойцы, и казаки, и армейские офицеры, и рабочие, и депутаты. Как сказал президент, все они сыновья России. Ну а как и почему оказались там, надо долго думать властителям нашим.

Что же касается «Альфы» и «Вымпела», то им не простили страха той ночи. Еще бы, две группы спецназовцев решали, кому быть у власти.

Правда, утром 4-го у власти был Ельцин. Но об этом теперь говорят как о само собой разумеющемся. Ну что ж, как пел народный бард, «жираф большой - ему видней».

Послесловия к этим событиям весьма трагичны. Разумеется, для спецподразделений. Не успел еще осесть дым от танковых выстрелов, как начался крутой «разбор полетов». «Вымпел» передали МВД.

Новый милицейский шеф приказал переименовать группу. Так родилась «Вега».

Можно понять руководство МВД: кто же откажется от высокопрофессионального, слаженного, мобильного подразделения? И надо отдать должное новому начальству: оно отнеслось к «Веге» с вниманием и заботой.

Однако совсем иная реакция была в подразделении. Сотрудники, по существу, взбунтовались.

Большинство не хотело переходить под знамена генерала Ерина. Что ж, и это вполне объяснимо. Ведь осенью 1993 года «Вымпел» во многом оставался тем первозданным ОУЦем, который создавался как элитное подразделение Комитета госбезопасности. На его боевом знамени так и было начертано: группа специального назначения КГБ СССР.

«Вымпел» превратился в аукцион. Уволенных в запас офицеров «разбирали» фирмы, тех, кто не хотел снимать погоны, «сватали» в разведку, в Службу безопасности, в Главное управление охраны, в Министерство по чрезвычайным ситуациям. Случалось, уходили целыми отделениями.

Когда одного из парашютистов, тех, кто десантировался на крышу атомного реактора, я спросил, сколько бойцов осталось в «Веге» от их «летного» отделения, он со вздохом ответил: никого.

Думаю, даже далекий от военного дела человек поймет, что значит для коллектива, когда уходят все. В особенности для воинского, где мало собрать мастеров-профессионалов, из них еще надо выпестовать, взрастить, сплотить боевое подразделение.

Если уходят все - умирает подразделение. К счастью, «Вымпел» не умер.

С «Альфой» так поступить не решились. Но уже 6 октября был

представлен к увольнению в запас командир группы Герой Советского Союза генерал Геннадий Зайцев. Говорят, на него подписали приказ об отставке, да нашелся в верхах смышленый мужичок, вовремя подсказавший, что уход начальника «Альфы» наделает много шума и будет расценен не иначе как расправа властей над «непокорным» генералом.

Опальную «Альфу» отстранили от охраны президента. Привлекали в самых крайних случаях, когда обойтись своими силами нет возможности. Как это было, например, во время визита в Москву президента США Билла Клинтона.

Казалось бы, служи да радуйся. Ведь в «Альфе» и прежде бытовало мнение, что не дело антитеррористической группы ходить в президентских сторожах.

Так-то оно так, но возвращение «Альфы» в лоно собственно подразделения антитеррора произошло не по доброй воле, а, если хотите, в наказание за непослушание.

Право же, не беда, что их отлучили от президента. В конце концов, это забота руководителей Управления охраны, кого ставить к президенту, а кого убирать подальше от него. Опасность в другом. Группу «А» медленно, но уверенно «отодвигали» от исполнения своих служебных обязанностей, без которых «Альфа» уже не «Альфа». Кто мог пострадать при этом? Мы с вами - обычные граждане России, потому что в любую минуту можем оказаться в руках террористов.

«МЫ НЕ ПАЦАНЫ ИЗ СПЕЦНАЗА…»

В те дни газетчики наконец разобрались что к чему и уже не называли бойцов группы «головорезами КГБ».

«Альфа» не хотела крови», - писали «Московские новости».

«Они (бойцы группы «А». - Прим.авт.) колебались не по политическим мотивам, не из желания посмотреть, чья возьмет, и примкнуть к победителю, как это делали, по-видимому, некоторые другие. Им просто противно было проливать новую кровь, которой они, опять же, по их собственному выражению, «нахлебались по горло». «Мы не пацаны из спецназа, которым все еще охота поиграть в Рэмбо». Это мнение «Известий».

Словом, «Альфу» вроде бы оставили в покое. Однако группу медленно, но уверенно «отодвигают» от исполнения своих служебных обязанностей, без которых «Альфа» уже не «Альфа».

Но тогда спрашивается, эти многочисленные ОМОНы, и ОМЗДОНы, отряды быстрого реагирования МВД, зачем они? Они тоже нужны. Более того, крайне необходимы, но заменить «Альфу», увы, не могут. По опыту и профессиональной подготовке сегодня в стране нет спецподразделения, равного «Альфе». И это не мои догадки и пристрастия. Многолетний опыт ее работы на фронте борьбы с терроризмом - лучшее тому подтверждение.

Правда, в руководстве МВД давно бытует мнение, что и в милиции есть свои «крутые мужики».

Есть? Слава им. Это не может не радовать. Пусть они хранят и защищают нас от воров и насильников, бандитов и хулиганов. Но терроризм это нечто другое, более сложное и более опасное. Я назвал бы его, да простят мне представители точных наук, «высшей математикой преступности».

Понимаю, опытный мафиози смотрится куда умнее и расчетливее запальчивых захватчиков самолетов, и просчитать его, переиграть - тоже непростая арифметика, но в том-то и дело, что террор - это критическая ядерная масса, способная взорваться в любую секунду. Нет времени на долгую проработку, слежку, изучение преступника. Почти всегда противник неизвестен и жесток. Почти всегда приходится действовать в цейтноте. Это словно пуля у виска.

История «Альфы» есть история побед над терроризмом. Почти всегда неучастие группы по тем или иным причинам в операциях по освобождению заложников и замена ее милицейскими «крутыми мужиками» несли беду…

Больно о таком говорить, но надо. Потому как за каждым провалом не упущенный мафиози и не залегший на дно воришка,

но жизни, жизни, жизни…

Так было в марте 1988 года на аэродроме Вещево под Ленинградом, когда руководство, собрав наскоро группу милиционеров, бросило ее под пули террористов. Результат поспешной акции известен - погибло 9 человек, ранено 19, сгорел дотла авиалайнер.

Так было и в 1992 году, опять в Питере. В ходе операции погиб заложник, отец троих детей. А ленинградские газеты взахлеб писали об успешно проведенном штурме следственного изолятора.

Казалось бы, хватит экспериментов. Всякий, кто облачен высоким доверием возглавлять оперативный штаб по захвату террористов, должен руководствоваться одним, святым и вечным - стремлением сохранить жизни ни в чем не повинных людей. Ан нет. Жизни жизнями, но превыше всего иные интересы - политические, ведомственные, ну и, конечно же, личные амбиции. Пример тому события декабря 1993 года.

… Четверо вооруженных преступников в масках ворвались в 9-й класс школы № 25 города Ростова-на-Дону. Они захватили в заложники 14 школьников и выдвинули требование предоставить самолет для вылета в Иран.

«Альфа» была поднята по тревоге, и 53 сотрудника группы во главе с генерал-майором Геннадием Зайцевым прибыли на место происшествия.

Террористам было предложено наладить проводную связь со штабом. Они дали согласие. Далее привожу строки из оперативного секретного отчета «Альфы»:

«23.04 установлен телефон, по которому генерал-майор Г. Зайцев, назвав себя представителем аппарата правительства России, вступил в переговоры с преступниками».

Террорист, назвавший себя «Казаком», потребовал дозаправки вертолета, освещения места стоянки, предоставления полетных карт, организации беспрепятственного пересечения границы с Ираном, осуществления перелета по маршруту Краснодар - Баку - Иран. Он предупредил, что, если заметят преследование, будут убивать детей.

Что же «Альфа»?

В ходе переговоров Зайцев убеждал отпустить хотя бы нескольких детей. Казак обещал отпустить девочек в Минводах, остальных в Баку.

Вскоре события станут развиваться так, что оперативный штаб примет решение: учитывая крайнюю агрессивность преступников и угрозу для заложников, операцию по освобождению в г. Краснодаре не проводить и дать «добро» на

вылет в Минводы.

При этом с Казаком была достигнута договоренность, что в Минводах переговоры с ним продолжит Зайцев.

Террористы, следом за ними и группа «А» прибыли в Минводы.

Вертолет с заложниками приземлился в 4.20. После приземления вертолета Казак сообщил, что переговоры будет вести только с Зайцевым.

5.22. Казак потребовал к 8.00 дать ответ о деньгах (условие бандитов 10 млн. долларов США).

6.25. Зайцев выехал для передачи одеял на борт и установления личного контакта.

Казалось бы, все идет по плану. Но не тут-то было. Снова цитата из официального отчета группы «А»:

«В 7.30 в штаб прибыл глава администрации Ростовской области Чуб В. Ф. с группой сопровождавших лиц и заявил, что руководство операцией он берет на себя, а переговоры с преступниками будет вести личный представитель министра иностранных дел России Петренко В. А.».

Столь волевое решение высокого чиновника произвело эффект разорвавшейся бомбы.

Почему отстраняется от ведения переговоров генерал Зайцев, у которого за спиной огромный опыт и он, без сомнения, является крупнейшим специалистом по борьбе с терроризмом в нашей стране? Отстраняется в тот ответственный момент, когда контакт с преступниками налажен, маховик операции по спасению заложников запущен?

Даже если Петренко и является личным представителем министра иностранных дел, представляет ли она себе, кто эти террористы, в руках которых полтора десятка детских душ?

На эти вопросы, увы, ответов не нашлось. «Несмотря на категоричные возражения членов штаба, - констатируется в отчете «Альфы», Чуб В. Ф. подтвердил полномочия Петренко».

В 7.58 Петренко В. А. потребовала личного контакта с Казаком…

Контакт состоялся. Каков результат?

Его никак не назовешь положительным. Казак на запросы Зайцева не отвечает. В свою очередь, выдвигает безоговорочные и жесткие требования подать топливозаправщик, машину для запуска двигателей и приказывает произвести немедленный взлет. Иначе, пригрозил бандит, может произойти беда бо«$Esize 8 {up 20 back 35 prime}»льшая, чем захват заложников.

Казалось бы, о какой бо«$Esize 8 {up 20 back 35 prime}»льшей беде можно говорить? Что имел в виду террорист?

Неоднократно в ходе переговоров он грозил взорвать Невинномысский химкомбинат. И это была не простая угроза. Вертолет с террористами взлетел и сделал облет комбината. Серьезность намерений бандитов подтвердили и пилоты - члены экипажа вертолета, которых террористы отпустят на несколько часов. Летчики доложат в оперативном штабе - в районе Невинномысска Казак связался с кем-то по радиостанции. Скорее всего, этим «кем-то» был сообщник бандитов, готовый совершить теракт на комбинате.

Облет химкомбината не что иное, как «акт устрашения». А если бы Казак избрал иной метод - стал расстреливать заложников? Ведь это уже бывало не раз. Об этом хорошо помнили бойцы группы «А». Но, увы, видимо, не подозревала Петренко. Иначе как расценить ее «чистосердечное» признание главарю бандитов в первые же минуты встречи о том, что Зайцев совсем не представитель аппарата правительства, а генерал, командир группы «Альфа».

Петренко, конечно, искренне считала, что ее сообщение будет оценено по достоинству бандитами. И никак не подозревала об оперативных методах информации, посредством которых в штабе узнают о ее странной игре.

Террористы оказались явно не джентльменами. Вместо желания сдаться они стали грозить «еще большей бедой». Право же, с такими экстрапрофессионалами, как Петренко, до беды было недалеко.

Когда же в обмен на 10 миллионов долларов террористы отпустили 7 детей, учительницу и операция вступила в заключительный этап, генерал Геннадий Зайцев доложил свой план по освобождению заложников и обезвреживанию террористов в Москву, руководителю центрального штаба при правительстве России. План был одобрен. Но он, увы, не понравился Чубу.

«Чуб В. Ф. крайне отрицательно отреагировал на доклад о подготовленной операции. После чего сообщил по телефону свое мнение в Москву», говорится в отчете «Альфы». Однако самое интересное было чуть позже.

«Присутствующая при этом Петренко В. А. довела услышанную информацию до сведения террористов».

Читаешь строки документа и не веришь своим глазам. Однако все это было, было… И даже когда утром 26 декабря в штаб пришла срочная телефонограмма заместителя министра иностранных дел России В. Листова, в которой предписывалось в срочном порядке отстранить Петренко от ведения переговоров, это не помогло.

Не стану больше утомлять читателя перипетиями операции по обезвреживанию бандитов. О них много писали в прессе. Хочу лишь обратить внимание на то, что осталось эа кадром, в силу тех или иных обстоятельств, не попало на газетную полосу и сегодня неизвестно общественности. Ведь не приведи бог, случись провал, жертвы, погибни заложники, ответ держать пришлось бы не Петренко.

Да, к счастью, все закончилось благополучно. В этот раз. О Петренко даже писали газеты, она получила из рук Президента России орден. И все-таки уверен - терроризмом должны заниматься профессионалы, и только профессионалы. Говорю об этом с тревогой. Ведь через несколько месяцев, летом, все повернулось по-иному, закончилось кровью и смертями.

Все эти, казалось бы, отдельные, единичные случаи образуют странную мозаику. И чем больше вглядываешься в нее, тем яснее проглядываются страшные очертания рухнувшей некогда могучей системы борьбы с терроризмом.

Прежде, даже в страшном сне, генералу Зайцеву не могло присниться, что в разгар операции его отстранят от переговоров и заменят некой женщиной, которая, словно лучший друг, раскроет бандитам все карты оперштаба, что наотрез откажут предоставить вертолет для преследования террористов, а в июле 1994-го устроят чехарду с самолетами…

Официальная версия неучастия «Альфы» в освобождении заложников летом 1994 года весьма проста: начальник оперативного штаба оставил группу в резерве, так как ко времени ее прибытия в аэропорт Минвод подготовка к штурму уже началась.

Не стану брать на себя ответственность рассуждать о правомочности такого решения - руководителю штаба виднее. Бывали и раньше случаи, когда тому же Зайцеву приходилось отправлять в резерв милицейские спецподразделения, прибывшие в помощь. Волнует другое: как «Альфа» «умудрилась» опоздать?

Вновь привожу документ - отчет группы «А»:

«В соответствии с полученным распоряжением, группа «А» должна была на самолете «Ту-134» МВД России вылететь в Минводы. Но руководителю полетов не удалось разыскать командира экипажа самолета».

Пропал командир экипажа (?!). Ситуация фантастическая. За двадцать пять лет службы в армии ничего подобного не слышал. Беседовал с десятками летчиков и всякий раз чувствовал на себе подозрительный взгляд. Так смотрят, пожалуй, только на сбежавшего из психушки человека.

Но, к сожалению, все это происходило в реальности летним

вечером, в подмосковном аэропорту Чкаловский.

Время шло. Террористы, захватившие автобус на трассе Пятигорск Ставрополь, вооруженные пистолетами и гранатами, выдвинули требования. Они не отличались большой оригинальностью. Вновь оружие, доллары, самолет, готовый к вылету. Под дулами пистолетов - 40 заложников, среди которых были и дети. Дорога каждая секунда, а офицеры «Альфы» мечутся в поисках пропавшего пилота.

Его так и не нашли. Командир авиационной дивизии выделил в распоряжение группы дежурный самолет «Ан-27».

В 21.40 группа «А» загрузила в самолет оружие, боеприпасы, спецсредства. На борт были приняты несколько сотрудников ФСК России с 5 миллионами долларов США, представители спецпрокуратуры. Но разрешение на взлет получено не было.

А террористы тем временем грозили заложникам оружием, палили из пистолетов в воздух.

В 22.15 первый заместитель министра внутренних дел России дал команду самолет ВВС «Ан-27» заменить самолетом «Ту-134».

«Альфовцы» перетащили оружие, боекомплект, перегрузили доллары и в 22.55 вылетели в аэропорт Минводы. В самолете смогли уместиться лишь 27 сотрудников, остальные остались в Москве.

А ведь сколь просто и четко делалось это прежде. Были определены экипажи пограничных самолетов, специально закрепленные за «Альфой», и они одновременно получали сигнал тревоги, как и сотрудники группы. Их доставляли в аэропорт, и к прибытию подразделения самолет был готов к вылету. На все мероприятия - сбор личного состава, экипировку, вооружение, доставку в аэропорт и старт с земли уходило 1, 5 часа времени. А тут несколько часов бесплодной беготни и нервотрепки на взлетной полосе. Ведь у «Альфы» своих самолетов нет, погранвойска выведены из состава КГБ, а МВД надо доставлять свои ОМОНы и спецгруппы.

Вот и выходит, что самое опытное и боеспособное подразделение страны оказалось не у дел.

Все, что было потом, известно. Руководитель оперативного штаба генерал-полковник А. Куликов «принял решение группу «А» в операции не задействовать».

На штурм были брошены милицейские подразделения.

В 6.10 утра «Альфа» вылетела в Москву… А вечером я был на праздновании 20-летия группы «А». Нашел ребят, которые вернулись из Минвод. Выпил с ними рюмку.

«ПОКАЗАЛОСЬ, ПРИШЛИ ФАШИСТЫ…»

… До 1920 года город Буденновск Ставропольского края носил название Святой Крест.

Трагедия в Буденновске. Сегодня дело повернуто таким образом, что невиданный в мире акт терроризма накрепко завязан в единый узел с чеченской войной. Россия начала войну, а чеченцы, загнанные в угол, ответили терактом - так утверждали многие средства массовой информации.

И вроде бы правильно утверждали. И война, и бомбы, и смерти, и чеченцы… Все так… Все было.

Некоторые газеты выносили на первые полосы заголовки, что именно террорист Басаев остановил войну. Чудно это было, право, слышать, но слушали.

А иные журналисты так раздухарились, что время от времени покрикивали с полос, мол, не смейте чеченцев называть террористами, а ежели смеете, то и всех русских солдат не иначе как в террористы запишите.

Получалось вроде как баш на баш: развязали войну - получили теракт. А тут еще и заложники, выбегающие из осажденной больницы, кричали о «чеченских шоколадках» для детей. Выхваченные недремлющим, объективным оком TV, крики эти, как ни крути, укрепляли вину русских шовинистов, поднявших меч на «благородных» сынов Вайнахии.

И все бы укладывалось в прокрустово ложе нашей «независимой», «неподкупной» пропаганды, если бы не одно веское обстоятельство история терроризма.

Так уж случилось, что этой темой мне приходится заниматься не один год и потому смею заметить - теракт в Буденновске только на первый, весьма поверхностный взгляд «реакция на войну», «ответ на бессмысленную бойню». Ведь именно такую версию предложил нам Басаев в своем первом интервью, не правда ли? И мы съели… Более того, на все лады стали рассуждать, мог ли Басаев поступить иначе, заранее предполагая, что не мог. Да. Не мог. Ибо он - террорист. У них свои понятия о чести, своя система жизненных координат. Система столь опасная для остального мира, что все они давно признаны вне закона.

Хоть кое-кто в нашей стране и пытается сделать из него супергероя, ясно одно - Басаев не первый и, к сожалению, не последний в кровавой шеренге террора.

Еще в первом веке нашей эры в Иудее действовала секта сикариев (сика кинжал или короткий нож), уничтожавшая представителей еврейской знати за сотрудничество с римлянами.

Сикарии на современном языке и есть террористы. И это в первом веке до нашей эры! Известия о прапращурах Басаева появятся лишь через много столетий.

Этот короткий экскурс в далекую историю террора лишь для того, чтобы показать - бандит он и есть бандит, в первом ли веке нашей эры, или в двадцатом столетии. И в данном случае война лишь неуклюжее оправдание кровавых деяний террора.

Ибо у того же Басаева еще вчера был захват авиалайнера, потом автобуса, теперь вот - больницы. Что он захватит завтра? Кому предъявит требования - правительству, стране, миру?

И нет сомнений, требования эти будут прикрыты вполне пристойным фиговым листком борьбы… Борьбы за что? За свободу, независимость, мир… Или против чего-то. Это уже неважно. Даже самый отпетый преступник, убийца старается найти благородное объяснение своим преступлениям, сколь бы ни были они страшны.

Терроризм - тяжелейшее преступление перед человечеством. Это не мое определение. Такое определение дало этому мерзкому и гнусному явлению нашей жизни мировое сообщество. Оно же поставило террористов вне закона.

Увы, как ни прискорбно говорить, но и тут у нас свое, особое мнение. Свое весьма «бережное» отношение к террористам.

В 1990 году в течение только одного месяца было совершено пять угонов самолетов. 30 июня. Самолет, вылетевший из Львова, по требованию террориста изменил курс и совершил посадку в Стокгольме.

И после этой «гонки», когда наш Аэрофлот и его службы в прямом смысле стояли на «ушах», не ведая, как остановить совершенно дикий поток угонов, когда спецподразделения антитеррора подобно пожарным командам метались по стране, а правительство срочно разрабатывало контрмеры, в прессе появляются душещипательные эссе о переживаниях юного 19-летнего террориста.

Признайтесь, весьма экстравагантно звучит заголовок в газете: «Воздушный пират или несчастный мальчишка?» Как вы догадываетесь, автор статьи никак не хотел признавать в юноше воздушного террориста. Разумеется, тот был всего лишь «несчастным» глупым мальчишкой, жаждущим приключений. А Шамиль! (некоторые газеты любят писать это имя с восклицательным знаком) Басаев - лишь благородным борцом за свободу чеченского народа.

Вне зависимости, за кого выдают себя эти люди и как их величают некоторые услужливые СМИ, - они террористы. Как сказано в международных конвенциях - «злейшие враги

человечества».

Это общепринятое международное определение и должно явиться отправной точкой в разговоре о трагедии в Буденновске.

… Итак, 14 июня 1995 года, в полдень, чеченские террористы захватили маленький российский город на Ставрополье.

Старики-фронтовики подумали, что вернулась война и вновь фашисты входят в город.

Только эти были, пожалуй, кровожаднее: стреляли в детей «от живота», на местном рынке хладнокровно убили бабушек-торговок и пошли по дворам.

Помните кадры немецкой хроники: фашистские молодчики врываются в дома, убивают, избивают, вытаскивают мирных жителей и гонят их, как стадо. Не важно куда - в колхозный хлев, как полвека назад, или в районную больницу, как теперь.

Почерк один и тот же. Даже обувь приказали снять и гнали босиком через весь город. Террористы не пощадили никого. Фашисты иногда отпускали детей и женщин. Эти не отпустили. Наоборот, захватывали как можно больше немощных, больных, беременных. Уж эти сопротивления не окажут, да и на власти давить проще.

Боялись и потому захватывали не по одному - десятками, сотнями. Если что, есть возможность десятком русских баб да детишек прикрыться.

Кого хотели - убивали. Фашисты за то, что ты партизан, террористы - за то, что летчик или милиционер.

Говорят, у чеченцев теперь патологическая ненависть к летчикам: они их бомбили. А к милиционерам? Просто за то, что они милиционеры? Или, может, оттого, что бандитам всегда поперек горла те, кто пытается установить порядок. Чеченская война, конечно, не добавила любви, но дело не в ней. Террористы от корня своего исходно ненавидят представителей правоохранительных органов и пилотов. Пока подтянутся спецподразделения, эти люди первыми противостоят террору. Им и первая пуля террора.

Вспомните Надю Курченко, зверски убитую бортпроводницу, пилотов-тбилисцев Завена Шабартяна, Анзора Чедию, Валентину Крутикову, расстрелянных бандитами в 1993 году при захвате самолета «Ту-134А» в небе над Кабулети, Тамару Жаркую, погибшую от пули «воздушного пирата» Овечкина в 1988 году. Этот список можно продолжать и продолжать.

Однако сейчас важно выяснить другое - что же произошло в Буденновске? Акт кровной мести? Зверское нападение террористов? Фашистская карательная операция? Или четко разработанный и спланированный удар преступного

криминального дудаевского режима?

На эти вопросы скорого и однозначного ответа нет. И все-таки, отбросив эмоции и ненависть буденновской бойни, попытаемся разобраться в сути произошедшего. Ибо уже сегодня - вымыслы и домыслы, ложь и предательство, желание некоторых ведомств и чиновников этих ведомств представить себя в более выгодном свете упорно лакируют действительность, пытаясь скрыть истину.

Сейчас ясно одно. Произошла национальная трагедия. И мы пока не в силах оценить ее масштабы и последствия.

Террористы на глазах всего мира поставили Россию на колени. Руководство страны пошло на все мыслимые и немыслимые уступки ради спасения заложников. И даже после их освобождения великодушно отпустило террористов на все четыре стороны. Ответ пришел уже на следующий день - террорист Басаев вновь угрожал стране. Он обещал новую кровавую бандитскую вылазку и цинично заявил, что подаст в международный суд на тех, кто посмел назвать его террористом. Опять в который раз журналистка достала Басаева в его берлоге. ФСБ достать Басаева не смогла. Большего позора для страны, которая время от времени называет себя великой, придумать нельзя.

Кто-то сказал, что Россия стояла на коленях несколько дней. Нет. Россия до сих пор на коленях.

Более страшного финала и придумать нельзя. Когда власть не способна управлять страной, на арену выходит террор. Так уже было в нашей истории. Тогда, в начале века, власти тоже не знали, что делать с разгулявшимся террором. Но мы знаем, чем это закончилось в 1917 году.

Возвратимся к Буденновску. Первый вопрос, на который до сих пор не дан ответ даже после работы специальной комиссии Совета Безопасности, как террористам удалось пройти. Для меня, как и для многих других россиян, не столь важны нюансы: двигались ли бандиты через Дагестан или, к примеру, через Кабарду, а может, и вовсе напрямую через границу со Ставрополье, сегодня волнует иное - как?

После многократных дудаевских угроз, после предупреждений и приказов из центра об усилении, укреплении, удвоении бдительности, каким образом немалый бандитский отряд оказался почти в центре Ставрополья?

Сейчас спорят о том, просочились ли чеченцы или проехали на «КамАЗах» с гробами? Было и то, и другое.

В подтверждение первой версии - в карманах убитых боевиков найдены квитанции о проживании в местной гостинице

«Химик», о второй и говорить не приходится - «КамАЗы» с террористами задержали милиционеры, видели сотни буденновцев. Но опять-таки и это не столь важно.

Не пожелавший назваться источник не то из ФСБ, не то из МВД заявил: никакого склада не существовало вообще. Но тогда как объяснить огромный (иного слова не подобрать) запас боеприпасов на руках у бандитов?

По этому поводу мы немало говорили с командиром группы «А» генералом Александром Гусевым, пытаясь найти разгадку.

Представьте себе две сотни террористов (а это ни много ни мало почти мотострелковый батальон), которые несколько часов ведут непрерывный огонь. Бойцы «Альфы» рассказывали мне, что град пуль был подобен свинцовому дождю. Многие из тех, кто шел на штурм, вытряхнули потом из своего бронежилета по нескольку пуль. На дорожках, ведущих к больнице, выбоины от пуль располагались в 2- 3 сантиметрах друг от друга.

Стыдно сказать, но патроны кончились у наших солдат и офицеров, а не у террористов. Мне признался по секрету один из снайперов, что накануне операции весь боекомплект на его винтовку составил 40 патронов. Правда, на следующие сутки патронов подвезли целый автомобиль, но они уже никому были не нужны.

Откуда такой поистине невиданный боезапас у террористов? Одна из версий склад. Заранее организованный, завезенный боезапас.

Если же верить «неизвестному источнику» из недр силовых министерств, то, увы, становится еще хуже. Значит, бандиты весь огромный склад с оружием притащили с собой.

Теперь говорят, что проехать было не так уж и сложно.

Да, на пути террористов оказался, по существу, единственный контрольный пункт в поселке Затеречном на автотрассе Георгиевск - Копейск.

В промежутке между 9 и 9.30 утра, когда происходила смена дежурных, террористы проследовали на трех «КамАЗах» и «Жигулях». Они не предъявили никаких документов. Сказали, что везут в Ростов «груз-200» - трупы погибших российских солдат.

В одном из интервью заместитель начальника Главного управления ГАИ МВД Владимир Тимошин и начальник отдела Дмитрий Чугуев так рассказывали о происшедшем:

- Люди в «Жигулях» были одеты в штатную форму милиции, выглядели, как славяне, и говорили без акцента. Это можно считать установленным показаниями всех наших оставшихся в живых сотрудников, с которыми они контактировали. Это не освобождает от ответственности проявивших халатность

сотрудников на КПМ в Затеречном, но сработал эффект мундира.

На вопрос корреспондента, сколько постов ГАИ проехала колонна от Затеречного до Буденновска, руководители ГАИ признались: ни одного. «Стационарных построить не успели, передвижные не имеют ни воды, ни электричества, ни средств защиты. Экипажи, которые должны были дежурить в тот день, были отвлечены учебными занятиями, которые проводятся еженедельно по средам, о чем террористы тоже, вероятно, знали. Один из экипажей сопровождал автобусы, перевозившие жителей Буденновска на сельскохозяйственные работы. Разгильдяйство, конечно…»

Ой ли, о разгильдяйстве ли речь?

Ведь выходит, у террористов все получилось - и в пересменку они КПМ проехали, и лжемилиционеров подсунули, и даже, когда учебные дни в МВД, знали. Наш единственный пост и документов не спросил, поленился, а не то чтобы в гробы заглянуть. А уж коли в форме милиции, да славяне, да без акцента, плевать тут на войну… Все бандиты в милицейских фуражках - друзья-братья.

Однако, как известно, есть и другая версия, о которой и подумать-то страшно. Если слова Басаева о жадности сотрудников ГАИ хоть на сотую, хоть на тысячную долю правда, хочется выть волком: мы действительно воровская страна.

На пресс-конференции по итогам буденновской операции из уст первого заместителя министра внутренних дел прозвучала фраза: мол, к каждому милиционера не приставишь. А к каждому и не надо. Исполняй милиционеры свои обязанности как положено, и нет сомнений, все было бы в порядке. Ведь, по существу, за преступную халатность дежурных Затеречного КПМ, других экипажей ГАИ заплатили своими жизнями их коллеги Попов, Герасименко, Чекуркин и еще несколько сотрудников МВД.

Что же касается «милицейской косовицы» в Буденновске, то это попахивает старым, добрым временем застоя, когда все управление, за исключением дежурных, «выгоняли» в поле.

Сено косить надо. Но нынче, увы, не тихие семидесятые, и Ставрополье не далекая глубинка могучей державы, а прифронтовой край.

Понимаю, все понимаю. Провинциальный городок, не успевший осознать себя на пороге войны, военные «КамАЗы», которые ежедневно мозолят глаза и, к сожалению, не редкий «груз-200». Все это видят милиционеры Ставрополья каждый день. И тем не менее местное УВД было единственной вооруженной силой, которая могла противостоять террору.

Могла, но не противостояла. Нет, речь не о тех нескольких

смельчаках-милиционерах, которые с пистолетами Макарова шли на пулеметы басаевского батальона и погибли как герои. Проблема не только в том, что не было готово к бою УВД, а в вертолетном полку оказалось всего десяток автоматов. Отсутствовала система самообороны как таковая. И потому никто не смог защитить мирных жителей.

А есть ли гарантия, что подобное не повторится впредь?

Ведь системы как не было, так и нет. И оттого предложение о создании казачьих отрядов самообороны, их вооружении, обучении совсем не кажется столь бредовым и опасным, как пытаются представить это некоторые общественные деятели и прочеченско настроенные СМИ. Примером тому опыт Израиля, где практически все население служит или состоит в резерве, почти у всех дома - оружие и боеприпасы. Они готовы в любой момент противостоять террору. И не только потому, что есть чем защищаться, но потому что в ходе занятий, учений приобретены необходимые навыки антитеррористических действий.

Нет, я не призываю вооружать всю страну. Речь идет лишь о прифронтовой полосе. Думаю, что, несмотря на все договоренности о разоружении, процесс этот будет долог и труден, и ставропольским, краснодарским городам и станицам рассчитывать не на кого. Их безопасность в собственных руках. За время правления Дудаева в Чечне собралось слишком много убийц, которым нет места в мирной жизни. Никогда, ни при какой власти они не пойдут пахать землю или опять, как прежде, строить коровники. Тем более что многие строители коровников поняли: можно жить припеваючи, не работая, - грабить, убивать, брать в заложники. Так что, если люди хотят спокойно жить, придется создавать и казачьи заставы, и отряды самообороны.

Кстати говоря, террористы Басаева потому и действовали столь дерзко, нагло и бесцеремонно, потому что знали о полной демилитаризации города. Конечно же, несколько милицейских пистолетов не в счет.

Но, будь в городе обученный отряд самообороны с современным вооружением, уверен, беды удалось бы миновать, а возможно, и прикончить незваных гостей до тех пор, пока их не отпустили на свободу.

Но, увы, случилось то, что случилось. Они дошли до Буденновска. Вроде бы шли на Минводы, где якобы их ждал заранее зафрахтованный самолет. Потом собирались лететь в Москву. Словом, получилось как в старой песне: «Он шел на Одессу, а вышел к Херсону, в засаду попался отряд». Только на сей раз в засаду попался мирный, тихий Буденновск.

Теперь уже дело экспертов спецслужб раскручивать задумки

террористов. Мы же говорим о реальных событиях, случившихся в ставропольском городке.

И потому на повестке дня крайне болезненный и спорный вопрос надо ли было штурмовать больницу с заложниками? К нему же вплотную примыкает еще один - кто отдал приказ на штурм?

Странно, что именно о нем так много было разговоров. «Добро» на штурм дал президент. Это и есть самый главный приказ. Борис Ельцин сказал об этом ясно и четко в Галифаксе. Кто же отдал приказ промежуточный, этапный, если так можно выразиться, это мог сделать и министр Ерин, и его зам Егоров, или кто-либо еще. Это ровным счетом не имеет значения. Если решение принято первым лицом страны, всегда найдется человек, кто его конкретно озвучит - произнесет, прокричит в трубку телефона или прошепчет на ухо командирам спецподразделений.

Кстати говоря, в том, что решение принял президент, нет ничего удивительного. Более того, так должно быть. Неужто мы вновь желаем вернуться в горбачевскую эпоху, когда вдруг оказывалось, что в состояние боевой готовности приводились целые округа, на штурм бросались спецподразделения, а президент ничего не знал, мирно спал и никаких приказов не отдавал. В такое вот положение были поставлены военные в Тбилиси, группа «А» в Вильнюсе. Когда наутро вдруг обнаруживалось, что, поди ж ты, нашелся недисциплинированный подполковник из «Альфы», поднял своих людей, неизвестно каким образом вооружил, экипировал и сам, по собственной инициативе, вылетел на неизвестно откуда взявшемся самолете в Литву. Жил там неделю, а когда ему взбрело в голову, пошел на штурм телецентра.

Бред, не правда ли? Так за что же мы ратуем?

К возврату той бредовой поры? Потому считаю, Ельцин поступил совершенно честно и порядочно, как человек и как политик. Он принял решение, и он о нем объявил. Мы любим ссылаться на американский опыт. Что ж, именно так поступают президенты США.

Вот как описывает свою встречу с президентом полковник Чарльз Беквит, создатель группы антитеррора «Дельта». Разговор состоялся накануне труднейшей операции «Пустыня-1» по освобождению американских заложников в Тегеране в апреле 1980 года. Как известно, эта операция завершилась полным провалом.

«После того, как совещание закончилось, - рассказывает Беквит в своей книге, - все встали. Президент Картер обратился ко мне:

- Мне бы хотелось увидеться с вами, полковник Беквит, перед вашим уходом.

В кабинете было очень тихо. Президент подошел ко мне.

- Я хочу попросить вас сделать для меня одолжение.

- Сэр, все, что от вас требуется, это назвать их.

- Мне хотелось, чтобы перед вылетом в Иран вы передали своим людям мое послание. Скажите, что в случае провала операции, все равно по каким причинам, виноват в этом буду я, а не они».

Все верно, он, президент, посылает людей на смертельно опасное дело он берет на себя всю ответственность. Нечто подобное произошло и у нас. Однако более спорным является другая проблема - надо ли было штурмовать больницу?

Знаю, что большинство прессы, общественных деятелей, парламентариев склоняются к тому, что силовой метод оказался неэффективен. Особенно после того, как Виктор Черномырдин разрешил кризис, что называется, «мирным переговорным путем». После этого у Черномырдина заметно прибавилось почитателей и сторонников. Многие, обычно помалкивающие во время «драки», поняли, чья взяла, на чьей стороне симпатии народа, и ринулись в черномырдинский лагерь.

Что ж, действительно, во имя спасения людей следовало идти на все. Россия давно с завистью кивает на Америку, где из-за одного «попранного американца» страна поднимает по тревоге флот.

«Я рад, что нам удалось спасти жизни тысячи людей, заявил Черномырдин на пресс-конференции. - Думаю, этому была рада вся страна».

Однако душу точит червь сомнения. Если все так было просто, если проблему можно было разрешить, сняв телефонную трубку из кабинета Дома правительства, то почему ее не разрешили в первый день кризиса, в первые часы захвата больницы? Не иначе тут злой умысел «силовиков», которые только и мечтают пострелять, поштурмовать?

Думаю, что все обстояло значительно сложнее. И к мирному разрешению кризиса в первый день не был готов никто. Да, никто - ни президент, ни Черномырдин, ни террорист Басаев.

Легко сказать: вступить в переговоры. А если Басаев не вступает и разговаривать не хочет? Вы помните его первые требования - прекратить войну и вывести российские войска из Чечни?

Но как это сделать практически? Как в одночасье повернуть всю военную махину, наращиваемую месяцами, и сделать до того, как бандит начнет расстреливать заложников? Тысячи солдат и

офицеров, огромное количество боевой техники, оружия, боеприпасов. Задача, в короткий срок попросту не выполнимая.

Верно писали в прессе, Басаев напрочь отказался разговаривать с Ериным, Егоровым, Степашиным. Точнее, он не хотел говорить ни с кем. Засев в больнице, диктовал условия, и связь была исключительно односторонней. Считая нужным - звонил в штаб, но сам трубку не брал. Попытки дозвониться до террориста ничего не дали.

Вот когда был нужен правозащитник Ковалев. Нужен как воздух. Нужен больше воздуха. Именно сейчас, в эту первую, самую трудную ночь, а не после штурма, когда напуганные террористы сами, без каких-либо предварительных условий, освободили большую группу заложников.

Но правозащитников не было. И хотя от Москвы до места трагических событий лету всего два часа, никто не появился на следующий день и пятнадцатого, и в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое, и днем шестнадцатого, и ночью на семнадцатое.

С полудня четырнадцатого июня до часа штурма семнадцатого у правозащитников всех мастей было ни много ни мало более 50 часов. Однако за эти полста часов не сумел прилететь никто. Не сумел? Не захотел? Что теперь гадать. И после этого кое-кто пытается утверждать, что якобы именно Ковалев «сдвинул с мертвой точки застопорившиеся переговоры».

Переговоры с мертвой точки сдвинул штурм. Да, неудачный и, казалось бы, во многом бессмысленный. Но террористы этого штурма не ждали. И были изрядно напуганы. Больше всего их испугала «Альфа», которая, несмотря на ураганный огонь, смогла подойти вплотную к больнице и даже заняла прилегающие здания…

Вот как рассказала об этом одна из заложниц - инспектор пожарной части Наталья Деменкова:

- Мы надеялись, что группа «Альфа» захватит здание больницы и освободит нас. Когда начался штурм, многие мужчины и женщины собрались с силами, чтобы помочь нашим ребятам изнутри. Это басаевцы почувствовали. Я заметила, в тот миг на их лицах уже не было бравады. Они поняли: приходит конец. Жаль, конечно, что спецподразделения отошли на исходные позиции. И все же штурм сыграл свою роль. После него бандитов было просто не узнать.

Кстати, не забудем, что в ходе этого так называемого «провалившегося» штурма были освобождены и сумели вырваться из лап террористов несколько десятков заложников. А бойцы «Альфы» прикрывали огнем и собственными телами выбегающих из больницы людей. Некоторые сотрудники группы антитеррора

были ранены именно здесь, в этот момент боя.

В мире давно чтут истину - террористы уважают только силу. И боятся этой силы.

Нет, не Ковалев сдвинул с мертвой точки переговоры. Их сдвинули те трое погибших из «Альфы», которые шли на явную смерть, но шли. Дабы ни один бандюга не мог попирать честь России, не мог насиловать наших матерей и ставить на колени наших отцов, от «живота» расстреливать наших сестер.

Сегодня некоторые политические деятели пытаются доказать стране, что смерть бойцов группы антитеррора была бессмысленной. Конечно, звучит это не столь однозначно и обостренно, но смысл подобных речей предельно ясен.

Так вот, для них, тупых и продажных, чьи сестры еще живы, а отцы не согнулись в поклоне под автоматом чеченского бандита, хочу сказать у террористов мира не выпросишь. Запомните это, господа! Басаев еще на свободе.

«АТАКА ЗАХЛЕБНУЛАСЬ»

Теперь о пике буденновской операции - о штурме. Практически все, что было написано в прессе, рассказано нашим братом журналистом. И потому, чтобы быть точным, я обратился к своим старым друзьям, бойцам антитеррора из легендарной группы «А». Чемпион России по стрельбе, отменный снайпер майор Василий Денисов согласился прокомментировать мои соображения.

С чего же, собственно, начать? Видимо, с главного. Сдается мне, что до сих пор к нам так и не пришло сознание масштабности трагедии. История человечества не знает столь жестокого, мерзкого и кровавого акта. Подчеркиваю, с тех пор как земляне осознали себя людьми и ведут свое летосчисление, с Рождества Христова и задолго до него, мир не видел такого количества заложников, такого числа убитых, искалеченных, раненых, ни в чем не повинных мирных людей.

Да, во время войны тоже гибнут мирные люди. Вместе с военными. Вместе с теми, кто держит оружие и сам несет смерть. Еще не изобрели снаряды, которые убивают военных и щадят штатских.

Однако терроризм - явление в корне иное. Подлое, гнусное, трусливое, когда вооруженные бандиты, прикрываясь телами невинных жертв, требуют удовлетворения своих амбиций - политических, финансовых, уголовных.

Они всегда приходят как воры, с ножом за пазухой. Просчитывают и выбирают самый удобный момент, застав врасплох не воина, не бойца, а слабую женщину, больного старика, ребенка и просто обычного, мирного жителя.

В открытом бою этот «удобный момент» называют военной хитростью. И хочешь не хочешь, его по достоинству оценивает и друг, и враг. Но это в бою. А не в тервылазке, где изощренный способ прикрыться ребенком, женщиной - есть лишь глубина человеческой низости.

Басаев пытался не раз доказать всей стране, что он-де не террорист, то есть не садист, не убийца, а диверсант. Тогда что же ты делаешь, диверсант, вдалеке от фронта, среди рожениц и больных? Или с комкором Львом Рохлиным сражаться труднее и опаснее, чем с бабами и детишками? Там ведь могут и ответить пулей на пулю, смертью на смерть.

Нет, не диверсант ты, как и двести твоих приспешников, но террорист. И они - террористы.

Несколько лет назад, работая над книгой о группе

антитеррора «Альфа», я написал, что захват автобуса с детьми в Орджоникидзе в 1988 году самый бесчеловечный и изощренный способ захвата. И был уверен: худшего не узнаю. Узнал.

Якшиянц и его банда захватили тогда 30 детей-четвероклассников, водителя автобуса и учительницу, террористы во главе с Басаевым удерживали две тысячи заложников. И среди них в основном больные, роженицы, женщины с грудничками, дети, старики. Большего кошмара придумать нельзя! Во всяком случае, в мире пока не придумали.

Что и говорить, нам есть чем гордиться. Даже самые жестокие и бесчеловечные террористы - это наши террористы.

Басаев выдвинул «лихую» версию, якобы они ехали в Москву штурмовать Кремль. Не знаю, может, главарю банды и приходила в голову столь безумная мысль, но пока ясно одно - Буденновск был не случайным пунктом на пути движения террористов. Вполне возможно, что Басаев готовил одновременно несколько терактов, но первая пуля предназначалась именно этому городку. И вовсе не потому, что там дислоцировался вертолетный полк, экипажи которого время от времени вылетали в Чечню. А чеченцы, поди ж ты, решили отомстить.

Да, окажись басаевцы диверсантами, возможно, так бы они и поступили. Но они были террористами. Полк их не интересовал, химкомбинат тоже. Им нужны были заложники.

Рассказывает сотрудник группы «А» майор В. ДЕНИСОВ:

- Больница - самый легкий объект для захвата. Образно говоря, для этого нужно три рогатки, а не две сотни автоматчиков.

В любом городе именно в больнице, как нигде еще, большое скопление людей. Их не надо собирать, сгонять, захватывать где-то на улице. Пришел и объявил заложниками. Кто находится в лечебном заведении? Больные. Значит, немощные, нетранспортабельные, то есть те, кто даже в удобный момент не сможет противостоять бандитам. Кроме того, в больнице всегда много женщин, детей. А тут еще и немалое родильное отделение.

Словом, буденновская больница была выгодным объектом для террористов.

И они использовали этот объект в своих целях. Помню свое первое впечатление, когда услышал о нападении чеченцев на больницу.

От сообщения к сообщению цифра заложников стремительно росла восемьсот человек, тысяча, полторы тысячи… Невольно в памяти всплывали даты: 1981 год - в Сарапуле, в Удмуртии, террористы захватили в заложники 25 школьников, в 1983-м в Тбилиси в самолете «Ту-134» было 57 пассажиров, в 1986-м в Уфе

- 76 пассажиров на борту захваченного авиалайнера, в 1989-м в Саратове в заложниках семь человек и среди них один ребенок. А тут две тысячи, и никто не знает, сколько среди них детей, женщин…

Все, подумалось тогда, нет не только в России, но на всей матушке-планете силы, способной освободить этих несчастных.

Еще не было известно количество террористов, но всякий здравомыслящий человек понимал - сколько их там ни собралось, на каждого чеченца приходится по нескольку наших баб да ребятишек. Значит, чтобы добраться до террориста, надо порешить (страшно подумать, не только сказать) и всех этих баб, и этих ребятишек. Кому же нужна такая победа? Ведь все эти вместе взятые бандюги не стоят слезы одного ребенка.

В те дни Отто Лацис в «Известиях» напишет: «Если бы он (президент Борис Ельцин. - М. Б.) в Галифаксе попросил прямой помощи специалистов по борьбе с терроризмом, имеющихся в других странах и осуществлявших подобные операции более успешно».

Не знаю, какие операции имел в виду господин Лацис, но подобных не осуществлял никто в мире.

Никогда прежде не было такого числа заложников.

Никогда не собиралось в единую банду такое количество террористов.

Никогда они не имели на руках такого сильного современного оружия (крупнокалиберные пулеметы, автоматы, снайперские винтовки, гранатометы, ручные гранаты), такого запаса боеприпасов.

Да, были у зарубежных «специалистов по борьбе с терроризмом» успешные операции. Известный штурм авиалайнера в аэропорту Могадишо, когда западногерманское спецподразделение ГСГ-9 освободило заложников всего за 7 секунд.

Уникальная операция, проведенная израильскими коммандос в аэропорту Антеббе (Уганда). Здесь был проделан большой комплекс мероприятий. В Уганду заброшена агентура для поддержания радиосвязи с израильской разведкой. С заложниками, которых отпустили террористы, тщательно работали сотрудники МОССАД.

Для прикрытия операции в ходе телефонных переговоров с Францией постоянно подчеркивалась мысль о намерениях Израиля вступить в переговоры с террористами. Предполагалось, что переговоры перехватываются бандитами.

В день операции израильские коммандос были доставлены из Тель-Авива в Кению. Ночью один из самолетов, оборудованный

специальной аппаратурой для подавления радарной системы аэропорта, приземлился в Антеббе. В ходе боя сотрудники группы антитеррора захватили терминал, в котором террористы удерживали заложников. Операция длилась 53 минуты вместо 55 по плану. Все террористы были убиты. Подразделение коммандос потеряло одного человека. Из 90 заложников погибло трое.

Однако вы чувствуете - там речь идет о десятках людей. У нас о тысячах.

Потому как там (возьмите любую цивилизованную страну) в принципе невозможно сформировать и обучить батальон террористов, да еще двинуть его с огромным запасом оружия и боеприпасов по территории государства на трех грузовиках и кустарно раскрашенной милицейской машине.

И не только двинуть, но и дойти до цели и захватить немыслимое количество заложников. Так что вряд ли на просьбу о «прямой помощи» из-за «бугра» кто-либо откликнулся бы. Сдается мне, что России надо всегда рассчитывать только на себя. Кстати говоря, там, «за бугром», весьма высоко оценивают степень подготовки нашей группы «А», подразделения антитеррора, чудом уцелевшего после реформирований и «революционных разгонов» 1991 и 1993 годов. Да и вся ее история говорит о том, что «Альфа» в выучке и мастерстве не уступает ни западногерманской ГСГ-9, ни американской «Дельте», ни израильским коммандос.

Были и у нас блестяще проведенные операции. И среди них уфимская 1986 года, когда один из террористов был убит, другой ранен. Заложники не пострадали. Бакинская 1989 года - преступник обезврежен, пассажиры оказались на свободе.

А чего стоит освобождение сухумского изолятора, захваченного вооруженными преступниками в августе 1990 года? Так что есть и опыт, и умение. Кстати, за 25 лет существования группы «А» у них, в отличие от той же «Дельты» или ГСГ-9, не было провалов. От руки бойцов этого, без сомнения, уникального подразделения не погиб ни один заложник. Но это, как ни крути, история. А что случилось сегодня у стен буденновской больницы?

Блокировали район подразделения МВД и Министерства обороны. Были случаи, когда и блокирующие подразделения вступали в бой. Мне самому пришлось держать в руках письмо от жителей Буденновска на имя министра обороны. Они рассказывали, как храбро сражались с чеченскими снайперами, засевшими в домах, воины мотострелковой бригады, и просили поощрить отличившихся солдат и офицеров.

На штурм самой больницы шли два спецподразделения «Альфа» и «Вега». Атака «Веги» захлебнулась, однако в том не ее вина.

Рассказывает В. ДЕНИСОВ:

- У «Веги» была практически невыполнимая задача. Если бы они пошли до конца, то такого подразделения больше не существовало бы.

Им надо было пройти по совершенно открытому пространству метров сто пятьдесят. Место полностью простреливалось ДШК (крупнокалиберный пулемет. - Прим. авт.), автоматчиками, гранатометчиками. Там танк пусти, и его бы подбили. А они ведь живые люди, не в броне.

Так что «Вега» пошла, и атака сорвалась. Бойцы вернулись обратно.

Теперь вся надежда была на «Альфу». Но, в сущности, у них оказалась та же невыполнимая задача. Дело осложнялось еще и тем, что точно не удалось выяснить группировку террористов. Местная милиция давала информацию, что в больнице от 40 до 60 бандитов. Оказалось, 200- 210 человек. На военном языке - батальон трехротного состава по 70 человек. Что же касается милицейской информации, то она оказалась полной «дезой». А ведь при штурме каждый ствол на счету. И ошибиться в три с лишним раза при определении противника преступная авантюра.

Однако других данных, хотя бы самых приблизительных, никто сообщить не мог. Приходилось верить. Конечно, эти дни и ночи до штурма группа «А» не сидела сложа руки. Она собирала сведения о террористах. Ведь мало знать общую численность банды. А каково их вооружение, где располагаются снайперы, гнезда крупнокалиберных пулеметов, гранатометчики? Тут следует знать максимально реальную картину. А надеяться, как показала жизнь, можно только на себя.

Это там, в Америке, на «Дельту», когда она в деле, работают все мыслимые и немыслимые службы. Надо снимок из космоса? Пожалуйста. Карта, схема? Никаких проблем. А у нас, простите, штаб во главе с министром внутренних дел работал считай что вслепую, информацию от «Альфы» получали. А надо бы наоборот.

И тем не менее ко времени штурма данные о вооружении были достаточно полные. Ну разве что наблюдатели группы не просчитали полуподвальные этажи, окна которых террористы превратили в ДОТы. Но они и не могли их просчитать. Ведь никто не проводил им экскурсию по больнице, а издалека что смогли увидеть - то смогли. Правда, некоторых террористов знали персонально, в лицо. И, думаю, о тех, кто остался в живых и скрывается ныне в Чечне, не забудут.

Итак, что же представляла буденновская больница накануне штурма?

Рассказывает В. ДЕНИСОВ:

- Больница, а теперь уже и не больница, а батальонный опорный пункт - это несколько корпусов. Террористы находились в главном корпусе, там и располагались детское, родильное отделения.

Для совершения теракта она расположена в очень удобном месте. С тыльной стороны протекает река Сунжа, с другой стороны - тубдиспансер метрах в трехстах. Между диспансером и главным корпусом пространство как на ладони. Полностью простреливается.

С противоположной стороны тубдиспансера завод шампанских вин. Опять-таки между заводом и больницей двести метров открытого поля. И от фасада сто тридцать метров - голь, глазу не за что зацепиться.

В общем, реально говоря, незамеченным подойти практически невозможно.

Получали мы информацию и ночью, и днем. Наши снайперы подбирались как можно ближе к больнице. Я сам лежал метрах в восьми-десяти. Рисковали? Да, но риск был оправдан.

С 14 июля, с того момента, как приехали, до штурма не спали ни одной ночи. Но выяснили расположения ДШК. Где, в каких окнах они могут появиться. Эти пулеметы-»крупняки» у чеченцев были на станинах и колесиках, при необходимости перемещались из комнаты в комнату. Но, как правило, работали в двух-трех окнах.

Разведали также, где находятся обычные пулеметы, где располагаются снайперы.

Однако и с самого начала, да и после всестороннего просчета ситуации стало ясно - штурмовать нельзя. Но текли часы, Басаев на переговоры не шел, и по всему выходило - нельзя не штурмовать.

Сложно сказать, как было принято решение о штурме. Об этом достоверно знают три человека - президент, премьер-министр и министр внутренних дел.

И потому гадать - дело пустое. Мы сегодня знаем, чем закончился переговорный процесс, предпринятый после огневого. Но никто не знает, какой бы исход имели переговоры, не будь того, ныне уже трижды проклятого, штурма.

Словом, решение на штурм было принято.

Было ли оно бессмысленным? Думаю, что нет.

Было ли оно бесцельным? Нет.

Но исходно оно было обречено на провал.

Да, командование «Альфы» и «Веги» высказало свое мнение. Каково оно было? Судите сами.

Привожу дословно отрывки из того документа, который лег

на стол руководства операцией.

Оценка объектов воздействия:

1. Здание подготовлено к ведению обороны с использованием бытовых приборов и подручных средств.

2. На вероятных направлениях выдвижения штурмующих установлены пулеметные и снайперские позиции, отдельные участки заминированы, сосредоточены противопехотные и противотанковые средства.

3. Больница подготовлена к подрыву с помощью зарядов ВВ (тротиловые шашки), а также возможен подрыв кислородной секции, что может привести к значительному разрушению здания.

4. Наличие большого количества людей, превышающее санитарные нормы, увеличивает пожароопасность.

5. Большая концентрация людей в проходах, на межэтажных переходах значительно затрудняет движение штурмующих.

Возможный характер действий террористов:

1. Окажут сильное огневое сопротивление, что потребует применения «Шмелей», «Мух», подствольных гранатометов, крупнокалиберных пулеметов, пушек, БМП.

2. Осуществят подрыв зарядов ВВ: при подходе штурмующих, при проникновении штурмующих в здание.

3. Террористы на 1-м этаже, скорее всего, окажут незначительное сопротивление, что позволит штурмующим достаточно быстро проникнуть в здание. Затем террористы могут выброситься на улицу и одновременно подорвать здание. В дальнейшем с боем пробиваться в выгодном направлении.

4. Не взрывая здание, вести бой до конца.

5. Как маловероятный прогноз: с начала штурма сдаться.

Оценка возможных потерь среди заложников:

- от рук террористов - до 10%, от огневого воздействия штурмовой группы при позиции заложников как живого щита - до 10%; в ситуации «паника» - до 10%; в случае подрыва здания при использовании террористами взрывных устройств - до 10%; от огневого воздействия штурмующих - до 10%.

Итак, специалисты антитеррора прогнозировали тяжелейшие потери среди заложников - до 50 процентов. А среди штурмующих?

Расчет потерь был таким: в период сближения с объектом 32 процента, при входе на объект - около 10 процентов и в период боя в здании до 30 процентов. Всего - 72 процента (!).

Это означало, по существу, гибель спецподразделения.

Однако события развивались таким образом, что переговоры позитивных результатов не дали и после постоянных угроз со стороны террористов о расстреле заложников оперативным

штабом было принято решение о проведении операции.

В 23.00 генерал-майор А. Гусев поставил боевые задачи руководителям отделов и отделений на проведение операции и довел порядок взаимодействия.

В 4.25 личный состав группы выдвинулся на позиции для выполнения поставленной задачи.

В 4.50 началась операция.

Рассказывает В. ДЕНИСОВ:

- После того, как прозвучал приказ о штурме, мы уже не рассуждали. Единственная цель была у ребят - как можно меньше потерь среди заложников. Хотя каждый профессионал понимал - их не избежать.

Так оно и вышло. Но по нашей вине не погиб ни один заложник. Готов это доказать перед любым судом.

Сразу хочу обратить внимание на одно обстоятельство, которое почему-то ускользает из поля зрения пишущих. До штурма Басаев расстрелял пятерых заложников. Это потому, что ему вовремя не предоставили корреспондентов. Сколько убито милиционеров, летчиков? А как известно, у руководителя операции есть право - если опасность угрожает заложникам, немедля отдавать приказ на проведение операции.

Так что если посмотреть с другой стороны - там убивают людей, а Ерин должен терпеливо ждать. Чего? Пока Басаев методично будет расстреливать заложников? Или, может, десяток-другой жертв маловато? Надо ждать, пока он прикончит пятьсот, тысячу… Странные рассуждения, не правда ли?

Правда. Я вспоминаю текст тележурналиста за кадром, а в кадре убийца Басаев. Он медленно растягивает слова и говорит, что больше не убивает заложников. И комментатор вторит террористу: действительно, он не убивает. Он расстрелял только пятерых, да, милиционеров, да, летчиков.

Да еще нескольких человек, добавляет сам Басаев, приблудились, мол, шпионы под видом пьяных. А больше никого.

Про большее мы уже знаем сами: зверски убитые бабушки на рынке, девушки прямо на улице, мужчины в своих домах. Чего же еще ждать от террористов?

Нет, выходит, надо было ждать.

Рассказывает В. ДЕНИСОВ:

- На совести террористов более 130 жизней. О чем еще можно говорить? Где он был, наш правозащитник, 14-го, 15-го? Почему не приехал на переговоры? Ан нет. Легко после драки кулаками махать да обвинять.

Кстати говоря, когда заложники кричат о «конфетках чеченцев», их понять можно. Ведь кажется, всякая пуля оттуда

летит в тебя. А ты мирный обыватель, ты хочешь жить. Ну мало ли кого вывели чеченцы… Мало ли, прошел слушок - убили, изнасиловали. Меня-то не убили, а ребенку еще и конфетку сунули.

Так вот, психология заложников понятна, но прессе-то зачем повторять, возводить в канон рассуждения психически надломленных людей.

Да будет известно всем: террористы разделили заложников надвое. Одних они и вправду не трогали и даже детей конфетками потчевали. Других пытали, убивали, насиловали…

Стоп! Знаю, найдутся люди, которые скажут, тут «Альфа» организация заинтересованная и потому предвзятая.

Ну что ж, прервем пока сотрудника группы «А» и приведем слова самих заложников. Эти слова они мне лично не шептали на ухо. Их признания публиковались в центральных газетах.

Юрий АРЗУМАНОВ, 41 год:

- Подходим к хирургии. Думаю, где же они хотят нас расстрелять? Вот уже порог хирургического отделения. Стали по кучкам делить. По кучкам разделили… В этот момент их старший кричит:

- Есть милиционеры и военные? Доставайте документы.

Смотрю, один военный вышел, потом милиционер в форме и еще один без формы. Трое их было. Отдельно поставили. Мы, как зашли, больше их не видели.

Провели нас на второй этаж, а там один из чеченов, хромой, узкоглазый, с костылем, самый вредный он был, - мужиков загнал в одну комнату, на которой написано «Диетическое питание». Комнатка пять на четыре. В этой комнате было сто тринадцать человек».

Уже можно понять, в какую «кучку» попал Юрий Арзуманов. К счастью, не вместе с летчиками и милиционерами, но, к несчастью, и не в ту, где кормили конфетками.

Что же было дальше? Рассказывает сам заложник:

«- На вторые сутки, когда стрельба началась, они начали звереть. Хромой орал: если хоть на метр отойдешь, убью. И по пять-десять человек в окна выставляли, чтоб кричали.

Когда у меня уже не было сил кричать, этот хромой ударил меня прикладом в ухо. Я только увидел, что бьет, и потерял от удара сознание.

Во время штурма хромой нас поставил на расстрел, лицом к стенке. Всех, кто был в коридоре».

А вот совсем иные впечатления. Судя по всему, заложник из другой «кучки».

Николай БРИГИДА, 68 лет:

- В воскресенье после обеда у нас концерт был. Чечены принесли гитару, и один сел на площадке, начал играть и петь песни Высоцкого. И голос похожий был. А потом лезгинку как начали выбивать! Воскресенье, понедельник все концерты давали.

А вот у буденновской бабушки, мимо дома которой проходили террористы, получился иной концерт, смертный.

НУРИК, армянин, 24 года:

- Если кто из окон выглядывал, боевики прикладами стекла ломали, стреляли туда. Одна бабушка выглянула, ей рукой показали: давай, мол, иди сюда. Она показывает, нет, не выйду. Снайпер ее сразу убил, в голову.

Нурик был в числе тех, кто видел, как зверски убивали летчиков. Вот что он рассказал:

«А что касается расстрела военных… На моих глазах троих летчиков и двух милиционеров расстреляли. Их потом на носилках в морг, кажется, унесли. Их рядом так поставили и… Да какое там в голову! В голову, ноги, тело - очередями автоматов сплошное решето сделали. Их сразу человек по семь-восемь становилось, у каждого в магазине по сорок пять патронов, и они еще сорок шестой в затвор вставляли. И вот этот магазин полностью по людям…

На расстрелянных, я видел, рубашки как решето были. Бандиты боялись, сидели за дверями, а гражданские носили».

Заложнику Михаилу повезло больше и его не мучили, не били прикладами в ухо, он не стоял под дулом автомата и даже не видел расстрела со стороны. И у него иные чувства.

«Относились чечены к нам просто. Заложник? Сидишь и сиди. В туалет по одному.

Приносили шоколадки, конфеты женщинам. Простить бандитов нельзя за то, что они женщинами прикрывались. Но я их понимаю».

Видите, он их понимает. А вот 15-летняя Инна Кисленко, на глазах у которой умерла девочка, вряд ли поймет террористов.

«Утром они стали собираться, радостные такие, маски перед отъездом свои понадевали. А девушка их, Раиса, вообще плакать стала, мол, нам не хочется вас покидать, вы такие хорошие, мы тоже хотим мира… А там в полу, в каждой выемке, кровь…»

Что тут еще добавлять? Для всех, кто наивно верует в «шоколадные конфетки террористов» и их разговоры о мире, пусть повторяют слова Инны Кисленко - «там в полу, в каждой выемке, кровь…». Сильнее не скажешь. Это и есть истинный оскал террора.

КАК ОТПУСТИЛИ БАСАЕВА

22 июня 1995 года в Москве хоронили трех бойцов группы «А» Владимира Соловова, Дмитрия Рябинкина и Дмитрия Бурляева. Хоронили тихо, без особых почестей. Героев посмертно не дали, хотя они настоящие герои. Телевидение показало короткий сюжет с похорон, на том все и затихло.

А мне почему-то вспомнилась Москва четырехлетней давности. Наплыв народа. Первые лица государства открывают траурный митинг. Столица склоняет знамена. Портреты в черных рамках на первых полосах газет. Телеочерки на телевидении. Трое погибших за демократию. Вне всякого сомнения, те парни шли на БМП с благими намерениями. Хотя БМП шли совсем в другую сторону. Так какой же подвиг совершили они?

Размышляя над этими фактами из нашей жизни, вспоминаю слова без сомнения великого писателя и демократа Владимира Максимова, сказанные им на исходе 1992 года: «Мы находимся в состоянии общественной шизофрении». К этому могу лишь добавить, что болезнь крайне запущена.

Дабы подтвердить максимовский диагноз, расскажу о подвиге троих «альфовцев» во время штурма больницы. Ну а выводы, надеюсь, читатель сделает сам.

Итак, волей приказа «Альфа» была брошена на пулеметы.

Рассказывает сотрудник группы «А» майор В. ДЕНИСОВ:

- В районе морга, у гаражей, одну из групп прижали к земле бешеным пулеметным огнем. Они залегли у маленькой стеночки, а крупнокалиберный пулемет прошивает ее насквозь. В группе уже четверо раненых. Батареи в станции садятся, и я еле слышу, как они просят о помощи.

Связываюсь с ними, спрашиваю: нужна ли помощь? Отвечают, что дело совсем худо.

А у нас обещанной «брони» нет, но выручать ребят надо. Посылаю вперед четверку своих снайперов. Они-то и успели пройти всего метров тридцать, как попали под пулеметный обстрел, а потом их накрыли из гранатомета. Поднялись после обстрела трое из четверых. Слышу: «Маяк-один к Маяку-пять». Отвечаю: «Маяк-один, слушаю тебя». «У меня нулевой».

Поначалу не поверил, помехи в эфире большие, переспросил. Они вновь дали подтверждение - у них погибший. Им оказался снайпер Дмитрий Бурляев.

Смертельное ранение Дима получил примерно такое же, как Геннадий Сергеев в девяносто третьем у Белого дома. Правда, рука была не задета, но пуля пробила легкое, сердце.

Лейтенант Дима Бурляев. Мне о нем рассказал «кадровик» управления «А» подполковник Александр Горбачев.

Дмитрий вырос в Москве, с детства мечтал попасть в «Альфу». Однако, как известно, зеленых юнцов в группу антитеррора не берут, и Бурляев, закончив среднюю школу, пошел работать электромонтажником. Потом срочная служба. После увольнения опять рабочий коллектив.

Только в 1991 году он был принят на службу в госбезопасность. Но пока не в группу «А», а в 7-е управление. В «семерке» служил хорошо, но постоянно «просился» в «Альфу». Через четыре года лейтенант Дмитрий Бурляев стал бойцом подразделения антитеррора.

В Буденновске снайпер Бурляев лично уничтожил нескольких басаевских бандитов, прикрывал огнем выдвижение оперативной группы. Он погиб в снайперской дуэли с врагами.

Вторым погиб Дмитрий Рябинкин. Отличный парень, классный рукопашник. 24 года. Мужик смелый, рисковый.

Их группа прошла травматологический корпус, и там пулеметчик прижал их огнем. Еще несколько секунд, и у морга были бы и раненые, а может, и убитые. Выручил Рябинкин. Он в кувырке уходит в сторону и с колена снимает пулеметчика. И уходит под здание.

А тут команда отходить. Ну, командир: Дима, оттягиваемся. Он, прикрывая ребят, привстал, и сразу же снайпер сверху, с третьего этажа, метров с тридцати убил его. Снайпера сняли, но Диму уже не вернешь.

Пуля террориста пробила каску. Мне кажется, что снайпер засек его с первой очереди и выжидал, выслеживал.

Вообще он как жил - горел, так и погиб, словно сгорел. Когда после боя мы пришли на место гибели, увидели: кровь превратилась в пепел.

Володя Соловов оказался третьим в этом ряду. Там, у гаража, плотность огня оказалась такой, что всякое живое должно было погибнуть. Шаг сделал из-за угла гаража. Игорь Зайцев - ранен. Его оттащили. И тем не менее трое ребят туда просочились. Как трудно представить. Фантастика!

Они втянулись в парк перед больницей и втроем вели бой против батальона боевиков. Парк, разумеется, насквозь простреливался. Пулеметы «рубили» не только ветви, но и деревья в 10- 15 сантиметров.

Спасла их небольшая земляная насыпь. Кто-то нарыл ее, на наше счастье. Ребята залегли. Федора Литвинчука ранило в ногу. Володя ведет огонь и все время спрашивает: ты как, Федор? Литвинчук держался, а потом «поплыл». Потеря крови. Соловов

приказал третьему в их группе, Андрею Руденко, выносить Федора, а сам пошел вперед.

Представьте себе, он пошел один на басаевские пулеметы. Это подвиг? Да, подвиг, Володя жил и воевал под страшным огнем. Был ранен, но не отступил, двигался вперед. Ребята на связи услышали его слова: зацепило руку.

После ранения он продвинулся метров на двадцать - двадцать пять, залег за дерево; начал делать себе перевязку и был убит пулей в сердце. Его бронежилет оказался пробитым в нескольких местах.

Потом в дереве, за которым он лежал, как раз в том месте, где была голова Соловова, мы насчитали двадцать шесть пробоин. А дерево не дуб, клен, по-моему.

К сказанному хочу лишь добавить, что бандиты мстили даже мертвым бойцам группы «А». Более суток террористы не давали вынести из-под обстрела тело майора Владимира Соловова. И только после жесткого давления руководства подразделения о том, что никакие переговоры не будут возобновлены, пока не дадут забрать тело, погибшего удалось эвакуировать.

Так погибли бойцы «Альфы». Еще несколько человек были тяжело ранены.

Рассказывает сотрудник группы «А» Александр ХРИСТОФОРОВ:

- Я шел в пятерке штурмующих, которая была от нашего отделения. Как обычно отдан приказ, настроение у всех было не очень. Ведь задача, на мой взгляд, для спецподразделения нереальная.

Мы обошли хозблок и вышли к родильному отделению. Там одноэтажная пристройка столовой. С тыла нас никто не прикрывал, снайперов не было, совершенно открытое поле. Таким образом, путь отхода нам сразу отрезали. Хотя изначально никто отходить не собирался.

Войти внутрь мы могли только через одну дверь. Но дверь двойная деревянная и поверх металлическая решетка. Двери закрыты на замки изнутри и снаружи. Да еще внутри дверь охраняло двое террористов мужчина и женщина. Они время от времени стреляли через дверь, подбадривая себя криками: «Аллах акбар!»

Так мы оказались в огненной ловушке. Сверху нас забросали гранатами. Были ранены старший группы Демин, Корольков.

Стали вызывать «броню». «Броня» долго не подходила. Наши товарищи, которые остались за хозблоком, попытались поставить дымовую завесу, но ветер был в другую сторону.

Поняли, что надо выходить самим. Сергея подняли:

«Добежишь?» «Сейчас добегу. Потом - не знаю». Он был ранен в правый глаз осколком.

Приняли решение - бежим. Рванули через открытое пространство. Мелицкий шел первым. Я прикрывал на тот случай, если он споткнется, упадет.

Где-то в метре от хозблока он поскользнулся, упал, и пуля достала его в ногу. Очередью достало и меня. Потом ребята говорили, что по нам вели огонь сразу пять- шесть огневых точек.

Я почувствовал сильный удар в спину, с ног свалило и тут же ранение в руку, в ногу. Успел откатиться, ребята подобрали, перебинтовали, сделал укол и потерял сознание. Был сильный шок. Ранеными оказались все.

Вышли к машине «Скорой помощи», довезли до поликлиники, до операционной дошел сам и отключился. Пришел в себя уже в Зеленокумске, после операции. Помню: то жарко, то холодно. Оказалось - у меня пулевое ранение груди, контузия руки, ранение правой стопы.

Уже в Зеленокумске узнал подробности, сколько ребят погибло, сколько ранено, чем все закончилось. Узнал, что Басаева отпустили.

По существу, сотрудники группы оказались смертниками. «Альфа» и «Вега», вместе взятые, по количеству штыков, как говорят военные, оказались равны батальону Басаева. Но террористы засели в обороне, за кирпичными стенами да за спинами русских баб и детишек. Если представить себе, что в больнице нет ни одного заложника, а лишь батальон террористов с пулеметами, гранатами и автоматами, это означает необходимость проведения войсковой операции. Из расчета 3: 1 командующий операцией вынужден был бы бросить в бой как минимум 600-800 человек, то есть полнокровный полк. Со всей техникой, вооружением, батальонной артиллерией. Но даже в этом случае перед атакой по всем канонам военной науки он был обязан провести артподготовку, а по возможности, вызвать авиацию.

Иначе бы его солдаты - кандидаты в покойники, а полк, если и одержал победу, перестал бы существовать как боевая единица. В истории военного искусства эта победа носит название пирровой.

А теперь представьте, нет ни полка, ни одного-единственного бронетранспортера, броней которого можно хоть как-то прикрыться. Что такое артподготовка в спецподразделении, слышали, но применять не приходилось. Группе «А» артиллерия ни к чему, высшая мера мастерства и доблести жизнь заложника. Жив он, родимый, сработано на пять, мертв считай, полный

провал.

Сегодня тот штурм называют провалом. А на каком, собственно, основании?

Группе «А» на первом этапе операции приказали выйти к больнице. Она вышла. Да, потеряла троих бойцов. А кто сказал, что при таком бешеном пулеметно-гранатометном огне можно было сделать то же самое без потерь? Пока, насколько известно, никто из наших, да и из зарубежных «спецов» подобных заявлений не делал.

Но это что касается непосредственно штурма, если же говорить об операции в целом, она действительно завершилась провалом. Да, заложники были освобождены, но террористы ушли невредимыми. Конечно, за исключением тех, которых прикончили снайперы «Альфы». На день отъезда бандитов из Буденновска насчитали 21 труп. Да еще несколько десятков раненых, в основном в грудь или голову. Многие из них, как констатировали врачи, делавшие им перевязки, не жильцы. И верно, по агентурным данным ФСБ, на конец июля 1995 года в банде Басаева от ран скончалось 58 человек. Остальные живы и вполне здоровы. А это значит, впереди новые теракты, вне зависимости от войны или мира.

Во всем мире человек, совершивший теракт, подлежит длительной изоляции от общества или уничтожению. Жестоко? Возможно. Но общество должно эффективно защищаться от «чумы века». Иначе миром будет править террор. Как правил он огромной Россией во время буденновской трагедии.

В те дни пресса умиленно писала о том, какой беспрецедентный шаг совершил премьер Виктор Черномырдин.

Сам взялся за трубку, вел переговоры и руководил освобождением заложников. Думаю, что именно в этот момент Виктор Степанович принял единственно верное и мужественное решение. Иного было просто не дано.

И по-человечески он достоин восхищения. Верно подметили наши газеты случай беспрецедентный. Сам премьер, под «пристальным взглядом» камер, на весь мир… и впервые в мире. А почему, собственно, впервые в мире? Неужто другие президенты и премьеры меньше любят свой народ или не заботятся о собственном политическом имидже? В эти же дни в Японии, как специально, террорист захватил самолет с пассажирами. Однако японский премьер почему-то не схватился за трубку и не согласился удовлетворить все требования бандита. Да, Кабинет министров беспрерывно заседал, держал под контролем ситуацию, делал все нужное и возможное для спасения заложников, но непосредственные переговоры вели другие. Кто?

Профессионалы.

Сегодня терроризм столь изощрен и высокопрофессионален, что противостоять ему могут только профессионалы, долгие годы занимающиеся этими проблемами.

Может ли претендовать на это звание Виктор Степанович? При всем глубоком уважении к нему должен сказать - нет. Он впервые взялся за весьма необычное и сложное дело. Да, он спас заложников. Честь ему и слава! Но он отпустил террористов на все четыре стороны. Можно ли обвинять его за это? Вряд ли. Чтобы решить тяжелейшую двуединую задачу, нужен опыт, специальные знания, умение переиграть террористов. Но для этого у премьера не было ни времени, ни сил.

Однако дело не только в непрофессионализме председателя правительства. В конечном итоге ему и не надо быть «спецом антитеррора».

Сложность в другом. Вступая в прямой контакт с бандитами, первое лицо государства (им и был Черномырдин в связи с отъездом Ельцина в Галифакс) теряет возможность всякого маневра. Он уже не может сослаться на вышестоящую инстанцию, взять паузу для переговоров с Кремлем, сослаться на отказ последних. Он сам Кремль.

Хочу напомнить: террорист Якшиянц, захвативший автобус с детьми, требовал к себе в качестве заложника жену Михаила Горбачева, Раису Максимовну. Теперь представьте на месте командира группы «А» генерала Геннадия Зайцева, который вел трудный диалог с главарем банды, самого Горбачева. Как бы он выкрутился в этой ситуации, на кого сослался?

Такими же безумными выглядели и предложения немедленно прибыть в Буденновск и вступить в переговоры с Басаевым президенту Б. Ельцину или премьеру В. Черномырдину. Не хватало еще, чтобы первые лица государства оказались в заложниках у бандитов. Ведь такой случай в прежней практике террориста Басаева уже был, когда местное руководство, прибывшее на переговоры, оказалось захваченным бандитами.

Теперь представьте себе ужас случившегося - в руках террористов огромная страна с ядерным оружием. Кому и какие требования предъявили бы чеченские бандиты на сей раз? Думаю, хватило бы головной боли и мировому сообществу.

Что ж, все верно. Но возникает вопрос - кто должен делать эту работу? Вести переговоры, вызволять заложников?

Об этом как раз и следовало позаботиться тем, кому пришлось брать трубку и выходить на связь с террористом. Позаботиться заранее. Увы! После событий 1993 года у нас в стране, именующей себя великой, по существу, осталось два

подразделения антитеррора. Чудом уцелевшие группы «А» и «Вымпел». Парадокс. Задолго до буденновских событий в своей книге о группе «Альфа» я писал о необходимости создания единого центра антитеррора. Еще раньше в письме к президенту к этому взывали сотрудники подразделения. И лишь после страшной трагедии, сотен смертей о центре вспомнил сам Борис Ельцин.

Как раз таки в нем и должны быть специалисты-психологи по переговорам с террористами. Спросите, откуда их взять? Готовить. На первых порах можно использовать опыт сотрудников группы «А», того же генерала Геннадия Зайцева, который провел в «задушевных» беседах с террористами не один десяток часов. И поверьте, знает, как это делается. Другого пути у нас просто нет.

Надо твердо усвоить: нельзя, более того, преступно становиться на колени перед террористами и соглашаться на все их условия. Если принять соглашательскую тактику - вовсе не нужны никакие спецподразделения. Но тогда невольно возникает вопрос - в каком государстве мы окажемся?

А пока, как ни прискорбно, следует признать - Басаева мы просто выпустили на свободу. И выпустили не один раз и не только в Буденновске. Попросту закрыли глаза на прежние его теракты - захват самолета, автобуса. В прессе мелькают сообщения, якобы наши органы обучали Басаева и его абхазский батальон. Если это так, на кого сетовать: собственными руками умело и тщательно готовили себе убийц.

Но апофеозом прощения убийц стал, конечно, Буденновск. До последнего басаевского шага, когда он растворился в ночи, не мог поверить, что мы отпустим садистов, проливших море крови, убивших несколько десятков наших соотечественников. Не могу поверить и до сих пор. Ведь это надругательство над памятью невинно погибших.

Была ли возможность уничтожить бандитов? Была. Стопроцентная. Длинная дорога, большое количество остановок, немалый опыт штурма автобусов, когда уничтожали всех бандитов и оставались живы заложники. Но самое непонятное в другом. В данном случае и автобусы штурмовать надобности не было. На остановке все пили из одного ведра. На эту возможность обратил внимание человек, весьма далекий от хитростей специальных служб, корреспондент «Известий», который хлебал водичку вместе с террористами и позже выразил свое недоумение на страницах газеты.

Но создавалось такое впечатление, что у нас вообще отсутствуют спецслужбы. Нет, на самом деле они присутствовали и даже были готовы предпринять действия. Тогда почему не

предприняли? Я не один месяц пытался добиться ответа на этот весьма щекотливый вопрос в различных высших инстанциях наших спецслужб.

Ответ оказался не так уж сложен. Он напрямую связан с личным участием в переговорах премьера. Ведь глава государства лично дал гарантии безопасности террористам. Что ж, в этот момент верно поступил, иначе они не отпустили бы заложников.

Но, как считает, к примеру, генерал Рафаэл Эйтан, бывший начальник генштаба армии Израиля, специалист по борьбе с терроризмом, даже если с бандитами и пришлось заключить какое-то соглашение, его не следует «благородно» выполнять.

При первом удобном случае их надо уничтожить.

У нас таких удобных случаев было предостаточно. Однако теперь все смотрели на премьера. Черномырдин «благородно» молчал.

Перед уходом в отставку тогдашний директор ФСБ Степашин заявил: мы достанем Басаева и его террористов. Думаю, что это святая обязанность не только спецслужб, но всего государства Российского.

КОНЕЦ БАНДЫ «НЕУГОМОННЫХ»

В августе девяносто пятого пассажиры Павелецкого вокзала стали свидетелями весьма занятного события. Ближе к полудню, после прибытия поезда № 2 Волгоград - Москва, станционные носильщики выгрузили из вагона несколько коробок. Обычные коробки, которые сотнями можно увидеть каждый день на вокзале.

Появился человек, попросил носильщиков подойти к одному из вагонов и получить у проводницы груз. Хорошо заплатил. Носильщики все исполнили: выгрузили, подвезли к месту, куда указал клиент.

Вокруг шумел вокзал, сновала беспокойная публика, прибыл еще один поезд, а хозяина коробок все не было. Носильщики перекурили, обсудили прогноз погоды, виды на заработки нынешнего дня, а хозяин груза словно сквозь землю пропал. Носильщики начинали нервничать. Они уже были готовы сбросить коробки со своих тележек, когда перед ними выросли несколько парней, сбоку подъехала машина. Парни молча стали грузить коробки.

В этот момент произошло нечто непонятное: грузчики коробок оказались лежащими на асфальте. Через несколько минут их доставили в станционное отделение милиции.

Справка группы «А» по делу «Неугомонных»:

«В соответствии с указаниями директора ФСБ России генерал-полковника Барсукова М. И. 16 августа 1995 года десять сотрудников группы «А» провели задержание лиц, занимающихся незаконной перепродажей похищенного огнестрельного оружия.

Перед проведением операции руководителем оперативного штаба утвержден план действий, в соответствии с которым сотрудники группы «А» при поддержке представителей УФСБ по Москве и Московской области, а также сотрудников ГУВД на транспорте после прибытия поезда № 2 Волгоград Москва осуществляют наблюдение за выгрузкой и перевозкой четырех коробок с оружием до места погрузки в автомашины, где проводят задержания.

На вокзале станции Москва-Павелецкая-пассажирская сотрудниками группы «А» в соответствии с планом была проведена операция по пресечению незаконной деятельности «Неугомонных» с классифицирующим признаком «контрабанда», во время которой задержано 8 человек, двое - жители Волгоградской области, являющиеся организаторами канала нелегальной доставки огнестрельного оружия из Кавказского

региона в Москву и Московскую область».

После того как груз был задержан, в коробках оказались 10 автоматов Калашникова. Однако это были не простые автоматы, а с приспособлениями для бесшумной стрельбы - особо ценимые в криминальном мире. Здесь же обнаружили пистолет-пулемет иностранного производства и 1900 боеприпасов к ним.

В этот же день в Подольске планировалась передача оружия покупателям. На место предполагаемой передачи была направлена группа захвата. Но покупатели в указанное место не прибыли. Судя по всему, события на вокзале вспугнули покупателей.

Однако это был лишь первый, как показал опыт, не самый сложный этап ликвидации банды «Неугомонных». Предстояло «раскрутить» цепочку Северный Кавказ - Москва, перекрыть канал поступления оружия.

В ходе сложных оперативно-следственных мероприятий были установлены источники продажи оружия. Они находились в одном из аулов Северной Осетии. Сложность состояла в том, что это осетинское село находилось на границе с Ингушетией. Как сказал один из сотрудников группы «А», там «был особый климат напряженности, подозрительности, высокой боевой готовности населения». Естественно, село было вооружено. Местные органы милиции федеральной службы безопасности наотрез отказались войти в аул. Пришлось входить «Альфе».

Вот как о той операции рассказал один из ее участников.

«Наружное наблюдение отказалось въезжать в село. Что ж, мы сами разведку проводили.

Нарядились, изображали заблудившихся, ездили по селу, спрашивали дорогу. Осетины люди отзывчивые, показывали. Словом, все объездили, посмотрели.

Село оказалось небольшим, вытянутым в две улицы. Две семьи занимались здесь этим смертоносным промыслом. Один из преступников был в авторитете. Из-за него могли вступить в бой. Поэтому надо было действовать крайне осторожно. Никакой пальбы.

По мере передвижения сотрудники «десантировались» из машин и окружали дома.

Взяли преступников быстро и тихо. Одного «повязали» во время утреннего туалета. У него было оружие, взрывчатка, но воспользоваться ничем не успел».

Но и арестовать торговцев оружием еще не победа. Их попросту могли не отдать. Что такое десяток сотрудников на несколько сотен вооруженных жителей. Поэтому пришлось общаться со старейшинами уважительно, терпеливо объяснять:

ваши соплеменники вооружают бандитов. Те, в свою очередь, убивают, грабят. «Да, это плохо», - согласились старейшины».

Только так удалось вывезти «торговцев оружием» из их родного села. Закончила свое существование банда «Неугомонных». Группа «А» еще раз доказала умение действовать в крайне сложной обстановке.

В ГОСТЯХ У ОТРЯДА «47»

Откровенно говоря, нас и вправду трудно понять. Почему террористический акт у шведского посольства 1 декабря 1997 года «жевался» прессой несколько недель, раскладывался «по косточкам» ход операции, на взгляд журналистов, характерные ошибки сотрудников спецподразделения, по компетентному мнению журналистов, догадки, сплетни, выводы? А вот другой инцидент с захватом автобуса с корейскими туристами на Васильевском спуске в Москве прошел как бы незамеченным. Нельзя сказать, что эта операция группы «А» совсем не имела прессы. Публикации в газетах, сюжеты на ТВ были небольшие, нечастые, а вскоре и вовсе сошли на нет.

А ведь операция была непростая, по-своему уникальная. Во-первых, события происходили в центре столицы, на излюбленном Васильевском спуске. До Кремля, что называется, рукой подать. Кстати говоря, снайперы «Альфы» и сидели на кремлевских башнях во время проведения операции.

Во-вторых, не так часто у нас, да и в любой другой стране, захватывают автобусы с иностранцами. Тут уж как ни крути, на весах не только жизни людей, но и престиж государства, столицы.

В-третьих, этот захват, образно говоря, «поставил на уши» всю Южную Корею, ибо ничего даже близко подобного в их стране не происходило. Потом, когда делегацию сотрудников группы «А» пригласят посетить Южную Корею, им расскажут, что за всю современную историю у них было, кажется, два террористических акта: один захват с ножом, другой с пистолетом. Вот и все. А тут в России в центре Москвы захвачены сразу 28 граждан их страны.

О важности операции говорил даже состав оперативного штаба во главе с директором ФСБ Михаилом Барсуковым. В него вошли мэр Москвы Лужков, начальник Главного управления охраны Крапивин, начальник антитеррористического центра Зорин, заместитель начальника управления ФСБ по Москве и Московской области Трофимов, начальник ГУВД столицы Куликов, представители службы безопасности президента, прокуратуры, Минобороны Российской Федерации.

Это был тот нечастый случай, когда члены штаба работали слаженно и обеспечили успешные действия группы антитеррора.

Бойцы «Альфы» до сих пор с благодарностью вспоминают помощь мэра Юрия Лужкова.

Вот как об этом рассказывает сотрудник подразделения Василий ВЕРЕЩАК:

- В операции был один нюанс - присутствие мэра Юрия

Лужкова. Я, признаться, впервые видел его в деле. Деятельный человек, активнейший. Террорист требовал 10 миллионов долларов. Так вот Лужков моментально нашел деньги. Он вызвал банкиров и встряхнул их так, что сразу появились мешки с валютой.

При всей мощи ФСБ, ГУВД мы не могли найти однотипный автобус. Подчеркиваю, не похожий, а однотипный.

Автобус-то был непростой - «Мерседес» турецкого производства. А он имеет большие особенности и отличия. Например, там не просто боковые стекла - триплексы стоят мощные. Их трудно разбить.

Потом система открывания дверей совсем другая, непривычная. Словом, особенностей много. Крайне был необходим автобус для тренировки.

Команда Лужкова - и над мостом стоит такой же автобус. Более того, Юрий Михайлович разрешил нам потренироваться «по-боевому», то есть не жалея автобуса. Ну и мы не подвели.

Итак, вернемся к началу операции. От сотрудников МВД была получена первичная информация: террорист, вооруженный пистолетом и взрывным устройством, удерживает на мосту в экскурсионном автобусе «Мерседес» в качестве заложников корейских туристов, водителя и переводчика. Он требует предоставления 10 миллионов долларов США, транспорт и возможность вылета из Москвы на самолете. Пункт назначения не назывался.

В случае невыполнения требований преступник угрожал взрывом одного из аэропортов столицы, где, по его словам, находился брат, имеющий мощное взрывное устройство.

Переговоры с террористом через водителя автобуса вели сотрудник МВД Ю. Семенов и боец группы «А» капитан И. Мирошниченко.

Исходя из сложившейся ситуации сотрудниками спецподразделения антитеррора «Альфа» была проведена рекогносцировка, намечены варианты действий, организовано снайперское прикрытие. Сформированы две группы прикрытия во главе с подполковником В. Демидкиным и старшим лейтенантом О. Поповым.

Определены также маршруты выдвижения групп захвата и порядок действий во время штурма и освобождения заложников.

О террористе практически ничего не было известно.

Поначалу предполагалось в ходе переговоров заставить террориста выглянуть в окно и поразить его снайперским огнем с одновременным проведением штурма силами группы захвата. В 20 часов сотрудники групп уже заняли исходные позиции для

проведения операции.

Однако бандит оказался не прост. Он проявлял максимальную осторожность, прятался за сиденьями автобуса, в оконных проемах не появлялся. Более того, заставил водителя переместить автобус на 20 метров вперед.

Все это требовало внести коррективы в первоначальный план.

Тем временем переговоры с террористом продолжались. Около 22 часов он освободил всех удерживаемых женщин и троих мужчин. Бандит уменьшил сумму требуемых денег до 1 млн. долларов и потребовал радиостанцию для связи со штабом.

В 22.30 через водителя автобуса были переданы 470 тысяч долларов с условием освобождения еще нескольких заложников. Через десять минут заложники были выпущены на свободу.

Они рассказали, что террорист - примерно сорокалетний мужчина, высокого роста, крепкого телосложения, одет в черную кожаную куртку, светлую рубашку и темные брюки. На голове - спортивная шапочка, закрывающая все лицо с прорезью для глаз.

Вооружен пистолетом, предположительно системы Макарова.

В левой руке - сумка, в которой, по словам террориста, находится взрывное устройство. Бандит располагается в передней части автобуса, у второго-третьего ряда кресел.

Это была важная информация, однако оставались неразгаданными еще много вопросов. И в первую очередь сумка террориста. Действительно ли там было взрывное устройство, или преступник блефовал?

Тем временем террорист выдвинул новые требования: предоставить всю сумму, легковую автомашину без водителя и возможность беспрепятственного переезда в аэропорт Домодедово.

Штаб тут же отреагировал. Было принято решение предоставить автомобиль и во время пересадки захватить преступника. Выполнить эту задачу должны были капитан Ю. Торшин и старший лейтенант Ю. Полищук.

В 23.30 террористу подогнали автомобиль «Волга». Он заставил водителя автобуса осмотреть машину и отказался пересесть в нее. Террористу не понравилось, что «Волга» оснащена радиостанцией.

Вскоре ему были предоставлены «Жигули». Но террорист не пересел и в эту машину до получения всей суммы денег.

На сей раз решили осуществить захват бандита в момент передачи денег.

В 2.00 15 октября группы захвата начали выдвижение на исходные позиции. Следовало действовать с особой осторожностью, ибо стало известно, что террорист обладает

настоящим взрывным устройством.

Вспоминает сотрудник группы «А» В. ВЕРЕЩАК:

- Террорист бросил фразу, обращаясь к водителю: мол, поедем осторожно, там притормози, иначе эта штука взорвется. Это, с одной стороны, осложнило нашу работу, с другой - внесло ясность. Бандит не блефует, у него настоящее взрывное устройство.

С лёту действовать было нельзя. Поэтому долго просчитывали варианты. Сейчас встречаемся с некоторыми спецами, они говорят: там проблем не было, подумаешь. Проблемы были. К тому же мы находились не только под прицелом террориста, но и под прицелом телекамер. Понимали: любая ошибка будет потом транслироваться на весь мир.

Но ошибок не было. В 2.38 по команде руководителя операции директора ФСБ Михаила Барсукова сотрудник группы «А» капитан И. Мирошниченко при передаче денег бросил световую гранату в окно автобуса. Взрыв гранаты стал сигналом к штурму.

Группа захвата во главе с капитаном Ю. Торшиным через разбитое окно и разблокированную дверь проникла в салон автобуса. Одновременно к левому борту подошла автомашина «ЗИЛ-130», и группа В. Демидкина из кузова машины ворвалась в автобус.

Террорист открыл огонь из пистолета. В перестрелке он был убит. Заложники эвакуированы. Деньги возвращены.

Южная Корея ликовала. По телевидению, на всех программах, показывали московский сюжет: группа «Альфа» штурмует автобус. Популярность нашего спецподразделения была столь велика, что через несколько месяцев в Корее их узнавали на улицах и восторженно кричали: «Альфа!», «Альфа!».

Своими впечатлениями от поездки в Южную Корею делится Василий Верещак:

- Признаться, мы не ожидали, насколько мощная пропагандистская кампания была развернута. Какое важное значение они придавали тому, что мы рисковали жизнями, спасая корейских рабочих. Насколько внимательно они относились к этой операции. Сюжеты по телевидению, статьи в прессе, теплый прием, восторг при встречах на улице. Это, признаться, приятно.

Ну а культурная программа вообще потрясающая!…

Однако корейцы организовали нашим спецназовцам не только культурную программу и отдых, но и впервые допустили на свою базу, где размещается корпус быстрого реагирования. В состав корпуса входит полк специального назначения. А в полку - отряд «47». Это и есть южнокорейская «Альфа».

В истории «сорок седьмого» отряда не было ничего подобного московской операции, и потому бойцы корейского спецназа с уважением смотрели на своих российских коллег.

В свою очередь, учебно-тренировочный комплекс корейцев потряс наших ребят. Несмотря на то что они стеснены океаном, на учете каждый метр земли, государство построило своим спецназовцам прекрасный полигон. «Там есть все, - говорили мне «альфовцы», стадион, беговые дорожки, бассейн. Тут же стоят самолеты, вагоны, автобусы, автомобили. Их штурмуют, отрабатывают приемы.

Рядом поля для минновзрывной подготовки, горный полигон, где совершенствуются альпинисты.

А многоуровневое стрельбище, с большой глубиной. Ведь у нас стрельбища короткие, а там… Раздолье для снайперов.

Тут же вертолетные площадки. Спецназ отсюда улетает на задание, сюда же возвращается. Даже в административном здании и то идет боевая учеба.

Внизу - тир. Три направления стрельбы. Программно обеспечивается, идет автоматическая обработка результатов, сразу же ясна эффективность огня.

Это нас потрясло. Было горько и обидно. Ничего подобного мы и близко не имеем.

Понимаю горечь наших ребят. «Альфе» четверть века, за спиной труднейшие операции, победы, награды, а хорошей учебно-материальной базы нет. Приходится ютиться в маленьком спортзале, крохотном тире, в кабинетах на троих.

И все-таки в той корейской поездке была светлая страница. Какая, спросите вы? О ней мне рассказали сами сотрудники «Альфы». Операцию группы «А» на Васильевском спуске в Москве бойцы корейского отряда «47» изучают в записи по секундам, по жестам, по движениям. Изучают тщательно и кропотливо. Думаю, им есть чему поучиться!

«ДЕТОНАТОРЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ…»

Афганская война, «горячие точки» на территории Советского Союза и, наконец, чеченская бойня - во всех этих местах приходилось быть группе антитеррора «Альфа». Словом, навоевались бойцы спецподразделения вдоволь. И поэтому, прежде чем рассказать об их участии в последней войне, хотелось бы сказать несколько слов о так называемых «конфликтах малой интенсивности» вообще. Ибо после Второй мировой человечество «завязло» в подобных конфликтах. Весьма опасных и острых.

И поэтому мы начнем с того, что операция, проводимая федеральными силами в Чечне, не что иное, как «военно-полицейская операция» локального масштаба.

Можно было сочинить какое-либо другое более благозвучное название, ну, например, просто «локальный конфликт» или «операция против нерегулярных сил», но, думаю, суть от этого не меняется. Ясно и четко просматриваются две черты - локальный характер войны и ее сугубо полицейские цели. Наверное, для нашего читателя подобные термины могут нести отрицательную нагрузку. Что ж, война исходно несет в себе крайне мало положительного, и нам пора привыкать к подобным терминам. Что случилось, то случилось.

Вообще для мировой практики и истории военного искусства такие операции не в новинку. К ним можно отнести операции «Мир Галилее», проведенную израильскими регулярными войсками в 1982 году по разгрому и вытеснению из Ливана военных формирований палестинского движения сопротивления, «Эрджент фьюри», («Срочное неистовство») высадка американцев на Гренаду в 1983 году, смена правящего режима и, таким образом, устранение кубинского и советского влияния в регионе, «Джаст Коз» («Правое дело») - десантирование частей 18-го воздушно-десантного корпуса США и подразделений ВВС в Панаму с целью ареста Мануэля Норьеги и укрепления американских позиций в зоне Панамского канала.

Эти полицейские операции были проведены успешно и цели полностью достигнуты. Иначе дело обстоит в Турции. Она ведет решительные боевые действия по разгрому военных формирований рабочей партии Курдистана. Последняя карательная операция «Заря» прошла в 1995 году в северных районах Ирака.

В этом ряду стоит теперь и Россия со своим локальным чеченским конфликтом.

Вообще, начиная искать причины неудач первой войны в

Чечне в сегодняшнем, как минимум во вчерашнем дне, мы рискуем заплутать в двух соснах. Думается, эти причины во многом кроются в гигантизме и масштабности военной политики Советского Союза, а потом и России. Да, мы победили в страшной мировой войне. Одержали невиданную доселе победу. И напряженно готовились к новой, может, более значительной войне. А мир жил десятками малых, локальных войн. За границей их называли «конфликтами малой интенсивности».

Кстати говоря, этими «малыми войнами» начинался XX век. Вспомните, испано-американская война 1898 года, русско-японская 1904-1905 годов, итало-турецкая 1911-1912 годов.

Целый ряд локальных войн предшествовал Второй мировой войне: вторжение Японии в Китай и захват Маньчжурии в 1931 году, итало-эфиопская война 1935 - 1936 годов, германо-итальянская интервенция в Испании в 1936-1939 годах.

Особенно широкое распространение получили локальные войны в послевоенное время, в 50-60-е годы, да и значительно позже. Накал «конфликтов низкой интенсивности» не спадает в мире и до сегодняшнего дня. Так, по данным военных ученых, только в 1988 году в мире велось больше войн, чем в какой-либо другой год истории человечества.

Однако нам удавалось «не замечать» эти «малые войны». Мы, как и десятилетия назад, отрабатывали планы стратегического броска через всю Европу с выходом к Ла-Маншу. В это время в США аналитики тщательно и упорно «перелопачивали» опыт Кореи и Вьетнама, арабо-израильских войн, обсуждали и апробировали концепцию «конфликта низкой эффективности», заблаговременно, до мелочей просчитывали развертывание войск в регионах своих жизненных интересов.

Увы, наши стратеги «лопатили» и просчитывали совсем другое. Начиная с 1987 года, советские войска то и дело участвовали в межнациональных конфликтах на территории страны. И несмотря на Сумгаит, Тбилиси, Вильнюс, Абхазию, другие «горячие точки», на научно-практической конференции в мае 1992 года, посвященной созданию Вооруженных сил Российской Федерации, практически никто из докладчиков не коснулся проблем использования армии в локальных конфликтах.

А ведь мы не стояли в стороне от этих конфликтов. Была и Корея, был и Вьетнам, и участие в многочисленных войнах Ближнего Востока, не говоря уже об Афганистане, где воевали долгих девять лет. К несчастью, следует признать, что весь богатый опыт, обретенный и оплаченный кровью как в своей, так и в чужих странах, пошел прахом. Попытайтесь в штабах и управлениях, на кафедрах и в библиотеках сыскать толковые

разработки, обобщение опыта локальных войн. Поверьте, вас ждет разочарование. Я пытался это сделать. Этих разработок крайне мало.

Конечно, кое-что разрабатывалось в прежние «застойные» годы. Но это кое-что теперь осталось либо за границей, либо попросту уничтожено за ненадобностью. Остается хрупкая надежда, что наши стратегия и тактика повернутся еще к проблематике локальных войн. В феврале 1995 года на совещании руководящего состава Вооруженных сил, когда подводились первые итоги чеченской войны, министр обороны обратил внимание присутствующих на эти проблемы.

Каковы же они, эти проблемы? Их целый комплекс. А начать хотелось бы, на мой взгляд, с важнейшей - локальные войны таят в себе угрозу перерастания в мировую войну. Еще Ф. Энгельс говорил о малых войнах как о «детонаторах всеобщей мировой войны».

В современных условиях международная обстановка остается неизменно острой, а взаимосвязь между различными районами мира настолько тесна, что любой локальный пожар может вырасти во всеобщий. Эта угроза обусловливается тем, что локальные войны носят, как правило, коалиционный характер, к ведению боевых действий привлекаются огромные людские, материально-технические и финансовые ресурсы, постоянно присутствует опасность применения ядерного оружия.

Ныне государства, вступающие в войну, стараются снять с себя единоличную ответственность за развязывание боевых действий, а также переложить часть военных забот на союзников. Примером тому - война в Корее, когда под флагом ООН вместе с США и Южной Кореей участие в войне принимали Англия, Австралия, Бельгия, Голландия, Греция, Канада, Колумбия, Люксембург, Новая Зеландия, Таиланд и другие государства. В свою очередь, и противоборствующая сторона старается привлечь союзников. Так, в 1973 году против Израиля вместе с египтянами и сирийцами выступили Ирак, Иордания, Саудовская Аравия, Алжир и Кувейт.

Еще более яркое и наглядное представление о коалиционном характере современных локальных войн дают события в зоне Персидского залива в 1990-1991 годах. Для освобождения Кувейта в состав многонациональных сил свои войска направили 20 государств, а всего в антииракскую коалицию входило 34 страны. С. Хусейн тоже нашел поддержку у нескольких государств и среди них - Судан, Йемен, Алжир, Мавритания и другие. Таким образом, общее количество стран, прямо или косвенно втянутых в конфликт, превысило цифру 40. Теперь же для сравнения

вспомним - в Первой мировой войне участвовали 38 государств. Вот вам и локальная война. Вот и «конфликт низкой интенсивности».

Опасность перерастания региональных конфликтов в мировую войну напрямую связана и с наращиванием вооруженных сил и средств на театре военных действий. Так, в войне в Корее вооруженные силы США и Южной Кореи насчитывали более 1 млн. человек, около 1000 танков, 1600 самолетов. Во Вьетнаме американские и сайгонские войска имели уже 1, 4 млн. человек, свыше 4500 орудий, 4100 самолетов и вертолетов.

В войне на Ближнем Востоке с обеих сторон участвовало 1, 7 млн. человек, 6000 танков, 1800 боевых самолетов.

Абсолютный рекорд концентрации личного состава и техники принадлежит войне в Персидском заливе. В 1991 году с обеих сторон здесь было задействовано почти 1, 5 млн. человек, 10 440 танков, свыше 12 300 артиллерийских систем, около 3000 самолетов, более 200 боевых кораблей и катеров.

Что и говорить, крайне опасная тенденция. Однако решающая роль, на мой взгляд, принадлежит опасности применения ядерного оружия. Тем самым обычная война локального характера перерастает в ядерную и ставит человечество на грань катастрофы.

Ведь еще в ходе войны в Корее в 1950 году американцы планировали применение атомных бомб. По подсчетам стратегов США, всего шесть 40-килотонных бомб понадобилось бы для уничтожения почти 100-тысячного контингента из состава китайских и северокорейских войск в районе Пхенган, Чхорван, Кынхва.

В 1973 году Израиль был готов нанести ядерные удары.

По данным американского журнала «Тайм», 13 израильских атомных бомб были доставлены из ядерного центра в Димона и за трое суток собраны в тайном подземном тоннеле. И только благодаря повороту военных действий в пользу Израиля они оказались невостребованными. Иными словами, в октябрьских боях 1973 года Ближний Восток был на грани ядерной войны.

Позже, в 1982 году, в англо-аргентинском конфликте из-за Фолклендских (Мальвинских) островов Англия на кораблях ВМС имела готовое к применению ядерное оружие.

Перед началом активных действий в ходе операции «Буря в пустыне» командующий вооруженными силами США на Ближнем Востоке генерал Норман Шварцкопф запрашивал санкцию на проведение взрыва ядерного устройства над территорией Ирака для выведения из строя электронного оборудования противника.

Таковы современные локальные войны. А что же в итоге? Отбросив политические цели, смену режимов, ослабление влияния тех или иных держав в регионе, приходится с горечью констатировать - ярко выраженной, доминирующей чертой этих конфликтов является исключительная жестокость и бесчеловечность средств и методов их ведения, попрание норм международного права и, как результат, массовые человеческие жертвы.

Только в 1988 году на Земле бушевало 25 локальных войн и конфликтов, в которых погибло 3 млн. человек, причем преимущественно гражданского населения. Эти тенденции прослеживаются и в последние десятилетия. Для сравнения приведем следующие цифры. Гражданские лица в годы Второй мировой войны составляли примерно 50% от всех пострадавших. В ходе американской агрессии во Вьетнаме их было уже 70%, а во время вторжения Израиля в Ливан в 1982 году этот показатель вырос до 90%.

Трудно проверить достоверность последней цифры. Во всяком случае, ее называл журнал «Зарубежное военное обозрение» в 1990 году со ссылкой на авторитетные иностранные источники. Но даже если она на самом деле окажется несколько ниже, все равно - тенденция однозначно сохраняется.

И как ни парадоксально, следует признать: в условиях роста избирательности современного оружия удельный вес потерь гражданского населения неизменно увеличивается. По оценкам зарубежных аналитиков последних лет, для «конфликтов низкой интенсивности» характерно такое соотношение, когда число убитых военных, или иначе комбатантов, на порядок меньше числа погибших гражданских лиц.

Примерно такое соотношение было характерно для операций в Панаме. Каковы истинные цифры потерь для Чечни, еще предстоит подсчитать. Но некоторые наши аналитики уже сегодня соглашаются с мнением своих зарубежных коллег. На сей раз дело, видимо, не в преклонении перед Западом, но в преклонении перед истиной.

Увы, сдается мне, огромные цифры людских потерь в ходе локальных войн не шокируют человечество. Оно по-прежнему воюет. И потому оставим за рамками повествования проблемы закона, морали и нравственности (об этом много сказано в предыдущих главах) и попытаемся взглянуть на конфликты «низкой интенсивности» глазами сугубо военного человека.

Практически все локальные конфликты послевоенной поры имеют единую характерную особенность - здесь одна сторона существенно сильнее другой. Но речь идет не о превосходстве в

традиционном смысле слова. Ныне способы превосходства могут быть совершенно различными. Так, если в 1950 году во время войны в Корее американцы в наступательных операциях создавали превосходство (по личному составу - 3: 1, по танкам - 12, 5: 1, по артиллерии - 2: 1, по авиации абсолютное), то в 1991 году в Персидском заливе, наоборот, у Ирака было больше солдат, танков, пушек. Но он проиграл.

Да, в истории есть примеры побед над превосходящим противником. Что же тогда было на первом месте? Удача? Гений полководца? Изобретение новых тактических приемов? Мужество и выучка войск?

Теперь же военно-техническая революция конца XX века родила на свет совершенно новые, невиданные доселе технологии создания таких вооруженных сил, которые с большой вероятностью способны одержать победу над противником за счет высокой организации военно-государственной машины.

Генерал Шварцкопф, безусловно, талантливый военачальник, но в основе победы в Персидском заливе, на мой взгляд, лежали иные параметры высота и технологичность военно-научной мысли в сплаве с прекрасно отлаженным государственным механизмом. Ну и, конечно же, не следует забывать: для достижения победы США использовали всю мощь страны.

В одном из американских источников было дословно записано: «Имело преимущество время проведения операции, которая проводилась в уникальный момент, когда мы все еще сохранили вооруженные силы, построенные во время «холодной войны».

Ничем подобным не могла похвалиться ни наша страна, ни наша армия накануне первой да и второй чеченской войны. Все, что сохранили и чем гордились американцы, мы разрушили и попрали. А уж самое лучшее и передовое, но созданное во время «холодной войны», было предано анафеме и проклятью и брошено под гусеницы безумной конверсии.

Операция в Чечне лишь подтвердила решающую роль современного оружия для долгожданной победы. Еще более очевидным стал вывод о том, что никакое, даже значительное превосходство в технике и вооружении устаревших образцов в современных операциях не приводит к успеху. Отставание в качестве современных боевых систем и средств невозможно компенсировать ни искусством командиров, ни хорошей профессиональной подготовкой солдат.

Накануне проведения операции «Буря в пустыне» ни у кого не возникало сомнения, что офицерский состав иракской армии имеет богатый боевой опыт и прекрасные практические навыки.

Саддам Хусейн обладал четвертой армией в мире. Он имел высококачественную артиллерию, современные танки «Т-72», самолеты «Миг-29» и «Мираж F», баллистические ракеты. Его инженерные войска были, без сомнения, лучшими в мире. Они имели многолетний опыт постройки оборонительных сооружений.

Однако с началом боевых действий коалиция многонациональных сил доминировала практически во всех категориях военных действий.

США никогда ранее, даже в практике оперативной подготовки войск, не применяли такие новые формы, как воздушная кампания, радиоэлектронная операция и другие.

Для разгрома сильной, хорошо вооруженной иракской группировки, имевшей за плечами семилетний опыт боев, многонациональными силами были использованы новые способы ведения войны.

Огромен объем работы по оперативной маскировке, по материально-техническому обеспечению, когда был создан 4-кратный (!) запас материальных средств.

И, конечно же, беспрецедентен опыт использования МНС новых, я бы сказал, сверхновых образцов оружия, военной техники, космических и компьютерных систем.

Приведу весьма интересные цифры. Если общее соотношение по танкам у США и Ирака было примерно 1: 1, то по современным танкам 4, 3: 1 в пользу МНС, по самолетам - 3: 1, по современным образцам 13: 1, по вертолетам - 16: 1.

Исход боевых действий в пользу многонациональных сил во многом был предопределен большим количеством высокоточного оружия, находившегося в распоряжении коалиции. Тут и управляемые ракеты с тепловизионными и телевизионными системами наведения, применяемые для уничтожения малоразмерных целей, ПТУРы и управляемые авиационные бомбы с лазерными системами наведения, крылатые ракеты и новые управляемые ракеты с тепловизионными системами наведения на цель на конечном участке траектории.

В боях впервые были использованы ракетный комплекс «Атакмс», малозаметный тактический истребитель «F-117A», самолет «E-8A», новый танк «M-1A2» и другие современнейшие образцы вооружения.

Впервые в военных действиях американцы проверяли возможность создания тактической системы противоракетной обороны на базе зенитно-ракетного комплекса «Пэтриот». В нее входили - подсистема информации о старте оперативно-тактических ракет, подсистема слежения и определения

траектории полета ракет, а также подсистема уничтожения ракет «Скад» в воздухе.

Однако самый весомый вклад в достижение победы внесли, конечно же, автоматизированные средства и системы «информационных технологий», способные оперативно собирать, отрабатывать, расширять и быстро передавать информацию. Примером такой системы может служить АСУ «УТАККС», которая не только выполняет все перечисленные функции, но и вырабатывает варианты решений по сложившейся обстановке.

После войны в Персидском заливе ученые Гарвардского университета так определили приоритеты американского оружия. На первое место по вкладу в разгром иракцев они поставили средства и системы «информационных технологий», потом средства точного наведения и, наконец, средства для подавления ПВО, для ведения боевых действий ночью и разведки.

Операция «Буря в пустыне» доказала всему миру еще одну непреложную истину - в военных столкновениях локального масштаба новое оружие не может быть эффективно применено в рамках старых способов ведения боевых действий. Значит, возникает острая необходимость разработки и практического освоения новых форм и способов ведения войны.

Удалось ли нам в полной мере осознать эту истину (ведь со времени войны в Персидском заливе до начала боевых действий в Чечне прошло три года), что мы успели сделать, а чего не успели, тоже показала чеченская кампания.

Многие специалисты считают, что эти две войны не сравнимы. Действительно, «Бурю в пустыне» даже с большой натяжкой не отнесешь к военно-полицейской операции. Чечня, на их взгляд, ближе к операциям США в Гренаде, в Панаме или Израиля в Ливане в 1982 году. Возможно, это и так, но, хотим мы того или не хотим, время навсегда связало эти две войны. Афганистан уже сравнительно далек, Вьетнам еще дальше. А Персидский залив и Чечня почти рядом. Две крупнейшие мировые державы вступили в войну с минимальным разрывом - всего несколько лет. Правда, итог и резонанс войн различны. И об этом как раз самое время поговорить. Есть ли необходимость в таком разговоре? Есть. Самая острая и жизненно важная.

Американцы после войны писали: «Новая стратегия и война в Персидском заливе продолжают быть связаны, так как мы извлекаем уроки из войны, чтобы быть готовыми прогнозировать будущее. Реорганизуя систему обороны США, нам нужно изучить опыт операций «Щит пустыни» и «Буря в пустыне» с тем, чтобы определить, какие вооруженные силы нам понадобятся не только в ближайшие несколько лет, но и через 10, 20 и 30 лет».

Разве не об этом самом болит голова у нас сегодня? Разве не нам определять, какие вооруженные силы понадобятся России не только в ближайшие несколько лет, но и в перспективе? И тут нельзя ошибиться. А это значит, пришла пора извлекать уроки из войны, прогнозировать будущее.

ПОБЕДЫ И НЕУДАЧИ СПЕЦНАЗА

«Про всю войну сразу не расскажешь». Это мысль не моя. Так считал Константин Симонов. Думаю, что верно считал. Но рассказывать надо. Не сразу, конечно. И если о той, далекой войне сорок первого сорок пятого сказано немало и, право же, неплохо, то о последней, чеченской - надо еще говорить, писать, снимать.

Многих и многих не коснулась эта война. Словно машина прогромыхала по соседней улице. Что ж, как говорят в народе, и слава богу. Не всем хлебать из военной чаши горя. Однако знать о ней надо. И если не попробовать на вкус, то хотя бы представлять: каков он - кровавый вкус войны. Чтобы верно судить о тех, кто воюет, и не петь с голоса наших врагов. Россия мало знает правды о чеченской войне. Но это уж не чья-то злая воля. Скорее, дурная традиция последнего десятилетия. Рассказывают: стал Михаил Горбачев во главе страны, и министр обороны представил ему на подпись документ. Решили солдату к ужину добавить несколько граммов сливочного масла. Подсчитали сумму и внесли в челобитную. Глянул Горбачев бумагу и ужаснулся: экая большая цифра.

Право же, я не хочу, чтобы ужаснулись читатели, подобно молодому руководителю страны. Тем более что война - не кусок масла. Мечтаю лишь об одном: дабы поняли, какая эта великая и в то же время страшная работа война.

Часто войну люди штатские видят как в кино - первым планом солдат с автоматом, пулеметом, гранатометом. Словом, боец на переднем крае.

Да, это самая героическая, тяжкая и одновременно мерзкая часть войны. А что было до и что будет после? Вот если соединить все воедино, это и будет война. Наверное, не вся. Но значительная ее доля.

Военная операция против дудаевского режима в Чечне началась 11 декабря 1994 года. А что произошло в ноябре? Официально этот поход на Грозный подавался как поход оппозиции. Однако даже самые не посвященные в политику люди собственными глазами на экранах собственных телевизоров видели сгоревшие танки на улицах чеченской столицы. А тут еще пленные российские танкисты, которые якобы в ноябрьские отпускные денечки решили самостоятельно подработать и рванули в подразделения оппозиции. И все бы ничего, да вот некоторые из них вдруг оказались чуть ли не за бортом армии. Совсем неожиданно для себя. Тогда и выяснилось, что отпуска

танкистам оформляли задним числом, а нанимали их в «крестовый поход» на Грозный свои, «родные» контрразведчики.

Теперь вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что операция готовилась ФСК и в ноябре 1994 года успешно провалилась.

Несправедливо утверждать, что это единственная в своем роде «провальная» операция спецслужб в новейшей истории. Были неудачи и у ЦРУ. В апреле 1961 года кубинцы, ведомые майором Фиделем Кастро, за три дня боев наголову разгромили организованный Центральным разведуправлением США десант в бухте Кочинос. Эта неудача отрезвила тогдашнее руководство Америки, которое отказалось от свержения режима Кастро военным путем.

Были провалы и позднее. Правда, не столь громкие, не так сильно повлиявшие на будущую политику страны, но тем не менее…

Так, в большинстве американских исследований операция «Эрджент фьюри» на Гренаде подается как исключительно победоносная. Президент Рейган на весь мир объявит ее как «блестящую кампанию». И действительно, кто может сомневаться, ведь цель операции достигнута: сменен правящий режим, устранено советско-кубинское влияние. А иначе и быть не могло - тысяча с небольшим человек - бойцов НРА Гренады и кубинских строителей, военных советников противостояли 9 тысячам десантников 82-й дивизии. Кроме десанта, на Гренаде действовали американские спецназовцы - «зеленые береты» (войска специального назначения, отряд по борьбе с терроризмом «Дельта» армейские рейнджеры, военно-морская группа - боевые пловцы «тюлени», а также подразделения психологической войны, авиагруппа и эскадрилья 1-го крыла специальных операций ВВС).

Так вот участие американского спецназа в «блестящей кампании» на Гренаде оказалось далеко не блестящим. Правда, просчеты элитных подразделений всячески замалчиваются и секретятся, но даже умелая и изощренная действенная машина США не в силах закрыть все источники информации.

Итак, наиболее важной целью первой волны американского вторжения на Гренаду стал международный аэропорт Пойнт-Сэлайнз. 25 октября 1983 года около 500 рейнджеров десантировались на взлетно-посадочную полосу аэропорта. Пойнт-Сэлайнз был практически безоружен. И тогда кубинцы-строители, которые занимались расширением взлетной полосы, взялись за автоматы и встретили рейнджеров огнем еще в воздухе.

Возможно, десант и был бы внезапным, если бы не одно обстоятельство. Накануне выброски «рейнджеров» часть отряда

«Дельта» в утренних сумерках десантировалась в район аэропорта. Они действовали методом затяжного прыжка, рассчитывая на скрытность операции. Однако бдительный кубинский часовой заметил в небе парашюты и поднял тревогу. «Дельту» прижали автоматным огнем к ВПП, и она, по существу, не смогла поднять головы. Ее вооружение - 9-мм пистолеты и бесшумные пулеметы-пистолеты были пригодны лишь для ближнего боя, но беспомощны на дальних расстояниях и никак не могли противостоять мощи советских «АКМ».

«Дельте» ставилась задача атаковать спящих кубинцев, убрать технику со взлетной полосы и создать благоприятные условия для высадки основного десанта. Ничего этого не случилось. От полного уничтожения элиту американского спецназа спасла лишь высадка рейнджеров да плотная огневая поддержка штурмовиков США и боевых вертолетов. И все-таки потери «Дельты» оказались весьма значительными - 6 убитых и полтора десятка раненых.

Подтверждением этого является видеосюжет одного из американцев, жившего в то время на Гренаде и заснявшего на собственную камеру, как американские штурмовики огнем отгоняли кубинцев, окруживших бойцов «Дельты».

Крайне неудачно американские спецназовцы действовали и при взятии тюрьмы Ричмонд-Хилл, где содержались политзаключенные, а также при «освобождении» представителя Великобритании П. Скуна и его семьи.

На освобождение П. Скуна была послана команда «тюленей» из двух десятков человек. При подходе к поместью бойцы напоролись на пулеметный огонь бронетранспортеров с кубинскими экипажами. Легковооруженные «тюлени» оказались бессильны что-либо сделать и только после того, как вызванные на подмогу штурмовики нанесли удар по кубинцам, боевые пловцы взяли под охрану дом Скуна.

Что же касается боя за тюрьму, то для бойцов «Дельты» он был начисто проигран.

Когда 6 вертолетов без опознавательных знаков вошли в седловину, расположенную между возвышавшимися над ней зданием тюрьмы и казармой гарнизона народно-революционной армии, гренадцы открыли мощный пулеметный огонь. Видимость была прекрасная, цели заранее пристреляны и поэтому пулеметчики НРА, словно в тире, снимали бойцов «Дельты», скользивших вниз по тросам из неподвижно зависших вертолетов.

Этот же гренадский американец с видеокамерой, снимавший позже высадку рейнджеров, успел и здесь на исторический кадр. Вертолет США, сбитый солдатами НРА, загорелся, упал на землю и взорвался.

В ходе этой операции спецназ США понес потери и на других объектах во время захвата радиостанции «Свободная Гренада», при морской высадке, при проведении разведки в районе еще одного аэропорта Перле.

У рядовых участников боев на Гренаде мнение несколько отличалось от оценок президента США. Один из рейнджеров позже, вспоминая десант на Пойнт-Сэлайнз, сказал: «Они нас почти что «поимели».

Так что случаются провалы и там, за рубежом, и даже у бойцов лучших, элитных подразделений вооруженных сил Соединенных Штатов. Однако, несмотря на неудачи, руководство США в ходе локальных войн делает особую ставку на войска специального назначения. История американского спецназа - это история постоянного роста его численности, увеличения финансирования, улучшения физической и профессиональной подготовки.

Сегодня перед рейнджерами и «зелеными беретами» ставятся задачи государственной важности - сбор разведданных в глубоком тылу противника, проведение диверсионных операций (уничтожение командных пунктов, узлов связи, баз и аэродромов и т. д.), наведение авиации, корректировка огня артиллерии, проведение психологических операций, дезорганизация управления войсками противника, подготовка антиправительственных повстанческих формирований, освобождение из плена своих военнослужащих.

В соответствии с важностью этих задач рос и спецназ. Если в начале 1961 года в войсках США бойцов частей специального назначения насчитывалось всего 1000 человек, то уже через полтора года их было 9000 человек, а к 1965 году - 25 000. Особенно интенсивно идет рост численности спецназа США со второй половины 80-х годов, увеличиваются суммы на их содержание.

В целом, как показал опыт локальных войн, действия специальных формирований в большинстве случаев были высокоэффективны. Так, в период вьетнамской войны диверсии и захват партизанских баз затрудняли управление и материально-техническое обеспечение войск НВСО. При проведении поисково-карательных и аэромобильных операций подразделения специального назначения обеспечивали обнаружение партизанских отрядов, наведение авиации на места их дислокации, высадку воздушных десантов.

В войсках на Ближнем Востоке Израиль также широко использовал своих коммандос. Они выбрасывались в оперативно-тактической глубине с целью ведения разведки, захвата важных

объектов, проведения диверсий. Очень часто бойцы спецназа были одеты в форму египетских военнослужащих.

Подразделения войск спецназначения успешно применялись командованием многонациональных сил в войне с Ираком в 1991 году. Хорошо известна удавшаяся акция англо-американского спецназа накануне операции «Буря в пустыне», когда, перелетев на вертолете из Саудовской Аравии на территорию Кувейта, бойцы МНС захватили у иракцев ракету класса «земля - воздух» и одного пленного, который дал весьма ценные сведения об иракских ракетных частях. Ну а как наш, российский спецназ? Право же, чего только не было на первой чеченской войне - и сдача в плен группы спецназовцев ГРУ, которая страшной болью отозвалась не только в сердцах профессионалов, но всех военнослужащих Российской армии, и истинный героизм и самопожертвование настоящих «рексов разведки», и безумная попытка бросить группу антитеррора «Альфа» на штурм дворца Дудаева. Но это, что называется, «громкие дела». А спецназ, как известно, делает свои дела тихо, незаметно для посторонних глаз. Что же это за дела?

ТЕРРОРИСТЫ ХОДЯТ ПО ЗЕМЛЕ

Не минула «Альфу» чеченская война. Выезжали практически все. Так было и в 1995-м и в 1996-м.

Занимались не только своим прямым делом - антитеррором, но и тем, что приказывали. Приказывали охранять высокое начальство охраняли. В декабре девяносто пятого в зоне боевых действий находился секретарь Совета Безопасности, полномочный представитель Российской Федерации в Чеченской Республике Олег Лобов. Бойцы группы «А» обеспечивали охрану его резиденции, готовы были прикрыть на маршрутах следования и во время рабочих встреч.

Обстановка в ту пору была крайне напряженная, но, как известно, секретарь Совбеза жив и здоров поныне.

Активное сосредоточение бандитских формирований в окрестностях г. Грозного, участившиеся случаи засад, обстрелов, нападения на федеральные силы вызвали необходимость сопровождения колонны автотранспорта с аппаратурой ЗАС, боеприпасами, продовольствием.

Всего пять бойцов «Альфы» подготовили и организовали беспрепятственное прохождение колонны через населенные пункты, враждебно настроенные к федеральным войскам. Достаточно сказать, что протяженность маршрута составила 200 километров.

Приходилось нередко вести и боевые действия. Так, чеченский бандит, укрывшись на окраине Грозного, вел прицельный огонь по блокпосту федеральных войск. Попытки федералов уничтожить его не увенчались успехом. Снайпер группы подавил пулеметную точку несколькими выстрелами.

Чтобы понять, в каких условиях приходилось работать бойцам спецподразделения, приведу лишь отрывок из служебного документа группы «А», подготовленного по горячим следам.

«27 февраля 1996 года около 17 часов на улице Первомайская был убит сотрудник ФСБ, работавший в территориальном управлении. Машина и личное оружие убитого похищены.

В ночь с 28 на 29 февраля в 3 часа поступил сигнал о введении усиления. Блокпосты в районе реки Сунжи были обстреляны группами незаконных формирований.

2 февраля в 17 часов в районе аэропорта Ханкала завязался бой. Одновременно происходил бой в районе кафе «Минутка».

5 марта боевики резко активизировали свои действия, участились случаи обстрела блокпостов в дневное и ночное время.

6 марта управлением ФСБ получены данные о действиях боевиков в Грозном. В частности, им удалось закрепиться в Октябрьском, Старопромысловском районах и поселке Черноречье.

В районе аэропорта Северный, в близлежащем совхозе сконцентрировалось более 200 боевиков. Они готовились к атаке на аэропорт. Ими были блокированы все автомагистрали, организованы завалы на дорогах.

На блокпостах федеральных сил имелось большое количество убитых и раненых, многие комендатуры не выходили на связь, боеприпасы на исходе. Все блокпосты запрашивали по радиосвязи помощь. 6-й блокпост в районе площади «Минутка» был блокирован боевиками Басаева, которые кричали: «Мы победим!»

7 марта ситуация в городе Грозном серьезно осложнилась.

Все блокпосты федеральных сил окружены боевиками, на отдельных из них из-за потерь только единицы могли продолжать удерживать оборону. Подкрепление и подвоз боеприпасов практически не производились.

По данным радиоперехвата, боевикам был дан следующий приказ: «Ко всем командирам, ко всем боевикам. Есть приказ по всей Чеченской Республике открывать огонь на поражение… Потихоньку берем город в свои руки».

Это было мартовское взятие Грозного бандитами. Тогда, как известно, дудаевцев вытеснили из города, но выводов командиры федеральных сил никаких не сделали.

Хотя справедливости ради следует отметить: так было не везде. По возвращении из командировки старший группы сотрудников управления «А» напишет в своем отчете: «Отсутствие у ФСБ по Чеченской Республике постоянных преданных сил федеральных войск с бронетехникой создает сложности с выделением группы непосредственной поддержки и блокирования в момент проведения операции, а в случае возникновения чрезвычайной ситуации приведет к полной изоляции зданий УФСБ, МВД и правительства Чеченской Республики».

Чрезвычайная ситуация возникла в августе того же года, через несколько месяцев после этого предупреждения. 6 августа боевики вошли в Грозный. Указанные здания были блокированы. В общежитии ФСБ в окружении героически сражались коллеги «Альфы» - бойцы спецподразделения «Вымпел». Как известно, в этом бою погибло 15 сотрудников федеральной службы безопасности и среди них сотрудник «Вымпела» майор Сергей Ромашин.

Говорят, потом, после грозненских событий, подняли справку,

подготовленную в «Альфе». Автор ее, по существу, предсказал будущую трагедию, но было уже поздно.

Тело Ромашина с трудом удалось разыскать и вывезти из Чечни. Боевики праздновали победу.

Я привел этот случай, чтобы подчеркнуть: бойцы спецподразделения «А» научились воевать не только храбро, смело, но и глубоко осознанно, умело анализируя боевую обстановку, делая трезвые и весьма грамотные выводы. Правда, выводы их нередко оставались гласом вопиющего в пустыне. Но это уже тема совсем другого разговора.

А теперь о главном деле «Альфы» на той чеченской войне - антитеррористическом. Вряд ли кому надо сегодня доказывать, что диверсии и террор были основным оружием боевиков. Что бы там ни пела продудаевская пропаганда о бесстрашии бандитов, в открытом бою они чувствовали себя крайне неуютно, зато преуспели в терроре.

Теперь, вероятно, невозможно сосчитать все террористические акты боевиков. Они проводились каждодневно, но основные, всколыхнувшие Россию, мы помним. Например, зверский, бандитский акт покушения на командующего объединенной группировкой федеральных войск в Чечне генерала Романова.

Были подозреваемые в исполнении этого и других терактов, повлекших многочисленные жертвы. Но просто подозреваемые и подозреваемые на войне, в период боевых действий, - это совершенно разные люди. На войне они вооружены и крайне опасны. Кто способен их задержать? Да, бойцы спецподразделения «А». И они их задерживали, попутно изымая гранаты, пистолеты, автоматы.

В одном из документов Федеральной службы безопасности России мне удалось прочесть такую оценку действий сотрудников управления «А»:

«Все захваты проводились в сложной оперативной обстановке и наиболее негативно настроенных к федеральным силам районах Грозного как в светлое, так и в темное время суток.

Высокий профессионализм и решительность действий сотрудников не дали возможности преступникам воспользоваться находившимся у них оружием, гранатами и тем самым позволили избежать жертв и ранений в группе захвата, прикрытия, среди задержанных, а также среди мирных жителей, присутствующих в местах проведения операций.

С 14 декабря 1995 года по 7 января 1996 года оперативная информация о готовящихся террористических актах у Дома правительства, УФСБ России по Чеченской Республике, на

Центральном рынке, избирательных участках, комендатуры, воинских подразделений, в отношении представителей государственной власти стала основанием для постоянного ночного усиления сотрудниками подразделения «А» существующих охранных служб в этих зданиях, а также в качестве мобильных групп антитеррора».

К счастью, командировки в Чечню для «Альфы» закончились без потерь. Хотя непосредственно в боях с чеченскими террористами на российской земле группа потеряла пять человек. Пять прекрасных, молодых ребят.

Об этих горьких потерях помнят в подразделении. Ибо террористы, принесшие горе в семьи сотрудников, живут еще под солнцем.

БОЙ У ПЕРВОМАЙСКОГО

Из служебного отчета группы «А»:

«9 января 1996 года в 9.45 в соответствии с указаниями директора ФСБ России генерала армии Барсукова М. И. личный состав управления «А» был поднят по боевой тревоге для получения дальнейших указаний».

Древний и мудрый Сунь-Цзы советовал: «Корми солдат тысячу дней, чтобы использовать один час в нужное время и в нужном месте».

Этот час пришел в Кизляре и Первомайском. Страна устала от угроз и кровавых дел чеченских террористов. Все надеялись на победу. Напрочь забыв накормить и обучить солдата.

Теперь кричат: кто виноват? Бездарные генералы или даровитые террористы? Полноте убеждать себя, что во всех наших военных бедах виноваты генералы да полковники.

Кто оплевывал и уничтожал армию безденежьем, бездумными сокращениями, безумной конверсией? Кто орал с парламентских трибун о том, что «черного кобеля» КГБ не отмыть и потому его надо убить?

Оказывается, виноваты не они, кто под видом священной войны с тоталитаризмом разваливал армию и спецслужбы. Но тогда кто? Пока мы не ответим на этот вопрос, нас так и будут держать за глотку кровавые пальцы басаевых и радуевых. Нам не видеть побед в борьбе с террором. Нам не суметь защитить своих граждан на своей земле. Ведь залог этих побед в мудром совете Сунь-Цзы: корми солдата тысячу дней…

… А теперь возвратимся в Первомайское.

Из служебного отчета группы «А»:

«По первичной информации группа боевиков в количестве 300 человек, вооруженная стрелковым оружием, ведя огонь по мирным жителям, захватила в качестве заложников около 350 человек в больнице Кизляра Республики Дагестан. Одновременно боевиками была атакована вертолетная площадка г. Кизляра, в результате чего уничтожено 2 вертолета и топливозаправщик, также захвачен жилой дом.

В 11.30 сто двадцать сотрудников во главе с генерал-майором Гусевым А. В., имея при себе оружие, специальные средства и средства защиты, экипировку, необходимые для выполнения задач по освобождению заложников, выехала на аэродром Чкаловский.

12.00. Личный состав прибыл в аэропорт и в 13.00 на двух самолетах «Ту-154» спецрейсом вылетел в Махачкалу. В 15.30 и

17.00 самолеты совершили посадку в аэропорту Махачкалы.

В 20.00 личный состав на автотранспорте прибыл в управление ФСБ г. Махачкалы, где начальник антитеррористического центра ФСБ России генерал-полковник Зорин В. Н. довел оперативную обстановку на текущий момент.

В 1.20 10 января по прибытии двух БТРов колонна начала движение в г. Кизляр, куда прибыла в 5.30».

Что же увидели бойцы «Альфы» в Кизляре? По существу, они увидели хвост колонны с террористами и заложниками, который покидал город. К этому времени руководство Дагестана приняло решение выпустить чеченских бандитов из городской больницы и обеспечить им беспрепятственный проезд до границы Чечни. Террористы обещали освободить заложников на границе.

В 6.40 колонна террористов на 9 автобусах, 2 машинах «КамАЗ» и 2 машинах «Скорой помощи» начала движение. Кизлярская больница осталась заминированной.

Началось преследование. Первоначально планировалось провести операцию на маршруте: блокировать колонну и освободить заложников. Хотя, признаться, в этом варианте был немалый риск. В заложники пошли некоторые высокопоставленные чиновники, депутаты Дагестана, да и колонна - 9 автобусов. Представьте себе гибель хоть кого-то из заложников. А она была бы неизбежна, поскольку террорист не один и не двое, и вооружены они не ружьями, а автоматами, пулеметами, гранатометами.

Теперь «наложите» эти события на ту военную, кровопролитную, напряженную обстановку на Кавказе, и вы поймете, какие сомнения терзали руководителей операции.

Словом, Радуева и его террористов на маршруте не остановили, не блокировали. Он благополучно дошел до Первомайского, разоружил блокпост новосибирских омоновцев, которые безропотно подняли руки, пополнил число заложников и свой арсенал.

Из служебного отчета группы «А»:

«В ходе дальнейших переговоров командир боевиков Радуев выдвинул требования предоставить возможность для прохода колонны на территорию Чечни, где обещал выпустить заложников. В связи с этим штабом управления «А» был разработан вариант проведения операции по освобождению заложников на маршруте движения.

План операции предусматривал блокирование колонны бронетехникой, уничтожение террористов снайперским огнем и подрыв автомашин «КамАЗ», груженных оружием и боеприпасами, склонение террористов к сдаче оружия и

освобождению заложников.

Сотрудниками управления «А» была проведена рекогносцировка местности и подобраны возможные места проведения операции. Подразделению была поставлена боевая задача и отработана схема связи и взаимодействия, произведен расчет сил и средств».

Однако усилия командиров и бойцов спецподразделения оказались напрасными. Радуев отказался от выдвинутых требований, остался в Первомайском и начал оборудование огневых позиций. Надо сказать, что это был сильный ход бандитов. Теперь операция из специальной - по освобождению заложников и уничтожению террористов - превращалась в войсковую. Или скорее в специальную - чекистско-войсковую. Кстати, по этому поводу у специалистов и до сих пор нет единого мнения.

Министерство обороны считает операцию в Первомайском специальной, а Федеральная служба безопасности - общевойсковой. Кто тут прав, кто виноват?

Поскольку взяты в плен заложники, террористы выдвинули требования и расстреляли некоторых захваченных, налицо все составляющие для проведения операции антитеррора.

Но террористов не один-два и даже не десяток-другой, а более трехсот штыков. На вооружении у них минометы, гранатометы, крупнокалиберные пулеметы, автоматы, снайперские винтовки. Они вырыли окопы полного профиля, создали укрепленный район обороны, по всем правилам военной науки с передовыми и отсечными позициями, с ходами сообщения и даже перекрытыми щелями. Спросите любого мало-мальски понимающего в военном деле человека: что это? Это не что иное, как мотострелковый батальон в обороне. А поскольку окопался батальон не в чистом поле, а в достаточно большом селе, то для наступающих это еще и штурм населенного пункта. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Что за последствия? Они могут быть весьма плачевными, ежели не исполнить несколько «если».

Если не провести артподготовку и не подавить огневые средства противника, если не создать как минимум трехкратный (в годы Великой Отечественной войны создавался и пяти- и десятикратный) перевес сил, если бросить на штурм неподготовленных солдат и офицеров, если… Впрочем, и этого, думается, достаточно. В этом случае попросту погибнут люди, которые идут на приступ, и атака захлебнется.

Что, собственно, и произошло. Артподготовки по большому счету не было. Обстрел из нескольких противотанковых орудий,

пожалуй, больше смахивал на психологическое давление, чем на реальное уничтожение огневых точек.

Ничего себе давление… Палили из пушек, разрушили село. Да, и палили, и разрушили. Это все видели на экранах телевизоров. Но вот боевикам, зарывшимся в землю, пальба нанесла мало вреда. Когда после обстрела первые подразделения двинулись на штурм, террористы встретили их ураганным огнем. Дагестанский ОМОН сразу потерял нескольких человек убитыми, ранеными и отступил.

По законам тактики это означало лишь одно - передний край обороны противника оказался не подавленным, бандиты сохранили свои огневые средства, и всякого, кто попытается броситься вперед, ждет смерть.

Из служебного отчета группы «А»:

«15 января в 8.30 личный состав управления занял исходные позиции. После нанесения огневого удара авиацией и вертолетами боевые группы в составе отделов, выставив передовой дозор, во взаимодействии с подразделением «Витязь» вступили в бой с чеченскими боевиками и продвинулись в «квадрат четыре» на юго-восточной окраине поселка Первомайское.

В ходе боевых действий 15-18 января сотрудники управления выявляли, уничтожали огневые точки боевиков, осуществляли огневое прикрытие подразделений МВД, оказывали медицинскую помощь, эвакуировали раненых с поля боя».

За этими скупыми строками отчета кроется многое. Например, вывод из-под огня бойцов отряда «Витязь», которые оказались, по сути, в огневом мешке. Им помогли сотрудники группы «А».

На войне, когда захлебывалась атака, подтягивали артиллерию и вновь начинали «обрабатывать» передний край. По возможности, вызывали авиацию и наносили бомбовый удар. Или был еще один вариант: наступающие войска обходили очаг сопротивления и двигались вперед.

Такого варианта у «федералов» не было, как, впрочем, не было никакого другого. Возобновить артподготовку не могли, так как уже с первых орудийных залпов поднялся вой: губят заложников.

Выходит, оставалось одно: погубить наши спецподразделения «Альфу», «Вегу», «Витязь», бросив их под кинжальный огонь бандитов.

Я часто думаю о страшной дилемме: да, государство должно, обязано спасти жизни заложников. Но какова цена этого спасения?

В последнее время мы часто смотрим на проблему глазами захваченного в плен безоружного человека. Горькая, унизительная роль смертника, к тому же ни в чем не повинного. Но сколь унижен и раздавлен профессионал, бессильный в своем главном деле - освобождении пленников и наказании бандитов. Что мог боец «Альфы» в Первомайском? Даже самый опытный, первоклассный боец. Подняться во весь рост в атаку и геройски погибнуть? Но это, по меньшей мере, глупость. Хотя и такого хватает на войне.

Не погибнуть самому, спасти как можно большее число заложников, уничтожить террористов - вот триединая задача специальных подразделений.

Бойцы группы «А» с успехом умеют штурмовать захваченные автобусы, самолеты, дома, в которых засели террористы, но не научены ходить в цепи и не сильны в общевойсковой тактике. Не их это дело. Но тогда чье? Мотострелков, артиллеристов, танкистов…

«Приехали, - скажут мои оппоненты. - Восемнадцатилетних, необстрелянных, необученных мальчишек бросили в огонь, а отменные стрелки, спортсмены, опытные бойцы, побывавшие не в одной переделке, останутся в стороне».

Вот тут и возникает главный вопрос, с которого я начал свои размышления и который лежит в основе всех наших поражений последнего времени почему солдат российских Вооруженных сил необстрелян, необучен, плохо экипирован, а то еще и голоден?

Все это, кстати говоря, присутствовало в Первомайском. И водители, которые совершили свой первый марш на БМП, и многодневный холод, и отсутствие элементарных условий жизни.

Мне рассказывали сотрудники группы «А», как просились к ним в автобусы на ночь замерзающие российские солдаты. «Альфовцы» и рады бы пустить, да сами спали сидя, считай, на коленях друг у друга. А наше телевидение все долдонило: оцепление, кольцо, блокирование. Забывая, что за каждым словом - люди. Сколько дней и ночей без сна и отдыха можно «блокировать» боевиков, сидя в окопе или в зимнем поле. Учитывая, что боевики грелись в это время в домах Первомайского.

Теперь многие с удивлением задают вопрос: как ускользнул Радуев? Да так и ускользнул, прорываясь с боями. Потому что, по большому счету, не было там никакого кольца. И не то что внешнего и внутреннего, а даже обычного окружения. Ну, разве что «островки» обороны, один из которых обороняли три десятка армейских спецназовцев. Горстка бойцов, на которую вышла радуевская банда. Они и перебили основную массу террористов,

подпустив их почти вплотную. Однако помните, сколько было у Радуева людей - более трех сотен. Так что перевес почти в десять раз. Эти российские ребята-спецназовцы, несомненно, герои. Они почти все ранены, есть и погибшие.

Как это было - мало кому известно. Их вообще осталось немного после того боя - спецназовцев 22-й бригады. Кто уволился в запас, кто уехал в другие города, военные округа. Через два года после тех событий мне с трудом удалось найти нескольких героев. Вот как рассказывает о том страшном бое один из них:

«Нас в очередной раз подставили. В прессе тогда писали три кольца окружения, снайперы. Все это ерунда. Никаких колец там не было. Ребята из нашей 22-й бригады специального назначения и приняли удар.

Плотность фронта была 46 человек на полтора километра. Представляете! По всем нормативам превышение протяженности на каждого бойца в три раза. А вооружение - только стрелковое, легкое, да два БТРа придали.

Наш участок был наиболее вероятным для прорыва. Почему? Да потому, что только здесь, в единственном месте, можно переправиться через Терек. Подчеркиваю, в единственном. Там труба нефтепроводная через реку протянута, а над ней мостик. И дураку было ясно: больше идти некуда.

Мы предлагали взорвать трубу. Нет, это же нефть, «бабки» большие. Люди дешевле. А взорвали бы, и «духам» некуда деваться.

Кстати, с той стороны два «КамАЗа» чеченских подошли. Стояли, ждали. С нашей стороны - ничего, «вертушки» по ним не работали.

Как таковой подготовки у террористов не было. Они начали обстрел, и их ударная группа пошла в атаку. Подойдя к опорному пункту метров на сто, передние бандюги залегли, начали оказывать огневое давление. Тем временем подтянулась группа прикрытия, и все скопом кинулись вперед.

С точки зрения тактики они действовали правильно. По-другому и не могли. После боя мы проверяли документы у убитых. Афганцы, сирийцы. Около пятидесяти наемников-профессионалов.

У каждого, как правило, по два вещмешка - в одном боеприпасы и консервы, в другом - наркотики, шприцы и прочее. Так что атаковали они в состоянии наркотической дури. Говорят, бесстрашные смертники. Боялись бандиты.

Да, Радуев улизнул, но многих мы положили. В бой пошло около 200 террористов. 84 человека мы уничтожили. Не считая

раненых и пленных. Утром по следам посмотрел - вырвалось человек двадцать, не более. С ними и Радуев.

Бригада тоже понесла потери: пятеро погибли, шесть человек ранены. Если бы на нашем участке посадили две-три роты, итог был бы иным. Многое было сделано бестолково. В оборону маленькую горстку посадили, минировать подходы не стали. На что рассчитывали? Может, такой прорыв кому-то нужен был?»

Вот такие горькие признания.

В том бою погибли начальник разведки 58-й армии полковник Александр Стыцина, командир роты связи капитан Константин Козлов, медик, капитан Сергей Косачев.

Потеряла в Первомайском и группа «А» двух своих офицеров майоров Андрея Киселева и Виктора Воронцова.

Воронцов был из пограничников, служил в отдельном отряде контроля в Шереметьеве-2. Сначала попал в «Вымпел», а в 1994 году перешел в группу «А». Отличился при освобождении заложников в г. Буденновске, за что и был награжден медалью Суворова.

Андрей Киселев - выпускник Рязанского воздушно-десантного училища. Служил в роте специального назначения полка связи ВДВ, был инструктором по воздушно-десантной подготовке. В 1993 году принят в подразделение «А».

Оба офицера принимали участие в сложных оперативных мероприятиях и боевых операциях. За мужество и отвагу, проявленные при спасении заложников, Андрей Киселев и Виктор Воронцов награждены орденами Мужества (посмертно).

А в группу «Альфа» недавно пришел новый сотрудник офицер-спецназовец из 22-й бригады. Он вместе со своими боевыми друзьями встретил террористов Радуева на том поле. И многих навечно уложил в сырую землю. Судя по всему, бой у Первомайского он запомнил на всю жизнь. А жизнь решил посвятить борьбе с терроризмом.

МОСКВА. ШЕРЕМЕТЬЕВО-1

Из служебного отчета группы «А»:

«10 декабря 1997 года в 8.35 по указанию заместителя директора, руководителя Департамента по борьбе с терроризмом ФСБ России генерал-полковника М. Зорина личный состав управления был поднят по боевой тревоге в связи с захватом заложников на воздушном судне.

По первой информации три террориста, вооруженные самодельным взрывным устройством, захватили самолет «Ил-62» со 142 пассажирами и 14 членами экипажа на борту, следующий по маршруту Магадан - Москва.

Террористы выдвинули требование предоставить им 10 млн. долларов США и вылет в Швейцарию. Расчетное время в аэропорту Шереметьево-1- 11.30».

Первыми в аэропорт выехали три сотрудника группы во главе с начальником штаба полковником Анатолием Савельевым. В 9.35 они уже приступили к рекогносцировке на месте. Следовало определить, где имеется возможность для проведения специальной операции по освобождению заложников и обезвреживанию террористов.

Вскоре было принято решение - операцию проводить на рулежной площадке № 1 научно-исследовательского института гражданской авиации.

В 10.30 к месту проведения операции прибыли 38 сотрудников под руководством первого заместителя начальника управления генерал-майора А. Мирошниченко. После проведения инструктажа и боевого расчета группы захвата, непосредственной поддержки и применения специальных средств заняли исходные позиции.

В 10.55 прибыла резервная группа. Ей была поставлена задача на проведение операции в случае непредвиденных обстоятельств.

Пока конкретных сведений о террористе не было. Позже они поступили от экипажа. Террорист предположительно один, возраст около 60 лет, рост 165 см, одет в темное пальто и серые брюки. Утверждает, что имеет взрывное устройство, требует 10 млн. долларов США и вылет в Швейцарию. После выполнения требований обещает выпустить всех заложников.

Для поддержки действий группы «А» в аэропорт прибыли сотрудники подразделения «Вымпел». Они были выделены в оперативный резерв.

В 11.25 полковник С. Поляков доложил о готовности группы

захвата непосредственной поддержки и применения специальных средств к проведению операции.

Из служебного отчета группы «А»:

«Полковник А. Савельев и подполковник В. Тарасов на автомобиле авиационного сопровождения выдвинулись на взлетно-посадочную полосу с целью встречи самолета и сопровождения его на предусмотренное планом место проведения операции.

В 11.30 воздушное судно совершило посадку и было сопровождено на рулежную дорожку № 1 научно-исследовательского института гражданской авиации.

В 11.44 бортпроводница открыла двери первого салона и сообщила полковнику Савельеву, находящемуся вблизи самолета под видом технического работника аэропорта, о готовности преступника отпустить заложников.

В 11.45 в Шереметьево-1 прибыла группа сотрудников МЧС в количестве 55 человек, из которых 30 - медперсонал».

Далее события развивались достаточно успешно для бойцов группы антитеррора. К самолету был подан трап, автобусы. Террорист отпустил пассажиров и даже экипаж. Это еще раз говорило о неопытности человека, захватившего авиалайнер.

Пилоты, покидая борт самолета, сообщали бойцам группы о том, что террорист находится в первом салоне.

К полудню в оперативный штаб были доставлены 10 миллионов долларов США. Сотрудники «Альфы» вошли в самолет и вступили в переговоры с преступником. Он требовал организовать ему встречу с представителями посольства Швейцарии и МИД России.

Оценив обстановку, бойцы группы «А» провели задержание террориста. В руках у него оказался электрический выключатель, провода, уходящие под одежду, и пластиковый пакет с предметами, похожими на взрывное устройство.

Из служебного отчета группы «А»:

«Пакет был отнесен подполковником В. Тарасовым на 100 метров от места стоянки самолета.

В 12.25 генерал-майор А. Мирошниченко и полковник А. Савельев доставили преступника в оперативный штаб. В дальнейшем преступник был передан следственно-оперативной группе ФСБ России.

С 12.32 до 13.00 сотрудники управления провели осмотр самолета с целью обнаружения взрывных устройств. Пакет, изъятый у преступника, исследован, взрывного устройства не обнаружено».

Вот, собственно, и все. Казалось бы, обычное, рутинное для

профессионалов антитеррора мероприятие. Однако уже через девять дней их вновь поднимут по тревоге, и начальник штаба Департамента по борьбе с терроризмом генерал-лейтенант Д. Герасимов сообщит: на автостоянке около здания посольства Швеции в Москве, улица Мосфильмовская, дом 60, неизвестным лицом в маске под угрозой применения оружия в автомашине «Вольво-340» захвачены торговый советник посольства Швеции с супругой.

Начнется одна из самых трагических операций в истории «Альфы».

Это говорит лишь о том, что жизнь бойцов антитеррора непредсказуема. Они каждый день на войне.

«ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН» ГРУППЫ «А»

20 декабря 1997 года погиб Анатолий Савельев. Сейчас в Москве гибнут многие. От пуль бандитов, в мафиозных разборках. Полковник Савельев погиб не «на стрелке», не спасая награбленное. Он отдал жизнь за Человека.

Начальник штаба легендарной «Альфы» спас не только живую душу, ни в чем не повинного торгового советника Швеции, он спас нечто большее… Хотя что может быть ценнее человеческой жизни? И все же…

В те декабрьские дни наша пресса захлебывалась в версиях: от чего умер Савельев - от сердечного приступа или от пули своих товарищей.

Скажу сразу, чтобы не свербело за ухом от любопытства, - от сердечного приступа. Но это тема отдельного разговора. К нему вернемся позже.

Сейчас о главном. О подвиге Савельева. Кстати, высокое слово это медленно исчезает со страниц наших газет. Подвиг ныне не в моде. Не в моде служение Родине, Отечеству. Престижно служение карману. Сегодня всяк, кто служит, - дурак. Кто «зашибает бабки» - голова, герой.

Кто теперь герой нашего времени?

Только не скажите Матросов или Космодемьянская. Засмеют, заклюют, примут за идиота. Теперь и фамилий таких выговаривать не умеют. Отдать жизнь за Родину? За что, за что?… Вот ежели за сотню тысяч долларов. Тоже не хочется, но приходится.

Да, так оно и есть - нахальное, бесстыдное мурло нового господина нашей жизни, которое может сделать с вами все - купить, продать, убить, выгнать из дома, - оно! - «герой нашего времени».

«Оно» доминирует сегодня над всеми. «Оно» навязывает обществу бандитские законы, свою систему координат, где человек ноль, жизнь - копейка, а служение признается лишь одному божеству доллару.

И вдруг приходит человек и ставит на кон жизнь. Свою, собственную, единственную жизнь. Не ради денег, не ради славы, но, как поют «альфовцы», «чтобы спасти людей от пуль и озверевших террористов».

Он спас не только заложника. Спас престиж и авторитет страны. Ведь у нас и так ныне имидж одного из самых криминальных, мафиозных государств в мире. А тут еще шведский дипломат в лапах террориста в центре Москвы. Кто

теперь станет возражать против того, что мы не рассадники преступности?

Полковник Савельев совершил еще один подвиг. О нем не сказано в указе президента, не написано в газетах. Он спас душу России. Истоптанную, истомленную. Но все же живую и гордую такими людьми, как Савельев. Стало быть, среди лжи и мракобесия, продажности и насилия, попрания закона и морали есть нечто иное, что не купишь и не продашь даже за самую «твердую валюту».

В маленьком городке на Смоленщине, где я родился, затаив дыхание следили по телевизору за трагическими событиями на Мосфильмовской улице в Москве. Как хотели они, чтобы случилось чудо и воскрес Толя Савельев. Как верили они в его бессмертие. Тот далекий, незнакомый полковник, в далекой столице, погрязшей в воровстве и похотливых утехах, закрывший собой иностранного дипломата, стал символом надежды для моих земляков. Почему? Я и сам поначалу не мог понять.

Вообще из полуголодной, безденежной провинции столица видится этаким пресыщенным удовольствиями, разжиревшим котом. По приезде на родину меня не раз спрашивали: что у вас там в Москве творится? По телевизору вечные презентации, приемы, ломящиеся от немыслимых яств столы. А тут детей не в чем в школу отправить.

Все предельно ясно и трагично. Болит у русского человека душа. Неужто погибла Россия в криминале и лжи. Нет, жива. Пока есть еще такие мужики, как Савельев.

А когда узнали, что был я знаком с Анатолием Николаевичем не один год, попросили - расскажи. Что ж вам поведать, дорогие мои земляки, о полковнике Савельеве? Каким он был человеком, воином, другом? Как случилось, что пошел под пули сам, а не послал подчиненных? Почему предложил себя взамен дипломата, хотя предварительно обговаривался иной план действий?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо многое знать о Герое России, начальнике штаба управления «А» («Альфа») полковнике ФСБ Анатолии Николаевиче Савельеве - как жил, как служил, что любил и ненавидел, во что верил?

Жизнь - странный компьютер. Она с рождения каждому выдает свою программу. Кому-то исходно счастливую - любящую семью, мать, отца, достаток, а кому - сиротскую, горькую. И хотя нельзя сказать, что дед и бабуля не любили внука, но рос Толя без отца. Николая Васильевича Сысоева арестовали в 1947 году, из лагеря он уже не вернулся. Правда, в Москве жила мать Толи, но у нее была другая семья. После рождения ребенка взяли к себе родители отца - Сысоевы.

Анатолий окончил школу, авиационный техникум, пришел работать в НИИ электронно-вычислительной техники. И все-таки он мечтал о другом. Толя знал: до ареста отец служил в Комитете государственной безопасности. Он хотел идти отцовской дорогой. Что же касалось ареста, о причинах его Анатолий ничего не знал. Так и написал потом в своей первой биографии.

Добавил о том, что тренировался в боксе, занимал призовые места на первенстве Москвы и Советского Союза. Вот, собственно, и вся биография.

Первым, кто рекомендовал его в органы госбезопасности, был командир войсковой части майор Сазонов. О сержанте Савельеве он написал много добрых слов. И надо признаться: сержант того был достоин.

Однако вспомнил я эту первую характеристику не от обилия лестных эпитетов, совсем по иному поводу.

Давно заметил, ранние характеристики, когда человек еще молод, не занял высоких постов - самые точные. Потом, с годами, когда он на солидной должности, в высоком звании, в характеристике все будет так же: солидно, прочно, хвалебно. Никаких недостатков - сплошные достоинства. А вот в начале пути опытный руководитель обязательно подметит характерную черточку подчиненного.

Так было и с сержантом Савельевым. Командир сказал и о строевой подтянутости, и о физическом развитии, и о выдержке. Все как обычно, как у многих его солдат. Но Савельеву майор вписал в характеристику одну непривычную фразу: обладает чувством романтики. И попал в точку.

«Подглядел» эту черту в Савельеве и старый, еще с фронтовой поры, кадровик Владимир Иванович Химучин, когда Анатолий Николаевич уже служил в одном из подразделений КГБ. Он и подсказал однажды: «Толя, набор идет в новую группу. Как раз для тебя».

Савельев пришел, объяснили ему в общих чертах, а он первым делом спрашивает: «А что там интересного? Все, что рассказали, у меня есть. Я в спецотделении, работаю с оружием, на задержании…»

И тогда командир группы «А» майор Бубенин смекнул: «У нас еще интереснее». - «Ну, если интереснее, я согласен».

Так он оказался в первой тридцатке, ставшей родоначальницей известной теперь во всем мире группы антитеррора «Альфа».

Он пришел первым и ушел последним. Сегодня в подразделении не осталось никого из того первого набора. Кто уволился в запас по возрасту, кто после событий девяносто

первого - девяносто третьего годов. Савельев оставался на своем посту до конца.

Его звали на хорошие деньги, на вполне обеспеченную работу, а он все думал о группе, которой посвятил жизнь, о молодых ребятах, которых надо успеть многому научить.

А опыт у полковника Савельева был богатый. По существу, это весь двадцатипятилетний опыт «Альфы». Участие в перевороте в Кабуле в декабре 1979 года и последующие боевые стажировки в Афганистане, командировка в Эфиопию, работа в антитеррористических операциях, вылеты в «горячие точки».

За десять дней до своей гибели полковник Савельев обезвредил террориста, захватившего самолет «Ил-62» в аэропорту Шереметьево-1.

Потом, позже, командир «Альфы» генерал Александр Владимирович Гусев корил себя: зря хвалил тогда Савельева, может, надо было ругать, что пошел сам. Глядишь, и у шведского посольства был бы осмотрительнее.

Понимаю командирскую боль. Только поступил, на мой взгляд, генерал Гусев верно. Тут уж хвали-ругай, но характер есть характер. Тем более помноженный на опыт. Надо отдать должное: Анатолий Савельев умел принимать решения. Верные, продуманные. И, что очень важно, смело претворял их в жизнь.

Помнится, сидели мы с Савельевым, и я все просил рассказать о лучших его операциях. Был это девяносто второй год, и за плечами полковника остался Афганистан, за который получил орден Красной Звезды, горячие точки - Баку, Тбилиси, Ереван, а он говорил, что больше всего ему запомнилась маленькая операция у посольства США.

Вот как он рассказывал об этом сам: «Из всех операций, в которых мне приходилось участвовать, и с агентурой, и против бандитов, террористов, с оружием и без него, запомнилась эта. Скорее всего, был год восемьдесят второй. Нас вызвали к американскому посольству. Там напротив есть десятиэтажный дом. На крыше дома - мужчина, раздевшийся до плавок. Он требовал выезда из СССР и грозил броситься вниз.

Рванули мы наверх, а крыша опасная, крутой скат, в конце низенькое, хлипкое ограждение. Он сидит на краю крыши, вдалеке стоят милиционеры. Как только мы показались, он сразу опустился вниз и повис на руках. Мол, подойдете - брошусь.

А там уже из посольства выбежали американцы, пальцами тычут, фотографируют. Надо что-то делать.

Подошел к краю, посмотрел. Впечатление неприятное, высоко. Стал с ним осторожно разговаривать, потихоньку подхожу. Ребята мои в отдалении наготове.

Сел с ним рядом, примерно на вытянутую руку. А тут пожарная машина подъехала, на лестнице кто-то из наших. Как только показалась машина, он снова - раз, и опустился, повис. Я говорю: уезжайте, а сам еще ближе подошел. У края с этой стороны ограждения нет, только жестяной сток, упереться не во что. А он, чувствую, устал, весь потный, дышит тяжело. Пора действовать.

Наша группа тем и отличается от обычного боевого подразделения, что надо самому мгновенно принимать решение. Обстановка быстро меняется, и никто за тебя не решит, не подскажет, не скомандует. Только сам.

Я его хватаю за руку, он - вниз. Рука скользит, ползет из ладони. Крикнуть не могу, сигнал подать тоже. Тут уже ребята почувствовали обстановку, прыжком оказались рядом, рванули так, что мужик на конек улетел. Сдали его милиции - и в подразделение.

Вроде и подвигов не совершали, не стреляли, не воевали, а в памяти этот случай застрял. Сам себе командир - скомандовал и сам взял на себя ответственность. Ведь в нашем деле самое негодное, когда много начальников. Правильно Карпухин говорил: мы выезжаем, мы работаем мы отвечаем. Потому что там, на операции, всегда найдется генерал, который будет командовать. Но отвечать будем мы».

Думаю, что в этом шестилетней давности монологе весь Савельев. И неспроста ему запомнилась та вроде бы маленькая, ничем не примечательная операция. Жизнь тому подтверждение.

В Афганистане, в декабре семьдесят девятого, на многих объектах афганской столицы штурмующие бойцы «Зенита» и «Альфы» шли, по существу, в лоб. Но сотрудники группы «А» Анатолий Савельев и Виктор Блинов поступили иначе. Им вместе с двумя взводами десантников было поручено захватить штаб ВВС. Памятуя о том, что в штабе вооруженные люди, «альфовцы» не пошли напролом. Применили хитрую тактику: наш советник, которого хорошо знали штабные офицеры и не обращали на него внимания, по одному - по два человека проводил штурмующих внутрь, спрятал в кабинетах.

Так внутри штаба сосредоточили почти взвод десантников. Остальные на ближних подходах ждали сигнала.

Когда прозвучал взрыв, который и служил сигналом к штурму, охрана без единого выстрела была разоружена. Все произошло так неожиданно и быстро, что часовые, увидев направленные на них стволы автоматов, в растерянности отдали оружие, их заменили своими. Внешняя охрана тоже не оказала сопротивления. Вместе с нашим советником Савельев и Блинов

арестовали начальника штаба ВВС прямо в его кабинете.

Операция прошла бескровно, без единого выстрела. И только вечером, когда курсанты военного училища пошли в атаку на штаб, погиб водитель БМД. Ударили из гранатомета, и граната пробила броню.

И это еще один пример верно принятого решения. Были и другие. Смелые, дерзкие, когда Савельев со своей группой, рискуя сам, спас жизни наших солдат. Это уже второй выезд в Афган, так называемая стажировка в составе десантно-штурмовой маневренной группы погранвойск.

А случилось следующее: крупную банду моджахедов загнали в ущелье. Маневренную группу поделили на заставы, и они закрыли ущелье сверху. Снизу банду гнал известный в ту пору офицер-пограничник Юрий Лопушко. Это за его голову моджахеды давали награду в тысячу афганей.

И вдруг в бою на одной из застав гибнет офицер. Второй молодой офицер струсил, отказывается командовать. Подразделение осталось без управления.

Лопушко приказывает штабу - поднять взвод и во главе с командиром броситься в помощь заставе. А в штабе из офицеров двое - зеленые лейтенанты. Один так и заявил Савельеву: куда идти, не знаю, без компаса, без карты, ночью в горах. Вот рассветет - пойдем. Но до рассвета погибнут люди.

Пограничники не знали, что за бойцы приезжали к ним на стажировку, но оберегали, вперед не пускали. Но тут положение безвыходное, да и Савельев настаивал. В конце концов Лопушко сдался.

Дорога к заставе - долгий рассказ. Скажу только, что Савельев в темноте сорвался со скалы и чудом остался жив. Однако, несмотря ни на что, к заставе вышел.

«Смотрю, - рассказывал он потом, - в ущелье горячий бой, банда движется на нас, а солдаты сбились к костру, как овцы. И лейтенант вместе с ними, подавлен, испуган.

Говорю: «Вы что сидите, орлы? Я ваш командир, бегом занимать позиции». Вместе заняли позиции, укрепились, приняли бой. Бандиты почувствовали, что заперты, и сдались».

Так уж вышло: вся жизнь Анатолия Савельева - вечный бой. Наверное, это о таких людях сложил поэт свои гениальные строки: «И вечный бой, покой нам только снится».

Последним боем для полковника Савельева стала операция у шведского посольства. Первоначально планировалось доставить террориста в аэропорт, для этого во Внуково и Шереметьево выехали две группы. Предусматривалась и его возможная ликвидация на маршруте движения.

Полковник Савельев принял иное решение. Свое.

Почему? Это самый сложный вопрос. Он знал о группах захвата в аэропортах и на маршруте, он не сомневался в выучке своих подчиненных, тем более такой прием, как штурм автобуса, отрабатывался неоднократно и применялся успешно. Примером тому действия «Альфы» в октябре 1995 года, когда террорист захватил автобус с корейскими туристами на Васильевском спуске. Все тогда закончилось более чем удачно.

И тем не менее он отказался идти проверенным путем. Значит, было нечто такое, что заставило его, опытнейшего специалиста по антитеррору, выбрать другой ход.

Да, Савельев, несомненно, знал все то, что знаем мы сегодня, пытаясь анализировать ход операции. Но обладаем ли мы тем же уровнем информации, которым владел сотрудник группы «А»? Разумеется, нет. Им мог обладать только один человек - сам полковник Савельев. И тогда он принимает решение - остаться в заложниках. Иными словами, не пустить террориста в дорогу вместе со шведским дипломатом. Даже туда, где ждут их всесторонние, «проверенные в боях» сотрудники «Альфы».

Остальное известно. Подвело сердце. Бойцы группы «А» тоже люди. Да, в ходе уничтожения террориста Савельев был ранен рикошетом в голень, в бедро. От таких ранений не умирают. Тем более что в больнице он был еще жив. Останавливалось сердце. Врачи заводили его заново, боролись, сколько могли.

…22 декабря 1997 года президент подписал Указ «За мужество и героизм, проявленные при пресечении террористического акта и спасении жизни человека, присвоить звание Героя Российской Федерации…».

Ушел «последний из могикан» легендарной группы «А».

«ОВОДЫ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ»

Летом 1999 года группа «А» отпраздновала свое двадцатипятилетие. Четверть века - срок немалый.

За эти десятилетия сменилось несколько поколений сотрудников уникального спецподразделения. Достаточно сказать, что в группе уже служат сыновья бойцов «Альфы». Есть и зятья. Ребята, которые женаты на дочерях старших поколений «альфовцев». А это уже, радостно сказать, - большая семья.

Так какая же она, группа «А» 2000 года, группа «А» XXI века?

Об этом можно много говорить. Да, собственно, моя книга и есть ответ на вопрос. И все-таки выделю главное: группа «Альфа» XXI века - это прежде всего воюющее подразделение.

Я и раньше, лет десять назад, писал, что «Альфа» всегда на войне. И тут не было преувеличения. Освобождение заложников всегда бой. И пуля террориста, захватившего самолет, ничем не отличается от пули чеченского террориста. С той лишь разницей, что в те годы террористы действовали в одиночку или мелкими группами, а теперь дело приходится иметь, по существу, с бандитской, террористической армией, оснащенной самым современным вооружением и техникой.

В нынешнюю, так называемую, вторую чеченскую войну командование использовало «Альфу» более разумно и профессионально. Уже не вынашивались фантастические планы штурма силами группы президентского дворца, как зимой 1994 года. И не только потому, что уже не существовало дудаевского дворца. Были и другие причины. Наконец возобладал разум, опыт, осознание роли этого спецподразделения в широкомасштабной антитеррористической военной кампании.

Мне кажется, здесь можно выделить главную задачу, которая ставилась перед командирами и бойцами группы «А». Не хочу сказать, что не было других, если можно так выразиться, традиционных охрана государственных деятелей, захват лидеров бандитских формирований. И все-таки на первом месте оказалась снайперская война. Так распорядилась жизнь. Как сказал мне один из офицеров «Альфы», «эта война показала, сколь эффективно воздействует на противника такое средство, как снайпер. Это средство и сильнейшего психологического подавления врага, и его умелого уничтожения».

Что ж, с этим нельзя не согласиться.

У каждой войны - свои законы. Есть общие, незыблемые, со времен создания огнестрельного оружия. Но есть и те, что рождены только на этой, второй чеченской войне. Один из них -

возвышение роли спецназа, а внутри спецназа - роли снайпера.

Справедливости ради надо отметить, что в бою у снайпера всегда была особая роль. Наверное, ни одна из воинских профессий не вызывает столько споров, не наделена такими эпитетами, как снайперская. Снайперов нежно любят свои и люто ненавидят враги, ими восхищаются, их боятся. Чеченские бандиты никогда не оставляют в живых захваченных снайперов. Они не просто их убивают, им выкалывают глаза.

«Снайпер - это овод большой войны, - говорил американский генерал Георг О. Ван Орден. - Он должен жалить врага… Он должен безжалостно бить по нервам врагов всех званий: выстрелы винтовок его и ему подобных должны создавать опасность и вызывать у врага страх больший, чем визг артиллерийских снарядов и град взрывов от минометов. Их пули должны прилетать ниоткуда».

Не всякому, у кого в руках снайперская винтовка, дано стать «оводом большой войны». Исследования показывают: не каждый солдат, даже в пылу боя, способен убивать. Но солдат если и видит смерть врага, то на дальнем расстоянии. Снайпер же видит лицо своих жертв близко, воочию. В свой прицел он наблюдает, как те умирают. А это всегда психологически тяжело.

«Когда ты смотришь через прицел винтовки, первое, что ты видишь, это глаза, - говорил капитан спецназа морской пехоты США Джеймс Лэнд, снайпер-инструктор, воевавший во Вьетнаме. - Есть большая разница между стрельбой по тени, стрельбой по контуру, стрельбой по массе и стрельбой по паре глаз. Первое, что выбивает из седла, это глаза. Многие не могут действовать в этот моменты. Здесь необходимо особого рода мужество».

Один из сталинградских снайперов-асов Александр Колентьев считал, что «путь к меткому выстрелу - это маленькая тропинка, проложенная по краю обрывистого берега бездонной пропасти. Выходя на дуэль, каждый снайпер волнуется, как будто одной ногой встает на острие камня.

Чтобы выстоять над обрывом на остром камне, нужны, безусловно, смелость, тренировка, спокойствие и хладнокровие. Победителем из поединка выходит тот, кто сумел первым побороть сам себя».

Побороть себя… Действительно, это едва ли не самое важное. Снайпер это охотник. Чтобы не выдать себя, не вспугнуть врага, он должен терпеть порой немыслимые для обычного солдата муки.

Есть примеры, когда снайперы сутками лежали в снегу, на морозе, в дождь, непогоду, в зной, испражняясь в свои штаны, чтобы не пошевелиться и произвести один точный выстрел. Ведь

основное правило снайперов: один выстрел - один труп.

О снайперах всегда вспоминали во время войны и старались забыть после ее окончания. Так было и после Второй мировой. Вспомните Героев Советского Союза Людмилу Павличенко, Василия Зайцева, Алию Молдагулову, Татьяну Бармазину и других мастеров снайперского огня. Кто помнит о них? Опыт их был утерян в «мирных десятилетиях» 60-70-х годов.

Я пришел служить солдатом в армию в начале 70-х. На роту - одна снайперская винтовка. Подчеркиваю: не снайпер, а винтовка, которую вручали, как считалось, самому меткому стрелку. Какой-то особой подготовки у снайпера не было. Выезжал на огневую не чаще нас, автоматчиков. На рубеж выходил, как и все, только с СВД, а на с АК.

Иное отношение к снайперам было в «Альфе». Жизнь заставляла держать наготове таких специалистов - и как наблюдателей в ходе операции по освобождению заложников, и как стрелков.

Первая чеченская война, террористический акт в Буденновске лишь подтвердили: подготовка снайперов важнейшая, первоочередная задача спецподразделения.

… И вот нападение на Дагестан банд Басаева и Хаттаба, вторая чеченская.

Из служебного отчета группы «А»:

«На основании приказа начальника Центра специального назначения ФСБ России 10 февраля 2000 года в Чеченскую Республику убыли сотрудники отдела подразделения во главе с подполковником В.

8.20. Выезд в аэропорт Чкаловский.

11.00. Вылет самолета из аэропорта.

25 февраля 2000 года.

Группа под руководством подполковника В. убыла в район Дуба-Юрт. Вторая группа под командованием полковника О. выехала в г. Грозный в распоряжение коменданта Заводского района для проведения специальных мероприятий.

По оперативной информации, в ночь с 22 на 23 февраля на комендатуру и временное РУВД Заводского района было совершено нападение 30 боевиков из банды Арби Бараева. При этом использовались многочисленные подземные коммуникации, ведущие из промышленной зоны к комендатуре.

По прибытии на место группа управления подразделения «А» провела дневную рекогносцировку и определила слабые стороны охраняемого объекта и возможные позиции снайперов противника».

Запомним эти слова. «Альфовцы» определили позиции

снайперов врага.

А теперь слово снайперу группы Ивану Ч.:

«Снайперская война, на мой взгляд, самый профессиональный элемент ведения боевых действий. Особенно в горах и в городе. Она включает в себя - систему наблюдения, радиолокационного контроля и огневого воздействия.

По опыту работы в Чечне могу с уверенностью сказать: наши снайперы самые лучшие. Поверьте, я знаю, что говорю…»

Из служебного отчета группы «А»:

«В 1.12 минут 26 февраля 2000 года снайперами капитаном Г. и младшим лейтенантом В. была обнаружена снайперская пара, которая вела огонь по комендатуре.

Огонь велся с мачты освещения стадиона имени С. Кирова.

Снайперская позиция была уничтожена».

И таких записей в служебных отчетах подразделения немало. Нет сомнения? «Альфа» знает свое дело. Ее снайперы - это снайперы XXI века.

И это не мое мнение. Когда я спросил в подразделении у тех, кто был снайпером 5-10 лет назад, чем нынешние коллеги отличаются от них, мне ответили: опытом, а значит, профессионализмом. Действительно, снайперы группы «А» сегодня проводят в командировках по полгода, в среднем по 140-160 дней. Их командировки не на учения, а на войну. Некоторые бойцы удостоены орденов, есть снайпер, который награжден дважды только за эту антитеррористическую операцию. А как известно, подразделение «А» никогда наградами не баловали.

В связи с этим вспоминается запомнившийся телевизионный сюжет. Бравого собровца, у которого на груди три ордена, спрашивают: за что награды?

Первый - за Буденновск, второй - за Первомайское, третий за спецоперацию в Чечне, следует ответ. Что ж, нисколько не умаляя заслуг СОБРов, тем не менее надо подчеркнуть: в Буденновске до стен больницы дошли только бойцы группы «А». И никто не был награжден, только убитые да тяжелораненые.

Так, что два ордена снайпера «Альфы» говорят о многом.

Да, было время, когда снайперы группы завидовали своим товарищам, которые на тренировках штурмовали самолеты, автобусы, вагоны поездов. А теперь они гордость Центра специального назначения, лучшие из лучших.

Однако война есть война. На этой войне погибло трое офицеров один из группы «А» - снайпер Николай Щекочихин, двое из «Вымпела» - Валерий Александров и Михаил Серегин. Кстати говоря, Николай Щекочихин был в числе тех, кто весной 2002

года захватил террориста Салмана Радуева.

… Убить врага на поле боя не так-то просто. Статистика упрямая вещь она доказывает: во время Второй мировой войны англичане и американцы на каждого убитого немецкого солдата тратили 25 тысяч патронов, в корейскую войну эта цифра выросла до 50 тысяч, а во Вьетнаме солдаты США выпускали из своей «М-16S» уже 200 тысяч патронов.

Снайпер же обладает поистине смертоносным оружием. Ему не нужны тысячи патронов. Одиночный, точно направленный выстрел на поле боя и враг мертв. А лучший террорист, как известно, мертвый террорист. Эту истину проповедует большинство стран мира. Эту истину проповедует сегодня и Россия.

А снайперы «Альфы» лишь проводят ее в жизнь. Проводят неуклонно и уверенно. И я верю: у них не дрогнет рука.

СЛОВО О ПАВШИХ

А теперь, в заключение, слово о павших на чеченской войне. Их мы не должны забывать. Да и не забывают их в «Альфе». Может быть, впервые за последние десятилетия создана единственная в своем роде система, которая умеет эффективно и действенно поддерживать семьи павших.

Ведь, что греха таить, ни в советские времена, ни тем более теперь государство не очень-то заботилось о женах, детях погибших военнослужащих. Более чем скромная пенсия за потерю кормильца, кое-какие льготы, и живите как знаете.

В «Альфе» все обстоит иначе. Не забывают о семьях погибших в подразделении, их поддерживают ветеранские организации. И что очень важно - не на словах, а на деле.

Примеров таких достаточно. Так уж вышло, что первый погибший на второй чеченской в группе «А» - Николай Щекочихин. Высокий, широкоплечий, настоящий богатырь, Николай был одним из лучших снайперов подразделения.

После его гибели родители Николая жили в Смоленске. Им помогли перебраться поближе к Москве, в Балашиху. Они получили квартиру. Там же на местном кладбище похоронен и Николай.

Жена Щекочихина, Люба, с дочерью тоже получили квартиру в Москве.

Разумеется, любимого мужа, отца не вернешь, но такая забота радует.

Николай Щекочихин пришел в подразделение из Московского общевойскового училища молодым лейтенантом. Увлекся снайперской подготовкой, неоднократно выезжал в командировки в Чечню.

Он принимал участие в операции по захвату Радуева, получил награду из рук Президента России. Мне рассказывал один из руководителей группы «А», что в тот день, после награждения, Николай Щекочихин торопился. Это был его последний день в Москве перед поездкой в Чечню. Хотел немного побыть с женой, с маленькой дочкой. Его отпустили, он уехал…

В той командировке их погибло трое: из «Вымпела» Валерий Александров и Михаил Серегин, из «Альфы» - он, Николай Щекочихин. Это были первые потери Центра специального назначения ФСБ.

А почти через год, в 2002-м, произошла новая трагедия.

Поздним февральским вечером у селения Старые Атаги в бандитскую засаду попала оперативная группа сотрудников ФСБ.

Их было четверо. Тела двоих - майора Александра Ступникова и капитана Сергея Каргатова нашли днем, рядом со сгоревшими «Жигулями». Как выяснилось позже, всю ночь бандиты пытали офицеров, выкололи им глаза. Но так ничего и не добившись, утром расстреляли их.

Двух других офицеров найти не удалось. Кто-то решил: попали в плен. Сегодня трудно установить, кому пришла в голову эта бредовая мысль, но факт остается фактом. На первый взгляд ничего особенного война есть война. А на войне бывает всякое: и убивают, и в плен берут.

Но тут особый случай. Пропавшими офицерами оказались бойцы группы «А» Михаил Марченко и Борис Курдибанский. А как известно, в подразделении «Альфа» были и убитые, и раненые, но пленных не было никогда.

Потом, позже, их боевые товарищи восстановят по крупицам картину трагического дня.

… Недели за две до того, как у Старых Атагов появилась опергруппа ФСБ, там осели бандиты потрепанного в боях отряда «бригадного генерала» Хизира Хачукаева. Они наводили в округе свои порядки. Сделали набег через реку Аргун в Новые Атаги, расстреляли в собственном доме директора совхоза «Предгорный» Джанбекову.

Бандиты внимательно отслеживали всех, кто заезжал в село. Не верили никому. Садились на хвост любой автомашине, вели ее до конца, выясняя потом, кто этот человек, что хотел, зачем приезжал? Словом, беспокоились за свою безопасность. И неспроста. После убийства Джанбековой штаб по проведению контртеррористической операции стал готовить очередную «зачистку» села.

У оперативников были свои задачи. Группа выехала в село. Поначалу ничто не предвещало беды. Они проехали все село, кое-что отсняли на видеокамеру, а когда возвращались, попали в засаду. Их «жигуленок» блокировали тремя машинами.

Михаил Марченко и Борис Курдибанский - хорошо подготовленные бойцы. Несмотря на неожиданное блокирование и два десятка вооруженных бандитов, которые окружили их, они успели выскочить из автомобиля и приняли бой.

Борис погиб у машины, а Михаил успел добежать до калитки ближайшего дома. Еще бы минута-другая, и он бы оказался в доме, под прикрытием стен. Там легче вести бой даже со значительно превосходящим врагом. Но пуля сразила бойца.

Бандиты погрузили тела офицеров в машину и увезли. Оперативники были захвачены в плен и подверглись страшным пыткам.

Кто же они, Михаил Марченко и Борис Курдибанский, которые не сдались врагу и геройски погибли в бою с бандитами?

Оба пришли в группу в начале 90-х годов. Борис окончил академию ФСБ, Михаил - Рязанское воздушно-десантное училище.

Курдибанский на поездку в эту командировку не планировался. Более того, он уже оформил документы и собирался уйти в отпуск. Но служба потребовала другого, и вместо спокойного отдыха Борис уехал на войну.

Он был высокопрофессиональным сапером-подрывником и в этот раз оказался крайне необходимым.

Михаил Марченко рос без отца, с мамой. Его товарищи говорят, что в нем было много человеческого тепла, отзывчивости. Словно «Скорая помощь» для окружающих его людей. Он не мог никому отказать в помощи.

Еще в юности, школьником, он совершил подвиг, спас от гибели маленькую девочку.

Михаил постоянно помогал матери, нежно заботился о ней, о своей семье.

Вот такими парнями были они - бойцы группы «А», павшие на войне, - Николай Щекочихин, Михаил Марченко, Борис Курдибанский.

… В старом здании, в котором располагалось подразделение «А», был уголок памяти. Пройдя дежурного и поднявшись по лестнице, вы в упор встречались взглядом с двумя бойцами - Геннадием Зудиным и Дмитрием Волковым. Молча смотрели они с черно-белых портретов из своего декабрьского афганского далека 1979 года. Они погибли, штурмуя дворец Амина в Афганистане.

Почти двенадцать лет находились они вдвоем. Но в 1991-м в Вильнюсе погиб молодой лейтенант Виктор Шатских. Их стало трое. Потом четверо, пятеро… Сегодня в этом скорбном списке 14 человек. Такова цена войны с терроризмом.

Однако другого пути у нас нет.

«ВЫ СПАСЛИ ЧЕСТЬ РОССИИ…»

«Сегодня рано утром проведена операция по освобождению заложников. Удалось сделать почти невозможное - спасти жизни сотен, сотен людей. Мы доказали, что Россию нельзя поставить на колени».

Обращение Президента
Российской Федерации В. В. Путина
26 октября 2002 года.

О террористическом акте по захвату Театрального центра на Дубровке в Москве написано, показано по TV необычайно много. Наверное, и об «Альфе» впервые сказано столько добрых слов. Именно поэтому мне не хочется вплетать еще один голос в эту буйную разноголосицу. Что, собственно, он добавит?

А вот сами участники событий - это другое дело. Лучше них вряд ли кто расскажет. Поэтому хронику событий «Норд-оста» я и попросил прокомментировать сотрудников группы «А», моих старых, добрых знакомых, назовем их Сергеем В. и Игорем Е.

Хроника событий
23 октября

21.05-21.15: Бывшее здание ДК шарикоподшипникового завода в Москве на улице Мельникова, 7, захвачено неизвестными боевиками во время показа мюзикла «Норд-ост». Террористы представились «бойцами 29-й дивизии Мовсара Бараева». В здании находится более 700 человек. Боевики-смертники через заложников передают предупреждение - расстреливать по 10 человек за каждого убитого боевика. Количество террористов первоначально оценивается в 15-30 человек. Они минируют здание.

Сергей В.:

- «Норд-ост» для меня начался, видимо, как и для большинства российских людей, - приехал со службы, погулял с собакой и включил телевизор. Не помню, какой канал сообщает неизвестными вооруженными людьми захвачен Театральный центр на Дубровке.

Смотрю, и возникает чувство чего-то фантастического, нереального. Москва, сердце России, и вдруг захвачен театр. Как это может быть?

По большому счету, это не первая подобная ситуация в моей жизни. Был Буденновск, Первомайское, подрывы домов в Москве. Но взорванные дома - это устрашение, а здесь театр.

Вообще, откровенно говоря, даже для профессионала многое в первые минуты было неясно.

Позвонил дежурному, он мне - боевая тревога. В подразделении собрались быстро. Дежурный отдел к тому времени уже загрузил боекомплект.

У нас по тревоге приезжают все. И те, кто в отпусках, и те, кто на больничном. «Слетаются», а потом разбираемся, кто нужен в данный момент, кто не нужен. Такова традиция.

В общем, собрались мобильно, выехали. Мне с резервом пришлось остаться на базе. Сюда стекалось много информации, так что есть возможность сопоставить ее сегодня.

Игорь Е.:

- Я как раз накануне возвратился из командировки из Чечни. Приболел, что-то давление подскочило, бессонница. В общем, дома вечером выпил снотворное, включил телевизор. И тут новости… Бах! Захвачен Театральный центр на Дубровке.

Набираю телефон дежурного. Все ясно. Одеваюсь, прыгаю в машину. Лечу в подразделение. А там уже наши суетятся, собираются.

В общем, выскочили, загрузились, поехали. Приезжаем на Дубровку - там уже милиция, пожарные, солдаты бегают. Ничего не понять. Кто командует, кто руководит?

Прибегает генерал, командует кому-то - убрать машину. Ему в ответ: «А мы вам не подчиняемся, не уберем».

Но у нас свои задачи. Развернулись - и вперед на Калужскую площадь, к кинотеатру «Меридиан». Это помещение - практически аналог Театрального центра «Норд-ост» по своей планировке. Словом, один и тот же проект.

С нами был главный инженер «Меридиана». Стали «отрабатывать» здание - что, где находится, входы, выходы, чердаки, подвалы… Как в сравнении с Театральным центром.

Все было одинаково, похоже, разве что вход немного другой. Теперь предстояло освоить все эти многочисленные помещения, вжиться в них, запомнить каждый закоулок. Ибо при штурме некогда знакомиться с расположением комнат. Все должно быть доведено до автоматизма.

Хроника событий

24 октября

00.10: Из здания раздалась стрельба - огонь велся в сторону сотрудников милиции. По непроверенной информации, террористы выпустили несколько заложников. Одна из актрис мюзикла, Мария Шорстова, сбежала из здания. Люди, собравшиеся у ДК, требуют уничтожить террористов. В созданном оперативном штабе находятся помощник Президента России Сергей Ястржембский и начальник ГУВД Москвы Владимир Пронин. Глава представительства Чечни в Москве Адлан

Магомадов заявил, что готов стать заложником или идти на штурм здания вместе с бойцами «Альфы». К переговорам подключается депутат от Чечни Асланбек Аслаханов.

00.13: Освобождена девочка-заложница. Поступает подтверждение, что в захваченном здании есть граждане Великобритании и Германии. Сотрудники психологической службы работают с детьми, отпущенными из здания.

00.15: Боевики отпустили 15 детей.

00.19: Часть заложников из числа актеров и обслуживающего персонала сумела освободиться, спустившись из окон 3-го этажа при помощи подручных средств. Сергей Ястржембский проводит экстренное совещание в оперативном штабе - здании больницы, расположенной напротив ДК. Милиция создает зону безопасности у здания ДК.

Сергей В.:

- Как только начались комментарии некоторых телевизионных каналов, многое стало ясно: «бомба» закладывалась под президента страны.

А положение у него было крайне трудное.

Позже мы получили информацию, да и, судя по вещественным доказательствам, террористы особо-то и не собирались заложников выпускать. Их задача была подорвать здание. Представьте, в каком положении при подобном финале оказался бы президент.

Теперь по поводу штурма. Как человек, который занимается борьбой с терроризмом долгие годы, могу сказать: штурмовать нельзя. Достаточно соединить клеммы (а это можно сделать при первой же опасности), и под обломками центра будут погребены и заложники, и штурмующие.

Но еще не значит, что там был бы погребен Бараев со своей бандой. Эти шахиды совсем не собирались умирать. При них ведь нашли билеты на обратный путь. Вот так-то.

Хроника событий

00.25: Боевики в ДК скандируют «Аллах акбар» и выкрикивают лозунги. Как сообщила бывшая заложница Алевтина С., боевики фильтруют мужчин и женщин-заложников, бьют прикладами, в проходах зрительного зала видна кровь.

00.30: Один из заложников - музыкант оркестра подтвердил предупреждения боевиков о возможном расстреле заложников. Ждут заявления Президента России. В ДК работают телевизоры боевики отслеживают сообщения СМИ. Заложникам позволено посещать туалеты под охраной. Некоторых боевики обвязывают взрывчаткой.

00.40: Террористы продолжают минировать здание. По

мнению экспертов, акция в Москве готовилась долгое время, на нее затрачены огромные деньги.

Игорь Е.:

- Откровенно говоря, в эту ночь мысли были мрачные: огромное количество заложников, много террористов.

Постоянно искали варианты, думали, думали… Решили попробовать влететь с ходу, быстро. Не проходит. Могла начаться паника в зале. Значит, применить оружие не удастся. Ввести в дело снайперов?… Не получается.

Информация у нас, конечно, была. Вот, к примеру, выпустили заложников. С ними работает наша специальная группа.

Хорошую информацию давали дети. Если взрослые находились в шоке, некоторые из них вообще мало что помнили, то дети более наблюдательные.

Один мальчик из заложников, судя по всему, увлекался оружием. Так он рассказал очень профессионально, какие пистолеты, автоматы у террористов, какая взрывчатка.

Так что информация была. Но как ее использовать? От нас, от спецов, ждали реальных предложений: как освободить заложников и уничтожить террористов? Но решения не было. Его не было не только у нас, боюсь, что его вообще не существовало. Тем более в эти первые сутки.

Сергей В.:

- Вариант с газом возник потом, позже. Первоначально отрабатывался, так сказать, лобовой штурм. Мы понимали, он неприемлем. Но другого варианта просто не было.

Да, у нас есть хорошие, эффективные спецсредства. Но они не распыляются мгновенно, да и зал там огромен. Можно было забросать зал слезоточивыми гранатами, но ведь до зала надо дойти…

Хотя мы всегда отрабатываем задачу по штурму даже в труднейших условиях. Это, что называется, самый форс-мажорный вариант. А вдруг террористы начнут расстреливать заложников. Придется штурмовать в любых условиях.

В общем, ситуация сложилась критическая. Но вариант ее разрешения надо было найти. Иного не дано. В лапах террористов томились сотни людей.

Хроника событий

01.02 - 01.03: Установлена связь с одним из заложников. «Идет минирование бельэтажа и зрительских рядов, отношение к заложникам нормальное». Пять артистов «Норд-оста», в том числе бард Алексей Иващенко, сбежали из гримерки на 3-м этаже, спустившись на подручных средствах. В здании ДК слышна стрельба. Террористы занервничали. Заложники передают слова

Бараева: «Мы из Чечни приехали. Это вам не шутки. У нас идет война».

01.13: У ДК раздались 7 выстрелов. В соседних зданиях выключено освещение. Террористы закладывают взрывчатку в нише одной из несущих стен Дома культуры. Заявление директора ФСБ Николая Патрушева. Спецсилы ФСБ, МВД и Минобороны приведены в полную боевую готовность. Штаб возглавляет один из заместителей директора ФСБ.

01.17: Одна из освобожденных заложниц заявляет, что 14 чеченок-смертниц обвешаны взрывчаткой.

01.20: Обращение к журналистам спикера верхней палаты парламента России Сергея Миронова. Лейтмотив выступления: «Не навреди!»

Игорь Е.:

- Миронов верно сказал, не навреди. А ведь вредили журналисты, ох как вредили. Обидно то, что главное для них - сенсация, а что будет потом, не важно.

Лепят что угодно. Как про газ узнали? Через телевидение. А зачем Цекало в эфир было пускать? Приведу пример. Начало штурма, первая заложница, я забираю ее и разворачиваюсь лицом. Потом бегу за второй, вытаскиваю. И все это крупным планом показывает TV. Меня консьержка в доме поздравляет, соседи радуются, увидели по телевизору. Это совсем не та реклама, которая нужна сотруднику спецподразделения по борьбе с терроризмом.

Сергей В.:

- Средства массовой информации очень мешали. Журналисты провоцировали своими действиями, давали взятки сотрудникам милиции из оцепления. Нередко террористы телевизионные объективы принимали за снайперские винтовки.

В общем, в этом деле была полная вакханалия, показывали что надо и не надо: вот «Альфа» приехала… Ведь мы знаем, Бараев сам говорил, что о приезде «Альфы» он узнал из телевидения, и хвастливо заявил: мол, устроим «Альфе» бой.

Думаю, что поведение некоторых СМИ в те дни на Дубровке не демократия, а предательство национальных интересов России.

Хроника событий

02.06: Освобождены еще два заложника. У здания ДК находится Генпрокурор России Владимир Устинов. Иностранным СМИ дает комментарии «ичкерийский Геббельс» - Удугов, заявивший, что акция в Москве - ответ на убийство полевого командира Бараева летом прошлого года.

03.17: МИД Великобритании подтверждает, что среди заложников трое британцев. Депутат Аслаханов не прерывает

попыток вести переговоры с лидерами террористов.

03.19: На крышах близлежащих домов размещены снайперы. Боевики выпустили 17 детей.

06.00: Выстрелы из здания ДК. Террористы ведут огонь по милиционерам на улице Мельникова. Один из сотрудников получает ранение.

07.00: Стало известно, что освобождено около 190 человек, в том числе 34 ребенка. В ДК периодически звучат выстрелы. Людей согнали в центр зрительного зала, идет перепись заложников. Террористов интересуют иностранцы, которых отделяют от россиян. Главари акции отдыхают. Боевики устраивают в оркестровой яме нужник и водят туда людей. За малейшую провинность мужчины-заложники избиваются.

Сергей В.:

- Через два дня, когда наших ребят принимал Президент России, на этой встрече очень хорошо сказал мэр Москвы Юрий Лужков: «Это был момент истины для президента, это был момент истины для меня. Это был момент истины и для вас. Все выстояли. Спасибо вам. Вы спасли честь России».

Считаю, очень верные слова.

Однако хотелось бы сказать еще об одной стороне тех трагических событий на Дубровке. Эта сторона как раз таки осталась в тени, ее не заметили даже самые шустрые журналисты.

Я говорю о поведении заложников. Они вели себя по-разному. Но были среди них те, без помощи которых нам было бы очень трудно. Один из них Павел Юрьевич Платонов. Ему 33 года, отслужил в пограничных войсках. Кстати говоря, это мы позже узнали, что он много слышал об «Альфе», мечтал познакомиться с нашими ребятами. Так вот, как он повел себя.

Вы помните, что террористы отобрали мобильные телефоны. Он не сдал свою трубку и все время информировал штаб о том, что происходило в зале. Рассказывал о террористах, о взрывных устройствах, о схеме расстановки их в зале. Нетрудно догадаться, как он рисковал. Узнай об этом бандиты, Павла тут же расстреляли бы.

Могу сказать, что информация Павла легла в основу деятельности «Альфы» во время штурма. Но сам Павел погиб. Я специально употребляю этот термин, он действительно не умер, а погиб в борьбе с террористами.

Хроника событий

15.10: В здании ДК остается около 20 детей. У одного из заложников начался приступ перитонита. Стало известно, что террористами управляют извне. По данным ФСБ, боевики готовы расстреливать по 10 заложников. Среди заложников находится

ученый из Австралии.

16.35: По словам депутата Думы Валерия Драганова, условия содержания заложников тяжелые, запасы буфета себя исчерпали. Террористам предлагают 700 горячих пайков, но они отказываются. Бараев и его боевики заметно нервничают. По данным оперативного штаба, террористы лихорадочно пытаются связаться с сообщниками в Чечне, Турции, Объединенных Арабских Эмиратах.

18.20: Зафиксировано три сильных взрыва у здания ДК. Рядом с оцеплением правоохранительные органы задержали подозрительного человека. Двум заложницам - 18-летним Светлане Кононовой и Елене Филипповой удалось сбежать из здания. Боевики открыли по ним огонь из гранатометов. Ранен один из сотрудников спецназа, прикрывавший побег заложниц.

Сергей В.:

- Этим раненым сотрудником спецназа оказался боец группы «А» Константин Ж.

Когда женщины выпрыгнули на козырек здания, одна из них сломала ногу, и вот наши бойцы бросились их вытаскивать. Террористы открыли огонь.

Константин находился невдалеке, метрах в тридцати, за мусорным баком. Он мог без проблем снять одного из бандитов, который стрелял в бежавших, но тогда террористы могли начать расстреливать заложников.

И боец группы «А» принял единственно верное решение. Он открылся и тем самым вызвал огонь на себя. Террорист, увидев его с оружием, начал вести прицельную стрельбу. Одна из пуль ранила Константина. Рискуя жизнью, он спас заложниц от гибели.

Ошибается тот, кто говорит, что победа нам далась легко. Мол, все сделал газ, а группы «А» и «В» только вошли и сделали контрольные выстрелы.

Да, действительно, газ пускали другие службы, но мы обеспечивали безопасность этого мероприятия. И это было сопряжено с большим риском.

Боец «Альфы» Сергей Д. находился на своей позиции около 10 часов. Ни подняться, ни тем более уйти он не мог. Террористы почти ходили по нему. Но Сергей выполнил свою задачу.

Хроника событий

19.10: Представители оперативного штаба подтверждают контакты с террористами по телефону. Боевики требуют организации перед зданием ДК пикетов в поддержку «независимости Ичкерии».

19.40: Заявление представителя оперативного штаба около 700 заложников находятся в ДК, из них 70 иностранцев. Один

заложник убит.

25 сентября

05.40: Освобожден один заложник.

06.40: Из здания ДК вышли еще 6 заложников.

07.40: В беседе с журналистами НТВ Мовсар Бараев подтвердил, что действует по приказу Басаева и Масхадова. Захват заложников готовился очень долго. Боевики не раз приходили в ДК на представление мюзикла «Норд-ост».

10.40: По словам врача Леонида Рошаля, в захваченном ДК находится от 15 до 20 детей. Трое из них больны. «У одного эпилепсия, у одного - тяжелый бронхит, у одного - пневмония».

17.25: Информация из ДК - террористы угрожают расстрелять заложника в 6 часов утра 26 октября, если не будут выполнены их требования о выводе войск из Чечни.

Сергей В.:

- Нельзя было рисковать. Ведь вскоре все стало ясно: никакие переговоры им не нужны. То первоначально не выдвигалось никаких требований, потом бормотали что-то невнятное, потом вызовите тех, пригласите этих.

Когда наши ребята готовились к штурму, они понимали, куда идут. Они же профессионалы. Но никто из них не дрогнул, и после «Норд-оста» в подразделении никто не написал рапорта об уходе. Все на месте. Это наша работа.

Я пришел в группу в 1980 году. Вся жизнь, по сути, прошла здесь. За эти годы терроризм изменялся стремительно. Раньше пистолет у террориста - это такая редкость, считайте, уникальный случай. А теперь чего у них только нет - взрывные устройства, гранатометы, автоматы, гранаты, современные средства связи.

В «Норд-осте» мины и взрывные устройства, которые показывали по всем каналам телевидения, запросто обрушили бы конструкцию.

Так что штурмовать было нельзя. Но и не штурмовать тоже.

Хроника событий

19.15: На встрече с лидерами думских фракций Владимир Путин заявил, что необходимо «отставить в сторону всякого рода политические заявления и дебаты» в связи с захватом заложников в Москве. «Они неуместны и вредны, особенно когда речь идет о страданиях сотен невинных людей, - подчеркнул глава государства. Ситуация очень тяжелая, поэтому хотел бы сразу внести ясность - в здании на улице Мельникова мы имеем дело с крайне трудной, но абсолютно понятной ситуацией захватом заложников, - заявил Владимир Путин. - Самое правильное - провести разговор о совместных и согласованных подходах к решению единственной задачи». Эта задача одна «сохранение

жизни людей, которые продолжают находиться в здании театра».

19.55: Как сообщил Сергей Говорухин, боевики, отвергая переговоры, угрожают начать расстрелы уже 25 октября. Террористы грозят расстреливать и переговорщиков, в том числе из числа журналистов.

22.40: Как сообщил представитель оперативного штаба Александр Мачевский, последними переговоры с террористами вели Аушев и Примаков. 25 октября были освобождены 19 человек. Владимир Путин встретился с Юрием Лужковым и Евгением Примаковым.

26 октября

00.15: Кольцо блокады здания ДК усилено подразделениями милиции и спецназа.

03.08: В здании ДК произошел сильный взрыв.

03.25: Из Театрального центра вынесли двух человек. Раненых увезли на «Скорой помощи».

05.15 - 05.45: В здании слышна стрельба. Часть заложников пытается сбежать от боевиков. Оперативный штаб дает сигнал о начале штурма.

Сергей В.:

- У нас было 12 оперативно-боевых групп. У каждой группы свое направление.

Подали газ. Его уникальность в том, что человек 2-3 раза вдохнул и уже находится словно под наркозом. Отключается мыслительная деятельность, он находится в заторможенном состоянии.

Как только кондиционеры заработали и был небольшой выброс конденсата, террористы это почувствовали, закричали: «Газ… газ», и начали все подступы к зданию обстреливать и забрасывать гранатами.

Начался шум, стрельба, беготня. Они считали, что сейчас пойдут спецподразделения. Но потом видят, все спокойно, тихо, и у Бараева с подельниками возникла идея, пойти и посмотреть запись видеокамеры Театрального центра. Они решили устроить просмотр фильма о том, как они доблестно захватили «Норд-ост». И как только террористы вышли из зала, тут и прозвучала команда на штурм.

Игорь Е.:

- В ночь накануне штурма шла обычная рутинная работа переговоры, переговоры. Подвезли противогазы. Стали с ними разбираться.

Одна группа ушла. У нее своя задача. У нас вообще не принято друг с другом делиться, да и времени не было на долгие беседы. Они экипировались и ушли.

И вскоре все быстро завертелось. Я должен был выдвинуться на угол здания и находиться в резерве.

Вдруг стрельба, взрывы гранат. У меня радиостанция, слышу команды. Ребята уже пошли.

В это время я на «Скорой» для прикрытия выехал на площадку перед Театральным центром. Свет погасил.

Вот тут пошла первая заложница. Она заметалась, потерянная. Схватил, посадил в машину. Смотрю - в холле еще одна заложница, бежит и падает. Бегу, хватаю ее, выношу.

Глядь, девушка тащит парня, а он совсем плохой. Забрал в «Скорую» и их.

Потом пытаюсь по левому крылу пройти на запад, со второго этажа летят гранаты.

Словом, ушли вправо, зачистили раздевалку, освободили мужика, который там прятался. Сначала думали террорист, оказался заложник.

Когда я вбежал в зал, первое - это шок. Думаю, вот это мы наколбасили. Впечатление, что тела все бездыханные лежат, ни движения, ни крика. Такое ощущение, что все мертвые.

А тут еще кровь на ступенях лестницы, чавкающая, прилипающая к обуви.

Бросились выносить заложников. Первых выносили как трупы, были уверены, что они мертвые. Командир говорит: «Они же живые…» Пытаемся нащупать пульс, дыхания нет. Кто теплый, кто уже холодный.

А «Скорые» были блокированы «КамАЗами». Стояли «КамАЗы» с песком, сзади автобусы, водителей нет. Подогнали БТР, хотели оттолкнуть «КамАЗ», но он груженый, тяжелый, ничего не получается.

Ощущение полной нереальности. Бежишь, хватаешь, выносишь. А газ всасывается, сознание концентрировать все труднее и труднее.

Меня хватило на час с небольшим. Чувствую, худо. Отвели меня в штаб. Прибежал какой-то мужик, вколол укол. Влил в себя стаканов шесть-семь воды. Посидел, очухался слегка, опять пошел.

Потом говорили, что много погибло людей. Много. Но мы делали все, что могли. Я помню, вынес парня, у него жвачка во рту, пытался вытащить, а он уже холодный.

Наш врач Антон вытащил троих. Пока откачивал парня с девчонкой, еще одна девчонка умерла. Что тут сделаешь?

Вообще, по всем подсчетам, эвакуация могла длиться более 15-20 часов, а мы за два часа всех вытащили, да еще из заминированного зала. Американцы и не пошли бы в такой зал,

пока мины не обезврежены.

Хроника событий

05.45: Информацию о штурме ДК сообщают российские телеканалы.

06.20: В Театральном центре гремят взрывы и идет интенсивная перестрелка.

06.45: Из ДК выбежали две заложницы. Группы спецназа второй волной входят в здание театрального центра.

06.55: У ДК концентрируются десятки машин «Скорой помощи», спасателей МЧС, пустые автобусы.

07.10: Спасатели и спецназовцы выводят и выносят на руках заложников из здания. Машинами «Скорой помощи» и автобусами пострадавших отправляют в московские больницы.

07.15: Как заявили в оперативном штабе, здание Театрального центра взято под полный контроль силами правопорядка. Главарь террористов Мовсар Бараев уничтожен, основная часть боевиков убита. В ДК проводится разминирование.

13.30: Оперативный штаб на Дубровке прекратил свою работу. Президент РФ Владимир Путин посетил НИИ имени Склифосовского, где общался с бывшими заложниками.

21.00: Президент России Владимир Путин выступил с обращением к гражданам России.

… Ушел в историю еще один страшный террористический акт. Ни в чем не повинный мюзикл «Норд-ост» теперь навсегда связан в нашей памяти с террористами, войной, страхом.

Кто-то уже забывает про ту трагедию. Кто-то будет помнить ее всю жизнь.

Группа специального назначения «Альфа» опять, в очередной раз, оказалась на крутом переломе истории.